

1 (44)

2019

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 1 (44)
2019**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Логвин В.Н., д.и.н., Сургутский госуниверситет; Миненко Н.А., д.и.н., Уральский госуниверситет;
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зимина О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция); Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США);
Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия); Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ЭЛ № ФС 77-71754 от 8 декабря 2017 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2019

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (44)
2019**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Logvin V.N., Doctor of History, Professor, University of Surgut
Minenko N.A., Doctor of History, Professor, Ural federal university
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Содержание

Археология

Селезнев А.Г. Конный лыжник бронзового века: еще раз о культурно-исторической интерпретации композиции наверхи ростовкинского ножа (к 90-летию В.И. Матющенко).....	5
Зиняков Н.М., Цембалюк С.И. Металлографическое исследование железных изделий городища Марай 1	15
Пискарева Я.Е., Сергушева Е.А., Дорофеева Н.А., Лящевская М.С., Шарый-оол М.О. Хозяйство раннесредневекового населения Приморья (по материалам мохэской археологической культуры).....	25
Татауров С.Ф. Освещение жилых, административных и храмовых комплексов в городе Таре в XVII–XIX вв.	37
Болтаев А.Х. Исследование С. Юренева в мечети Калян	45
Сериков Ю.Б. К вопросу о функциональном назначении так называемых гарпунов	54

Антропология

Куфтерин В.В., Дубова Н.А. Палеодемография Гонура: ревизия данных	64
Пестряков А.П., Григорьева О.М., Пеленицына Ю.В. Возрастная изменчивость метрических морфологических признаков головы в современной азербайджанской популяции	74

Этнология

Семенова В.И. Коллекция подков из собрания Музейного комплекса им. И.Я. Словцова	82
Чудова Т.И. Особенности производства глиняной посуды в культуре коми (зырян) в конце XIX — первой половине XX в.	89
Хаховская Л.Н. Взаимодействие людей и животных в чукотском оленеводстве новейшего времени (антропологический аспект).....	98
Истомин К.В., Хабек И.О. Почвы криолитозоны и традиционное природопользование коренного населения северо-востока европейской части России и Западной Сибири: постановка исследовательской проблемы.....	108
Темплинг В.Я. Традиционные ценности сибирских крестьян в контексте российской модернизации в XIX — начале XX в.	120
Авдашкин А.А. Эмиграционное движение уральских немцев в 1929–1930 гг. (опыт локального исследования)	129
Рочева А.Л., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области: образовательно-трудовые траектории.....	136
Агапов М.Г. «Командировка на Севера» как опыт коммунистас	146
Информация для авторов	154
Список сокращений	156

На передней стороне обложки: скульптурное изображение на наверхи ножа и нож из могильника у п. Ростовка Омской обл. (фото из книги: Ковтун И.В. Конь и лыжник: Труды Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Томск: ТГУ, 2012. Т. IV. 128 с.); формовка горшка жгутовым методом, д. Жигановка Княжпогостского р-на Республики Коми (фото Т.И. Чудовой, 1985 г.).

Contents

Archaeology

Seleznov A.G. A horse-skier of the Bronze Age: a reappraisal of the cultural and historical interpretation of the decorative finial on a dagger from Rostovka, Western Siberia (on the 90th anniversary of the birth of Vladimir I. Matyushchenko)	5
Zinyakov N.M., Tsembalyuk S.I. Metal forge products at the Maray 1 hillfort	15
Piskareva Ya.E., Sergusheva E.A., Dorofeeva N.A., Lyashchevskaya M.S., Sharyi-ool M.O. Economy of the Early Mediaeval population of Primorye (based on archaeological evidence for the Mohe culture).....	25
Tataurov S.F. Lighting of housing, administrative and temple complexes in the city of Tara, Omsk Oblast, Russia, in the 17–19th centuries	37
Boltaev A.Kh. Research carried out by S. Yurenev on the Mosque Kalyan, Bukhara, Uzbekistan	45
Serikov Yu.B. Concerning the functional purpose of so-called harpoons.....	54

Anthropology

Kufterin V.V., Dubova N.A. Palaeodemography of Gonur: a review	64
Pestryakov A.P., Grigorieva O.M., Pelenitsyna Y.V. Age variability in the measurements of morphological features of heads in the modern Azerbaijani population	74

Ethnology

Semyonova V.I. Collection of horseshoes in the holdings of Museum Complex named after I.Ya. Slovtsov	82
Chudova T.I. Features of production of clay ware dishes in Komi-Zyryan culture, North West Siberia from the end of the 19th to the first half of the 20th century	89
Khakhovskaya L.N. Interaction between humans and domestic deer on Chukotka in the modern period (anthropological study)	98
Istomin K.V., Habeck J.O. Soils of the cryolithozone and the traditional land use of the indigenous populations of North-Eastern European Russia and Western Siberia: research problem statement.....	108
Templing V.Ia. Traditional values of Siberian peasants within the framework of Russian modernisation in the 19th — early 20th century.....	120
Avdashkin A.A. Patterns of emigration among Ural Germans in 1929–1930 (based on local research)....	129
Rocheva A.L., Varshaver E.A., Ivanova N.S. Integration of second-generation migrants from Transcaucasia and Central Asia in the Tyumen region: educational trajectories and employment.....	136
Agapov M.G. «Assignment trips to the North» as an experience of «communitas»	146
Memo to the authors	154
Abbreviations	156

АРХЕОЛОГИЯ

А.Г. Селезнев

Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. Маркса, 15, Омск, 644024
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
просп. Мира, 55а, Омск, 644077
E-mail: seleznev@myttk.ru

КОННЫЙ ЛЫЖНИК БРОНЗОВОГО ВЕКА: ЕЩЕ РАЗ О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОМПОЗИЦИИ НАВЕРШИЯ РОСТОВКИНСКОГО НОЖА (К 90-ЛЕТИЮ В.И. МАТЮЩЕНКО)

Предложена культурно-историческая интерпретация композиции навершия бронзового ножа из могильника у п. Ростовка, представляющей собой скульптурное изображение коня и лыжника. Намечены две историографические линии в изучении данной композиции, сложившиеся за более чем полвека со времени раскопок. Первая по очередности формирования, условно названная «линией П.М. Кожина», трактует композицию как реальный культурный феномен — «скиджоринг» бронзового века, специфический способ передвижения, при котором лошадь буксирует лыжника. Вторая — «линия Я.А. Шера, И.В. Ковтуна» рассматривает изображение практически исключительно как иллюстрацию мифа и/или обряда и акцентирует внимание на поиске отраженных в ней смыслов. Подход, предложенный в статье, предполагает наличие прототипа в реальной культурной практике, послужившего основой мифотипического сюжета, воплощенного в композиции. По версии автора работы, формирование данного прототипа сопряжено с генезисом лесного культурного комплекса, объединявшего лесостепной, горно- и южно-таежный пояса Сибири и сохранявшего определенное единство на протяжении весьма длительного времени. Экономическую основу комплекса составляли присваивающие формы, оригинально сочетавшиеся с коневодством, призванным обеспечивать транспортные и пищевые потребности охотничьего хозяйства. Существенное место занимали металлургия и металлообработка, на ранней стадии — бронзолитейное, затем — железоделательное производство. Истоки данного комплекса уходят в эпоху бронзы, а его формирование связано с развитием культур коневодов и металлургов, ярко представленных, в частности, в рамках сейминско-турбинского транскультурного феномена. Ростовкинский мастер запечатлел момент интенсивного поиска нового средства передвижения, приспособленного для конкретных природно-климатических условий. Сцены конно-лыжных гонок выступили в качестве реального прототипа изобразительного сюжета. В работе приводятся данные по функционально и технологически схожим способам пеших и конных буксировок, косвенно подтверждающим выдвинутую концепцию.

Ключевые слова: *могильник Ростовка, конь и лыжник, сейминско-турбинский транскультурный феномен, лесной культурный комплекс, юг Сибири, пешие и конные буксировки.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-005-014

От Ростовки до Санкт-Морица, или Две линии в изучении композиции навершия ростовкинского ножа

Исследование могильника у п. Ростовка Омской области и полученные при этом результаты являются выдающимся достижением как в творческой биографии Владимира Ивановича Матющенко, так и в истории отечественной археологии в целом [Ковтун, 2012а, с. 5; Тихонов, 2014, с. 27–29]. Среди многочисленных ярких находок из раскопок памятника, безусловно, подлинным шедевром является бронзовый нож, рукоять которого венчает скульптурная группа, изображающая коня и лыжника. Нож обнаружен в могиле № 2, где был захоронен ребенок 9–10 лет. Кроме того в могиле находились ножевидная пластина, каменный скребок, сложный браслет или четки. Последний предмет состоял из нефритовых (бело-молочного и светло-зеленого цвета), азурит-малахитовых, бирюзовых, медных или бронзовых бус, а также бусин, выполненных из семян (плодов) какого-то растения, относящегося к голосеменным. Здесь же находились

медная фигурка птицы, кусок горного хрусталя, граненного на шесть граней, и другие вещи. Нож был найден в восточной половине могилы воткнутым глубоко в землю лезвием вниз под черепом захороненного ребенка.

Скульптурная группа навершия рукояти представлена фигурами лошади и лыжника с недоуздом в руках. Поза лошади статична, ноги изображены схематично, ни передняя, ни задняя пары не разделены при литье. Справа на морде виден недоуздок. Фигура лыжника, напротив, выполнена в динамике, кажется, он мчится на большой скорости. У него согнуты в коленях широко расставленные ноги, руки вытянуты вперед, в правой зажат недоуздок. Реалистично выполнены короткие, не больше половины человеческого роста лыжи-голицы с загнутыми носками [Ковтун, 2012а, с. 81–82; Матющенко, 1970, с. 103–105; Матющенко, Сеницына, 1988, с. 7–8, 78–79].

Уже более полувека вокруг находки не утихают споры. Помимо безоговорочной констатации высокого уровня технологии и художественного уровня вещи, исследователи предпринимали неоднократные попытки раскрыть значение изобразительного сюжета. Проблема оказалась трудной: некоторые авторы отмечали, что ростовкинское навершие следует рассматривать как скульптуру с неразгаданным пока потаенным смыслом [Бочкарев, 2002, с. 58].

В XXI в. интерес к ростовкинским скульптуре, пожалуй, даже усилился, что выразилось, в частности, в публикации монографии И.В. Ковтуна, специально посвященной семантике композиции навершия ножа из Ростовки. Целая книга об одном-единственном предмете — случай далеко не ординарный в археологии!

Работа И.В. Ковтуна на данный момент знаменует собой вершину в изучении композиции из Ростовки. Автор выполнил скрупулезный источниковедческий анализ как самого предмета, так и условий залегания, а также сопровождающего инвентаря, что позволило сделать ряд важных открытий. К таковым, например, можно отнести блестящую интерпретацию своеобразного убора хвоста («прически») и 12 насечек («прядей») на гриве коня; увечной диспропорции тела человека; особенностей его одежды (точнее, почти полного ее отсутствия) и т.п. [Ковтун, 2012а, 2014]. Ни одна из этих деталей ранее не привлекала внимание исследователей. В целом И.В. Ковтун интерпретирует композицию как сцену жертвоприношения коня, приуроченного к весеннему циклу. Аналогии этим обрядовым действиям он видит в индоарийской мифологии и ритуалах, сведения о которых извлекаются из классических ведийских литературных памятников. Ростовкинская композиция для исследователя является важным источником, подтверждающим индоарийскую принадлежность сейминско-турбинских сообществ [Ковтун, 2012с]. В развитие этой идеи автор привлекает широкие аналогии и создает соответствующие интерпретации. Например, основываясь на семантических особенностях композиции из Ростовки, строит свою версию происхождения Масленицы [Ковтун, 2012b].

В работе И.В. Ковтуна наиболее последовательно проводится *вторая* (по очередности появления) *историографическая линия* («линия Я.А. Шера¹ — И.В. Ковтуна») изучения ростовкинской композиции. В данном случае скульптура рассматривается практически исключительно как иллюстрация к мифу, или/и как запечатленный в бронзе обряд. Сторонники этой линии игнорируют сведения о наличии культурных феноменов (средств передвижения и перемещения грузов), соответствующих композиции навершия ножа из Ростовки. Альтернативная версия, предполагающая реальный специфический способ передвижения, олицетворенный в ростовкинской скульптуре («линия П.М. Кожина», см. далее), ими практически не берется во внимание.

В качестве иллюстрации последнего положения приведем стоящую несколько особняком интерпретацию П.Ф. Кузнецова [2002, с. 82–84]. Он полагает, что скульптура изображает не буксировку лыжника лошадью, а сцену охоты, в ходе которой человек набрасывает на лошадь петлю. Инструмент, обычно интерпретируемый как недоуздок, может являться особым приспособлением для набрасывания на шею животного. Предполагается, что это не одомашненная, а дикая лошадь, возможно ее конкретный представитель — лесной тарпан. Основания для сомнений в привычной версии заключаются в манере изображения, диссонансе напряженной динамичной позы человека, передающей резкое усилие, и статичной позы лошади. Именно так, по мысли автора, должен выглядеть кульминационный момент охоты на дикую лошадь. Дополнительным аргументом являются неудобство и опасность такого способа передвижения. Автору, по его признанию, неизвестны реальные аналогии ростовкинскому сюжету, в каком бы качестве

¹ Я.А. Шер о содержании ростовкинской композиции: «Возможно, здесь запечатлен эпизод из обряда жертвоприношения коня, первого по значимости (не считая человека) в иерархии жертвенных животных древних индоевропейцев. Не исключено, что и сами ножи были предназначены для заклания» [2006, с. 75].

он ни рассматривался — сцены спортивного состязания, мифологического сюжета или эпизода военных маневров.

Несостоятельность данной интерпретации убедительно показал И.В. Ковтун. Прежде всего, на скульптурном изображении не видно, чтобы лыжник использовал какое-либо орудие, напоминающее аркан или лассо. Но главное состоит в том, что, как было показано выше, грива и хвост лошади ростовкинской скульптуры были аккуратно убраны, что исключает версию ее неодомашенности [Ковтун, 2012а, с. 41].

Мы хотели бы обратить внимание на другой аспект работы П.Ф. Кузнецова. Странно, что автору остались неизвестны факты конной буксировки лыжника в реальной культурной практике. Конечно, здесь следует напомнить о скиджоринге — зимнем виде спорта, в котором спортсмен-лыжник буксируется лошадью, собакой (собаками) или механическим транспортным средством. В разных странах Европы и США созданы и действуют ассоциации конного скиджоринга (Skijoring With Horses). Популярность этого вида спорта подтверждается тем, что он в качестве показательной дисциплины был представлен на Зимних Олимпийских играх 1928 г. в швейцарском городе Санкт-Мориц. Сохранилась киноплёнка, запечатлевшая старт². В соревнованиях приняли участие восемь спортсменов, дистанция составила 1900 м. Вид спорта травмоопасный, поэтому все участники и их лошади проходили строгий контроль. Таким образом, по крайней мере, в отношении спортивных состязаний заявление П.Ф. Кузнецова об отсутствии аналогий ростовкинскому сюжету в реальной культурной практике не соответствует действительности. Отметим, что и П.Ф. Кузнецов, и И.В. Ковтун проигнорировали (или пропустили) опубликованные нами сведения о наличии аналогий изображенному на навершии ростовкинского ножа способу передвижения и в традиционной культуре (см. далее).

К рассматриваемой «мифообрядной» линии близка интерпретация ростовкинского сюжета, изложенная в великолепном эссе А.В. Головнева [1998; 2009, с. 165–166]. Опираясь на сравнительный археологический и этнографический материал, он видит в композиции акт первоприручения дикого животного, вернее, иллюстрацию мифа об этом первоприручении. Ростовкинское изображение — краткий по историческим меркам эпизод, мимолетная зарисовка напряженного процесса поиска оптимального средства освоения пространства в степях и лесостепях Евразии, процесса, в конечном итоге завершившегося формированием всадничества и культа коня. Навершие рисует вариант древнего ритуала игры со зверем, знаменующий важнейший переход к приручению животного. «...За кратким веком удалого лыжника пришла долгая эпоха воина-кочевника. <...> Обряд-зрелище — так можно представить себе игру-состязание лыжника с лошадью в середине бронзового века. Кратковременная традиция, оставившая легкий след в лесостепной археологии, вскоре была прочно замещена культом всадника; а иначе нам, наверное, пришлось бы стать свидетелями захватывающих гонок конных лыжников в Омском Прииртышье (такие гонки действительно можно наблюдать — в швейцарских Альпах или в Колорадо. — А. С.)» [Головнев, 1998, с. 53]. Подтверждает эту точку зрения и то, что нож был помещен в могилу подростка, а рукоять, судя по ее размерам, специально переделана под детскую руку [Ковтун, 2012а, с. 77–78]. Вероятно и сам нож, и сакральный сюжет скульптурного навершия входили в единый комплекс мероприятий, направленных на включение подростка во взрослую жизнь.

Первой (по очередности появления) *историографической линии*, предполагающей, что композиция отражает некую культурно-хозяйственную реальность, специфический способ использования лошади как транспортного средства, придерживался ряд специалистов [Косарев, 1984, с. 110, прим. 134; Мошинская, 1979, с. 38–39; Кирюшин, 2002, с. 101; Авилова, 2014, с. 107, 109]. Версию культурного феномена, прямо отраженного в композиции ростовкинской скульптуры, последовательно развивает П.М. Кожин [1993, 2007]. Он констатирует распространение в эпоху бронзы, в том числе в сейминско-турбинской среде, различных видов боевых колесниц и в то же время отсутствие каких-либо реальных данных о всадничестве в степной полосе до начала железного века. На этом культурно-историческом фоне ростовкинскому лыжнику уделяется исключительно важное место. Автор видит в композиции еще одну альтернативную возможность древнейшего применения коня. Держась за постромки, лыжник передвигался как бы на буксире за быстро движущейся лошадью. Этим приемом, по мнению исследователя, могли пользоваться и сейминские воины, и их противники. Именно для перерезывания постром-

² Это была еще и одна из первых киносъемок зимних Олимпийских игр вообще. Поэтому кадры соревнований были включены в презентационный ролик Олимпиады в Сочи и их увидели миллионы зрителей по всей планете.

мок могли служить копыя с крюком. Прямую аналогию позе ростовкинского лыжника П.М. Кожин видит в знаменитой фигурке из Галичского клада. Вопреки устоявшейся трактовке данного артефакта как танцующего идола или шамана во время камлания, он утверждает, что это изображение лыжника, мчащегося на постромке, а поза изображенного человека (руки, сложенные на поясе, напряженные и резко подчеркнутые мышцы голени присогнутых ног) подобна позе саамов, едущих за оленем, или спортсменов на водных лыжах. Хотя автор был вынужден отметить, что для подобной практики у лошади должны быть подковы или аналогичные приспособления при движении по льду или твердому насту, саму возможность подобного использования лошади он считает вполне реальной, ссылаясь на культурный опыт Северной Америки, где волокуша предшествовала верховой езде [Кожин, 2007, с. 246–248].

Главное в позиции П.М. Кожина — то, что он последовательно встраивает артефакт в общеисторический контекст. Для него нож из Ростовки — важнейший элемент яркого и самобытного сейминско-турбинского транскультурного феномена эпохи бронзы (предположительно 2150–1600/2500–1300 гг. до н.э.) [Черных, Кузьминых, 1989; Черных, 2008, с. 47–50]. Речь идет о чрезвычайно яркой и насыщенной истории распространения археологических памятников со схожими металлическими вещами на широкой территории в лесной и лесостепной зонах Евразии — от Саяно-Алтая до северной половины Европы. Инвентарь большинства памятников носит выраженный воинский характер. Все основные сейминско-турбинские некрополи приурочены к крупным водным магистралям и часто к устьям больших рек. Важнейший компонент сейминско-турбинского феномена был связан с племенами металлургов и коневодов и локализовался в Алтайской горной и предгорной области в экологическом окружении степных, лесостепных и, вероятно, подтаежных областей (Рудный Алтай, бассейн верхнего Иртыша, Верхнее Приобье и др.) [Кирушин, 2002, с. 86–88]. Историческим содержанием рассматриваемого феномена стали стремительные походы-миграции чрезвычайно активных, можно сказать, даже напористо-агрессивных элитарных групп воинов-металлургов в западном и северо-западном направлениях, по междуречью Иртыша и Оби. Стремительность сейминско-турбинской экспансии была обусловлена явным превосходством данных групп в вооружении, средствах передвижения, социальной (в том числе военной) организации [Черных, Кузьминых, 1989, с. 251–253, 269–276].

Важно отметить, что на первом этапе сейминско-турбинских миграций — западно-сибирском основная часть передвижений была приурочена к лесостепным и лесным областям региона. Складываются крупные центры сейминско-турбинской металлургии. Один из таких центров формируется на территории Среднего Прииртышья и связан прежде всего с могильником Ростовка [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 126–133]. Тяготение к лесной экологической зоне проявлялось и на уральском этапе, когда сейминско-турбинские сообщества контактировали с абашевскими группами [Черных, 2008, с. 48].

Этой лесной направленности ни в коей мере не противоречит отчетливо выраженный в культуре сейминско-турбинских групп коневодческий комплекс, столь ярко проявившийся в выразительных изображениях лошадей. Очевидно, здесь имело место коневодство лесного типа, специфическое по генезису и особенностям транспортного использования. К этим особенностям, вероятно, следует относить различные виды конной буксировки. В том числе самую сложную и в то же время внешне наиболее эффектную, захватывающую, экстремально-опасную, эмоционально и художественно насыщенную — конную буксировку лыжника (видимо, благодаря именно крайне высокому накалу чувственного и эмоционального возбуждения, охватившего мастера во время наблюдения или участия в захватывающем действе конно-лыжной гонки, мы и можем сейчас любоваться ростовкинской скульптурой). Очень важно, что несколько экзотичное для современного восприятия сочетание взнузданной лошади и лыжника — «скид-жоринг» бронзового века — органично включено в культуру воинов, коневодов и металлургов, характерную для данного явления [Черных, Кузьминых, 1989, с. 120–121, 273].

Впрочем, в поисках аналогий этому виду транспорта можно было и не уходить за пределы Старого Света, как это делает П.М. Кожин. Сравнительные материалы по описываемым способам буксировки свидетельствуют об их значительной древности. Следы былого существования подобного способа передвижения отразились в фольклоре нарымских хантов. Г.И. Пелих приводит записанный у них рассказ о том, «как охотник уходил зимой на охоту на лыжах за конем. Для того, чтобы вывезти добычу, лыжи связывались друг с другом за ремни, продетые в дырочки на передних концах лыж, привязывались к лошади. Затем на лыжи, как на сани, нагружалась добыча, и конь вез ее домой» [Пелих, 1972, с. 280–281]. На эту параллель впервые обратила

Конный лыжник бронзового века: еще раз о культурно-исторической интерпретации композиции...

внимание В.И. Мошинская [1979, с. 38–39], отметившая, что в приведенном рассказе фактически речь идет о пешем охотнике на лыжах, использующем лошадь, подобно тому как он сам впрягся бы или впряг собаку в нарту для вывоза скарба и добычи. Исследователь видит в этом свидетельстве «отличную иллюстрацию» ростовкинской композиции.

Вообще такой способ буксировки спорадически применялся в условиях относительного редколесья и неглубокого снега или наледи (наста). Уже довольно давно, в 1980-х гг., нам удалось собрать этнографический материал о подобных способах буксировки в Барабе. У барабинских татар конная буксировка применялась в двух разновидностях: когда в качестве буксирного средства использовались лыжи, груженные поклажей, и когда сам охотник-лыжник прицеплялся к лошади. Рассматриваемые способы передвижения применялись в межсезонье: ранней весной или поздней осенью, по неглубокому снегу и не очень жесткому насту, не наносившему ранений конечностям лошади. Кроме того, условием функционирования данных видов буксировки были широкие открытые безлесные, относительно ровные пространства. Западно-Сибирская лесостепь вполне отвечала этим условиям. Использовались прямые, с набивной ступательной площадкой или с бортиками лыжи-голицы (чанга) саяно-алтайского типа. Носки лыж были снабжены отверстиями для продевания ремней. Лошади были специально тренированные для подобного способа передвижения. Один конец буксировочной лямки крепился за отверстия в лыжах, второй за седло (седелку). В случае если сам охотник прицеплялся к лошади, лямка с одной стороны закреплялась на его поясе³, а с другой — на седле. Двигаясь таким образом, охотник добирался до угодья, а затем отцеплялся и дальше шел на лыжах самостоятельно [Селезнев, 1994, с. 94–95]. Очень близки к лыжам саяно-алтайского типа (о нем см.: [Антропова, 1961, с. 84, 97–98]) лыжи, изображенные на ростовкинской скульптуре — скользящие, прямые, со слабо изогнутым носком. На правой лыже посередине отчетливо видно возвышение, которое можно трактовать как изображение ступательной площадки [Ковтун, 2012а, цв. вклейка, фото 5, 1, 2].

Возвращаясь к двум линиям в историографии ростовкинской скульптуры, отметим, что ее композиция, конечно, отражает миф или сложное обрядовое действие. «Едва ли ростовкинский кузнец был вдохновлен сценой похода коня и лыжника за дичью или хворостом. И расположение скульптуры — на навершии оружия — не место для бытовых зарисовок» [Головнев, 1998, с. 50]. В то же время сюжет ростовкинской скульптуры не сводится к чистой фантазии, полностью оторванной от практики реальной жизни. Выстраивая этот сюжет, тонко наполняя его символами, отражающими общую идею, творец все-таки основывался на реальном прототипе, который он имел возможность наблюдать в повседневной жизни. Таким образом, проблема интерпретации сводится не только к поиску абстрагированных мифологических параллелей, но и к выявлению культурно-исторического контекста, в рамках которого смогли бы сложиться условия формирования и развития этого реального прототипа.

Конь, металл, лыжи: содержание ростовкинской композиции в контексте лесного южно-сибирского культурного комплекса

В работах [Селезнев и др., 2006; Селезнев, 2009] нами была предпринята попытка обосновать выделение особого культурного комплекса, сформировавшегося в лесной зоне южной части Сибири в глубокой древности и просуществовавшего вплоть до этнографической современности. Суть выдвинутой идеи состоит в том, что группы, населявшие в древности и в относительно недалеком прошлом лесостепной, горно- и южно-таежный пояса Сибири, несмотря на различие в происхождении и языковой принадлежности, обладали определенным культурно-историческим единством. При этом общие элементы их культуры неразрывно взаимосвязаны и образуют цельный комплекс, устойчиво повторяющийся во времени и в пространстве.

В I тыс. н.э. группы, составлявшие данный культурный ареал, входили в обширную динлинтелескую племенную конфедерацию, сведения о которой содержатся в китайских летописях и тюркских рунических надписях. Выражение «лесные народы» («агач эри», «урман кат», «нойин урянха»), условно принятое нами в качестве наименования всего культурного комплекса (ареа-

³ Начиная с первых публикаций В.И. Матюшенко акцентировал внимание на том, что едва ли не единственным (кроме шапочки) отчетливо видимым аксессуаром гардероба ростовкинского лыжника был пояс, намеченный «слабым уступом» [1970, с. 104]. Эта деталь дала И.В. Ковтуну повод для пространных рассуждений о поясе-функции, поясе-статусе, Поясе Силы и т.п. Вопреки правилу Оккама, самая простая, утилитарная функция пояса как элемента буксировочного механизма в его работе практически не отражена (см.: [Ковтун, 2012а, с. 67–70]).

ла), впервые появляется в арабо-персидских источниках монгольского времени (XIII–XVII вв.). В этих материалах (наиболее полные на сегодня сводки см.: [Селезнев и др., 2006, с. 23–35; Селезнев, 2009, с. 191–193; Савинов, Длужневская, 2008, с. 112–131]) содержатся данные о группе охотничье-скотоводческих племен: бома-алатах (вероятно, население местности Алагчин в источниках монгольской эпохи), дубо (вероятно, лесные урянкаты источников монгольской эпохи), байегу (байырку тюркских рунических текстов), гулигань (курыканы тюркских рунических текстов). Судя по описаниям, указанные группы существенно отличались по своим культурно-бытовым особенностям от типичных скотоводов-кочевников.

Анализ письменных источников в корреляции с археологическими и этнографическими материалами позволил в общих чертах реконструировать основные признаки лесного южно-сибирского комплекса. Его экономическую основу составляли присваивающие формы хозяйства: охота на мясного и пушного зверя; собирательство, в том числе специализирующееся на сборе лекарственных трав; рыболовство. Эти виды хозяйства оригинально сочетались с коневодством, призванным обеспечивать транспортные и пищевые потребности охотничьего хозяйства. Почти повсеместно среди «лесных» племен и народов развивалось земледелие, преимущественно мотыжное, но иногда (например, у бома-алатов) и пашенное. На основе коневодства лесного типа, вероятно, происходило формирование саянского вьючно-верхового оленеводства, что знаменовало появление важнейшего центра домостроения оленя. В этой связи показательно, что в обобщающей систематизации типов скотоводства А.М. Хазанов подчеркивает не кочевой характер культуры саянских оленеводов. Он видит неожиданную типологическую аналогию такой модели в культуре индейцев Великих Равнин Северной Америки, которых решительно отказывается считать скотоводами, а освоенное ими верховое коневодство рассматривает лишь с точки зрения использования лошади в качестве транспортного средства для оптимизации охотничьего хозяйства [Хазанов, 2002, с. 22–25, 117–118].

Существенное место в данном комплексе занимают металлургия и металлообработка, на ранней стадии — бронзолитейное, затем — железоделательное производство. В определенной степени экономика лесных племен средневековья составила основу мощи и процветания центрально-азиатских государственных объединений. Таким образом, важнейшая тенденция культурогенеза на юге Сибири заключается в том, что лесные и таежные охотничье-собирательские и охотничье-скотоводческие группы Саяно-Алтая, несмотря на внутренние различия, совокупно все же противостоят специализированному степному скотоводческо-кочевническому комплексу. Иными словами, различия между охотничье-собирательскими и охотничье-скотоводческими группами качественно меньше, чем различия между этими группами вместе с одной стороны и кочевниками-степняками — с другой. Это позволяет рассматривать лесные и таежные культуры Саяно-Алтая в качестве единого комплекса, которому практически по всем параметрам противостоит комплекс культуры типичных скотоводов-кочевников. Если же к горно-таежному комплексу присоединить, как это сделала Э.Л. Львова [Тюрки..., 1991, с. 96–105], равнинный таежный комплекс, то проблема формирования и развития лесных и таежных культур юга Сибири приобретает совершенно особое значение.

Такая постановка вопроса получила отражение в работе Д.Г. Савинова, посвященной экологическим и культурным аспектам развития раннесредневековых культур Центральной Азии и Южной Сибири. Автор, в частности, отмечает: «Безусловной заслугой А.Г. Селезнева является то, что он обратил особое, в ряде случаев детерминирующее внимание на развитое коневодство и железоделательное производство, как наиболее показательные признаки реконструируемой им хозяйственно-культурной общности «лесных народов» Южной и Западной Сибири» [Савинов, Длужневская, 2008, с. 48].

Столь широкое и устойчивое распространение культур коневодов и металлургов при общей ориентации на присваивающую экономику или, во всяком случае, при сохранении существенного компонента такой экономики неизбежно порождает вопрос об истоках и происхождении данного комплекса. Эта проблема, по всей видимости, связана с экологическими аспектами развития лесных культур. Оригинальное сочетание охотничье-кочеводческой модели хозяйства могло сформироваться под воздействием необходимости расширения опромышляемых охотничьих угодий. Как показали специальные исследования (см., напр.: [Косарев, 1984, с. 49–53]), пеший охотничий промысел, господствовавший в зоне сибирских лесов в неолите, к началу эпохи бронзы перестал удовлетворять потребности растущего населения, что вызвало необходимость поиска оптимального для охотничьего хозяйства транспортного средства. Такое средство было найдено. В лесо-

Конный лыжник бронзового века: еще раз о культурно-исторической интерпретации композиции...

степных и подтаежных регионах юга Сибири для целей охотничьего промысла незаменимой оказалась лошадь. Относительное редколесье, невысокий снежный покров и способность к тебеневке создавали оптимальные возможности для использования лошади на промысле.

В этот же период, а также, видимо, как реакция на упомянутый кризис архаического охотничьего хозяйства, осложненный, вероятно, еще и крупными климатическими изменениями, происходит становление скотоводческой модели культуры в Центральной Азии (см., напр.: [Хазанов, 2002, с. 181–188]). Этот процесс в конечном итоге завершился формированием кочевническо-скотоводческого комплекса, классического центрально-азиатского нomaдизма. Таким образом, процессы формирования и развития скотоводческо-кочевнического и лесного культурных комплексов порождены во многом одними и теми же причинами, шли параллельно, были взаимосвязаны и влияли друг на друга. Начало этих грандиозных изменений относится, видимо, к эпохе бронзы, и ярчайшим и зримым символом этого процесса является одна из самых замечательных археологических находок — фигурка бронзового «конного лыжника», венчающая рукоятку ножа из могильника Ростовка. Именно этот момент интенсивного поиска нового средства передвижения, приспособленного для конкретных природно-климатических условий, запечатлел на тысячелетия ростовкинский мастер. Сцена лыжных гонок за конем выступила для него в качестве реального прототипа иллюстрации мифологического повествования или священного обряда.

К близким по смыслу выводам приходит специалист по искусству эпохи бронзы Ю.И. Михайлов: «Синташтинские, сейминско-турбинские и синхронные им древности, исследованные на территории от Урала до Енисея, свидетельствуют о тесной взаимосвязи двух культурных достижений, значение которых трудно переоценить — совершенные технологии производства бронзовых изделий и транспортное использование лошади. <...> Есть основания считать, что формирование лесного культурного комплекса происходило в рамках процесса сложения евразийской металлургической провинции. Прогрессивные навыки металлургии и металлообработки, а также транспортное использование лошади стали ведущими составляющими хозяйственной деятельности населения юга Западной Сибири на рубеже III–II тыс. до н.э.» [2011, с. 22].

Косвенным подтверждением такого развития событий является широкое распространение буксировки разнообразных волокуш, освоенных людьми еще в каменном веке и доживших до этнографической современности [Семенов, 1968, с. 252, 256–259; Berg, 1935, p. 74–89]. Особое место в этом ряду принадлежит буксировке пары соединенных между собою лыж, образующих подобие импровизированных нарт. Для крепления буксировочной лямки носки лыж снабжались специальными отверстиями. Этот способ передвижения и перемещения грузов получил широкое распространение в традиционной культуре Северной Евразии [Селезнев и др., 2006, с. 109–111]. Сохранились прямые свидетельства письменных источников, что буксировка пары лыж получила применение в хозяйственной практике «лесных» народов средневековья. Так, описывая лесных урянкатов, быт которых может служить эталоном лесной культуры, Рашид-ад-Дин (XIV в.) сообщал между прочим следующее: «...они делают особые доски, которые называют чанэ и на них становятся... Рядом с теми чанэ, на которых сами находятся, они тащат привязанными другие (лыжи); на них складывают убитую дичь». Историк отметил, что аналогичный способ передвижения был особенно распространен в области Баргуджин-токум (видимо, Забайкалье), у «лесных» (охотничье-скотоводческих/конеvodческих) тюркских и монгольских племен: кори, урасут, теленгут и тумат [Рашид-ад-Дин, 1952, с. 124]. Достоверность приведенного свидетельства отлично документируется упомянутым в тексте словом «чанэ». Это общетюркский термин для обозначения лыж. Видимо, этимологически близкая лексика служит также для названия нарт в языках и диалектах Южной Сибири. Ср.: куманд. *šanaš*; тат. диал. *čaŋyə*, *čaŋya*, бараб., тоболо-иртыш. *čaŋyu*, *čaŋya*, *čaŋqə*, башкир. *saŋyə*, *saŋqa*, шор. *šaŋa* 'лыжи (на Алтае и Саянах преимущественно подволоки)'; и в то же время: челкан. *šanač*, *šanayaš*, тув. *šanaq*, бараб., чулым. *sanaq* 'нарты, санки', шор. *šanayaš* 'нарты' (исходное *ča:na — сани) [Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 535–537].

По археологическим данным этот способ передвижения и перемещения грузов известен с глубокой древности. Доски-полозья, лежащие в его основе, вошли в первую группу первого класса по классификации Г.М. Булова и представлены типами *хейнола*, *висский* и *алаторнио*. Хейнола и висский типы датируются VIII–VI тыс. до н.э., алаторнио — II тыс. до н.э. Аналогии реконструируемым средствам транспорта автор обнаруживает в плоских бескопильных санях — тобогганах, получивших распространение у индейцев монтанье-наскапи Северной Америки [Бу-

ров, 1997, с. 45–46]. Впрочем, теперь ясно, что подобные способы буксировки были широко распространены и в Старом Свете.

Функционально и технологически близки описываемым также конные полозные (двухполозные) волокуши. Такие волокуши, в частности, получили распространение на северном Алтае (челканцы). Волокуша (пойлок, кандай) состояла из двух подпрямоугольных в сечении полозьев длиной около 4 м, переходящих в округлые оглобли. На концах полозьев установлена пара брусковидных массивных копыльев, соединенных между собой деревянным вязком. Волокуша подпрягалась к лошади посредством пары оглобель, являвшихся продолжением полозьев [Селезнев и др., 2006, с. 114].

Итак, можно с высокой степенью вероятности предполагать, что истоки лесного комплекса юга Сибири уходят в эпоху бронзы, а его формирование связано с развитием культур коневодов и металлургов, ярко представленных, в частности, в рамках сейминско-турбинского транскультурного феномена. Коневодство лесных южно-сибирских групп носило подсобный охотничьему промыслу характер и служило главным образом для доставки охотника до угодья. Именно так использовался конь в эпоху средневековья «лесными» народами, а в недавнем прошлом — южно- и горно-таежными охотниками Сибири. Такое коневодство подходило к природно-географическим условиям расселения лесных групп — лесостепь и разреженная низкогорная тайга — и развивалось как в форме прямого заимствования у соседей-степняков элементов верхового коневодства, так и в форме совершенно оригинальных способов конной буксировки, в том числе буксировки лыжника.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авилова Л.И.* История дорог и наземного транспорта по данным археологии // Наука в России. 2014. № 4 (202). С. 104–112.
- Антропова В.В.* Лыжи // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 79–106.
- Бочкарев В.* Волго-Уральский регион в эпоху бронзы // История татар с древнейших времен. Казань: Рухият, 2002. Т. 1: Народы степной Евразии в древности. С. 46–68.
- Буров Г.М.* Зимний транспорт Северной Европы и Зауралья в эпоху неолита и раннего металла // РА. 1997. № 4. С. 42–53.
- Головнев А.В.* Бронзовый лыжник из Ростовки // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд-во ОмГУ, 1998. Ч. I. С. 50–53.
- Головнев А.В.* Антропология движения: (Древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН: Волот, 2009. 496 с.
- Кирюшин Ю.Ф.* Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 2002. 294 с.
- Ковтун И.В.* Конь и лыжник: Труды Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Томск: ТГУ, 2012а. Т. IV. 128 с.
- Ковтун И.В.* Происхождение масленицы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН: Периферия. 2012b. Т. 1. С. 172–178.
- Ковтун И.В.* Сейминско-турбинские древности и индоарии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012с. № 4 (19). С. 53–70.
- Ковтун И.В.* Хвост и грива конской фигурки из Ростовки // РА. 2014. № 1. С. 5–13.
- Кожин П.М.* Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 16–41.
- Кожин П.М.* Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите — раннем железном веке: (Палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток: Дальнаука, 2007. 428 с.
- Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 245 с.
- Кузнецов П.Ф.* Образы коня в бронзовом веке и еще одна интерпретация ростовкинской композиции // Северная Евразия в эпоху бронзы: Пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 81–84.
- Матющенко В.И.* Нож из могильника у деревни Ростовка // КСИА. 1970. Вып. 123. С. 103–105.
- Матющенко В.И., Сеницына Г.В.* Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: ТГУ, 1988. 136 с.
- Михайлов Ю.И.* К проблеме истоков мифологической общности тюрко-монгольских народов // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 21–23.
- Мошинская В.И.* Некоторые данные о роли лошади в культуре населения Крайнего Севера Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск: ТГУ, 1979. С. 34–45.
- Пелих Г.И.* Происхождение селькупов. Томск: ТГУ, 1972. 424 с.
- Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 221 с.
- Савинов Д.Г., Длужневская Г.В.* Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири. СПб: Ладога, 2008. 170 с.
- Селезнев А.Г.* Барабинские татары: Истоки этноса и культуры. Новосибирск: Наука, 1994. 176 с.

Конный лыжник бронзового века: еще раз о культурно-исторической интерпретации композиции...

Селезнев А.Г. Конь и металл: Экологические аспекты формирования лесных и таежных культур юга Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/3. С. 191–195.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А. Мир таежных культур юга Сибири: (Традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). Омск: Наука, 2006. 260 с.

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке Л.: Наука, 1968. 362 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.

Тихонов С.С. Vita scientificus, или археолог В.И. Матющенко // Vita scientificus, или Археолог В.И. Матющенко: Сб. науч. тр., посвящ. 85-летию со дня рождения Владимира Ивановича Матющенко — археолога, ученого, педагога. Омск: Полигр. центр КАН, 2014. С. 10–41.

Тюрки таежного Причумырья: Популяция и этнос. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 245 с.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

Черных Е.Н. Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: Взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 36–53.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М: Наука, 1989. 320 с.

Шер Я.А. Первобытное искусство: Учеб. пособие. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. 351 с.

Berg Gösta. Sledges and wheeled vehicles. Ethnological studies from the view-point of Sweden. Stockholm-Uppsala: Almqvist and Wiksells, 1935. 190 p.

A.G. Seleznev

Institute of Archaeology and Ethnography
of Siberian Branch RAS
Marx av., 15, Omsk, 644024, Russian Federation
Dostoevsky Omsk State University
Mira av., 55a, Omsk, 644077, Russian Federation
E-mail: seleznev@myttk.ru

A HORSE-SKIER OF THE BRONZE AGE: A REAPPRAISAL OF THE CULTURAL AND HISTORICAL INTERPRETATION OF THE DECORATIVE FINIAL ON A DAGGER FROM ROSTOVKA, WESTERN SIBERIA (ON THE 90TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF VLADIMIR I. MATYUSHCHENKO)

This paper proposes the cultural and historical interpretation of the cast figure, consisting of a horse and a skier, on the finial of a bronze knife or dagger from the necropolis near the village of Rostovka. Two interpretations of this composition are outlined in the first part of the work. The first one suggests that the composition represents an actual cultural phenomenon — a Bronze Age «Skijoring», a means of transportation where a skier is towed by, in this case, a horse. The second possible interpretation considers the composition almost exclusively as an illustration of myth and/or ritual and focuses on the search for the meanings reflected in the figures. The approach proposed in the paper assumes the existence of a known cultural practice, which is used as the basis of the myth-ritual plot embodied in the composition. The author's version of the cultural and historical context of this prototype is presented in the second part of the work. The context of the artwork is the development of a forest-based culture, occupying the forest-steppe, mountain-taiga and southern-taiga belts of Siberia and maintaining its identity over a long period. The economic basis of this culture was appropriating forms, combined with horse breeding, designed to provide transport and satisfy food needs through hunting. A significant place in this culture is occupied by metallurgy and metalworking, initially bronze production, followed by iron production. Proof is given that the origins of this culture date back to the Bronze Age, and its formation is consistent with the development of cultures of horse-breeders and metallurgists, within the framework of the Seima-Turbino transcultural phenomenon. The Rostovka artist appears to capture a moment of experimentation with a new means of transportation, adapted to specific local climatic conditions. Scenes of equestrian-skiing racing have then been incorporated into a developing mythic story. Data on functionally and technologically similar methods of foot and horse towing, indirectly confirming the proposed concept are also presented in the work.

Key words: Rostovka burial ground, the horse and skier, Seima-Turbino transcultural phenomenon, forest culture complex, South of Siberia, traditional towing methods.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-005-014

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

REFERENCES

Antropova V.V. (1961). Skiing. *Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri*, Moscow: AN SSSR, 79–106.

Avilova L.I. (2014). History of roads and land transport on archeological data. *Nauka v Rossii*, (4), 104–112.

- Berg Gösta (1935). *Sledges and wheeled vehicles. Ethnological studies from the view-point of Sweden*, Stockholm-Uppsala: Almqvist and Wiksells.
- Bochkarev V. (2002). Volga-Ural region during the Bronze Age. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen*, 1, Kazan': Rukhiiat, 46–68.
- Burov G.M. (1997). Winter transport of Northern Europe and the Transurals region during the Neolithic and the Early Metal Age. *Rossiiskaia arkheologiya*, (4), 42–53.
- Chernykh E.N. (2008). Formation of the Eurasian «Steppe Belt» of Stockbreeding Cultures: Viewed through the Prism of Archaeometallurgy and Radiocarbon Dating. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, (3), 36–53.
- Chernykh E.N., Kuzminykh S.V. (1989). Ancient metallurgy of Northern Eurasia, Moscow: Nauka.
- Golovnev A.V. (1998). Bronze skier from Rostovka. *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*, 1, Omsk: OmGU, 50–53.
- Golovnev A.V. (2009). *Anthropology of Movement: (Antiquities of the North Eurasia)*, Ekaterinburg: UrO RAN: Volot.
- Khazanov A.M. (2002). *Nomads and the outside world*, Almaty: Daik-Press.
- Kiriushin Iu.F. (2002). *Eneolithic and Early Bronze Age in the South of Western Siberia*, Barnaul: AltGU.
- Kosarev M.F. (1984). *Western Siberia in the ancient times*, Moscow: Nauka.
- Kovtun V.I. (2012a). *The horse and the skier: Transactions of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia of Tomsk state university*, 4, Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet.
- Kovtun I.V. (2012b). Origin of the pancake week. *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiyami*, 1, St. Petersburg: IIMK RAN: Periferiia, 172–178.
- Kovtun I.V. (2012c). The Seyima-Turbino antiquities and Indo-Aryans. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4), 53–70.
- Kovtun I.V. (2014). The tail and the mane of a small horse sculpture from Rostovka. *Rossiiskaia arkheologiya*, (1), 5–13.
- Kozhin P.M. (1993). Siberian phalanx of the Bronze Age. *Voennoe delo naseleniia iuga Sibiri i Dal'nego Vostoka*, Novosibirsk: Nauka, 16–41.
- Kozhin P.M. (2007). *Ethno-cultural contacts of the Eurasian population during the Eneolithic — Early Iron Age: (Paleoculturology and vehicles)*, Vladivostok: Dal'nauka.
- Kuznetsov P.F. (2002). Images of the horse during the Bronze Age and interpretation of the Rostovka composition. *Severnaia Evraziia v epokhu bronzy: Prostranstvo, vremia, kul'tura*, Barnaul: AltGU, pp. 81–84.
- Matiushchenko V.I. (1970). Knife of the burial ground near the village of Rostovka. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, (123), 103–105.
- Matiushchenko V.I., Sinitsyna G.V. (1988). *Burial ground at the village of Rostovka near Omsk*, Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet.
- Mikhailov Iu.I. (2011). On the problem of the origins of the Turkic-Mongolian peoples mythological unity. *Etnicheskaiia istoriia i kul'tura tiurkskikh narodov Evrazii*, Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 21–23.
- Moshinskaia V.I. (1979). Some data on the role of horses in the culture of the Western Siberia Far North population. *Istoriia, arkheologiya i etnografiia Sibiri*, Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 34–45.
- Pelikh G.I. (1972). *The origin of Selkups*, Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet.
- Rashid-ad-Din (1952). *Collection of Chronicles*, 1, Moscow; Leningrad: AN SSSR.
- Savinov D.G., Dluzhnevskaiia G.V. (2008). *Ecology and culture of Central Asian and Southern Siberian Early Medieval societies*, St. Petersburg: Ladoga.
- Seleznev A.G. (1994). *Baraba Tatars: The origins of ethnos and culture*, Novosibirsk: Nauka.
- Seleznev A.G. (2009). Horse and Metal: Ecological Aspects of Formation of Forest and Taiga Cultures in the Southern Siberia. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, (4/3), 191–195.
- Seleznev A.G., Selezneva I.A., Bel'gibaev E.A. (2006). *TheWorld of taiga Forest Cultures of South Siberia: (Traditional Economy and Related Aspects of Life)*, Omsk: Nauka.
- Semenov S.A. (1968). *Development of Technology during the Stone Age*, Leningrad: Nauka.
- Sher Ia.A. (2006). *Primitive art*, Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
- Tikhonov S.S. (2014). Vita scientificus, or Archaeologist V.I. Matyushchenko. *Vita scientificus, ili Arkheolog V.I. Matiushchenko*, Omsk: KAN, 10–41.

Н.М. Зиняков, С.И. Цембалюк

Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043
E-mail: nmzinyakov@rambler.ru
ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: svetac80@mail.ru

МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ ГОРОДИЩА МАРАЙ 1

Рассмотрены вопросы зарождения железообрабатывающего производства на территории Тоболо-Ишимского междуречья. До настоящего времени считалось, что все предметы из железа, найденные в Тоболо-Ишимье, являются импортными. Кузнечные изделия, обнаруженные при раскопках городища Марай 1, позволяют говорить о местном железоделательном и железообрабатывающем производстве. Металлографические исследования изделий из черного металла показывают, что население городища Марай 1 находилось на начальной стадии освоения железа. В металлургическом производстве в качестве исходного сырья использовалось в основном сравнительно мягкое кричное железо, содержащее значительное количество шлаковых примесей. Изредка применялось частично науглероженное железо. Хронологические рамки исследования — IV–II вв. до н.э.

Ключевые слова: Нижнее Приишимье, ранний железный век, изделия из железа, металлографический анализ.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-015-024

Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400147-2.

Введение

Археологические и археометаллографические исследования показывают, что диффузионный процесс освоения железа, охвативший огромные территории Евразии во II–I тыс. до н.э., привел к становлению в середине I тыс. до н.э. железной индустрии в Северо-Западной Азии. Весь этот процесс освоения железа в Западной Сибири можно условно разделить на несколько этапов. Ранний этап растянулся на два-три столетия, охватывая V–IV, а возможно, и III в. до н.э. Для него характерно широкое использование импортных железных вещей и привозного сырья в виде готового металла с постепенным применением собственной технологии получения и обработки железа и стали. Анализ материала показывает, что освоение железной индустрии на обширной территории Западной Сибири протекало весьма неравномерно. Последнее обстоятельство было обусловлено спецификой социально-экономических и историко-культурных процессов местных регионов.

Как известно, в пределах Западной Сибири еще в эпоху бронзы сложились три крупные хозяйственные области: 1) район степей и лесостепи представлял собой ареал производящей экономики; 2) таежная полоса характеризовалась экономикой присваивающего типа; 3) на границе тайги и лесостепи существовало многоотраслевое хозяйство, сочетавшее производящие и присваивающие отрасли [Косарев, 1984, с. 5]. Артефакты свидетельствуют, что первые железные вещи появились довольно рано у населения именно с производящей экономикой [Зиняков, 1997, с. 102, 188].

Черная металлургия является предметом интереса многих ученых. В научной литературе, в том числе зарубежной, затрагиваются как общие вопросы становления и развития черной металлургии в различных регионах, так и узкие — в специализированных исследованиях, основанных на применении научно-естественных методов [Завьялов и др., 2009; Зайцева и др., 2011; Зиняков, 1980, 1997; Коноваленко и др., 2010; Корякова и др., 2011; Водясов, 2012, 2013, 2018; Водясов, Гусев, 2016; Maddin, 1988; Pleiner, 2000; и др.]. Однако часть важнейших аспектов железоделательного производства изучены недостаточно, особенно для территорий, являющихся «белыми пятнами», в том числе таких, для которых имеются лишь единичные свидетельства обработки железа. Одна из таких территорий — лесостепное Тоболо-Ишимье. Имеющиеся данные до сих пор позволяли говорить об импортном характере железных предметов в материалах памятников начального этапа раннего железного века, оставленных населением баитовской культуры. Так, найденные в Прито-

больше на поселениях баитовской культуры (VII–VI в. до н.э.) две железные булавки и биметаллический чекан имеют скифо-сакские параллели [Могильников, 1992, с. 279].

Источники и методика

Археологические раскопки памятников начала раннего железного века Тоболо-Ишимского междуречья дают материал, проливающий свет на механизм зарождения местного железнорудного и железообрабатывающего производства. Свидетельством тому является коллекция железных изделий городища Марай 1, которая представляет исключительный интерес для изучения истории освоения железа населением Западной Сибири.

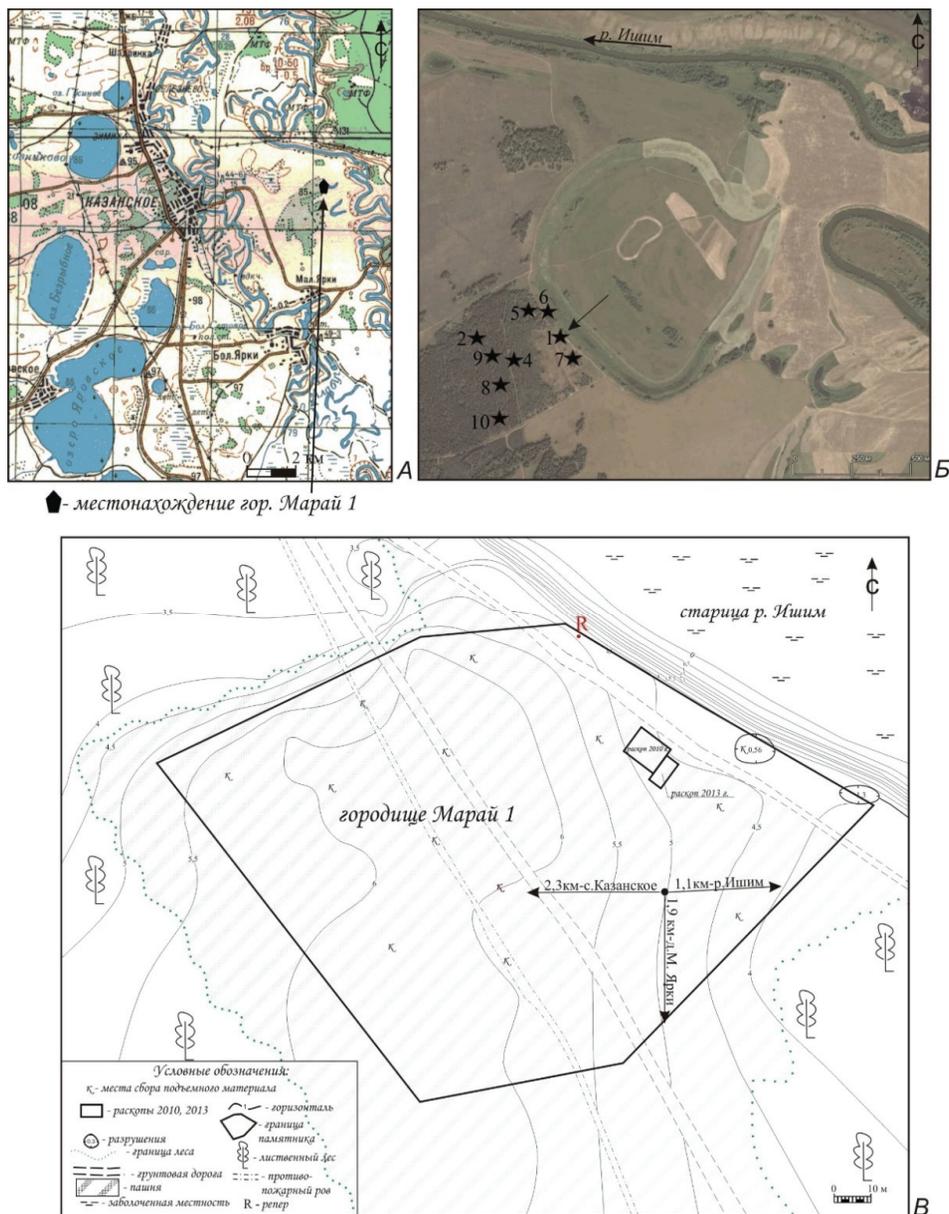

Рис. 1. Схема расположения городища Марай 1 (А) и Марайского археологического микрорайона (Б) и топографический план городища Марай 1 (Б):

1 — гор. Марай 1; 2 — пос. Марай 2; 4 — гор. Марай 4; 5 — гор. Марай 5; 6 — пос. Марай 6; 7 — пос. Марай 7; 8 — пос. Марай 8; 9 — кург. мог. Марай 9; 10 — пос. Марай 10.

Fig.1. Location map of the hillfort Maray 1 (A), Maray archaeological district (B), and topographic plan of the hillfort Maray 1 (B):

1 — Maray 1; 2 — Maray 2; 4 — Maray 4; 5 — Maray 5; 6 — Maray 6; 7 — Maray 7; 8 — Maray 8; 9 — Maray 9; 10 — Maray 10.

Металлографическое исследование железных изделий городища Марай 1

Городище Марай 1 расположено в лесостепном Приишимье в 4,8 км к востоку от с. Казанское Казанского района Тюменской области. Укрепленное поселение входит в Марайский археологический микрорайон, состоящий из разновременных памятников. Древнее население начало осваивать данную территорию с неолита (рис. 1).

Городище мысовое, занимает выступ второй надпойменной террасы р. Ишим, берег ее старицы возвышается над заболоченной поймой на 4,5–5 м. Укрепленное поселение исследовалось в 2010 г. [Еньшин, Цембалюк, 2015] и в 2013 г. [Цембалюк, 2011, 2015]. В результате установлено, что городище двухслойное, хорошо стратифицированное. Ранний хронологический горизонт представлен остатками поселка красноозерской культуры, относящейся к переходному от бронзового к железному веку времени, датированного IX — началом VIII в. до н.э. [Цембалюк, 2015].

Более поздний культурный слой маркирует городище начала раннего железного века, оставленное населением баитовской культуры. Культурный слой городища представлен слоем серой с золой и пеплом супеси. Баитовский слой Приишимского городища в отличие от подобных притобольских памятников богат на артефакты. Несмотря на небольшую исследованную площадь в результате раскопок было найдено более 2000 тыс. фрагментов глиняной посуды. Собрана коллекция изделий, изготовленных из кости (предметы конской упряжи, проколки, амулеты, долота и т.д.), глины (около 100 экз. керамических скребков, лепные и изготовленные из стенок сосудов пряслица, бусы, женская фигурка без головы и др.), камня (оселки, ступка, абразивы и др.), бронзы (однолезвийные ножи, втульчатые трехлопастные наконечники стрел). Также получена богатая коллекция палеозоологического материала. По найденным в процессе раскопок материалам (керамика, инвентарь) время обитания баитовского населения на территории поселка определяется как IV–III–II вв. до н.э.

Таблица 1

Радиоуглеродные даты слоя раннего железного века городища Марай 1

Table 1

Radiocarbon dates of a layer of the Early Iron Age of the hillfort Maray 1

№	Квадрат, глубина от поверхности (см), материал, объект	Индекс образца	Абсолютная дата, л.н.	Калиброванная дата	
				$\pm 1\sigma$ (68,2 %)	$\pm 2\sigma$ (95,4 %)
1	Кв. К/5, глубина от поверхности -75 (6 усл. гор.), древесный уголь	СОАН 8886	2245 ± 55	390 BC–350 BC 320 BC–230 BC 220 BC–200 BC	400 BC–170 BC
2	Кв. И/5, заполнение сооружения РЖВ (?), глубина от поверхности -39 (2 усл. гор.), прокол № 1, древесный уголь	СОАН 8891	2260 ± 35	390 BC–350 BC 290 BC–230 BC 220 BC–210 BC	400 BC–340 BC 330 BC–200 BC
3	Кв. Г/10, глубина от поверхности -52...-58 (5 усл. гор.), почва из скопления керамики	СОАН 9228	2435 ± 70	750BC–680BC 670BC–640BC 590BC–580BC 560BC–400BC	770 BC–390 BC
4	Кв. А/9, глубина от поверхности -190, нижнее заполнение рва (углистая прослойка в нем), почва с вкраплениями мелких углей	Ле-11245	2530 ± 100	800BC–520BC	840 BC–390 BC
5	Кв. П/2', глубина от поверхности -77, прокол, древесный уголь	Ле-11524	2315 ± 25	405BC–380BC	410 BC–360 BC 280 BC–260 BC

С целью абсолютной датировки времени обитания баитовских коллективов на городище были отобраны образцы древесного угля и почвы, содержащей вкрапления мелких угольков. В результате было получено 5 радиоуглеродных дат (табл. 1, рис. 2). Анализы образцов проводились в лаборатории археологической технологии Института материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) (в табл. 1 образцы с маркировкой «Ле») и в лаборатории геологии кайнозоя, палеоклиматологии и минералогических индикаторов климата Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН (г. Новосибирск) (в табл. 1 образцы с маркировкой «СО-АН»). Все полученные даты с учетом калибровки укладываются в конец IV — конец II в. до н.э. Две даты: с маркировкой СОАН 9228 и Ле-11245, полученные из образцов почвы с мелкими вкраплениями угольков, определяют более широкий хронологический диапазон. Нижняя граница по ним — середина IX — конец VIII в. до н.э., верхняя — конец IV в. до н.э. Такое удревнение верхней границы мы связываем с тем, что основной массой, составляющей образец, являлась почва, для которой характерно удревнение дат на 100–200 радиоуглеродных лет [Чичагова, Зазовская, 2015, с. 172]. Данный вывод подтверждается и тем, что образцы почвы были датированы в

разных лабораториях и показали большую погрешность: ± 70 (СОАН 8891) и ± 100 (Ле 11245) лет. Таким образом, опираясь на данные относительного и абсолютного датирования, существование баитовского городища (слой раннего железного века) можно отнести к IV–II вв. до н.э.

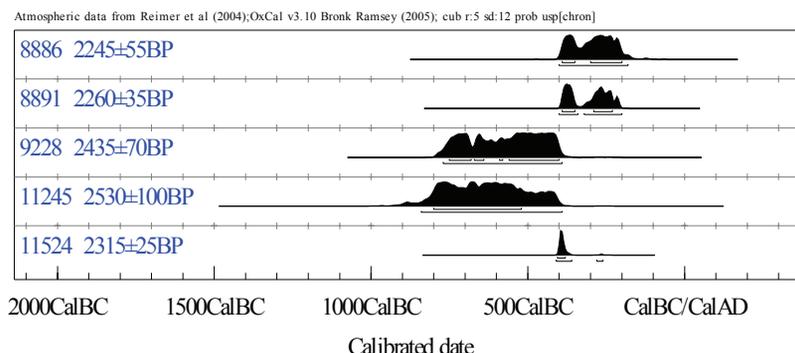

Рис. 2. Калибровка дат, полученных с городища Марай 1 (выполнена в программе OxCal 3.10).
Fig. 2. Calibration of dates obtained from the hillfort of Maray 1 (executed in the program OxCal 3.10).

В связи с многолетней распашкой площади городища жилищные объекты (западины, наземные постройки и т.п.), в том числе сооружения, связанные с оборонительным зодчеством, в рельефе не выражены. Постройки раннего железного века на материке практически не прослеживаются, за исключением нескольких ям, сооружения № 3 и оборонительного рва. В связи с этим можно предположить, что сооружения были слабоуглубленными или наземными.

Полученная в результате раскопок коллекция железных предметов происходит из слоя раннего железного века, привязать предметы к какому-либо конкретному сооружению этого времени не представляется возможным.

Коллекция немногочисленна, плохой сохранности, предметы сильно корродированы или находятся во фрагментарном виде (рис. 3). Для металлографического исследования использованы пять железных ножей и одно шило (рис. 3, 1, 2, 4–7).

Рис. 3. Кузнечные изделия раннего железного века с городища Марай 1:
1–5, 7 — ножи; 6 — шило.

Fig. 3. Forging products of the Early Iron Age from the hillfort of Maray 1:
1–5, 7 — knives; 6 — awl.

Металлографическое исследование железных изделий городища Марай 1

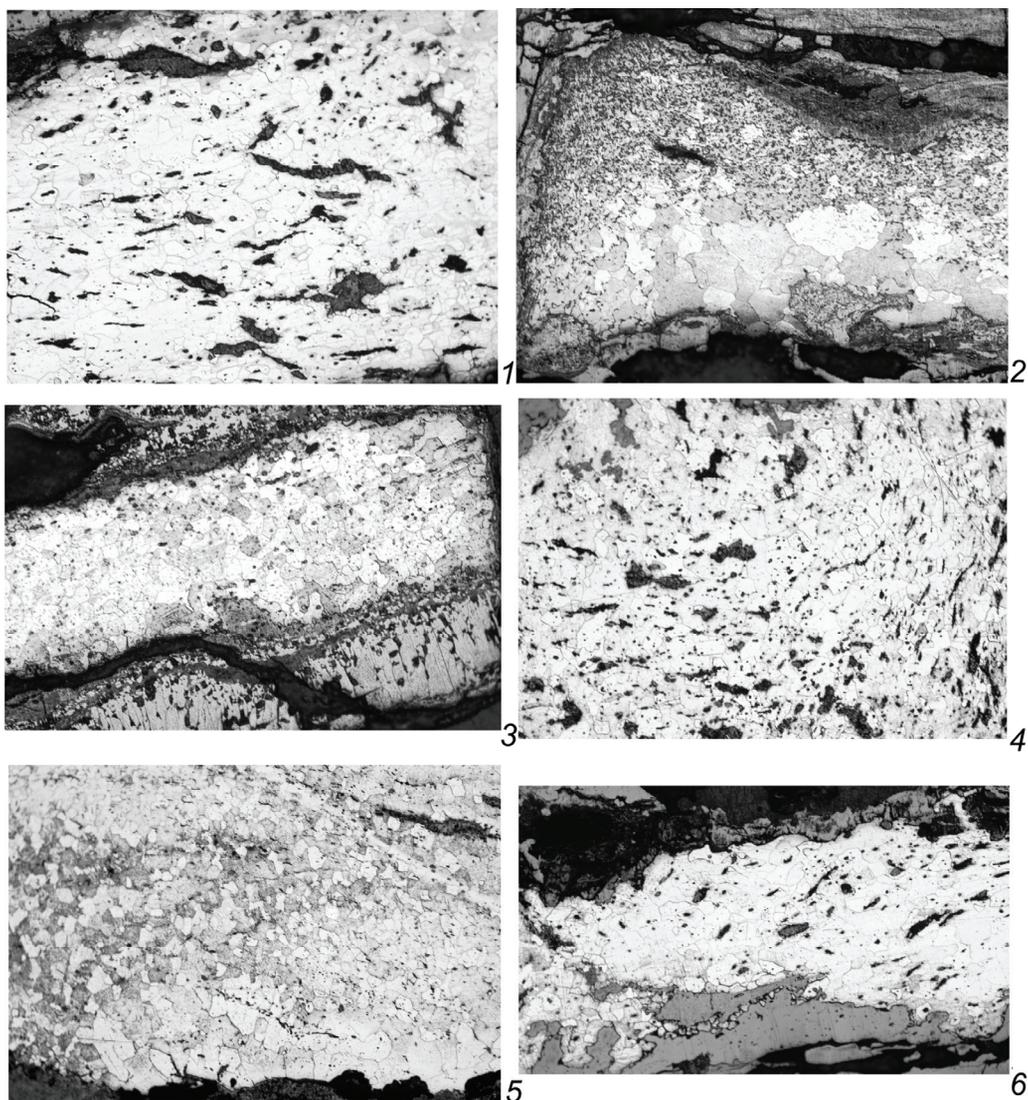

Рис. 4. Фотографии микроструктур, увел. $\times 100$:

1 — образец № 3 (нож № 2397); 2 — образец № 6 (нож № 2465); 3 — образец № 1 (нож № 2213);
4 — образец № 2 (нож № 2231); 5 — образец № 4 (шило № 2536); 6 — образец № 5 (нож № 3331).

Fig. 4. Photographs of microstructures, an increase $\times 100$:

1 — sample No. 3 (knife № 2397); 2 — sample No. 6 (knife № 2465); 3 — sample No. 1 (knife № 2213);
4 — sample No. 2 (knife № 2231); 5 — sample No. 4 (awl № 2536); 6 — sample No. 5 (knife № 3331).

Обломок однолезвийного черешкового ножа, железный (рис. 3, 1). Длина изделия 80 мм, ширина 9 мм, толщина обуха 1,5 мм, толщина режущей кромки 0,5–0,7 мм. Острие ножа обломано, без него длина клинка составляет 75 мм. Черешок также обломан, сохранилась лишь небольшая часть длиной 5 мм и шириной 5 мм, при переходе к клинку образует уступ. Обух (спинка) прямой, ровный.

Результаты металлографических исследований показали следующее (рис. 4, 1). *Образец № 3. Нож № 2397¹.* Шлиф сделан на поперечном сечении лезвия. При микроструктурном исследовании выявлена однородная структура феррита. Величина зерна 6–7 баллов. Металл загрязнен крупными и мелкими шлаковыми включениями. На лезвии ножа фиксируется трещина, забитая шлаком. Микротвердость феррита 130 кг/мм².

Обломок однолезвийного черешкового ножа, железный (рис. 3, 2). Длина ножа составляет 32 мм, ширина лезвия у основания 10 мм, к острию сужается до 4 мм, само острие обломано.

¹ Здесь и далее указан номер артефакта в коллекционной описи предметов с городища.

Толщина обуха 3 мм, режущей кромки — 0,7 мм. Обух (спинка) прямой, ровный. Черешок также обломан, длина сохранившейся части 14 мм, ширина у основания 6 мм. Черешок при переходе к клинку образует уступ. По данному предмету металлографический анализ не проводился.

Однолезвийный черешковый нож, железный (рис. 3, 3). Общая длина изделия 22 мм, ширина 12 мм, толщина 2 мм. Длина лезвия 15 мм, оставшейся части черешка — 5 мм. Лезвие в окончании заужено и имеет округлую форму. Оно уничтожено коррозией, что не позволяет выявить технологические особенности предмета.

Результаты металлографических исследований следующие. *Образец № 6. Нож № 2465.* Шлиф сделан на поперечном сечении лезвия. Микроструктурное изучение показало в основе шлифа мелкозернистую феррито-перлитную структуру, плавно переходящую в одной из сторон в структуру феррита (рис. 4, 2). Концентрация углерода в металле колеблется от 0 до 0,2 %. В плоскости шлифа фиксируются короткие сварочные швы, забитые шлаком, имеющие неконструктивный характер. Микротвердость феррито-перлита 134–155 кг/мм².

Обломок ножа, железный (рис. 3, 4). Вероятнее всего, нож однолезвийный, установить точно из-за сильной коррозированности металла не представляется возможным. Общая длина предмета 26 мм, ширина около 12 мм, толщина 1 мм.

Металлографический анализ изделия показал следующее. *Образец № 1. Нож № 2213.* Откован из кричного железа, обладающего низкими рабочими качествами. Шлиф сделан на полном поперечном сечении лезвия. Микроструктура шлифа состоит из мелкозернистого феррита (рис. 4, 3). Размер зерна 6–7 баллов. По всему сечению наблюдается большое количество шлаковых включений. Микротвердость феррита 133 кг/мм².

Обломок однолезвийного ножа, железный (рис. 3, 5). Изделие представлено обломком узкого лезвия длиной 20 мм, шириной 6 мм. Толщина обуха 2 мм, режущей кромки — 0,5 мм. Обух (спинка) прямой, ровный.

Результаты металлографического анализа. *Образец № 2. Нож № 2231.* Шлиф сделан на поперечном сечении лезвия. Микроструктурное исследование выявило ферритную структуру шлифа. Размер зерна 5–6 баллов. Металл содержит большое количество мелких и крупных шлаковых примесей, расположенных по всему сечению (рис. 4, 4). Микротвердость феррита 123 кг/мм².

Шило, железное, в сечении прямоугольной формы (рис. 3, 6). Размеры сечения 4×2 мм. Предмет представлен обломком нижней части длиной 37 мм с заостренным концом. *Образец № 4. Шило № 2536.* Шлиф сделан на полном поперечном сечении изделия. Микроструктурный анализ выявил ферритную структуру шлифа (рис. 4, 5). В плоскости шлифа фиксируются трещины, забитые шлаком. В центральной части шлифа наблюдается косой сварочный шов хорошего качества. Неметаллические включения мелкие. Микротвердость феррита 121 кг/мм².

Обломок однолезвийного ножа, железный (рис. 3, 7). Обломок представлен фрагментом лезвия длиной 30 мм, шириной 5 мм. Ближе к острию лезвие сужается до 1,5 мм. Толщина обуха 1 мм, режущей кромки — 0,3 мм. Обух (спинка) прямой, ровный. Результаты металлографического анализа следующие. *Образец № 5. Нож № 3331.* Шлиф сделан на поперечном сечении лезвия. При микроструктурном исследовании выявлена мелкозернистая ферритная структура (рис. 4, 6). Размер зерна 6–7 баллов. Металл загрязнен крупными и мелкими неметаллическими включениями, расположенными по всему полю. Микротвердость феррита 115 кг/мм².

Кроме вышеописанных предметов на городище были найдены небольшие железные шарики, всплески, капли и собраны куски шлака с остатками металла на нем.

Результаты

В целом представленный выше тип ножей — черешковые с прямой ровной спинкой, треугольные в разрезе, с уступчиком на переходе к черешку можно отнести к бытовым предметам. Они имели широкое территориальное распространение в раннем железном веке. Встречаются в материалах саргатской, кашинской культур Зауралья [Матвеева, 1993, 1994; Среда, культура и общество..., 2009], ананьинской в Среднем Поволжье [Халиков, 1977, Чижевский, 2008], иткульской на Урале [Бельтикова, 1988, 1993] и др. Шило также имеет широкие хронологические и территориальные аналогии в материалах культур скифо-сарматского времени лесостепной и лесной зон Евразии.

В результате металлографических исследований изделий из черного металла, полученных из слоя раннего железного века городища Марай 1, было установлено, что население находилось на начальной стадии освоения железа. В этот период черный металл был редким и дорогим

материалом, о чем свидетельствуют единичные находки железных предметов на памятниках раннего железного века Зауралья по сравнению с множеством изделий, изготовленных из бронзы. В качестве исходного сырья мастерами в процессе металлического производства использовалось главным образом сравнительно мягкое кричное железо, содержащее значительное количество шлаковых примесей. Изредка применялось частично науглероженное железо.

Процесс освоения железной индустрии включал в себя две взаимосвязанные задачи: производство (металлургию) железа и его кузнечную обработку. Находки в слое раннего железного века на городище шлаков с железными вкраплениями, железных всплесков, шариков и капель позволяют предположить, что металлопроизводством и металлообработкой занимались непосредственно на территории поселка.

Кузнецы, производившие изделия на городище Марай 1, владели основными приемами свободнойковки металла в горячем состоянии, контролируя необходимый температурный режим нагрева и обработки железа, не допуская перегрева металла. Судя по микроструктуре,ковка завершалась при температуре 900–950 °С. Выявленные мелкозернистые структуры металла однозначно свидетельствуют о наличии у мастеров необходимого опыта, специализированных орудий труда и оборудования. При этом необходимо отметить, что нагрев заготовок до температуры свыше 900–950 °С мог осуществляться только в горне, оснащем воздушными мехами. Контроль за температуройковки, судя по полученным данным, проводился по цвету каления металла.

Несмотря на то что в одном случае отмечено использование малоуглеродистой сырцовоистали, есть основание полагать, что физические и механические свойства стали местными кузнецами еще не были освоены. Известно, что процесс прямого получения железа из руды в сыродутном горне может сопровождаться определенными факторами как препятствующими, так и благоприятствующими образованию науглероженного железа, или стали [Байков, 1949а, с. 341–342; 1949b, с. 364]. Так, для получения чистого или незначительно науглероженного железа важны два обстоятельства: во-первых, краткое время пребывания восстановленного металла в соприкосновении с углем в шахте рабочей камеры; во-вторых, недостаточное количество угля в горне, при котором кусочки твердого угля в смеси шихты рассеиваются, препятствуя созданию необходимых условий для науглероживания.

Процесс освоения стали скорее всего сдерживался местными технологическими традициями металлургического производства. Так, по мнению Г.В. Бельтиковой, именно навыки, полученные иткульскими металлургами при обработке цветного металла, повлияли на темпы развития черной металлургии в Уральском регионе. Также отсутствие железоплавильных горнов на памятниках данного периода свидетельствует, что для выплавки железа, вероятнее всего, использовались типы горнов, присущие медеплавильням [Бельтикова, 1993, с. 101].

Выводы

Таким образом, данные металлографического анализа позволяют сделать следующее заключение. Основным поделочным материалом у байтовских кузнецов служило кричное железо, содержавшее большое количество мелких и крупных шлаковых примесей. Кричное железо являлось естественным продуктом сыродутного процесса, образующимся при определенных физико-химических условиях. Находки на городище Марай 1 сыродутных шлаков указывают на существование здесь собственного металлургического производства. Не исключено, что местное производство возникло под влиянием соседней иткульской культуры. В пользу последнего свидетельствуют сравнительные данные микроструктур металла байтовского и иткульского очагов металлургии [Бельтикова, 1997, гл. II, с. 5].

Исследование кузнечной продукции показало, что основным технологическим приемом ее производства былаковка металла в горячем состоянии, позволявшая придавать изделиям необходимую форму. В целом технология кузнечного дела населения городища Марай 1 была довольно архаична и слаборазвита, что соответствует начальному этапу становления железной индустрии.

Для этого же времени отмечено появление железодетального производства у саргатского населения на территории Притоболья [Матвеева, 1993, с. 122, 124]. Находки на городище Усть-Полуй остатков сыродутных горнов и железистых шлаков в кулайском слое свидетельствуют о местном железопроизводстве в Приполярье [Водясов, Гусев, 2016].

Таким образом, несмотря на то что полученные данные немногочисленны, они очень важны для изучения истории черной металлургии западно-сибирского региона. В совокупности с

уже имеющимися сведениями о наличии в IV в. до н.э. — I в. н.э. собственного металлопроизводства в Приобье у населения саргатской культуры и у кулайских коллективов в Нижнем Приобье они позволяют сделать вывод, что в эпоху раннего железа население Западной Сибири, в том числе в арктической зоне, начинает активно осваивать производство железа и изготовление различных предметов из него приемами горячейковки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Байков А.А.* Прямое получение железа из руд // Собрание трудов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949а. Т. 2. С. 339–355.
- Байков А.А.* Физико-химические основы способов прямого получения железа из руд // Собрание трудов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949б. Т. 2. С. 356–380.
- Бельтикова Г.В.* Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // Материальная культура Урала и Западной Сибири. Вопросы археологии Урала. Свердловск: УрГУ, 1988. Вып. 19. С. 103–117.
- Бельтикова Г.В.* Развитие иткульского очага металлургии // Вопросы археологии Урала. 1993. Вып. 21. С. 93–106.
- Бельтикова Г.В.* Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 23 с.
- Водясов Е.В.* Черная металлургия в Обь-Томском междуречье в эпоху средневековья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2012. 23 с.
- Водясов Е.В.* Начало освоения железорудных месторождений Обь-Томского междуречья // Вестник ТГУ (История). 2013. № 6 (26). С. 126–129.
- Водясов Е.В.* Городище Усть-Таган: Памятник черной металлургии Верхнего Приобья // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 1 (19). С. 84–98.
- Водясов Е.В., Гусев А.В.* Древнейшие свидетельства освоения человеком железа в Нижнем Приобье (по материалам раскопок Усть-Полуя в 2010–2012 гг) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 58–68.
- Еньшин Д.Н., Цембалюк С.И.* Исследование поселения Марай 1 в 2010 г. // АО 2010–2013 гг. М.: Наука, 2015. С. 641–642.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.; Знак, 2009. 264 с.
- Зайцева О.В., Водясов Е.В., Пушкарев А.А.* Поиск и картографирование археометаллургических объектов с помощью магнитной разведки // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. II. С. 382–383.
- Зиняков Н.М.* К истории освоения железа в Минусинской котловине // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: КемГУ, 1980. С. 66–75.
- Зиняков Н.М.* Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 367 с.
- Коноваленко С.И., Асочакова Е.М., Барсуков Е.В., Зайцева О.В.* Вещественный состав шлаков и руд железодельного производства на территории Шайтанского комплекса средневековых археологических памятников в Томском Приобье // Минералогия техногенеза-2010. Миасс: УрО РАН, 2010. С. 196–206.
- Корякова Л.Н., Кузминых С.В., Бельтикова Г.В.* Переход к использованию железа в Северной Евразии // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Азии. СПб.: ГЭ, 2011. С. 10–16.
- Корякова Л.Н., Дэйер М.И., Ковригин А.А., Шарипова С.В., Берсенева Н.А., Пантелеева С.Е., Ражев Д.И., Курто П., Хэнкс Б., Ефимова Е.Г., Каздым А.А., Микрюкова О.В.* Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса). Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.
- Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 245 с.
- Матвеева Н.П.* Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.
- Матвеева Н.П.* Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.
- Могильников В.А.* Ранний железный век лесостепи Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 274–283.
- Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. М.: Наука, 1977. 262 с.
- Цембалюк С.И.* Марай 1, поселок финальной бронзы и раннего железного века // IX Зырянские чтения — 2011: Материалы Всерос. науч.-практ. краевед. конф. Курган, 2011. С. 28.
- Цембалюк С.И.* Хозяйство и быт населения красноозерской культуры (по материалам поселения Марай 1 в Нижнем Приишимье) // РА. 2015. № 3. С. 43–54.
- Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового — раннем железном веках: (Предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Казань: Школа, 2008. 172 с.
- Чичагова О.А., Зазовская Э.П.* Радиоуглеродное датирование: Прошлое, настоящее, будущее — развитие идей И.П. Герасимова // Бюллетень Почвенного института им. В.В. Докучаева. 2015. Вып. 81. С. 160–176.

Металлографическое исследование железных изделий городища Марай 1

Maddin R. The Beginning of the Use of Metals and Alloys. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1988. 393 p.
Pleiner R. Iron in Archaeology: The European Bloomery Smelters. Praha: Archeologický ústav AVČR, 2000. 400 p.

N.M. Zinyakov, S.I. Tsembalyuk

Kemerovo State University
Krasnaya st., 6, Kemerovo, 650043, Russian Federation
Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: nmzinyakov@rambler.ru;
svetac80@mail.ru

METAL FORGE PRODUCTS AT THE MARAY 1 HILLFORT

The article considers the problem of the origin of iron-processing production in the Tobol-Ishim interfluvium during the Early Iron Age, which has yet to be fully studied. The absence of iron items in the monumental materials of the beginning of the Early Iron Age meant that questions concerning iron processing methods, sources of the metal and the time of the origin of the ferrous metallurgy in this territory were not raised. Until now, it was believed that all iron items found in Tobol-Ishim basin were imported. It is probable that the absence of finds of iron objects is related to the mode of occurrence under conditions of sandy soils. This means that their absence may be due to the fact that they have simply not survived to our present time. Analysis of forged products found at the Maray 1 site allows conclusions to be drawn about local iron and iron production. Metallographic studies of ferrous metal products show that the population of the Maray 1 settlement was at the initial stage of the development of iron. In this early smelting industry, a relatively soft bloom iron containing a significant amount of slag impurities was used as a raw material. Occasionally partially carburised iron was used. The smiths of this time were not yet familiar with the methods of manufacturing steel, but were familiar with techniques for working with metal in the forging process. Findings on the site of slags, iron bursts, drops and balls indicate the presence of domestic iron metallurgy among the Baitovo population. The process of metalworking and the manufacture of objects made of iron occurred directly on the territory of the settlement. The data obtained, in conjunction with the available materials on the presence of iron and iron processing industries among the population of the Sargatka culture of Tobol and Kulayka in the Lower Ob, led to a conclusion about the beginning of active development of iron production in Western Siberia in the Early Iron Age. The chronological framework of the study is 4th–2nd cc. BC.

Key words: Lower Ishim river, the Early Iron Age, iron products, metallographic analysis.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-015-024

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

REFERENCES

- Baikov A.A. (1949a). Direct production of iron from ores. *Sobranie trudov*, 2, Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 339–355.
- Baikov A.A. (1949b). Physico-chemical bases of methods for direct production of iron from ores. *Sobranie trudov*, 2, Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 356–380.
- Bel'tikova G.V. (1988). Settlement of metallurgy on the island Malyi Vishnevyyi. *Material'naya kul'tura Urala i Zapadnoi Sibiri. Voprosy arkheologii Urala*, (19), Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 103–117.
- Bel'tikova G.V. (1993). The development of the Itkul metallurgy center. *Voprosy arkheologii Urala*, (21), Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 93–106.
- Bel'tikova G.V., (1997). *Trans-Ural (Itkul) hearth of metallurgy (VII–III centuries BC.)*. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow.
- Chichagova O.A., Zazovskaya E.P. (2015). Radiocarbon dating: Past, present-day and future — development of I.P. Gerasimov ideas. *Biulleten' Pochvennogo instituta im. V.V. Dokuchaeva*, (81), 160–176.
- Chizhevskii A.A. (2008). *Funerary monuments of the Volga-Kama population in the final of the Bronze — Early Iron Ages: (Pre-Ananyin and Ananyin cultural and historical regions)*, Kazan': Shkola.
- En'shin D.N., Tsembalyuk S.I. (2015). Study of the settlement of Maray 1 in 2010. *Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 godov*, Moscow: Nauka, 641–642.
- Khalikov A.Kh. (1977). *Volga-Kamye at the beginning of the Early Iron Age*, Moscow: Nauka.
- Konovalenko S.I., Asochakova E.M., Barsukov E.V., Zaitseva O.V. (2010). Material composition of slags and iron ore production in the Shaitan complex of Medieval archaeological sites in Tomsk Ob river region. *Mineralogiya tekhnogeneza-2010: Nauchnoe izdanie*, Miass: UrO RAN, 196–206.
- Koriakova L.N., Kuzminykh S.V., Bel'tikova G.V. (2011). Transition to the use of iron in Northern Eurasia. *Perekhod ot epokhi bronzy k epokhe zheleza v Severnoi Azii*, St. Peterburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 10–16.

Koriakova L.N., Deier M.I., Kovrigin A.A., Sharapova S.V., Berseneva N.A., Panteleeva S.E., Razhev D.I., Kurto P., Khenks B., Efimova E.G., Kazdym A.A., Mikriukova O.V., Sakharova A.O. (2009). *Environment, culture and society of the forest-steppe Trans-Urals in the second half of I thousand BC (on materials of Pavlinovo archaeological complex)*, Ekaterinburg; Surgut: Magellan.

Kosarev M.F. (1984). *Western Siberia in ancient times*, Moscow: Nauka.

Maddin R. (1988). *The Beginning of the Use of Metals and Alloys*, Cambridge, Mass.: The MIT Press.

Matveeva N.P. (1993). *Sargatka culture on the Middle Tobol*, Novosibirsk: Nauka.

Matveeva N.P. (1994). *Early Iron Age of the Ishim river region*, Novosibirsk: Nauka.

Mogil'nikov V.A. (1992). Early Iron Age of forest-steppe of Western Siberia. *Stepnaia polosna Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*, Moscow: Nauka, 274–283.

Pleiner R. (2000). *Iron in Archaeology: The European Bloomery Smelters*, Praha: Archeologický ústav AVČR.

Tsembalyuk S.I. (2011). Maray 1, Final Bronze and Early Iron Age settlement. *IX Zyrianovskie chteniia — 2011: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi kraevedcheskoi konferentsii*, Kurgan.

Tsembalyuk S.I. (2015). The economy and life of the population Krasnozerka culture (on materials of the settlement Maray 1 in the Lower Ishim). *Possiyskaya arkheologiya*, (3), 43–54.

Vodyasov E.V. (2012). *Iron Production in Ob Tomsk river region in Middle Ages*. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kemerovo.

Vodyasov E.V. (2013). Beginning of development of iron ore deposits in Ob-Tomsk Region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Istoriya)*, (6), 126–129.

Vodyasov E.V. (2018). Ust-Tagan hillfort: Iron smelting site in the Upper Ob river region. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, (1), 84–98.

Vodyasov E.V., Gusev A.V. (2016). The earliest evidence of iron metallurgy in the Lower Ob river region (source: Ust-Polui excavations in 2010–2012). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4), 58–68.

Zaitseva O.V., Vodyasov E.V., Pushkarev A.A. (2011). Search and mapping of archaeometallurgical objects with the help of magnetic survey. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda, (II)*, St. Peterburg, Moscow, Velikii Novgorod, 382–383.

Zav'ialov V.I., Rozanova L.S., Terekhova N.N. (2009). *The history of blacksmith's craft of the Finno-Ugrian peoples in the Volga and the West Ural regions: (The problem of ethno-cultural interactions)*, Moscow: Znak.

Ziniakov N.M. (1980). On the history of iron development in the Minusinsk basin. *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo*, Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, 66–75.

Ziniakov N.M. (1997). *Iron metallurgy and blacksmithing of Western Siberia*, Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

Я.Е. Пискарева*, Е.А. Сергушева*, Н.А. Дорофеева*, М.С. Ляцевская**,
М.О. Шарый-оол***

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690001
E-mail: 7yana7@mail.ru;
lenasergu@gmail.com;
dnaal@list.ru

**Тихоокеанский институт географии ДВО РАН
ул. Радио, 7, Владивосток, 690041
E-mail: lyshevskay@mail.ru

***Федеральный научный центр биоразнообразия
наземной биоты Восточной Азии ДВО РАН
просп. 100-летия Владивостока, 159, Владивосток, 690022
E-mail: sharyiool@biosoil.ru

ХОЗЯЙСТВО РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОХЭСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

Впервые предпринята попытка реконструкции хозяйства раннесредневекового населения Приморья на основе анализа корпуса источников мохэской археологической культуры (VI — начало VIII в.). Прямые, но малочисленные данные подтверждают наличие у мохэ земледелия, животноводства, охоты, морского и речного собирательства и рыболовства, собирательства растений. Ранжировать их по экономической значимости пока не удастся. Археоботанические данные свидетельствуют о положительной динамике земледелия мохэ от раннего этапа к позднему, проявившейся в расширении списочного состава растений и объема производства. Изменения в земледелии происходили быстро и были вызваны культурно-историческими событиями в регионе, связанными с образованием государства Бохай и расширением его границ. Мохэ Приморья разводили по меньшей мере два вида домашних животных — свиней и лошадей. На мохэских памятниках обнаружены только косвенные свидетельства охотничьего промысла (наконечник стрелы, ножи, инструменты для выделки шкур). Раковины морских и пресноводных моллюсков найдены на трех памятниках. Костные остатки восьми видов морских рыб обнаружены на одной стоянке. Собирательство дикорастущих растений подтверждено находками семян и плодов семи видов растений, использовавшихся в пищевых и, вероятно, медицинских целях. Многокомпонентность хозяйства мохэ говорит об успешной адаптации этого населения в условиях меняющегося климата Приморья на протяжении трех столетий, с VI по VIII в.

Ключевые слова: раннее средневековье, мохэская археологическая культура, система расселения, земледелие, животноводство, рыболовство, охота, собирательство, Приморье.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-025-036

Введение

Раннее средневековье на юге Дальнего Востока представлено памятниками мохэской культурно-исторической общности (рис. 1). Тунгусо-маньчжур, проживавшие на территориях современных северо-восточного Китая, Приморья и Приамурья, известны по китайским летописным источникам как племена мохэ или уцзи. Согласно летописям, это население занималось земледелием, охотой, животноводством [Бичурин, 1950, с. 91]. Но их социальное и экономическое развитие было неравномерным. Так, в «Повествовании об уцзи» (глава 94 Бэй ши) указывается на существование пашенного земледелия у мохэ в южном ареале расселения (Южная Маньчжурия): «...землю пашут парю лошадей. Земля более произращает просо и пшеницу...» [Бичурин, 1950, с. 70]. Сильнейшим «поколением» мохэ было *хэйшуй*¹, у боду «строевого войска семь тысяч», а у *хаоши* мохэ, проживавших на восток от *фуне*, «стрелы вообще с каменными наконечниками» [Там же, с. 91–92]. У части *сумо* мохэ, переселившихся в пределы Китая, ко времени образования мохэского государства Бохай было развитое земледельческо-скотоводческое хозяйство и «вековой опыт военно-политического, экономического и культурного общения с центрами цивилизации — Китаем и Когурё» [Ивлиев, 1997, с. 56]. В 698 г. именно на осно-

¹ Здесь и далее шрифтом выделены названия «поколений» — племенных союзов мохэ по летописным источникам.

ве племенного союза *сумо мохэ* возникло государство Бохай. А в VIII в. бохайские памятники появляются на западе и юге Приморья и начинается аккультурация местных мохэсцев пришлым населением. Но элементы мохэской АК сохранялись в материальной культуре бохайцев Приморья еще долгое время [Болдин, 1996].

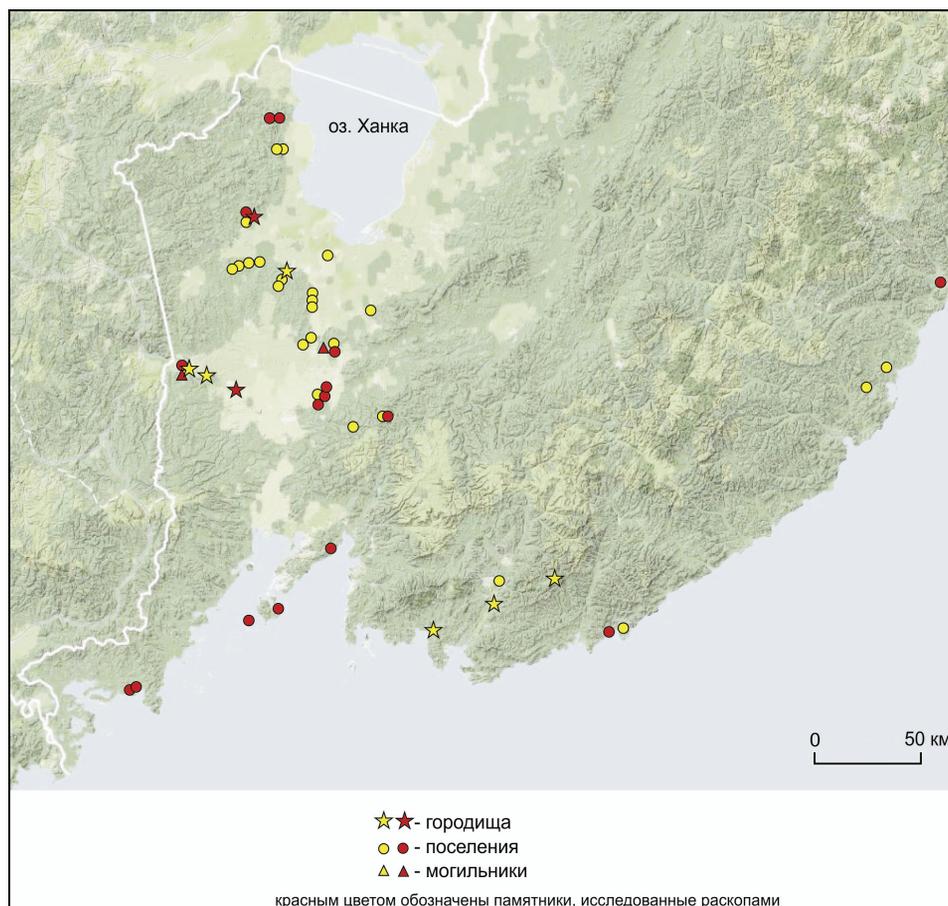

Рис. 1. Карта памятников мохэской культуры Приморья.
Fig. 1. Map of sites of the Mohe culture of Primorye.

Период существования мохэской культуры на территории Приморья приходится на VI — начало VIII в. Анализ материалов, подкрепленный результатами радиоуглеродного датирования, позволяет выделить памятники раннего и позднего этапов мохэской культуры [Пискарева, 2014]. К раннему этапу относится ряд поселений юго-западного Приморья (Абрамовка-3, Куркуниха, Чернятино-5 (жилища)), в том числе на южном побережье (Барабаш-5, Троица-5 и др.). Наиболее ранние достоверные ^{14}C -даты получены для двух памятников этого этапа — Барабаш-5² и Абрамовка-3 [Кривуля, 2015а, с. 468]. К позднему этапу отнесены поселения в бассейнах рр. Раковка (Раковка-10, Михайловка-1, 2) и Раздольная (Чернятино-2, 5, Синельниково-1) и на северо-восточном побережье Приморья (Кордон-дровяник). «Типолист» мохэской археологической культуры составляют углубленные жилища, лепная, а позднее и круговая керамика, изделия из камня, бронзы и железа (рис. 2).

География распространения мохэской АК включает территории северо-восточного Китая, Приморья и Приамурья. Наше исследование основано на приморских материалах, так как они наиболее изучены: стационарные раскопки проведены почти на 20 памятниках — городищах, поселениях, стоянках и могильниках (рис. 1). В последние годы при их исследовании применяются современные методы и подходы (палинологический, археоботанический, трасологический,

² Радиоуглеродные даты деревянных конструкций жилища № 1 памятника Барабаш-5 — 1370 ± 40 л.н. (СОАН-8252), 1410 ± 35 л.н. (СОАН-8253) и жилища № 2 — 1310 ± 40 л.н. (СОАН-8254), 1290 ± 25 л.н. (СОАН-8255).

Хозяйство раннесредневекового населения Приморья...

AMS-датирования и др.), получены принципиально новые данные. Эта источниковая база позволяет перейти на уровень реконструкций. Таким образом, задачами данной работы являются введение в научный оборот данных, полученных за последние годы, их обобщение и критическое осмысление с целью реконструкции систем жизнеобеспечения носителей мохэской культуры.

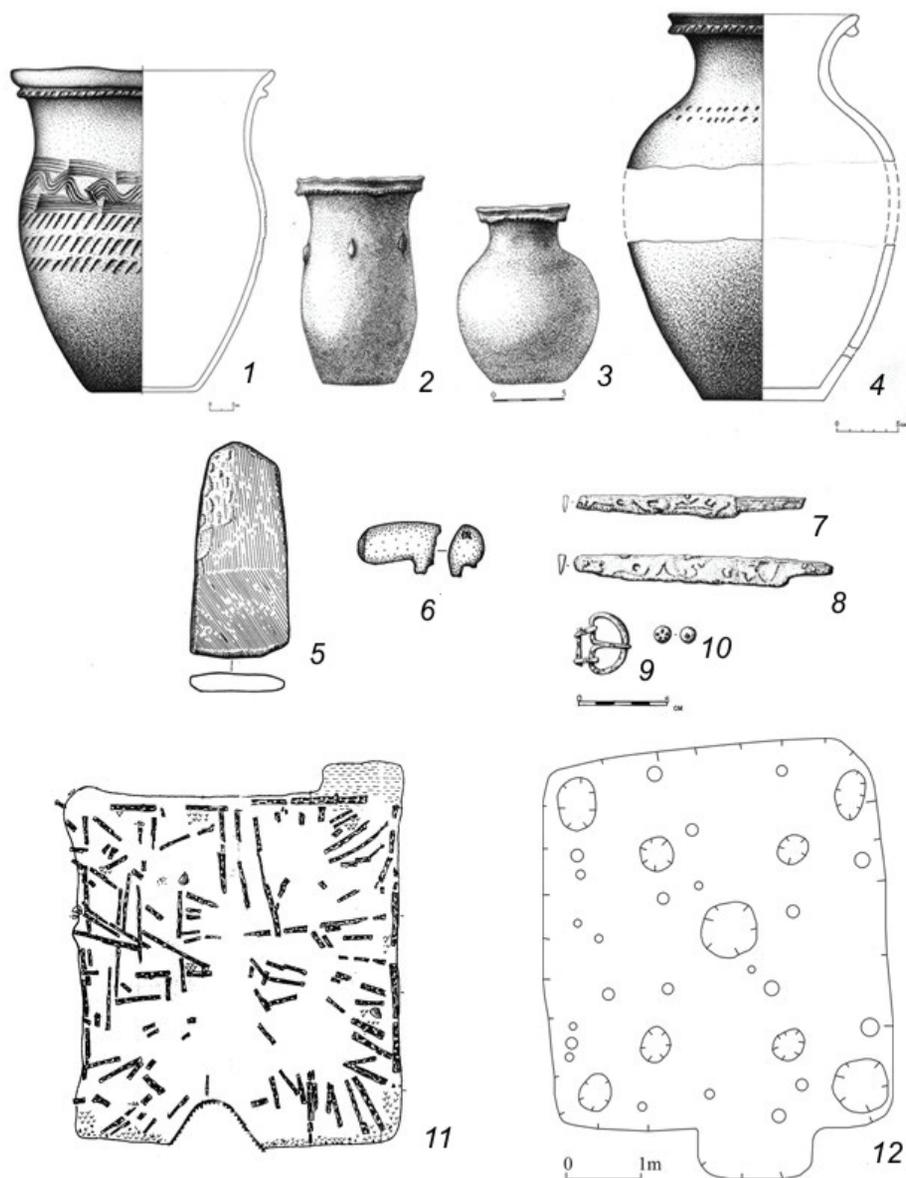

Рис. 2. Элементы материальной культуры мохэ:

1–4 — керамические сосуды (1 — поселение Барабаш-5; 2, 3 — поселение Кордон-дровяник; 4 — поселение Раковка-10); 5 — каменное орудие (поселение Раковка-10); 6 — глиняная фигурка (поселение Абрамовка-3); 7, 8 — железные ножи (поселение Михайловка-2); 9, 10 — изделия из бронзы (поселение Михайловка-2); 11, 12 — планы жилищ (поселение Абрамовка-3).

Fig. 2. Elements of the Mohe material culture:

1–4 — ceramic vessels (1 — Barabash-5 site; 2, 3 — Kordon-Drovyanik site; 4 — Rakovka-10 site); 5 — stone tool (Rakovka-10 site); 6 — clay figurine (Abramovka-3 site); 7, 8 — iron knives (Mikhailovka-2 site); 9, 10 — bronze articles (Mikhailovka-2 site); 11, 12 — housing plans (Abramovka-3 site).

Палеогеографическая обстановка на территории Приморья в раннем средневековье

Субатлантический период голоцена начинается с середины I тыс. до н.э. и состоит из последовательно сменяющихся периодов похолодания и потепления. В период раннего средневековья в Приморье (начало IV — VII в.) отмечено похолодание, сопровождавшееся уменьшением атмосферного увлажнения. Климат был значительно холоднее современного. На юге края

распространились открытые ландшафты (разнотравные луга на низменных участках), происходило сильное снижение лесистости территории. Развивались ольшаники; широколиственные деревья встречались очень редко. На Приханкайской низменности на склонах низкогорий господствовали сосново-кедровые леса с участием ели, значительно сократилось участие дуба и ильма, исчезли липа, ясень, орех маньчжурский, бересклет и калина. На низких гипсометрических уровнях развивались березняки, появилась кустарниковая береза. На равнинных участках распространялись полынно-злаковые луга [Базарова и др., 2018]. В VI в. оз. Ханка находилось в регрессивной фазе, что подтверждается формированием слоя болотных почв, перекрывающих озерные глины, в разрезе береговой аккумулятивной формы [Микишин и др., 2007]. Регрессия привела к обмелению прибрежных мелководий. Уровень моря был ниже современного [Микишин и др., 2008].

Палинологические данные с городища Синельниково-1 (VI–VIII вв.) свидетельствуют о климате юго-запада Приморья более холодном, чем современный. В составе лесной растительности преобладали березово-дубово-широколиственные леса с кустарниковым ярусом из лещины, бузины, черемухи, клена, представителей аралиевых и др. [Клюев и др., 2018].

Следующий за этим период потепления климата (малый оптимум голоцена) датируется на территории Приморья VIII–XII вв. Среднегодовая температура повысилась на 1–1,3 °С, в основном за счет более теплых зим. Предположительно увеличилось годовое количество атмосферных осадков [Короткий и др., 1999]. В рассматриваемый временной интервал отмечено три пика активизации теплых течений системы Куроисио [Разжигаева и др., 2014]. Уровень Японского моря был примерно на 1 м выше современного [Короткий, Худяков, 1990; Короткий, 1994].

Спорово-пыльцевые данные свидетельствуют о восстановлении прежней роли лесной растительности. В долине р. Раздольной распространялись дубовые леса с участием широколиственных пород, а в горах — хвойно-широколиственные леса. На отдельных участках сокращение доли кедра в результате лесных пожаров и возникновение вторичных лесов, скорее всего, были связаны с хозяйственной деятельностью человека [Разжигаева и др., 2014]. Схожие спорово-пыльцевые данные о потеплении, относящиеся к VIII и X вв., получены для болотных отложений террасы р. Рязановки [Короткий и др., 1980; Голубева, Караулова, 1983] и низкой морской террасы разреза «Шкотово-1» на побережье Уссурийского залива [Гвоздева и др., 1997].

На Приханкайской низменности потепление способствовало увеличению доли дуба и ильма, а также возвращению ореха маньчжурского, липы, ясеня и калины. Площади лесных ландшафтов расширялись, в том числе в речных долинах. На низких участках распространялись ивняковые и луговые сообщества [Базарова и др., 2018]. Потепление малого оптимума голоцена на территории юга Дальнего Востока проявилось в увеличении роли широколиственных пород, а среди темнохвойных — пихты [Короткий и др., 1980]. В это время уровень оз. Ханка был выше современного ~ 1 м [Базарова и др., 2014].

Таким образом, существование мохэской археологической культуры на территории Приморья приходится на период похолодания и иссушения климата, сопровождавшийся расширением открытых ландшафтов и сокращением лесов, уменьшением доли широколиственных и увеличением роли мелколиственных пород. Начало сменившего его потепления — малый оптимум голоцена — приходится на период возникновения и усиления государства Бохай.

Система расселения мохэ на территории Приморья

Применение методов поселенческой археологии для исследований мохэской АК Приморья существенно ограничено спецификой имеющихся материалов, а именно тем, что в недостаточной степени изучена внутренняя структура мохэских поселений, невозможно проведение хронологической систематизации сооружений и построек, использование геоинформационных технологий в археологии региона находится на начальном этапе. Тем не менее отдельные попытки выявить особенности системы расселения мохэ в Приморье предпринимались [Мезенцев, 2000; Пискарева, 2015]. Пока классификация мохэских памятников возможна по следующим признакам: наличие или отсутствие укреплений, площадь памятника и его топография. Выделяются укрепленные (городища) и неукрепленные поселения. Отдельный тип представлен единичными могильниками. Исследовались два из них: Лузановский могильник включает погребения мохэской АК, Чернятинский — погребения мохэской и бохайской АК.

Укрепленные поселения (городища), которые с уверенностью (на основании археологических исследований) можно отнести к мохэской культуре, немногочисленны (13). При их сооружении учитывался рельеф местности и на труднодоступных участках вал не возводился. Высо-

ты, на которых располагались такие памятники, в основном невелики — до 15 м. Исключение составляют городища правобережья р. Раздольной, появляющиеся в раннебохайское время на господствующих высотах по краю долины [Никитин, 2000]. Среди мохэских городищ выделяются три размерных ранга — малые (до 2000 м²), средние (11 000–22 000 м²) и большие (75 000 м²). Малые городища (Можаев Ключ, Борисовское, Усть-Соболевское, Таловское, Андреанов Ключ) располагались на вершинах небольших сопков, мысах, выступах террас; имели естественную защиту (обрывы, крутые склоны). Три из них (Константиновка-4, Павловка-1 и Павловка-2) были обнесены валом по всему периметру. Из средних городищ Новоселищенское и Криничное расположены на небольших высотах, а Синельниково-1 занимает труднодоступную вершину. Внутренняя структура средних городищ включает ряды западин разного размера. К большим городищам предположительно отнесено Петровское. Оно находится в южном Приморье, на вершине сопки в нескольких километрах от морского побережья. Памятник отличается от других мохэских городищ значительной площадью и усложненной системой укреплений [Мезенцев, Бурдонов, 2007]. Стационарные археологические исследования на нем не проводились.

На территории Приморья известно около сотни неукрепленных долгосрочных и сезонных поселений. Располагались они на небольших (до 15 м) возвышенностях: в бассейне оз. Ханка — на склонах сопков, падей, мысах; в бассейне р. Раздольной и ее притоков — на террасовидных мысах и склонах; на морском побережье — на прибрежных террасах. Известны лишь два поселения в пойме [Мезенцев, 2014].

Площадь поселений составляет 500–75 000 м², количество западин — 1–105. Между площадью поселений и количеством западин не прослеживается корреляции. Располагаясь компактно, западины могли занимать меньшую площадь по сравнению с поселениями с более разреженным расположением жилищ. Так, поселение Ярославский-1 имеет 12 западин на площади 12 000 м², а на поселении Михайловка-2 — 45 западин на площади 10 000 м². Некоторые поселения многослойные, и на них не проводились стационарные исследования, что не позволяет уверенно говорить о принадлежности всех жилищ к одному периоду. Мохэские памятники с наибольшим количеством западин зачастую имеют более ранние отложения. Данное обстоятельство создает проблемы в интерпретации и периодизации мохэских памятников, решение которых невозможно без проведения стационарных археологических исследований.

Картографирование мохэских поселений и изучение их планировки приводит к предварительному заключению об иерархической структуре расселения мохэ. Известно несколько скопления памятников, состоящих из крупного поселения/городища и нескольких небольших поселений вокруг. Так, в бассейне р. Абрамовки находятся Абрамовка-5 (8000 м², 18 западин), Абрамовка-3 (5000 м², 12 западин), Абрамовка-11 (1000 м², 7 западин) и Лузановский могильник. Расстояние между ними составляет 0,5–2 км. В 4–5 км к северу от этой группы, на одном из притоков р. Абрамовки, расположены Лукашенкова-1 (10 000 м², 37 западин) и Лукашенкова-2 (4000 м², 18 западин). Эти небольшие поселки, по-видимому, тяготели к крупному поселению Камышовка-1, отстоящему от них на 15 км и насчитывавшему более 100 западин на площади 75 000 м². Пока на территории края выделяется не менее 10 таких «гнезд».

В Приморье исследовано более 40 мохэских жилищ. Они строились в заглубленных на 0,5–0,7 м котлованах. Наибольшие по площади жилища изучены на поселениях Усть-Зеркальная-4 (45 м²), Раковка-10 (32 м²), Михайловка-2 (30,7 м²) [Семин, 1986; Кривуля, 2014]. Средняя площадь жилищ составляет ~ 20 м², наименьшая ~ 9 м². Форма котлованов прямоугольная или квадратная со скругленными углами и вертикальными, иногда слегка пологими стенками. Количество основных столбовых ям — от 4 до 9, их расположение варьируется (рис. 2, 11, 12). В некоторых котлованах несколько ям (обычно 4) прослеживаются в центральной части и 1–4 по углам, в других ямы (опоры) были либо по углам, либо в центре. Радиальное расположение сгоревших плах свидетельствует о четырехскатной, или шатровой, конструкции крыши. По периметру котлована из тонких жердей сооружался каркас стен и обмазывался глиной. В некоторых жилищах прослеживается выход в виде выступа в стенке котлована, иногда со ступенькой. Очаги открытые, округлой формы (диаметром 0,5–0,9 м), располагались в углублении в центре жилища или с наибольшим смещением к противоположной от входа стене. На некоторых памятниках встречаются жилища с прямоугольными очагами (Абрамовка-3, Усть-Зеркальная-4) [Кривуля, 2015а; Семин, 1986]. На поселениях Осиновка и Михайловка-1 очаги были с галечной подсыпкой дна [Окладников, 1959; Кривуля, 1989]. Ни в одном мохэском жилище не зафиксированы следы ремонта или перестроек.

Анализ системы расселения мохэ демонстрирует относительно высокую плотность поселений, свидетельствующую об освоенности территории Приморья. Основным типом поселений являются поселки в среднем с 20–25 жилищами и с приблизительной численностью населения 100–125 чел. Располагались они на возвышенных участках, но не на господствующих высотах. Исключениями являются городища правобережья р. Раздольной, основанные для контроля территории и водного пути. Их появление свидетельствует о существовании потенциальной опасности и/или указывает на стратегическую важность данной территории. Локализация городищ Приханкайской низменности на небольших высотах (Криничное, Новоселищенское) указывает, возможно, на их иное назначение. На некоторых поселениях прослеживается группировка жилищ в ряды. Жилища имеют неодинаковые размеры, что может говорить об определенной иерархии и о социальной стратификации. Отсутствие следов перестроек в жилищах свидетельствует, что они использовались однократно одной группой населения в течение нескольких лет.

Хозяйство мохэского населения по археологическим данным

Земледелие. Земледельческие артефакты на мохэских памятниках Приморья не обнаружены. Единственными источниками для реконструкции являются семена культурных растений. Пока они получены с пяти памятников. С учетом последних данных [Сергушева, 2018] их анализ позволяет реконструировать мохэское земледелие в динамике от раннего этапа культуры (VI — начало VII в.) и до вхождения территорий южного и западного Приморья в состав государства Бохай.

Ранние памятники (Барабаш-5, Борисовка-3) содержат мало остатков культурных растений (просо обыкновенное и итальянское, голозерный ячмень). При этом реконструируемый видовой состав культурных растений для обоих памятников не идентичен [Сергушева, 2016]. Вероятно, земледелие хотя и существовало в хозяйстве данного населения, но не играло значимой роли.

Земледелие мохэ в VII в. реконструируется детальнее. Установлен одинаковый списочный состав³ и доленое содержание остатков растений на памятниках Чернятино-5 и Синельниково-1: доминирует просо итальянское, далее следует просо обыкновенное или голозерный ячмень, семена сои — самые малочисленные. Археоботанические данные статистически достоверно показывают увеличение роли земледелия в хозяйстве мохэ в VII в. Наличие в отложениях городища пыльцы культурных злаков двух морфотипов также подтверждает существование поликультурного земледелия [Клюев и др., 2018, с. 375].

Для реконструкции системы земледелия у мохэ Приморья пока не хватает данных. Гипотетически это могло быть подсечное земледелие, при котором посев проводился в пепел, без дополнительной запашки и специальных орудий [Петров, 1968]. Косвенно это подтверждается маломощными отложениями на поселениях; их приуроченность к возвышенным, т.е. более облесенным участкам. Не исключается пойменное земледелие на легких аллювиальных почвах, для обработки которых могли использоваться земледельческие орудия из недолговечных материалов (дерево, кость).

О **животноводстве** мохэцев известно преимущественно из летописей. В «Суй Шу» упоминается, что мохэ разводят свиней, есть в их хозяйстве лошади и собаки, а шкуры собак и свиней использовались для шитья одежды [Ивлиев, 2005]. Находки костных остатков животных на мохэских памятниках Приморья чрезвычайно редки. Отдельные зубы и кости свиней обнаружены на поселениях Куркуниха-3, Рикорда-4. Косвенно о разведении свиней свидетельствуют находки глиняных фигурок на поселении Абрамовка-3 (рис. 2, 6) [Кривуля, 2015b, с. 478].

В летописных источниках сообщается, что *шуайбинь* мохэ занимались выращиванием лошадей. В Приморье только на памятнике Куркуниха-3 найдены зубы лошади [Ермаков, 1991, с. 13]. Две глиняные фигурки лошадей обнаружены на поселении Осиновка [Окладников, 1959].

Охота. Вне сомнения, мохэское население охотилось на животных и птиц, чьи костные остатки почти не сохраняются в отложениях мохэских памятников. Однако имеются редкие находки орудий охотничьего промысла: железный бесчерешковый наконечник стрелы, железные ножи (рис. 2, 7, 8) (Куркуниха-3, Лузановский могильник, Барабаш-5, Михайловка-1 и др.) [Ермаков, 1991, с. 14].

В целом находки изделий из металла редки. Но косвенные наблюдения свидетельствуют о широком распространении металлических орудий в быту и хозяйстве мохэ, в том числе в охотничьей деятельности. В жилищах часто встречаются тонко- и мелкозернистые абразивы, под-

³ Просо японское (25 экз. в коллекции городища Синельниково-1) расценено как не имевшее самостоятельного значения в качестве культурного пищевого растения.

ходящие для доработки и заточки металлических орудий. Они представлены как гальками и плитчатыми отдельностями, так и морфологически выраженными орудиями. Если на ранних памятниках, Борисовка-3, Барабаш-5, это в основном плитки песчаника со следами использования, то на городище Синельниково-1 помимо таких плиток имеется серия небольших тонкозернистых оселков вытянуто-трапецевидной формы из серого сланца с высверленным для подвешивания отверстием [Клюев и др., 2018].

Известны серийные находки немодифицированных орудий для выделки и обработки шкур — лощила и скребловидные орудия — свидетельства повсеместности кожевенного производства. Такие орудия обнаружены на памятниках Раковка-10, Борисовка-3, Барабаш-5, Синельниково-1. Лощила представлены гальками с залощенностью и слабыми однонаправленными линейными следами. Расколотые гальки и грубые отщепы использовались как скребки. Описанные орудия применялись для первичной обработки и чистовой выделки шкур.

Речное и морское рыболовство и собирательство. Большинство мохэских памятников находятся вблизи рек, а отдельные — на морском побережье. Явные свидетельства рыбной ловли встречаются очень редко, что скорее демонстрирует степень исследованности памятников, чем отсутствие рыбы в рационе обитателей поселков. На поселении Заповедное-5 (бух. Киевка) получены костные остатки восьми видов морских рыб: тихоокеанская сельдь, скумбрия японская, красноперка, лосось, морской окунь, шлемоносный бычок, бычок-керчак и камбала [Вострецов и др., 2003]. На трех памятниках (Кордон-дровяник, Барабаш-5, Абрамовка-3) найдены единичные каменные грузила для рыболовных снастей [Слепцов, 2013, с. 26].

Морское собирательство у мохэ подтверждают находки раковин моллюсков. На памятнике Заповедное-5 идентифицировано 23 вида. Самыми многочисленными являются раковины спизулы сахалинской и песчаной ракушки. Второстепенными объектами промысла были мидия Грея, гребешки Свифта и приморский. Обнаружены раковины промыслового солонатоводного двустворчатого моллюска *Corbicula japonica*, ближайшее место обитания которого находилось в 3–3,5 км от поселения, в эстуарии р. Киевки [Вострецов и др., 2003].

Два мохэских памятника с раковинными кучами известны в южном Приморье, в бух. Ломоносова и Новик [Клюев и др., 2014; Крупянко и др., 2016]. Исследования в бух. Новик показали узкую промысловую направленность на добычу устрицы [Крупянко и др., 2016]. Известны отдельные поселения на островах, указывающие на специализацию какой-то части мохэ на эксплуатации исключительно морских ресурсов [Пискарева, Прокопец, 2018].

Об употреблении в пищу речных моллюсков свидетельствует находка на поселении Чернятино-2 в крупном кухонном сосуде раковин характерных представителей пресноводной малакофауны региона — двустворчатых моллюсков рода *Nodularia* и брюхоногих рода *Cipangopaludina* и *Parajuga*. Помимо *Parajuga subtegulata* (Prozorova et Starobogatov, 2004) [Никитин и др., 2016] обнаружена раковина *Parajuga amurensis* (Gerstfeldt, 1859).

Собирательство дикорастущих растений у мохэ надежно реконструируется по находкам их остатков. На памятнике Борисовка-3 найдено семя бархата амурского [Сергушева и др., 2010], в отложениях жилища памятника Чернятино-5 — скорлупа орехов сосны корейской (45 фрагм.), плод боярышника перистонадрезанного, желуди дуба монгольского, скорлупа ореха маньчжурского и лещины [Сергушева, Пискарева, 2007]. Среди почти 11 000 семян культурных растений городища Синельниково-1 найдено несколько семян бузины [Сергушева, 2018, с. 94–95]. Большинство этих растений являются пищевыми. Плоды бархата могли использоваться в медицинских целях [Подмаскин, 1998, с. 156].

В мохэских жилищах часто встречаются немодифицированные орудия для измельчения и растирания мягкого слабо абразивного материала растительного происхождения — песты, куранты и терочные плиты. Такие орудия найдены на памятниках Борисовка-3, Абрамовка-3, Барабаш-5, Раковка-10, Синельниково-1. Наличие подобных орудий с характерными следами износа позволяет говорить об обработке растительного сырья. Частота их находок свидетельствует о доступности и регулярном использовании таких ресурсов.

Основные выводы

Данные палеогеографии, средневековой истории и археологии свидетельствуют, что в Приморье бурные исторические события раннего средневековья сопровождались климатическими изменениями. В ранний период мохэской АК (VI–VII вв.) климат был холодным и засушливым, а ко времени возникновения государственности у мохэ (конец VII — VIII в.) отмечается устойчивое потепление.

Наше исследование подтверждает существование у мохэ многокомпонентного хозяйства. Малочисленные прямые данные показывают наличие в их хозяйстве земледелия, животноводства, охоты, морского и речного собирательства и рыболовства, собирательства растений. Предварительно можно охарактеризовать каждую из этих отраслей, но из-за отсутствия или недостатка данных не все наши реконструкции могут быть признаны окончательными.

В литературе устоялось мнение о мохэ как о земледельческом населении [Окладников, 1959; Окладников, Деревянко, 1973; Деревянко, 1981]. Однако эта отрасль хозяйства была развита неодинаково у мохэ в разных районах их расселения. Материалы мохэских памятников Приморья подтверждают это и позволяют судить о положительной динамике в развитии земледелия от раннего этапа АК к позднему. Для ранних памятников, несмотря на предпринятые усилия, не подтверждено существенной роли земледелия. Материалы поздних памятников убедительно демонстрируют расширение ассортимента и увеличение объема земледельческой продукции. Очевидно, такие изменения в земледелии, причем произошедшие достаточно быстро, были вызваны культурно-историческими событиями в регионе, связанными с образованием Бохая и расширением его границ. Улучшение климата, совпавшее с этим процессом, могло облегчить принятие новаций в ведении хозяйства.

Изменения зафиксированы в системе расселения. Ранние мохэ селились в местах, удобных с точки зрения использования территории исключительно в хозяйственных целях. На позднем этапе появляются специфические поселенческие объекты, возводившиеся прежде всего для контроля территории.

Данные об остальных компонентах хозяйства мохэского населения в Приморье недостаточны для выявления изменений в этих отраслях от раннего этапа к позднему. Фактические свидетельства пока чрезвычайно редки. Так, разведение по меньшей мере двух видов домашних животных — свиней и лошадей подтверждают единичные находки их зубов.

Богатство и разнообразие природных ресурсов юга Дальнего Востока обуславливали значительную роль присваивающих компонентов в системах жизнеобеспечения мохэ. Но недостаточность археологических данных не позволяет реконструировать многообразие использованных ресурсов. Находки мелких неидентифицируемых фрагментов костных остатков и единичных орудий лишь указывают на существование охоты у мохэ.

Немногом детальнее реконструируется использование ресурсов моря. Костные остатки рыб и раковин моллюсков на двух прибрежных памятниках дают возможность предметно говорить об объектах рыболовства и собирательства. Разнообразный видовой состав добывавшихся рыб и моллюсков свидетельствует о применении мохэцами различных приемов и способов рыбной ловли и сбора моллюсков. Находки остатков пресноводных моллюсков в кухонном горшке подтверждают, что они употреблялись в пищу.

По данным о собирательстве, мохэ использовали не менее семи видов растений, причем не только в качестве пищевых.

Неполнота имеющихся фактов не позволяет надежно ранжировать экономическую значимость каждого из выявленных компонентов палеоэкономики мохэского населения. Надеемся, эта задача будет решена при дальнейших исследованиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Базарова В.Б., Гребенникова Т.А., Орлова Л.А. Динамика природной среды бассейна Амура в малый ледниковый период // География и природные ресурсы. 2014. № 3. С. 126–134.

Базарова В.Б., Лящевская М.С., Макарова Т.Р., Орлова Л.А. Обстановки осадконакопления на поймах рек Приханкайской равнины в среднем-позднем голоцене (юг Дальнего Востока) // Тихоокеанская геология. 2018. Т. 37. № 1. С. 94–105.

Болдин В.И. К вопросу о датировке бохайских памятников Приморья // Археология Северной Пацифики. Владивосток: Дальнаука, 1996. С. 76–81.

Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 2. 333 с.

Вострецов Ю.Е., Пискарева Я.Е., Раков В.А. Свидетельства использования морских ресурсов мохэским населением бухты Киевка // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск, 2003. С. 368–372.

Гвоздева И.Г., Горбаренко С.А., Раков В.А. и др. Палеосреда Приморья в среднем и позднем голоцене по комплексным данным разреза Шкотово. Владивосток: ДВО РАН, 1997. 32 с.

Хозяйство раннесредневекового населения Приморья...

- Голубева Л.В., Караулова Л.П.* Растительность и климатостратиграфия плейстоцена и голоцена юга Дальнего Востока. М.: Наука, 1983. 144 с.
- Деревянко Е.И.* Племена Приамурья: I тысячелетие нашей эры: (Очерки этнической истории и культуры). Новосибирск: Наука, 1981. 334 с.
- Ермаков В.Е.* Отчет об археологических работах в Ханкайском районе Приморского края в 1989 г. Владивосток, 1991 // Архив ИА РАН. Р. 1. № 15234.
- Ивлиев А.Л.* Межэтнические контакты в средние века на востоке Азии // Вестник ДВО РАН. 1997. № 1. С. 53–60.
- Ивлиев А.Л.* Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 449–475.
- Клюев Н.А., Батаршев С.В., Гладченков А.А. и др.* Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья. По материалам исследований 2012–2013 гг. / ИИАЭ ДВО РАН; Гос. исслед. ин-т культурного наследия Республики Корея. Сеул, 2014. 398 с.
- Клюев Н.А., Джи Бен Мок, Ли Санджун и др.* Итоги исследований на городище Синельниково-1 в Российском Приморье. Тэджон: ИИАЭ ДВО РАН; Гос. исслед. ин-т культурного наследия Республики Корея, 2018. 388 с.
- Короткий А.М.* Колебания уровня Японского моря и ландшафты прибрежной зоны: (Этапы развития и тенденции) // Вестник ДВО РАН. 1994. № 3. С. 29–42.
- Короткий А.М., Караулова Л.П., Троицкая Т.С.* Четвертичные отложения Приморья: Стратиграфия и палеогеография. Новосибирск: Наука, 1980. 234 с.
- Короткий А.М., Худяков Г.И.* Экзогенные геоморфологические системы морских побережий. М.: Наука, 1990. 216 с.
- Короткий А.М., Волков В.Г., Гребенникова Т.А. и др.* Дальний Восток // Изменение климата и ландшафтов за последние 65 млн лет: (Кайнозой: от палеоцена до голоцена). М.: ГЕОС, 1999. С. 146–164.
- Кривуля Ю.В.* Отчет по археологическим разведкам в Михайловском и Хорольском районах (Приморского края). 1989 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 13464. Л. 49.
- Кривуля Ю.В.* Жилища раннесредневекового поселения Михайловка-2 // Азиатско-тихоокеанский регион: Археология, этнография, история. Владивосток: Дальнаука, 2014. Вып. 3. С. 59–73.
- Кривуля Ю.В.* Жилища и хозяйственные постройки раннесредневекового поселения Абрамовка-3 // Средневековые древности Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2015а. Вып. 3. С. 459–468.
- Кривуля Ю.В.* Керамика раннесредневекового поселения Абрамовка-3 // Средневековые древности Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2015б. Вып. 3. С. 469–480.
- Крупяно А.А., Пискарева Я.Е., Раков В.А., Глухов А.В.* Местонахождение Новик-V: Раковинная куча мохэского времени // Россия и АТР. 2016. № 4. С. 34–48.
- Мезенцев А.Л.* Мохэские памятники в окрестностях Уссурийска и Южно-Уссурийское городище // Арсеньевские чтения. Владивосток, 2000. С. 195–199.
- Мезенцев А.Л.* Топографическая классификация средневековых сельских поселений в окрестностях Уссурийска // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск, 2014. Вып. 7. С. 212–217.
- Мезенцев А.Л., Бурдонов А.В.* Петровское городище // Проблемы отечественной истории: Материалы науч. конф. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2007. Ч. 2. С. 61–66.
- Микишин Ю.А., Петренко Т.И., Попов А.Н. и др.* Палеогеография озера Ханка в позднем голоцене // Научное обозрение. 2007. № 2. С. 7–13.
- Микишин Ю.А., Петренко Т.И., Гвоздева И.Г. и др.* Голоцен побережья Юго-Западного Приморья // Научное обозрение. 2008. № 1. С. 8–27.
- Никитин Ю.Г.* Население долины р. Суйфун в предгосударственный период // История и археология Дальнего Востока: К 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 147–152.
- Никитин Ю.Г., Саенко Е.М., Лутаенко К.А.* Моллюски из археологического памятника Чернятино-2 в Приморье // Бюллетень Дальневосточного малакологического общества. 2016. Вып. 20. № 2. С. 55–80.
- Окладников А.П.* Далекое прошлое Приморья: Очерки по древней и средневековой истории Приморского края. Владивосток: Приморское кн. изд-во, 1959. 292 с.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. 439 с.
- Петров В.П.* Подсечное земледелие. Киев: Наук. думка, 1968. 228 с.
- Пискарева Я.Е.* К вопросу о хронологии мохэских памятников Приморья // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. 80–91.
- Подмаскин В.В.* Народные знания удэгейцев: Историко-этнографическое исследование по материалам XIX–XX вв. Владивосток: РАН, Дальневост. отд-ние, ИИАЭ ДВО РАН, 1998. 228 с.
- Прокопец С.Д., Пискарева Я.Е.* Островная окраина средневековой ойкумены Приморья // Комплексные исследования островных обществ Тихого океана. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. Вып. 2. С. 16–27.
- Разжигайева Н.Г., Ганзей Л.А., Гребенникова Т.А. и др.* Проявления малого оптимума голоцена на юге Дальнего Востока // География и природные ресурсы. 2014. № 2. С. 124–131.

Я.Е. Пискарева, Е.А. Сергушева, Н.А. Дорофеева, М.С. Лящевская, М.О. Шарый-оол

Семин П.Л. Мохэский комплекс памятника Усть-Зеркальная-4 // История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1986. Ч.2. С. 219–225.

Сергушева Е.А. Культурные растения носителей мохэской археологической культуры (раннее средневековье, юг Дальнего Востока России) // Экология древних и традиционных обществ: Сб. докл. конф. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. Вып. 5. Т. 2. С. 138–143.

Сергушева Е.А. Земледелие на юге Дальнего Востока России в раннем средневековье: Археоботанические исследования на городище Синельниково-1 // Известия лаборатории древних технологий, 2018. Т. 14. № 3. С. 83–97. doi: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-3-83-97>.

Сергушева Е.А., Пискарева Я.Е. Семена и плоды растений из жилища № 2 могильника Чернятино-5 // Археологические исследования на могильнике Чернятино-5 в Приморье в 2006 г. Сеул: Корейский гос. ун-т культурного наследия, 2007. С. 375–391.

Сергушева Е.А., Пискарева Я.Е., Асташенкова Е.В. Результаты археологических исследований на поселении Борисовка-3 // Россия и АТР. 2010. № 4. С. 141–150.

Слепцов И.Ю. Отчет об археологических раскопках поселения Кордон-дровяник в Лазовском районе Приморского края в 2012 году. Владивосток, 2013 // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 709.

**Ya.E. Piskareva*, E.A. Sergusheva*, N.A. Dorofeeva*,
M.S. Lyashchevskaya**, M.O. Sharyi-ool*****

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of Far Eastern Branch RAS
Pushkinskaya st., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation
E-mail: yana7@mail.ru;
lenasergu@gmail.com;
dnaal@list.ru

**Pacific Geographical Institute of Far Eastern Branch RAS
Radio st., 7, Vladivostok, 690041, Russian Federation
E-mail: lyshevskay@mail.ru

***Federal Scientific Center of the East Asia Terrestrial Biodiversity Far Eastern Branch RAS
Stoletya Vladivostoka av., 159, Vladivostok, 690022, Russian Federation
E-mail: sharyiool@biosoil.ru

ECONOMY OF THE EARLY MEDIAEVAL POPULATION OF PRIMORYE (BASED ON ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE FOR THE MOHE CULTURE)

This paper attempts to reconstruct the economy of the Early Mediaeval population of Primorye, based on an analysis of data obtained from archaeological sites of the Mohe culture. Sites of the Mohe culture in Primorye date from the 6th to the beginning of the 8th c. AD. With the emergence of the Bohai state in the western districts of Primorye, Bohai cultural elements gradually replace Mohe across the region and Mohe sites gradually disappear in the archaeological record. However, some features of the Mohe material culture continue to exist for some time. Paleogeographic evidence indicates a cooling of climate and decrease in rainfall in the 6th to 7th cc. AD and climate warming in the 8th c. There are limited but reliable archaeological evidences from Mohe sites for the existence of agriculture, animal husbandry, hunting, sea and river gathering and fishing, and plant gathering. However, it is not yet possible to rank these components of the economy by economic significance for the population. Our study shows an increase in agricultural activity from the early to the late stages of Mohe culture. The early sites do not demonstrate a significant role for agriculture, in contrast to the later sites, where there is clear evidence for an increase in the list of cultural plants and the volume of agricultural production. Changes in agricultural practice occurred rapidly and were triggered by historical events in the region, connected with the formation of Bohai State and the expansion of its borders. Changes also can be seen chronologically in the settlement patterns of the Mohe of Primorye. Early Mohe settled in places convenient for their traditional activities. At a later stage, sites which controlled territory and the waterway along the Razdolnaya river appear. Evidence for other components of the Mohe economy are limited and only confirm the presence of their in the Mohe subsistence systems in this region, but they are insufficient for more detailed reconstruction. It has been found that the Mohe of Primorye raised at least two types of domestic animals — pigs and horses. There is mostly indirect evidence for hunting (arrowheads, knives, tools for currying skins) from the Mohe sites. The absence of mammal and bird bones prevents any more certain reconstruction of Mohe hunting objects. A few shells of marine and freshwater molluscs were found on three sites. Bone remains of eight species of marine fishes were also found on one site. The gathering of wild plants is confirmed by the finds of seeds and fruits of seven plants species. Most of the plants were used for food and some for medical purposes.

Key words: Early Middle Ages, Mohe archaeological culture, settlement system, agriculture, animal husbandry, fishing, hunting, gathering, Primorye.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-025-036

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

REFERENCES

- Bazarova V.B., Grebennikova T.A., Orlova L.A. (2014). Dynamics of the natural environment of the Amur basin in the Little Ice Age. *Geography and natural resource*, (3), 126–134.
- Bazarova V.B., Liashchevskaia M.S., Makarova T.R., Orlova L.A. (2018). Sedimentation at the floodplains of the rivers of the Prikhankayskaya Plain in the Middle-Late Holocene (South of the Far East). *Pacific Geology*, 37(1), 94–105.
- Boldin V.I. (1996). About the dating of the Bokhai site of Primorye. *Archeology of the Northern Pacific*, Vladivostok: Dal'nauka, 76–81.
- Bichurin N.Ia. [Iakin] (1950). *Collection of information about the peoples lived in Central Asia in ancient times*, 2, Moscow; Leningrad: AN SSSR.
- Derevianko E.I. (1981). *Tribes of Primurye: I millennium A.D.: (Essays on ethnic history and culture)*, Novosibirsk: Nauka.
- Ivliev A.L. (1997). Inter-ethnic contacts in the Middle Ages in Eastern Asia. *Bulletin of DVO RAN*, (1), 53–60.
- Ivliev A.L. (2005). Essay on the history of Bohai. *Russian Far East in Antiquity and the Middle Ages: Discoveries, problems, hypotheses*, Vladivostok: Dal'nauka, 449–475.
- Gvozdeva I.G., Gorbarenko S.A., Rakov V.A. et al. (1997). *Paleoenvironment of Primorye in the Middle and Late Holocene according to the complex data of the Shkotovo cross-section*, Vladivostok: DVO RAN.
- Golubeva L.V., Karaulova L.P. (1983). *Vegetation and climatic stratigraphy of the Pleistocene and Holocene of the South of the Far East*, Moscow: Nauka.
- Kliuev N.A., Batarshv S.V., Gladchenkov A.A. et al. (2014). *Archaeological sites of the Paleometal and Early Middle Ages in Primorye, according to the field research of 2012–2013*, Seoul.
- Kliuev N.A., Dzhi Ben Mok, Li Sandzhun et al. (2018). *Results of research on the site of ancient settlement Sinelnikovo-1 in the Russian Primorye*, Tedzhon.
- Korotkiy A.M. (1994). Fluctuations of the level of the Sea of Japan and landscapes in the coastal zone: (Stages of development and trends). *Bulletin of DVO RAN*, (3), 29–42.
- Korotkiy A.M., Karaulova L.P., Troitskaia T.S. (1980). *Quaternary deposits of Primorye: Stratigraphy and paleogeography*, Novosibirsk: Nauka.
- Korotkiy A.M., Khudiakov G.I. (1990). *Exogenous geomorphological systems of sea coasts*, Moscow: Nauka.
- Korotkiy A.M., Volkov V.G., Grebennikova T.A. et al. (1999). Far East. *Climate and landscape change over the past 65 million years: (Cenozoic: from Paleocene to Holocene)*, Moscow: GEOS, 146–164.
- Krivulya Iu.V. (2014). Dwellings of the Early Medieval settlement Mikhaylovka-2. *Asia-Pacific: Archaeology, ethnography, history*, (3), Vladivostok: Dal'nauka, 59–73.
- Krivulya Iu.V. (2015a). Dwellings and outbuildings of the Early Medieval settlement Abramovka-3. *Medieval antiquities of Primorye*, (3), Vladivostok: Dal'nauka, 459–468.
- Krivulya Iu.V. (2015b). Ceramics of the Early Medieval settlement Abramovka-3. *Medieval antiquities of Primorye*, (3), Vladivostok: Dal'nauka, 469–480.
- Krupianko A.A., Piskareva I.A. E., Rakov V.A., Glukhov A.V. (2016). Archaeological site Novik-V: A shell-mound of Mohe time. *Russia and the Pacific*, (4), 34–48.
- Mezentsev A.L. (2000). Mohe sites in the vicinity of Ussuriysk City and South-Ussury Medieval walled town. *Arsenyev Readings*, Vladivostok, 195–199.
- Mezentsev A.L. (2014). Topographic classification of Medieval rural settlements in the vicinity of Ussuriysk. *Traditional culture of Eastern Asia*, (7), Blagoveshchensk, 212–217.
- Mezentsev A.L., Burdonov A.V. (2007). Petrovskoe walled town. *Problems of national history*, (2), Ussuriisk: Izd-vo UGPI, 61–66.
- Mikishin Yu.A., Petrenko T.I., Popov A.N. et al. (2007). Paleogeography of Lake Khanka in the Late Holocene. *Scientific Review*, (2), 7–13.
- Mikishin Yu.A., Petrenko T.I., Gvozdeva I.G. et al. (2008). Holocene of the coast of South-Western Primorye. *Scientific Review*, (1), 8–27.
- Nikitin Iu.G. (2000). Population of the valley Suifun River in the pre-state period. *History and archeology of the Far East: (To the 70th anniver. of E.V. Shavkunov)*, Vladivostok, 147–152.
- Nikitin Iu.G., Saenko E.M., Lutaenko K.A. (2016). Mollusks from the archaeological site Chernyatino-2 in Primorye. *The Bulletin of the Russian Far East Malacological Society*, (2), 55–80.
- Okladnikov A.P. (1959). *The distant past of Primorye: Essays on the Ancient and Medieval history of Primorsky Region*, Vladivostok.
- Okladnikov A.P., Derevianko A.P. (1973). *The distant past of Primorye and Primurye*, Vladivostok.
- Petrov V.P. (1968). *Slash and burn agriculture*, Kiev: Naukova dumka.
- Piskareva Y.E. (2014). On the question of the chronology of the Mohe sites of Primorye. *Multidisciplinary studies in archeology*, Vladivostok: Dal'nauka, 80–91.
- Podmaskin V.V. (1998). *Traditional knowledge of Udehe: A historical and ethnographic study of the materials of the XIX–XX centuries*, Vladivostok: Dal'nauka.
- Prokopets S.D., Piskareva Ya.E. (2018). Island margin of the Medieval ecumene of Primorye. *Complex studies of Pacific island societies*, (2), Vladivostok: IIAE DVO RAN, 16–27.

Razzhigaeva N.G., Ganzei L.A., Grebennikova T.A et al. (2014). Manifestations of the Small Optimum of the Holocene in the South of the Far East. *Geography and natura*, (2), 124–131.

Semin P.L. (1986). The Mohe complex of the Ust-Zerkalnaya-4 site. *History and culture of East and South-East Asia*, (2), Moscow: Nauka, 219–225.

Sergusheva E.A. (2016). Cultivated plants of carriers of the Mohe archaeological culture: (The Early Middle Ages, the South of the Far East of Russia). *Ecology of ancient and traditional societies*, 5(2), Tyumen': Izd-vo TyumGU, 138–143.

Sergusheva E.A. (2018). Farming in the South of the Russian Far East in the Early Middle Ages: Archeobotanical Studies at the Sinel'nikovo Settlement-1. *Journal of ancient technology laboratory*, 14(3), 83–97. doi: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-3-83-97>.

Sergusheva E.A., Piskareva Y.E. (2007). Seeds and fruits of plants from pit dwelling 2 of the Chernyatino-5 burial ground. *Archaeological research at the Chernyatino-5 burial ground in Primorye in 2006*, Seoul: Korean State University of Cultural Heritage, 375–391.

Sergusheva E.A., Piskareva Y.E., Astashenkova E.V. (2010). The results of archaeological research on the site Borisovka-3. *Russia and the Pacific*, (4), 141–150.

Vostretsov Y.E., Piskareva Y.E., Rakov V.A. (2003). Evidence of the use of marine resources by the Mohe population of Kievka Bay. *Problems of archaeology and paleoecology of Northern, Eastern and Central Asia*, Novosibirsk, 368–372.

С.Ф. Татауров

Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. К. Маркса, 15/1, Омск, 644024
Томский государственный университет
ул. Ленина, 36, Томск, 634035
E-mail: tatsf2008@rambler.ru

ОСВЕЩЕНИЕ ЖИЛЫХ, АДМИНИСТРАТИВНЫХ И ХРАМОВЫХ КОМПЛЕКСОВ В ГОРОДЕ ТАРЕ В XVII–XIX вв.

Раскрывается проблема освещения построек — жилых, административных и культовых в городе Таре в XVII–XIX вв. Необходимость достаточного света в помещениях в темное время суток, особенно зимой, вынуждала население тратить достаточно много ресурсов, так как в значительной степени жизнеобеспечение тарского общества было основано на домашнем производстве. Вечерами женщины пряли, ткали, перерабатывали продукцию земледелия и собирательства. Мужчины резали деревянную утварь, изготавливали обувь, занимались другими промыслами. В статье дана характеристика окон как одного из конструктивных элементов жилища, рассмотрены процесс замещения слюдяных оконниц на стекло в XVIII–XIX вв., формы и особенности найденных в ходе раскопок светцов и подсвечников. Показана социальная значимость осветительных приборов для населения русского сибирского города. В Таре четко фиксируются три категории построек в зависимости от принципов освещения. Наиболее сложной была система света в тарских церквях. Для получения приемлемого освещения в храмовых зданиях делались большие окна, зачастую в ущерб теплу, и применялись специальные светильники и многочисленные иконные держатели для свечей, но эти приспособления — только по церковным праздникам, в будние же дни в церквях был полумрак. Значительные средства администрация Тары тратила на освещение казенных построек — воеводской и писарской изб, арсенала, денежной кладовой и др. Находки показывают, что для свечей использовали подсвечники. Лучина была основным источником света в домах служилых людей и мещан, но находки комбинированных светцов с гнездами под свечи говорят о том, что по праздникам в Таре устраивали соответствующее праздничное освещение. Археологические находки, связанные с освещением жилых, административных и храмовых комплексов, относятся к одним из самых показательных маркеров новаций в городе в области строительства и архитектуры, условий жизни, быта. Актуально изучение данной проблемы и в рамках темы торговых отношений, так как значительная часть исследуемых предметов являются импортными.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, XVII–XIX вв., город Тара, городская усадьба, окна, осветительные приборы.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-037-044

Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Археологические раскопки в г. Таре, ведущиеся с 2007 г., позволили собрать представительные коллекции предметов, связанных с бытом и условиями жизни горожан на протяжении более чем четырехвековой истории города. Исследовались как территория тарской крепости, с комплексом военно-административных зданий, так и территория острожной части, где находились дома служилых людей, казаков, мещан и т.д. Анализируя качество городской жизни, нельзя не обратиться к проблеме освещенности жилищ, административных и храмовых построек. Постараюсь рассмотреть и сравнить тарские материалы с коллекциями других русских городов Сибири — Томска, Верхотурья, Тобольска и др. Не менее интересно сравнение с освещением сельских усадеб в тарско-прииртышских поселениях, о котором недавно вышла статья Л.В. Татауровой [2017].

Способы освещения построек разного предназначения — жилых, административных, производственных, храмовых — в разное время суток в русском сибирском городе в XVII–XIX вв. весьма интересны для исследований. С одной стороны, письменные источники содержат очень мало информации: в лучшем случае можно узнать о количестве ввозившихся в город товаров, связанных с этой стороной жизни горожан, — слюды, воска, свечей и светильников. С другой стороны, есть описание построек: размеры, площадь жилых помещений, число окон, т.е. исходные данные для определения необходимого освещения. Археологические материалы существенно дополняют эти сведения и переводят их в предметную область — конкретных способов

получения света [Колчин, 1959]. Рассматриваемая нами проблема актуальна не только с собственно экономической (жизнеобеспечение) точки зрения, но и с социальной — свет в жилищах всегда имел сакральное и представительское значение. Чем ярче горели свечи или лучины, тем меньше места было враждебным для жильцов «темным силам». Чем выше по статусу был человек — тем светлее было в его жилище, тем меньше копоти от лучин или сальных свечей: у него первого появляется стекло в окнах и керосиновая лампа на столе. Это представительская функция; иногда это требовало дополнительных расходов на обогрев жилища и покупку свечей, но люди на это шли, впрочем, как и сейчас.

Город Тара, в силу своего военного назначения, на протяжении всего XVII в. не имел развитого ремесленного производства. Горожане сами обеспечивали себя всем необходимым, работая на дому, соответственно освещенность жилищ являлась важным фактором, повышавшим качество и производительность труда. Нагрузка по освещению храмов и зданий администрации была значительно меньше, так как использовались они только в отдельные дни недели; поэтому и необходимые для этого предметы, обнаруженные в ходе археологических изысканий, немногочисленны.

Перед тем как перейти к рассмотрению светильников и сопутствующих им предметов, остановимся на естественном освещении и его проводниках — окнах. В Таре в XVII в. было несколько видов окон — слюдяные, с использованием пленок животного происхождения, и волоковые. Постепенно, с развитием печного отопления и появлением печных труб, волоковые окна (которые были необходимы также для вытяжки дыма) исчезают и заменяются оконницами с покрытиями, пропускающими свет.

Слюдяные окна в городе появляются почти с его основания и начинают замещаться стеклянными с конца XVIII в. Конструктивные особенности нами достаточно подробно рассмотрены [Татауров и др., 2018], поэтому в данной работе остановлюсь только на их общей характеристике.

По количеству и размерам окон в Таре на первом месте были храмы. Раскопки в острожной части города на месте расположения церкви Бориса и Глеба позволили нам реконструировать часть оконного витража (рис. 1, 1). Собранный фрагмент в своих первоначальных размерах имел площадь около 1 м², в обычной деревянной церкви подобных витражей было несколько. Помимо больших окон в церквях устраивались и небольшие слюдяные и волоковые оконца для освещения специальных помещений или второго этажа. Храмы были холодные, в ущерб теплу делали больше оконных проемов, чтобы естественного света хватало на большую часть дня, особенно в зимний период. В обычные дни освещались только алтарь и иконостас, а в праздники старались осветить все внутреннее пространство храма, поэтому количество светильников увеличивали. Рядом с церковью нами была обнаружена обувная мастерская, где помимо кожаной обрести было найдено значительное количество фрагментов слюды, что позволило нам сделать вывод об изготовлении окон непосредственно в городе.

Исследование построек усадьбы в тарской крепости показало наличие слюдяных окон в пятистенных домах воеводы и его заместителей. Фигурные фрагменты слюды отсутствуют; вероятнее всего, использовались обычные слюдяные оконницы. Их фрагменты, а также остатки наличников, обнаруженные в ходе раскопок, свидетельствуют, что окна были достаточно большие для того времени, примерно 0,5×0,7 м. Воевода и его окружение стремились продемонстрировать свой социальный статус, поэтому дома и окна имели более внушительные размеры, чем в острожной части, пусть и в ущерб отоплению. Соответственно оконных проемов в жилищах крепости было больше — не менее двух-трех на комнату пятистенного дома. В хозяйственных постройках усадьбы устраивались, по всей вероятности, волоковые окна, так как слюды на месте их расположения нет.

В острожной части города скопления слюды зафиксированы только на месте расположения церквей. В избах простых тарчан, служилых и мещан в XVII–XVIII вв. были окна волоковые и, возможно, из животных пленок, но археологических доказательств применения последних нет. Судя по сохранившимся фрагментам оконных рам размеры были сравнительно невелики — примерно 40×40 см. В избах размеры окон, как и самих жилищ, рассчитывались с учетом отопления, поэтому постройки были небольшие, площадью до 30 м², с двумя или тремя окнами. По этой причине искусственное освещение требовалось практически постоянно. Но в силу распределения хозяйственных занятий большую часть светового дня люди проводили вне дома.

Завершение в 1825 г. строительства последнего в г. Таре каменного храма — Параскевиевской (Пятницкой) церкви примерно совпадает с распространением стекла в тарских окнах. Тарские купцы Перминовы, Пятковы, Немчиновы вкладывали большие средства в строительство церквей и не жалели денег на стеклянные окна. При отсутствии местного производства они

Освещение жилых, административных и храмовых комплексов в городе Таре в XVII–XIX вв.

завозили стекло в основном с Урала и из европейской части России. С конца XVIII в. начинается строительство каменных купеческих особняков и магазинов, появляются первые каменные административные здания уже со стеклянными окнами. Культурные горизонты XIX в. содержат достаточно много фрагментов оконного стекла (рис. 1, 2). По сравнению с современным оно более тонкое — не более 1,5 мм и менее прозрачное. В наиболее старых домах Тары еще можно увидеть окна, застекленные не цельным фрагментом, а в набирку — из нескольких полосок (как найденные нами и показанные на рисунке) или внахлест из ранее расколовшихся стекол.

Рис. 1. Слюда и стекло из тарских окон и колба стеклянного светильника:

1 — фрагменты слюды из витража окна церкви Бориса и Глеба (сгорела в 1629 г.); 2 — оконное стекло из культурного слоя XIX в. г. Тары; 3 — стеклянная колба на керосиновую лампу из культурного слоя XIX в. г. Тары.

Fig. 1. Mica and glass from Tara windows and a flask of the glass lamp:

1 — fragments of mica from a stained-glass window of the Church of Boris and Gleb (burned down in 1629 year); 2 — window glass from an occupation layer of the 19th century of the city of Tara; 3 — a glass flask on an oil lamp from an occupation layer of the 19th century of the city of Tara.

С середины XIX в. стекло стали производить в Таре и ее окрестностях. В документах 60–70-х гг. фигурируют стекольные заводы Пятковых, Малаховых, Айтыкиных и др. На Пятковском заводе песок для высшего сорта стекла завозили из Семипалатинска, а для обыкновенного оконного брали из песочных ям в районе Нерпинского кордона. Завод выпускал три сорта стекла: толстое, высшего качества; оконное белого цвета и синеватое более низкого качества. За рабочий

день производили до 720 листов [Жиров, 1994, с. 127]. К концу XIX в. стекло полностью вытеснило другие материалы, ранее использовавшиеся в тарских окнах, но отдельные элементы конструкции, характерные для слюдяных переплетов, можно наблюдать в городе и в наши дни.

На протяжении более чем трех столетий лучина была основным источником света в большинстве жилых домов в городе. Пожалуй, только по праздникам жители острожной части города — служилые и мещане зажигали в своих избах праздничные свечи. В этой части Тары найдено несколько светцов разных конфигураций (рис. 2, 2–6). В практическом отношении они различались количеством лучин: сколько могли держать — одну или две. В городе нет ни одного светца с более сложными разветвлениями. Различия отмечаются и в художественном оформлении, в тех случаях, когда фигурно украшены рожки светцов. Такие осветительные приборы известны практически во всех городах Сибири — Томске, Мангазее, Верхотурье. По своим характеристикам они практически не отличаются от аналогичных предметов из Новгорода и других северорусских городов [Розенфельдт, 1997, с. 12]. Особо следует выделить находку из Верхотурья, представляющую собой светец на две лучины, но имеющий также гнездо для свечи [Корчагин, 1998, с. 69]. Подобных осветительных приборов в Таре пока не обнаружено; очевидно, что этот предмет указывает на использование простым городским населением свечей по особым случаям.

Обязательным атрибутом светца являлся поставец — деревянное корытце или шайка с вертикальной планкой. Известны случаи крепления предмета к печи, но и при этом резервуар с водой был обязателен. Нередко причиной пожара в деревянных домах становились искры от лучины. В русском фольклоре достаточно много поговорок, связанных со светцами, лучинами и искрами от них: «Стоит Трошка на одной ножке, крошит крошки»; «Стоит старец, крошит тюрю в ставец»; «Красненький котик по грядочке ходит, крошечки ронит» и др. В ходе исследований нами найдены несколько некрупных, около 10–12 см в высоту, клепок от небольших, диаметром около 50 см, шаек и долбленое корытце, которые, вероятнее всего, использовались как поставцы для лучины (рис. 2, 1).

Технология изготовления тарских светцов, как, впрочем, и большинства подобных предметов, найденных в ходе раскопок в других городах, достаточно единообразна. М.П. Черная, анализируя способ изготовления томских аналогов, пишет: «Светцы изготовлены целиком из мягкого железа или низкоуглеродистой сырцово-стали в технике свободнойковки и рубки металла в горячем состоянии» [2015, с. 133].

Во время раскопок Тары светцы были найдены в разных культурных горизонтах от XVII до конца XIX в., поэтому есть некоторые отличия в материале и технологии их изготовления. Случаев сложной конструкции этих предметов или изысков в изготовлении нами не зафиксировано. Для Тары характерны светцы с небольшим количеством декора, без трудоемких приемов изготовления. Так, нет ни одного предмета с резьбой на конце для вкручивания в дерево, как, например, в Мангазее.

В Таре светцы из слоев XVII в., по-видимому, ковались из обломков крицы. Кузнец проковывал ее ручным молотом, с разных сторон, придавая предмету правильную геометрическую форму, и, уплотняя металл, делал его однородным по плотности. Придав нужную форму, нагревал один конец бруска, ручным молотом оттягивал конец на конус для крепления в дерево. Опускал в воду, охлаждал. Затем нагревал другой конец бруска и разрубал его до нужной глубины. После чего по очереди нагревал оба конца и на роге наковальни истончал их, делая приплюснутыми и, по желанию, фигурными. Средняя часть изделия менее прокована, поэтому железо содержит в себе окалину и мелкие фрагменты инородных фракций, что и позволило нам предположить изготовление предметов из кричного железа.

Светцы из слоев XVIII–XIX вв. отличаются более высоким качеством железа, изготавливались из вышедших из употребления изделий. Их отличает отсутствие инородных вкраплений в металле и ровная поверхность. Толщина становится заметно меньше, и на них больше декора.

В тарской крепости располагалось четыре усадьбы — воеводы, его заместителя, казачьего десятника и писаря. Одна из усадеб нами полностью исследована в 2010–2014 гг. [Татауров, 2014]. В материалах раскопок крепости нет ни одного светца, но есть два подсвечника (рис. 2, 9) и щипчики для снятия нагара со свечей (рис. 2, 7). Подобные щипчики — достаточно редкая находка в археологических материалах русских городов Сибири. Я не отношу их к пинцетам потому, что окончания щипчиков острые, что позволяет совершать режущие движения, и очень сложно брать ими какой-либо предмет. Щипчики сделаны из хорошего железа, и, вероятнее всего, в Европе. Для ношения на поясе у изделия есть колечко для веревочки.

Рис. 2. Светцы, подсвечники и приспособления для освещения в городе Таре в XVII–XIX вв.:

1 — корытце-поставец; 2–6 — светцы; 7 — щипчики для свечей; 8, 9 — подсвечник:

1 — дерево, 2–7 — железо, 8 — бронза, 9 — латунь (?).

Fig. 2. Svetets, candlesticks and devices for lighting in the city of Tara in the 17–19th centuries:

1 — bucket-postavets; 2–6 — svetets; 7 — tweezers for candles; 8, 9 — candlestick;

1 — wood, 2–7 — iron, 8 — bronze, 9 — brass (?).

В отличие от светцов подсвечники изготовлены из сплава, близкого к современной латуни. Технология их производства достаточно проста. Из тонкого прутка сначала выковывался острый конец для крепления в дерево. Отметим очень острое окончание — подсвечник можно было рукой легко воткнуть в бревно. С другой стороны прутка приклепывалась небольшая гильза. Она изготовлена путем сворачивания пластинки толщиной около 1 мм из такого же металла. Диаметр около 2 см, высота 3 см.

Находки подсвечников и щипчиков позволяют предполагать, что воевода и его приближенные использовали преимущественно свечное освещение. Подтверждением служит тот факт, что в XVII в. воск завозился из Москвы: «...сосуды церковные и блюда, и покрывцы, и звезда, и пье,

2 ведра церковного, 2 пуда воску, 4 фунта ладану, 5 фунтов темьяну» [Цветкова, 1994, с. 8]. В XVIII в. воск в привозных товарах уже не фигурирует, поставляются только готовые восковые свечи — крашенные и фигурные.

В городе нами выделены комплексы, где практиковался третий вид освещения, — храмы. В Таре уже через несколько лет после основания было несколько церквей и часовен, и во время вечерних и утренних служений, особенно в зимнее время, необходимо было освещение. Устойчиво мнение о том, что в храмах использовались преимущественно свечи. При раскопках нами найдена подставка для свечи (рис. 2, 8) и светец в виде креста (рис. 2, 6), поэтому вполне вероятно, что в тарских церквях в конце XVI — XVII в. использовали как свечи, так и лучины. Для сравнительно небольших помещений деревянных церквей этого было вполне достаточно. Хотя следует отметить, что такие крестовые светцы довольно обычны для того времени.

К концу XVIII в. в городе было шесть каменных храмов — двух- и трехэтажных, и для их освещения требовались более серьезные приспособления: многосвечные конструкции и масляные светильники. К сожалению, пока при раскопках города не найдено ни одного сосуда-светильника или лампы.

Появление каменных храмов стимулировало свечное производство в городе. Тарское Прииртышье славится своим разнотравьем, долина Иртыша и граница южной тайги давали и дают возможность заниматься пчеловодством, что отмечают письменные источники. Совсем неслучайно одна из первых тарских часовен была поставлена на берегу Иртыша, напротив города, и носила имя Медоса Чудотворца [Лебедева, 2004, с. 45]. Пчеловодство достаточно быстро стало одним из промыслов жителей города Тары, и воск, как один из продуктов этой отрасли, пошел на производство свечей. Однако таких мастерских в XVIII в. в письменных документах не отмечено. По всей вероятности, изготовление свечей было домашним занятием.

Первые свечные мастерские в Таре отмечаются в конце XVIII в., и связаны они с мыловаренным и салотопным производствами, являясь продолжением их технологических процессов. Главными производителями свечей в Сибири становятся монастыри. Помимо храмов они поставляли свою продукцию в заводские конторы, губернскую канцелярию, полицию, таможни и т.п. Особенно славился своими свечниками Тобольск. Первое крупное заведение по производству свечей появилось в Тобольске в 1829 г. Хозяином его был купец Николай Лео. На заводике было 3 медных и 4 чугунных котла, 2 кирпичные и 3 чугунные печи, а также 1000 оловянных форм для отливки свечей. На нем производились свечи трех сортов: сальные, «маканные» (от слова «макать» — смачивать), а также восковые [Сафронов, 1996].

В Таре свечные заводы появляются в начале XIX в., в 1865 г. насчитывалось уже 7 предприятий [Тихомирова, 2014, с. 128]. В 1868 г. для освещения трех комнат городского управления планировалось закупить три пуда свеч, за счет города также освещались: воинская команда, полицейские будки, окружное казначейство, тюремный замок и караульный дом провиантских магазинов [Линчевская, 1994, с. 70]. Можно сделать вывод, что в середине XIX в. на освещение казенных зданий требовалось в год до 20 пудов свеч.

В конце 60-х гг. XIX в. в продаже в Таре появляется керосин, что говорит о распространении керосиновых ламп и постепенном сокращении свечного производства [Линчевская, 1994, с. 67]. Стеклоплафоны от светильников и керосиновых ламп найдены при раскопках в Таре в культурных горизонтах второй половины XIX в. Сначала появились лампы с низкой стеклянной колбой (рис. 1, 3), затем в обиход вошли лампы семилинейки с высокой стеклянной колбой.

Я не коснулся очень распространенного в исследуемый нами период способа освещения — с помощью глиняных светильников. Эти небольшие сосуды с носиками, в которые заливалось масло и вставлялся фитилек. Такой сосудик был найден Л.В. Татауровой при раскопках поселения Изюк-1 в Тарском Прииртышье [Адаптация..., 2014, с. 275, рис. 74, 3]. В материалах раскопок Тары есть небольшие горшочки с подобными формами, но утвердительно говорить, что это светильники, пока, на мой взгляд, преждевременно.

По способам освещения, местонахождению связанных с ним предметов и их оформлению можно говорить, что эти предметы несут определенную социальную и эстетическую нагрузку. Помещения каждой социальной группы горожан имели свою специфику освещения. Эта особенность важна при определении назначения исследованных комплексов и их датировке. Слюдяные и впоследствии стеклянные окна были своего рода показателем достатка хозяина дома, его положения в обществе. Отмеченные нами в Таре окна, набранные из мелких фрагментов стекла, свидетельствуют о стремлении обитателей домов с такими окнами равняться на пред-

Освещение жилых, административных и храмовых комплексов в городе Таре в XVII–XIX вв.

ставителей группы более высокого статуса. В обществе постепенно менялось отношение к слюдяным окнам — из престижных они переходили в разряд обычных, а затем к ним стали относиться как к пережитку прошлого.

Изменение способов освещения жилищ было весьма продолжительным процессом. Неоднократно возникали ситуации, когда жители города вынужденно возвращались к лучинам. В связи с нехваткой керосина тарчане зажигали свечи и лучины в годы Гражданской и даже Великой Отечественной войны. Тем не менее эволюция способов освещения совершалась непрерывно, что можно проследить как по письменным, так и по археологическим материалам. То же относится и к окнам жилищ: в тяжелые времена часть оконных проемов просто убирается, выбитые стекла закрываются фанерой. Но в целом возврата к ранее принятым материалам или способам освещения не происходило.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI — XVIII веке (по материалам археологических исследований). Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. 374 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.

Жиров А.А. Тарские купцы XIX — начала XX веков // Тарская мозаика: (История края в очерках и документах 1594–1917 гг.). Омск: Омск. кн. изд-во, 1994. С. 124–142.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65. С. 7–119.

Корчагин П.А. Комплексные историко-археологические исследования КАЭ ПГУ в Верхотурье // Археологические и исторические исследования в г. Верхотурье. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. С. 67–80.

Лебедева Н.И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья. Омск: Издатель-Полиграфист, 2004. 256 с.

Линчевская Н.Г. В уездном благочинии // Тарская мозаика: (История края в очерках и документах 1594–1917 гг.) Омск: Омск. кн. изд-во, 1994. С. 60–123.

Розенфельдт Р.Л. Осветительные приборы // Древняя Русь: Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 10–12. (Археология СССР).

Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Самигулов Г.Х. Слюдяные окна в постройках Тары и ее окрестностях в XVII–XVIII в.: Археологические реконструкции // УИВ. 2018. № 2 (59). С. 135–142.

Сафронов В.Ю. Откуда земля сибирская пошла: Учеб. пособие. Тобольск: ТГПИ, 1996. 382 с.

Татауров С.Ф. Воеводская усадьба г. Тары: Реконструкция и интерпретация // Вторые Ядринцевские чтения: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию начала Первой мировой войны (Омск, 29–30 октября 2014 г.). Омск: ОГИК-музей, 2014. С. 85–88.

Татаурова Л.В. «В горнице моей светло»: Осветительные приборы в русских жилищах (по материалам археологических комплексов XVII–XVIII вв. Омского Прииртышья) // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время: Материалы междунар. конф., посвященной 80-летию юбилею Л.А. Чиндиной. Томск, 2017. С. 167–171.

Тихомирова М.Н. Роль Тары и Тарского округа в развитии региональной сибирской экономики // Тара в XVI–XIX веках — российская крепость на берегу Иртыша. Омск: Амфора, 2014. С. 125–169.

Цветкова Г.Я. Город на реке Аркарке // Тарская мозаика: (История края в очерках и документах 1594–1917 гг.) Омск: Омск. кн. изд-во, 1994. С. 6–45.

Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске 1660–1760 гг.: Историко-археологическая реконструкция. Томск: Принт, 2015. 276 с.

S.F. Tataurov

Institute of Archeology and Ethnography of Siberian Branch RAS

K. Marx av., 15/1, Omsk, 644024, Russian Federation

Tomsk State University

Lenina st., 36, Tomsk, 634035, Russian Federation

E-mail: tatsf2008@rambler.ru

LIGHTING OF HOUSING, ADMINISTRATIVE AND TEMPLE COMPLEXES IN THE CITY OF TARA, OMSK OBLAST, RUSSIA, IN THE 17–19th CENTURIES

This study reveals the problem of lighting of buildings — domestic, administrative and religious — in the city of Tara during the 17–19th centuries. At night, especially in the winter, many economic activities took place indoors, making adequate lighting of interiors of dwellings a priority. In the evenings, women spun, wove, and processed the products of agriculture and foraging. Men carved wooden utensils, made footwear and engaged in

other crafts. This article describes the window as one of the key structural elements of the dwelling and discusses the process of replacing mica windows with glass in the 18th and 19th centuries. It illustrates the range of lights and candlesticks recovered during archaeological excavations. The social significance of lighting devices for the population of a Russian Siberian city is shown. In the city of Tara provision of lighting fell into three categories. The system of lighting in Tarsky churches was the most difficult — large windows were made to maximise light, often at the expense of warmth, and special lamps and numerous icon holders to candles were used. However, these devices were used only on church holy days, and on weekdays there was only natural light in the churches. Significant funds were spent by the Tara administration on lighting state buildings — military and clerk's huts, an arsenal, a treasury, etc. Excavation findings show that candlesticks were used to hold candles. The wood splinter was the main source of light in houses of working people and petty bourgeois, but findings of the combined illuminations with nests under candles indicate that on holy days residents used the corresponding holy day lighting. The archaeological findings associated with the lighting of housing, administrative and religious complexes, are some of the most indicative markers of innovations in the city in the fields of construction and architecture, living conditions and life. The study of this subject is also relevant to trade relations, because a considerable number of the objects associated with lighting are imported.

Key words: Western Siberia, the 17–19th centuries, city of Tara, city estate, windows, lighting fixtures.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-037-044

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

REFERENCES

- Chernaia M.P. (2015). *The Voevod estate in Tomsk 1660-1760: Historical and archaeological reconstruction*, Tomsk: Print.
- Kolchin B.A. (1959). Iron-working craft of Veliky Novgorod. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (65), 7–119.
- Korchagin P.A. (1998). Complex historical and archaeological researches by KAE CCGTs in Verkhotur'e. *Arkheologicheskie i istoricheskie issledovaniia v g. Verkhotur'e*, Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 67–80.
- Lebedeva N.I. (2004). *Temples and prayer houses of the Omsk Irtysh region*, Omsk: Izdatel'-Poligrafist.
- Linchevskaia N.G. (1994). In district deanery. *Tarskaia mozaika: (Istoriia kraia v ocherkakh i dokumentakh 1594–1917 gg.)*, Omsk: Omskoe knizhnoe izdatel'stvo, 60–123.
- Rozenfel'dt R.L. (1997). Lighting fixtures. *Drevniaia Rus': Byt i kul'tura. Arkheologiya SSSR*, Moscow: Nauka, 10–12.
- Safronov V.Iu. (1996). *From where the earth Siberian went: Education guidance*, Tobolsk: TGPI.
- Tataurov S.F., Tataurova L.V., Samigulov G.Kh. (2018). Mica windows in constructions of Tara and its vicinities in the 17–18th century: Archaeological reconstruction. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (2), 135–142.
- Tataurov S.F. (2014). Voevod estate of Tara: Reconstruction and interpretation. *Vtorye Iadrintsevskie chteniia: Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu nachala Pervoi mirovoi voiny (Omsk, 29–30 oktiabria 2014 g.)*, Omsk, 85–88.
- Tataurova L.V. (2017). «In a room my light»: Lighting fixtures in the Russian dwellings (on materials of archaeological complexes of the 17–18th centuries. Omsk Irtysh region). *Kul'tury i narody Severnoi Evrazii: Vzgliad skvoz' vremia: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 80-letnemu iubileiu L.A. Chindinoi*, Tomsk, 167–171.
- Tikhomirova M.N. (2014). Role of Tara and the Tara district in development of regional Siberian economy. *Tara v XVI–XIX vekakh — rossiiskaia krepost' na beregu Irtysha*, Omsk: Amfora, 125–169.
- Tsvetkova G.Ia. (1994). The city on the Arkarke river. *Tarskaia mozaika: (Istoriia kraia v ocherkakh i dokumentakh 1594–1917 gg.)*, Omsk: Omskoe knizhnoe izdatel'stvo, 6–45.
- Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G. (2008). Mangazey: New archaeological researches (materials of 2001–2004 years), Ekaterinburg; Nefteugansk: Magellan.
- Zhirov A.A. (1994). Tarsky merchants of 19 — the beginning of the 20th centuries. *Tarskaia mozaika: (Istoriia kraia v ocherkakh i dokumentakh 1594–1917 gg.)*, Omsk: Omskoe knizhnoe izdatel'stvo, 124–142.

А.Х. Болтаев

Бухарский государственный университет
ул. Мухаммада Икбола, 11, Бухара, 200118, Республика Узбекистан
E-mail: azam.boltaev.2015@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ С. ЮРЕНЕВА В МЕЧЕТИ КАЛЯН

Представлены сведения краеведа С.Н. Юренева об археологических раскопках в г. Бухаре. С.Н. Юренив начал археологические работы в Бухаре в 1952 г., осмотрел, а впоследствии исследовал памятник мечеть Калян (узб. Masjidi Kalon — «Большая мечеть»), к истории и технологии строительства которого проявлял интерес. Статья содержит сведения об археологических экспедициях с участием С.Н. Юренева, работавших в течение нескольких лет в мечети Калян и ее окрестностях. Он отмечал, что раскопки находились в ведении Специальной научно-реставрационной производственной мастерской и окончательные отчеты экспедиции были переданы этой организации. Краевед использовал различные методы археологических исследований. Во время экспедиции С.Н. Юренив, как профессиональный археолог, обнаружил и проанализировал материалы разных периодов. Кроме того, он изучил этнографические материалы, собранные в ходе исследования. Примечательно, что, будучи археологом и геологом, С.Н. Юренив не публиковал результаты исследования, так как не считал себя достаточно квалифицированным специалистом в области современной археологии. Данная статья является одной из первых публикаций, широко освещающих археологические исследования С.Н. Юренева.

Ключевые слова: археология, шурф, зондаж, фундамент, мечеть, медресе, Специальная научно-реставрационная производственная мастерская (СНРПМ), купол, раскопки.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-045-053

Ученый-краевед Сергей Николаевич Юренив родился 30 мая 1896 г. в Витебской губернии Липецкого уезда, в семье банковского служащего. В 1918 г. он окончил Московский археологический институт и в 1920 г. переехал в г. Тверь, где работал руководителем музея [Ставиский, 1996, с. 3–4]. В 1924–1930 гг. он организует экспедиции по сбору материалов музыкального фольклора и искусства народов СССР. В 1931 г. С.Н. Юренив приглашают на работу в Узбекистан. Он преподавал русский язык в Маргиланском государственном институте хлопководства, в Ферганском и Бухарском педагогических институтах, где получил звание доцента. В конце 1934 г. ученый по семейным обстоятельствам (из-за болезни матери) возвращается в г. Калинин.

Вторая мировая война и ее последствия (захват фашистами г. Калинина, плен, тяготы и лишения послевоенного времени) наложили отпечаток на жизненный и творческий путь С.Н. Юренива. В 1951 г. он возвращается в Бухару. До возвращения он работал в должности советника по организации картинной галереи в Калининне (Твери), а в Бухаре стал заниматься любимым делом — археологией.

В качестве места своих исследований ученый выбрал две худжры в медресе Модарихан. В одной из них он жил, в другой хранил собранные им ценные исторические реликвии. Он писал: «Бухара — это самый лучший город в мире, а моя худжра самая хорошая комната» [Тураев, 1990, с. 77–78].

С 1952 г. С.Н. Юренив активно участвовал в археологических экспедициях по изучению исторических памятников г. Бухары. Свою археологическую деятельность он начал с ознакомления с памятниками города. В марте 1953 г. он приступает к исследованию мечети Калян. Были осмотрены стены здания; раскопаны на 80 см основания северных, южных и восточных стен и проведены исследовательские работы.

В результате исследования было определено:

— антисейсмический и гидроизоляционный слой здания был из камыша, что наблюдалось во всех частях здания;

— некоторые части стены расположены ниже каменного фундамента и значительно шире [Бухарский музей, инв. № 11448/7. СНРПМ, инв. № 3210].

Внимательно осмотрев здание, в своем отчете С.Н. Юренив отметил: «Во всех сторонах Мечети Калян заложен одинаковый слой камыша. В восточной стене здания имелась земляная насыпь, ее высота составляла 4,80 метра. Высота северной стены была 5,30 метра, фундамент ее был закопан, но кирпичи фундамента хорошо сохранились. Для определения состояния фунда-

мента здания основания стен были раскопаны на 80 см, и в результате раскопок земляного слоя были найдены фарфоровые изделия и осколки стекла, относящиеся к концу XIX — началу XX вв. Входная дверь в Мечеть с западной стороны была расположена на 67 см ниже уровня земли. При раскопке места, на котором было возведено здание, было найдено пять слоев камышовых циновок, покрытых землей» [Там же]. По мнению С.Н. Юренева, здесь находилась мастерская по изготовлению камышовых циновок или место их продажи — базар.

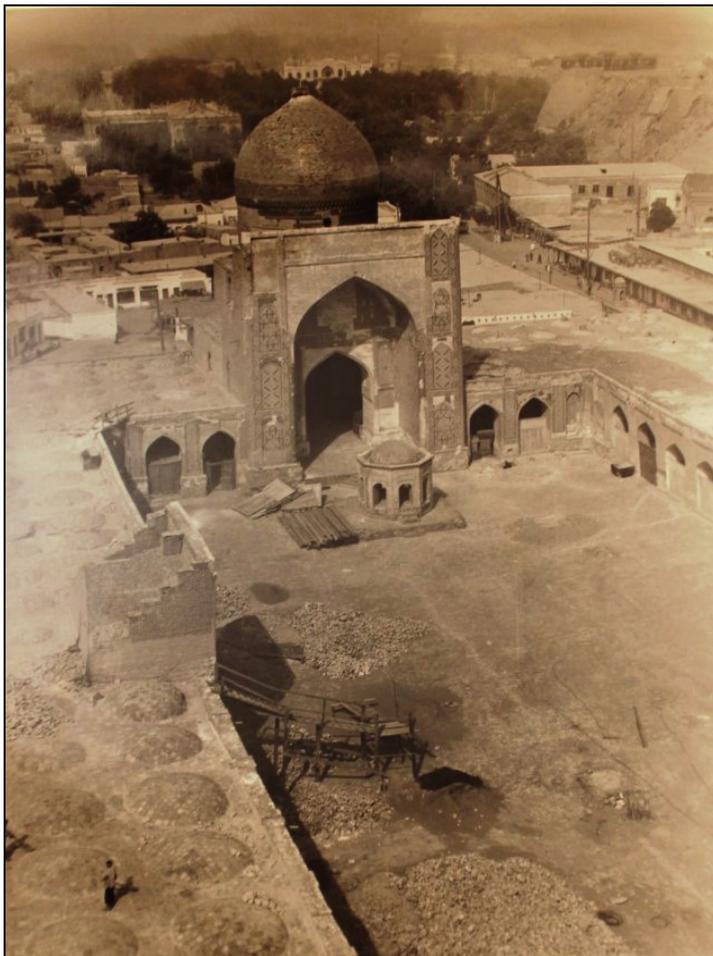

Рис. 1. Мечеть Калян. Вид с минарета Калян. 1959 г. [Бухарский музей, инв. № 1039].
Fig. 1. Mosque Kalyan. View from Minaret Kalyan. 1959 [Bukhara Museum-Reserve, inv. 1039].

Для определения состояния фундамента мечети Калян: количества рядов кирпичей в стенах и признаков их разрушения — были проведены раскопки основания северных и южных стен.

При раскопках одной из ям на северной стороне мечети Калян С.Н. Юрениным были найдены: несколько кусочков российского фарфора, относящегося к XIX–XX вв., три предмета XV в. и два предмета IX–XI вв. По мнению исследователя, культурный слой в этом месте расположен не очень глубоко. В 1952 г. при раскопках центральной части двора мечети Калян и медресе Мир-Араб на глубине 3–3,5 м были обнаружены предметы, относящиеся к периоду правления Саманидов [Там же].

По мнению С.Н. Юренева, некоторые части стен мечети Калян сохранились с эпохи Караханидов. Внешний фундамент указанного памятника был погребен в результате повышения уровня земляного покрова.

Интересный вывод был сделан директором Специальной научно-реставрационной производственной мастерской (СНРПМ) М.Х. Панченко в результате изучения находок: «В XIX веке купола крыши Мечети Калян были перекрыты кирпичами. Причина этого заключается в том, что люди, приходившие на намаз, не помещались во дворе Мечети и читали намаз на крыше» [Бухарский

Исследование С. Юренева в мечети Калян

музей, инв. № 11448/7. СНРПМ, инв. № 3210]. Эти сведения, представленные М.Х. Панченко, были проверены С.Н. Юрениным, и выяснилась их необоснованность. Для уточнения этих данных краевед провел беседы с жителями г. Бухары преклонного возраста. Согласно их рассказам, намаз не читали на крыше мечети, это не соответствовало законам шариата, так как во время намаза лицо человека должно быть обращено в сторону михраба. С.Н. Юренин также получил информацию, что на самом деле в начале XX в. число приходящих на молитву увеличилось и они, не помещаясь во дворе мечети, читали намаз на близлежащих улицах.

В марте 1952 г. в мечети начались ремонтные работы. Были отремонтированы крыши здания, а стены побелили.

В апреле 1952 г. исследования возобновились. В частности, изучалась крыша мечети. Основной целью исследования было определение техники строительства и видов использованных материалов. С начала до конца месяца крышу мечети очистили от земли и мусора. По сведениям местного населения, очистные работы не проводились в течение 30 лет [Бухарский музей, инв. № 11444/7. Архив СНРПМ, инв. № 3209].

Согласно сведениям С.Н. Юренина, крыша мечети была покрыта 27–30-сантиметровым слоем земли, а поверх него на цементном растворе уложены кирпичи. В земельном слое было обнаружено очень много предметов. Два фрагмента гончарных изделий относятся к XIII в., остальные глиняные находки — к XV–XIX вв. Посуду, покрытую изнутри зеленой глазурью, исследователь датирует концом XVIII — началом XIX в. Во время очистки от мусора в нем были найдены куски фарфора и гончарных изделий, а также медные монеты XIX–XX вв. [Там же].

Тогда же было изучено состояние фундамента здания. В отчете С.Н. Юренин указывает: «Северный навес здания стоит на 6 рядах кирпичей, а высота его опор составляет 6,10 метра, ширина равна 70 см, и расстояние между ними равно 3 метрам. Между опорами построены купола, их высота составляет 7,60 метра, а диаметр равен 1,37 метра. Если взглянуть на купола с крыши, то расстояние между ними равно 3,40 метра и в окружности составляет 1,20 метра. Сторона навеса, обращенная во двор, обрамлена арками. Для стекания осадков крыша построена с уклоном в сторону улицы и двора. И после ремонта крыши в XVIII–XIX вв. уклон крыши был изменен в одну сторону, т.е. в сторону внутреннего двора мечети» [Бухарский музей, инв. № 11444/7. Архив СНРПМ, инв. № 3209].

По состоянию на 1 мая 1953 г. С.Н. Юренин фиксирует:

- первоначально крыша мечети Калян была построена с уклоном в обе стороны;
- осадки сливались между куполов;
- сливные желоба были расположены ниже карнизов на 1,5–1,6 м и т.д.

Работы по осмотру мечети Калян в апреле в основном были завершены. С.Н. Юренин отмечает, что крыша здания была покрыта 30-сантиметровым слоем земли уже в XVIII–XIX вв. и это связано с экологическими условиями и климатом Бухары [Там же].

В мае 1953 г. С.Н. Юренин в качестве археолога руководит раскопками в мечети Калян. По указанию заместителя директора СНРПМ М.Х. Панченко, архитектора А.С. Бернштэйна и С.Н. Юренина в мечети Калян 19 мая 1953 г. были начаты раскопки и зондажные работы¹. Были определены места 4 шурфов и 9 зондажей. Например:

- I шурф — в юго-восточном углу стены здания;
- II шурф — в части михраба мечети;
- III шурф — на северо-западе основания здания;
- IV шурф — между мечетью Калян и минаретом Калян.

Для проведения исследовательских работ во втором и четвертом шурфах 26 мая должна была прибыть археолог К.А. Шахурина [Бухарский музей, инв. № 11447/7. Архив СНРПМ, инв. № 3091].

Кроме того, в девяти местах здания были установлены зондажи. Об их размещении С.Н. Юренин извещает М.Х. Панченко; в свою очередь, последний для зондажа отправляет конструктора Е.О. Нэлли и архитектора А.С. Бернштэйна.

Руководитель реставрационного отдела г. Бухары П.Я. Райков по приглашению С.Н. Юренина также присылает группу опытных сотрудников под руководством П.И. Митрофанова. 21 мая группы приступают к работам, и одновременно ведутся раскопки в I и II шурфах. Раскопки были закончены 22 мая. Ход данных работ фотографировал И.Д. Давидов [Там же].

¹ Зондаж в археологии — исследование раскопками отдельно взятой территории в целях определения и изучения стратиграфии памятника.

В первом шурфе было раскопано четыре культурных слоя, в третьем — семь культурных слоев. На глубине 3,15 м было обнаружено каменное основание мечети первой постройки. С.Н. Юренев, собравший основные данные в ходе исследования I и III шурфов, продолжил раскопки с целью внести ясность в вопрос об определении даты постройки мечети Калян, ее возраста и первоначальных сооружений на месте мечети. Он отметил, что в исторической литературе не нашел никаких сведений о мечети Калян. В своих отчетах он делает следующие заключения [Там же]:

1. На месте мечети Калян в первой половине I тыс. н.э. была резиденция государства кушанов². Два фрагмента гончарных изделий, найденных в первом культурном слое мечети и относящиеся к кушанскому периоду, подтверждают это. Позже на этом месте была воздвигнута мечеть.

2. В III шурфе зафиксировано, что для первого основания мечети были использованы неотесанные каменные глыбы и пол был выстлан кирпичами одинакового размера (18,5×2,7 см). Толщина пола составляла 25–30 см. В напольной части имелись пятна ганча (гипс) и большой слой золы, что свидетельствовало о захвате монголами в XIII в.

С.Н. Юренев писал, что монголы захватили Бухару в феврале 1220 г., и тогда мечеть была сохранена, но во время беспорядков в 1273 г. мечеть сожгли. По словам жителей города преклонного возраста, первая постройка мечети относится ко времени Кутейбы ибн Муслима (713 год н.э.). Это подтверждают вышеназванный источник и находки из культурного слоя.

Кирпичи, заложенные в пол первой мечети, послужили фундаментом для последующих построек. Находок, свидетельствующих о первой постройке мечети, было очень мало.

3. Второй раз мечеть была построена после пожара, на том же месте. Предварительно строители расчистили место пожара и поверх каменных глыб фундамента разровняли земляной слой и только после этого начали строительство. Это подтверждают кирпичи, уложенные на полу, и находки, сделанные археологами. С северной, восточной и западной сторон стены мечети Калян были выкопаны рвы для смешивания глины и при строительстве использовались необожженные кирпичи. Необожженные кирпичи, обнаруженные на крыше мечети, относятся к XVI в. По мнению исследователя, второй раз мечеть была построена в XIII–XIV вв.

4. Пол мечети второй постройки послужил основанием для третьей ее постройки, на нем было собрано еще шесть рядов кирпичей и воздвигнута мечеть. Это нашло подтверждение при исследовании культурного слоя III шурфа. Размеры кирпичей, использованных в каждый период, разные: при второй постройке мечети — 28×28×5,5 см, при первой — 19×19×3 см. В промежутке между современным и первым полом мечети найдено большое количество фрагментов гончарных изделий, но определить их возраст не представлялось возможным. По мнению исследователя, определение возраста находок могло бы внести ясность в вопрос о дате постройки мечети.

5. Самый богатый культурный слой был выявлен в III шурфе. В нем было найдено множество предметов. Культурный слой второй постройки мечети в III шурфе составил 0,63–0,71 см. Для фундамента мечети Калян в общей сложности было собрано 14 рядов кирпичей [Бухарский музей, инв. № 11447/7. Архив СНПРМ, инв. № 3091].

В качестве примечания С.Н. Юренев приводит следующие сведения. Две находки из III шурфа достойны внимания. Это два фрагмента гончарных изделий, относящихся к кушанскому периоду. Для внесения ясности в этот вопрос находки были отправлены О.В. Обельченко, который вел исследования этого периода недалеко от станции Куй-Мазар. Изучив находки, ученый подтвердил, что они принадлежат к этому времени [Бухарский музей, инв. № 11447/7. Архив СНПРМ, инв. № 3091].

Все фотографии, сделанные в шурфах, были отправлены руководству Бухарского реставрационного участка. 19 августа 1953 г. С.Н. Юренев завершил составление отчета и сдал его в СНПРМ.

Работу над отчетами по исследованию мечети Калян С.Н. Юренев продолжал в сентябре. Согласно сведениям из отчета, раскопки 1953 г. в мечети были проведены в два этапа. Первый этап был осуществлен в мае 1953 г., тогда необходимо было выполнить работу на четырех шурфах, но раскопали два шурфа. Вторым этапом был начат в сентябре того же года — вскрыли девять шурфов [Бухарский музей, инв. № 11449/7. Архив СНПРМ, инв. № 3797].

² Кушанское царство — древнее государство на территории современной Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Северной Индии; период расцвета приходится приблизительно на 105–250 гг. н.э.

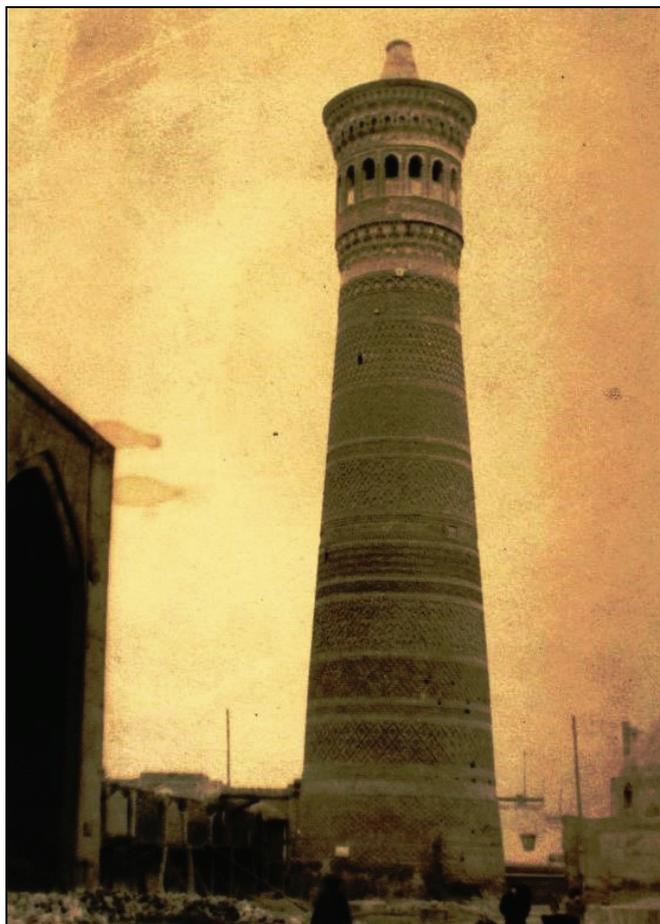

Рис. 2. Вид мечети Калян, 17 февраля 1957 г. [Бухарский музей, инв. № 1044].

Fig. 2. Appearance of the Mosque Kalyan, February 17, 1957 [Bukhara Museum-Reserve, inv. 1044].

По приказу СНРПМ основание здания, его фундамент необходимо было раскопать на глубину 0,5 м и довести раскопки до самого нижнего слоя. Работы по проверке и измерению были поручены двум специалистам.

По сведениям С.Н. Юренева, раскопки вели П.И. Митрофанов и И.Г. Антипов. Работы осуществлялись с 11 до 18 сентября 1953 г., было раскопано девять шурфов. 12 сентября 1953 г. в Бухару приезжает архитектор И.И. Ноткин. Он фиксирует на бумаге место расположения и состояние шурфов. 14 сентября 1953 г. прибывают В.А. Шишкин и А.В. Нилсон, вместе они до 21 сентября 1953 г. занимаются исследованием шурфов. С 22 сентября до 10 октября этого же года было составлено описание шурфов. Фотосъемкой шурфов занимался И.Я. Давидов [Бухарский музей, инв. № 11449/7. Архив СНРПМ. инв. № 3797].

В конце октября 1953 г. по распоряжению СНРПМ все шурфы были засыпаны землей. Учреждение предложило пронумеровать все столбы в мечети Калян и согласно этим номерам обозначить раскопанные шурфы. Эту работу поручили С.Н. Юреневу; несмотря на то что нумерация была не очень точной, работу он выполнил.

Нумерация была осуществлена по буквенно-цифровому принципу, подобно обозначению клеток на шахматной доске. В мечети Калян с севера на юг 18 опор были пронумерованы цифрами, а с востока на запад 29 опор обозначены буквами русского алфавита от «а» до «ъ». Шурфы тоже пронумеровали цифрами и обозначили буквами. Исследователь в своем отчете показал предварительную схему расположения опор [Бухарский музей, инв. № 11449/7. Архив СНРПМ, инв. № 3797].

При написании отчета С.Н. Юренев опирался на краткие сведения, так как культурные слои, раскопанные на первом этапе экспедиции, на втором этапе повторялись.

Опираясь на исторические сведения и информацию, полученную от представителей старшего поколения бухарцев, исследователь приходит к заключению, что мечеть и минарет Калян

строились одновременно в 1127 г. Здание, разрушенное в результате пожара, он фиксирует как первую мечеть и приводит данные из III шурфа, полученные на первом этапе раскопок. Время пожара он датирует концом XIII — началом XIV в.

По мнению исследователя, вторая мечеть была построена в конце XIII века, т.е. в 1280 г., или в начале XIV в. Это можно проследить по всем культурным слоям шурфов на первом и втором этапах раскопок. По мнению С.Н. Юренева, вторая мечеть была разрушена через 100–150 лет; причина в том, что фундамент был недостаточно крепким и дал осадку [Бухарский музей, инв. № 11449/7. Архив СНПРМ, инв. № 3797].

Результаты работ свидетельствуют, что по способу и технологии строительства, пропорциональности сводов здания третья мечеть существенно отличается от предыдущих построек. Обратив внимание на использование при строительстве мечети древней гончарной декорации с изображением цветов, пишет исследователь, можно сделать вывод, что постройка здания относится к первой половине XV в. С.Н. Юренев поддерживает мнение Б.Н. Засыпкина, что здание построено в период правления Улугбека (Мухаммед Тарагай ибн Шахрух ибн Тимур Улугбек Гураган, годы жизни: 22 марта 1394 г. — октябрь 1449 г.), и в своем отчете помещает сведения В.А. Шишкина о постройке здания в 1514 г. [Бухарский музей, инв. № 11449/7. Архив СНПРМ, инв. № 3797].

Исследователь отмечает, что стоящие друг против друга медресе Мир Араб и мечеть Калян, хотя и были построены в разные эпохи, образуют единый архитектурный ансамбль.

Ученый фиксирует наличие в нише михраба, украшенного росписью и арабской вязью, подписи мастера по резьбе Баязида Пурани. В.А. Шишкин также оставил запись, что в мраморной нише мечети, созданной в 1541 г., имеется подпись Шейха Пурани. Из этого следует, что Баязид Пурани участвовал в декорировании мечети. Исследователь выдвигает предположение, что роспись и арабская вязь в михрабе относятся к первой половине XVI в. [Бухарский музей, инв. № 11449/7. Архив СНПРМ, инв. № 3797].

С.Н. Юренев обратил внимание на некоторые несоответствия в конструкции мечети. Восточная сторона здания, в том числе строение арок на этой стороне, непохожа на другие его стороны. Строительство восточной стороны и соединенных с ней двух арок на южной стороне он датирует XII в., строительство остальных частей — первой половиной XVI в.

В XVII в. в мечети проводились большие ремонтные работы. В начале XX в. мастер Ширин Мурадов продолжил восстановительные работы. Были отремонтированы западная часть мечети, некоторые купола и пол здания. Исследователь пишет, что во время этого ремонта использовались русские кирпичи [Бухарский музей, инв. № 11449/7. Архив СНПРМ, инв. № 3797].

В отчете подробно описан каждый шурф, приведены рассуждения о сырье и материалах, использованных при первой, второй и третьей постройках мечети, о недостатках и ошибках при строительстве.

21 октября 1953 г. по заданию СНРПМ из Ташкента приехал геолог А.И. Лугин. На него была возложена задача раскопать четыре шурфа: два — в мечети Калян, один возле минарета Калян и еще один в медресе Мир Араб. В задании было указано, что раскопки нужно проводить до появления грунтовых вод. Проведение археологических работ и наблюдение за ними было поручено С.Н. Юреневу, а советником ему назначен В.А. Шишкин, который должен был прибыть по окончании раскопок [Бухарский музей, инв. № 11445/7. Архив СНПРМ, инв. № 3808].

С.Н. Юренев и А.И. Лугин определили места работ. Вместе с А.И. Лугиным из Ташкента прибыли специалисты по проведению раскопок М.М. Ахмеджанов и С.К. Камолов.

По сведениям С.Н. Юренева, вначале было два шурфа: № 1 — на севере минарета Калян, № 2 — в северо-восточной части мечети Калян. Директор СНРПМ К.К. Кульбацкий предварительно дал разъяснения о процессе проведения работ. В обоих шурфах работы начались одновременно, а позже, по мере углубления шурфов, велись в отдельном порядке. В шурфе возле минарета Калян работы были окончены 28 октября 1953 г., а возле мечети — 31 октября 1953 г. Только после этого из СНРПМ и Отдела по охране исторических памятников пришла телеграмма о прекращении раскопок, и работы были остановлены. В начале ноября 1953 г. из Бухары уезжают специалисты по раскопкам и вслед за ними геолог А.И. Лугин, которому была поручена задача осуществить раскопки мечети Калян до самого нижнего ее слоя, а также определить, насколько г. Бухара находится выше уровня мирового океана. Таким образом, основная цель раскопок вокруг мечети Калян заключалась не в определении возраста Бухары, а в уста-

Исследование С. Юренева в мечети Калян

новлении уровня расположения города относительно уровня мирового океана [Бухарский музей, инв. № 11445/7. Архив СНПРМ, инв. № 3808].

Несмотря на то что исследователи уехали, раскопанные шурфы нельзя было засыпать без указания СНРПМ и Отдела по охране исторических памятников.

Исследование не было доведено до конца, однако С.Н. Юренив оставил много сведений об этой экспедиции.

Находки из самого верхнего слоя в шурфе возле минарета Калян относились к XIX–XX вв. На глубине 0,25 м был найден слой ганча (гипс) и кирпичей толщиной 15 см. В ганчевой части слоя обнаружены фрагменты гончарных изделий и российского фарфора, датируемые XIX–XX вв. С отметки 1,10 и до 1,70 м отмечался слой кирпичей толщиной 3–4 см. На глубине 2,65 м и ниже фундамент в основном был собран из кусков камня, но не кирпичей и глины. На глубине фундамента в 6–7 м, согласно радиусу минарета, подобно кладке кирпичей, на глине были уложены деревянные балки. На глубине 8 м из фундамента минарета на ширину 11 см имелся второй выступ и через каждые семь рядов собранных камней по кругу уложен ряд камней из известняка. На глубине 10,5 м заканчивался правильный порядок укладки камней, вместо него толщиной в 90 см уложены каменные глыбы. Во время раскопок на уровне каменных глыб в 30–40 см на поверхность выступили грунтовые воды, и работы были прекращены.

В записях С.Н. Юренива значится, что от начала до конца раскопок шурфа в культурном слое попадались фрагменты гончарных изделий X–XII вв., а после каменных глыб на глубине в 30–40 см находок, необходимых для определения даты, не встречено.

Фундамент минарета Калян был раскопан на глубину почти 12 м. Состояние фундамента исследователь оценил положительно и зафиксировал размер кирпичей 24×24×3 см. Рассказы о минарете Калян, которые С.Н. Юренив узнал у местного населения, в качестве приложения были прикреплены к отчету [Бухарский музей, инв. № 11445/7. Архив СНПРМ, инв. № 3808].

Шурф в мечети Калян был раскопан в северной части здания. На первом и втором этапах в основном были найдены предметы, относящиеся к культурному слою. Шурф в мечети также вскрыли почти на 11,5 м, но при появлении грунтовых вод раскопки были прекращены. На глубине 10,5 м были обнаружены: маленькие гончарные горшки, фрагменты гончарных изделий, место погребения кушанского периода, кости коров и баранов; на отметке 11 м — небольшие обожженные кирпичи, в состав которых была добавлена солома [Бухарский музей, инв. № 11445/7. Архив СНПРМ, инв. № 3808].

В конце своего отчета С.Н. Юренив приводит девять рассказов и сказок, записанных им в устных беседах с представителями местного населения, но не рекомендует использовать эти легенды в научном обороте, так как, по-видимому, не считает их правдоподобными.

После недолгого перерыва, в 1959 г., исследовательские работы в мечети Калян были продолжены по заданию Комитета по охране исторических памятников при Совете Министров УзССР. Это было совместное археологически-архитектурное исследование, в нем участвовал архитектор Тухтамурод Икрамов [Бухарский музей, инв. № 11441/7].

Согласно сведениям из отчета, археолог Т. Икрамов и С. Юренив договорились об определении трех участков для шурфов в северо-западной части мечети. Раскопки под наблюдением археолога осуществляла группа мастеров в составе Бобомуродова, Умара Пулатова и Мустафы Гулямова. По совету археолога чертеж шурфов выполнил Т. Икрамов, также он провел фотосъемочные работы [Бухарский музей, инв. № 11441/7].

Во время исследования при определении вместе с архитектором нулевой отметки уровня мечети выяснилось, что по сравнению с 1953 г. данная отметка выше на 9 см. В 1953 г. измерительные работы проводил архитектор С.Б. Неумывакин, а чертеж шурфа выполнил И.И. Ноткин.

Нумерация 1953 г. была продолжена и в 1959 г., а именно были проставлены десять номеров. Шурф № 11 расположен в восточной части здания около 12 арки, шурф № 12 — в углу северо-западной части здания и шурф № 13 — в восточной части между арками «ф-14» и «х-14». В исследовании были использованы буквенные и цифровые обозначения из таблицы 1953 г. Раскопки шурфа № 13 были прекращены 18 апреля 1959 г. Исследовательские работы продолжались до конца апреля, и в начале мая 1959 г. шурфы были засыпаны землей.

Исследование и раскопки в мечети Калян в 1960 г. осуществлялись без археолога. С.Н. Юренива известили об этом уже после раскопок шурфов в мечети Калян, проведенных в июне 1960 г. На этот раз приказ о проведении раскопок издал архитектор Комитета по охране исторических па-

мятников УзССР Т. Икрамов. Раскопки выполняла группа под руководством Бобомуродова [Бухарский музей, инв. № 11443/7].

Было ясно, что ни один археолог не возьмется исследовать материалы этих раскопок, но С.Н. Юренев постарался изучить их с археологической точки зрения.

Шурфы № 14, 15 в 1960 г. были раскопаны в северной части мечети, а третий и четвертый шурфы — между арками. Площадь шурфов составляла 2,10×1,10 м, глубина — 2,40 м; они были раскопаны до фундамента третьей постройки мечети. Целью исследования было изучение состояния фундамента арок, возведенных на старом фундаменте.

В основном было проверено состояние напольной части здания, определены объем кирпичей, техника строительства, использованное строительное сырье и состояние фундамента [Бухарский музей, инв. № 11443/7].

Площадь шурфа № 11 составляла 2,42×2,10 м, глубина — 1,5 м. Целью раскопок данного шурфа было определение первоначального уровня пола мечети третьей постройки и глубины основания фундамента.

По шурфам № 11–13 С.Н. Юренев дал следующие заключения:

— площадь мечети второй постройки послужила площадью для третьего строительства мечети; ров для третьей постройки мечети был раскопан до каменных глыб второй постройки мечети; фундамент третьей постройки мечети состоял из шести рядов кирпичей (25×25×5 см) с ганчевой, а позже с глиняной смесью; кирпичи для фундамента были собраны в поперечном положении;

— шурф № 12 раскапывался с теми же, вышеуказанными целями, а в отношении шурфа № 13 были поставлены другие цели — вскрытие напольной части третьей постройки, изучение ее культурного слоя и открытие первой напольной части мечети и наконец — подтверждение результатов, полученных при исследовании III шурфа 1953 г.;

— в итоге были обнаружены в большом количестве фрагменты гончарных изделий и установлено, что эти находки относятся к VIII–IX и XI вв. [Бухарский музей, инв. № 11443/7].

Исходя из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что С.Н. Юренев при изучении мечети Калян использовал свои знания и опыт в полном объеме. Его интересовали возраст и дата постройки мечети Калян (это видно из его отчетов). Для определения возраста мечети ученый изучил большое количество археологических трудов и дневников. Он много беседовал с пожилыми людьми — представителями местного населения и собрал различные легенды о мечети Калян. Несмотря на то что впоследствии его не привлекали к исследованиям, ученый проводил наблюдения самостоятельно. Материалы своих исследований он не публиковал ни в прессе, ни в сборниках научных работ, так как считал себя недостаточно квалифицированным в данной области науки. Однако отчеты С.Н. Юренева свидетельствуют о соответствии его работ принципам археологических исследований, высоком профессиональном уровне, а результаты этих работ имеют большое значение для подробного и всестороннего изучения истории и архитектуры упомянутых памятников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бухарский музей, инв. № 11444/7. Архив СНРПМ, инв. № 3209.
Бухарский музей, инв. № 11445/7. Архив СНПРМ, инв. № 3808.
Бухарский музей, инв. № 11446/7. Архив СНПРМ, инв. № 3115.
Бухарский музей, инв. № 11447/7. Архив СНПРМ, инв. № 3091.
Бухарский музей, инв. № 11448/7. Архив СНРПМ, инв. № 3210.
Бухарский музей, инв. № 11449/7. Архив СНПРМ, инв. № 3797.
Ставиский Б.Я. Сергей Николаевич Юренев. Бухара: Бухарский музей, 1996. 28 с.
Тураев Х. Три частных коллекции документов, поступившие в Бухарский музей // Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. конф. «Бартольдovские чтения — 1990». М., 1990. С. 77–78.

**RESEARCH CARRIED OUT BY S. YURENEV ON THE MOSQUE KALYAN,
BUKHARA, UZBEKISTAN**

This article describes S.N. Yurenev's archaeological findings in Bukhara city. The local archaeologist and geologist S.N. Yurenev started his archaeological research in 1952 with his study of the Mosque Kalyan (in Uzbek Masjidi Kalon — «Great Mosque») in Bukhara city, and has subsequently carried out further research on the Mosque Kalyan monument. In this study, S.N. Yurenev's interest in building history and construction technology is applied to the Mosque Kalyan. Nowadays S.N. Yurenev's article has been active up to now in the archaeological expeditions around the Mosque Kalyan and its surroundings. In the research, S.N. Yurenev pointed out the Special scientific and restoration, production workshop which managed the excavations works and gave the instructions to the expedition's final reports which was handed over by the organisation. This article demonstrates the variety of methods used by S.N. Yurenev in his archaeological research. During the expedition the material culture from different periods was recovered and analysed by professional archaeologists. In addition, he collected and analysed ethnographic research material. S.N. Yurenev has not previously published his investigation results, being under the impression that his work was not up to modern archaeological standards. In this article S.N. Yurenev's archaeological research is presented for the first time.

Key words: archaeology, shurf, sondage, foundation, mosque, madrasah, Special scientific and restoration, production workshop, dome, excavations.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-045-053

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

REFERENCES

- Staviskiy B.Ya. (1996). *Sergey Nikolaevich Yurenev*, Bukhara: Bukharskiy muzey.
Turaev X. (1990). Three private collections of documents received by the Bukhara Museum. *Tezisy dokladov i soobsheniy Vsesoyuznoy konferentsii «Bartoldovskie chteniya — 1990»*, Moscow: Nauka, 77–78.

Ю.Б. Сериков

Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в Нижнем Тагиле)
Красногвардейская ул., 57, Нижний Тагил, 622031
E-mail: u.b.serikov@mail.ru

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ГАРПУНОВ

Рассматриваются вопросы определения функционального назначения зубчатых острий, прежде всего гарпунов, на основании типологических признаков. Выделенные отличительные признаки (детали) гарпунов не обеспечивают прочное соединение линия с насадом орудия. Наличие на некоторых гарпунах смолы и берестяной обмотки свидетельствуют о жестком их креплении. Проведенные автором эксперименты показали, что детали оформления насадов, характерные для «гарпунов», можно успешно использовать для их жесткого крепления.

Ключевые слова: гарпун, острога, функциональное назначение, данные этнографии, эксперимент, лесная зона Восточной Европы, Урала и Сибири.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-054-063

Введение

Костяные наконечники с зубцами традиционно считаются гарпунами. В последнее время их стали делить на собственно гарпуны и зубчатые острия — наконечники стрел, острог, дротиков и копий. Здесь сразу следует отметить, что такое деление не соответствует принципам типологии. Термин «зубчатые острия» характеризует разряд типологического ряда. А термин «гарпун» включает в себя функциональное определение, что выходит за рамки собственно типологии. Различаются они по оформлению насада и способу крепления. Зубчатые острия с жестким креплением на древках трактуют как наконечники острог, стрел, дротиков, копий [Ошибкина, 1997, с. 73; Жилин, 2004, с. 36; Савченко, 2017, с. 27–28]. Зубчатые острия, которые при попадании в рыбу или животное отделяются от древков, относят к гарпунам. При этом с древком они связаны специальным линем [Эверстов, 1988, с. 75]. Отличительными признаками гарпунов считается наличие специальных приспособлений для крепления к древку в виде обратных зубцов (рис. 1, 1), выемок (рис. 1, 2), канавок, выступов (рис. 1, 3, 5), отверстий (рис. 1, 4) [Загорская, 1975, с. 128; Ошибкина, 1997, с. 72; Жилин, 2004, с. 44; Лозовская, Лозовский, 2013, с. 104–106; Савченко, 2006, с. 114; 2014, с. 187; 2017, с. 34]. Тем не менее, несмотря на отсутствие данных отличительных признаков, зубчатые острия нередко продолжают называть гарпунами [Ошибкина, 2006, с. 23, 35, 55].

Вопрос о функциональном назначении так называемых гарпунов неоднократно поднимался в отечественной литературе. По мнению многих исследователей, гарпуны использовались для охоты на крупную рыбу и животных, ведущих водный образ жизни. Имеются в виду прежде всего бобр и выдра [Гадзяцкая, 1966, с. 19; Жилин, 2004, с. 55; Савченко, 2006, с. 114; 2014, с. 187; 2017, с. 34]. Другие археологи считают, что с гарпунами охотились на крупных копытных животных — лося и северного оленя [Ошибкина, 1997, с. 73]. По мнению С.В. Ошибкиной, трудно предположить, что такие многочисленные зубчатые острия применялись только для промысла рыбы (причем в основном щуки), в то время как на памятниках преобладают кости крупных мясных животных (лося). Поэтому она не исключает, что крупные зубчатые острия использовались при охоте на лесных животных [Ошибкина, 1983, с. 106–107]. Анализируя массивные наконечники с одним или несколькими зубцами и отверстием на насаде со стоянки Замостье 2, О.В. и В.М. Лозовские также приходят к выводу, что они являлись наконечниками копий и использовались для охоты на лося [Лозовская, Лозовский, 2017, с. 232–238].

Таким образом, в археологической литературе наблюдается значительное разнообразие мнений о функциональном назначении гарпунов. К тому же, если исходить из общепринятых признаков, количество гарпунов среди зубчатых острий в отдельных регионах может превышать 50 %. Поэтому вопрос об использовании гарпунов на внутренних водоемах требует особого изучения.

Целью статьи является оценка правомерности выделения типологических признаков гарпунов и выявление истинной роли гарпунов в хозяйстве населения каменного века. Для этого необходимо исследовать способы крепления гарпунов и выяснить, соответствуют ли они известным археологическим находкам и данным этнографии, а также важно подкрепить полученные результаты экспериментом.

Дискуссия

В качестве одного из доказательств охоты с применением гарпуна на бобра или выдру обычно ссылаются на находку (единственную!) в неолитическом слое поселения Сахтыш I черепа бобра с застрявшим в нем зубчатым острием. По мнению М.Г. Жилина, в теплое время года на бобра охотились на воде с помощью гарпуна. Причем били его ударом в голову [Жилин, 2004, с. 44; рис. 22, 5–5а; Савченко, 2006, с. 114; 2017, с. 34]. Развивая тему охоты на бобра с помощью гарпуна, М.Г. Жилин ссылается на данные этнографии [Жилин, 2004, с. 44]. Здесь необходимо дать некоторые пояснения. Во-первых, обломок зубчатого острия в черепе бобра не имеет насада. А определить, гарпун это или наконечник стрелы, можно только по насаду. Данный обломок мог происходить и от наконечника стрелы. К тому же нет фактов, что бобр был ранен в воде озера. Он мог быть поражен стрелой из лука и на берегу. Во-вторых, опираясь на данные этнографии, М.Г. Жилин, к сожалению, не приводит ни одной ссылки. Нами проработана основная литература по этнографии сибирских народов: алтайцев [Потапов, 2001], кетов [Алексеев, 1967], эвенков [Василевич, 1969], селькупов [Пелих, 1981], ненцев [Хомич, 1966], хантов [Вигет, 1999]. Нигде нет даже упоминаний об охоте на бобров с помощью гарпунов, хотя указывается, что только в одном 1652 г. из Томска было вывезено 1226 шкур бобров [Пелих, 1981, с. 82]. Нет подобной информации и в опубликованных докладах симпозиума «Среда и охотничья деятельность в каменном веке», проведенного в рамках XI Международного конгресса по изучению четвертичного периода (ИНКВА) в 1982 г. [Каменный век, 1985, с. 3–64].

Гарпуны применялись ненцами, эвенками, эскимосами, алеутами только для охоты на морского зверя — нерпу, морского зайца, тюленя, моржа [Хомич, 1966, с. 75–78; Василевич, 1969, с. 70–71; Березкин, Корсун, 2008, с. 17–30]. В каменном веке охота на морского зверя (нерпу и тюленя) кроме приморских территорий могла существовать на некоторых внутренних водоемах — озерах Онежское, Ладожское, Лача, Байкал [Саватеев, 1985, с. 32; Эверстов, 1988, с. 55; Ошибкина, 1997, с. 73–74; Жилин, 2004, с. 44–45].

Об охоте на выдру и бобра. Выдра — маленький, юркий и осторожный зверек. По данным этнографии, ее добывали при помощи ловушек, сетей, самострелов и луков [Василевич, 1969, с. 62–63; Вигет, 1999, с. 169; Потапов, 2001, с. 64, 73]. Охота на плывущую выдру при помощи гарпуна представляется маловероятной. Выдра не даст охотнику подплыть на убойную дистанцию, при малейшей опасности она уходит под воду. Даже если бросить в нее гарпун, она успеет нырнуть в воду прежде, чем гарпун долетит до цели. Поведение бобра на воде не отличается от поведения выдры. Современные охотники на бобров свидетельствуют, что бобр редко подпускает охотника ближе чем на 20 м. Рассказы некоторых коллег, что, плавая на байдарках, они задевали веслом спину бобра, автор относит к рыбацким (охотничьим) байкам. Такая ситуация возможна только в заповеднике, где животное подпускает человека близко. Если же на животное практикуется активная охота, оно ведет себя очень осторожно. Поэтому если на выдру и бобра все же охотились с воды, то значительно проще было стрелять в них из лука: стрелой можно бить издалека.

Вторая деталь. Если охота на бобра и выдру производилась с воды, то охотник должен был находиться в лодке. Лодкой эпохи мезолита — неолита могла быть только долбленка. Чтобы произвести бросок гарпуна, охотник должен был встать. В сидячем положении оценить расстояние до небольшой цели, а тем более произвести точный бросок невозможно. Но долбленка очень неустойчивое устройство, и резкое движение стоящего человека просто опрокинет ее. Кто плавал в современной байдарке, хорошо это знает. Также ее неустойчивость не дает возможности совершить точный бросок. Уже не говоря о том, что появление в лодке стоящего человека испугает животное, и оно тотчас уйдет под воду. У плывущего бобра, как и у выдры, из воды видна только голова и часть спины. Длина головы бобра в плане около 15 см, ширина — 10–11 см. При взгляде сбоку размер «цели» заметно уменьшается, и попасть в головы плывущего бобра или выдры с расстояния хотя бы 10 м очень проблематично. Да и на это расстояние осторожный зверь вряд ли подпустит охотника. Также смущает тот факт, что к гарпуну крепится

моток лinya и с таким «довеском» нужно точно попасть в цель. Это при охоте на кита или белуху можно бросать гарпун просто в тушу, целиться особо и не надо. А в данном случае попасть нужно в голову животного. На стоянке Замостье 2 было добыто свыше тысячи бобров (подсчет по нижним челюстям), но ни одного свидетельства поражения бобров гарпунами пока не зафиксировано. По данным этнографии, бобра и выдру добывали при помощи ловушек, сетей, самострелов и луков.

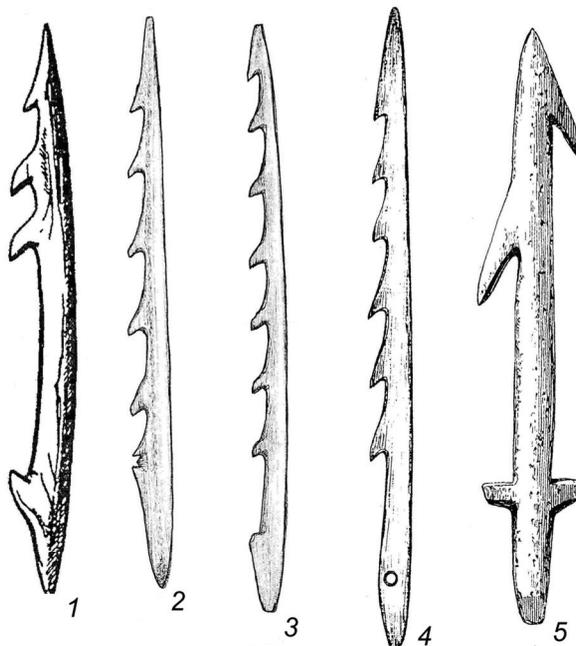

Рис. 1. Отличительные признаки гарпунов:
1 — поселение Веретье I; 2, 3 — Шигирский торфяник; 4 — стоянка Ивановское VII; 5 — могильник Ленковка.
Fig. 1. Distinctive feature of harpoons:
1 — settlement Veretie I; 2, 3 — Shigirsky peatbog; 4 — site Ivanovskoie VII; 5 — burial Lencovka.

Многочисленные материалы этнографов свидетельствуют о длительном сохранении древних способов добычи рыбы — поволоки острогой и стрельбы из лука. Чаще всего рыбу били острогой с лодки на порожистых мелких местах с использованием огня. Но существовали и другие способы охоты. У эвенков рыбу лучили с «беседки» или лабаза. Еще с серовского этапа неолита у них сохранился прием поволоки рыбы с рыбкой-приманкой через лунку проруби. Когда рыба подходила к приманке, ее кололи острогой. Иногда на речках сооружали запоры с 1–2 отверстиями. Когда река замерзала, над ними ставили чум для рыбака, который колот острогой рыбу, пытающуюся пройти через оставленные отверстия [Василевич, 1969, с. 81–84].

Единственный пример лучения крупной (до 20 кг) рыбы острогой-гарпуном приводит Г.М. Василевич. Но это уже были металлические трехзубые остроги, которые ремнем или веревкой длиной 20–30 м привязывались к нижнему концу древка [Василевич, 1969, с. 81–83].

Анализ так называемых гарпунов вызывает много вопросов. Зачем у гарпунов удлиненные насады, если они легко должны выскальзывать из древка? Почему у многих гарпунов неглубокие выемки и невысокие выступы (рис. 2, 1–5)? Ведь они не в состоянии прочно закрепить лinya, который легко мог соскочить с наконечника, оставив его в теле жертвы. Что касается отверстий на насаде так называемых гарпунов, то смущает небольшой их диаметр — 0,3–0,5 см. Мог ли лinya такого диаметра удерживать крупную рыбу? В марте 2018 г. на научно-методическом семинаре в Твери был озвучен доклад А. Киселевой и А. Мурашкина о рыболовном промысле на побережье Баренцева моря в позднем каменном веке. Почти 50 % так называемых гарпунов имеют длину около 5 см. Гарпуны длиной 5–7 см известны и на других территориях. Кого можно загарпунить таким гарпуном (рис. 2, 6–11)?

Оказывается, в северных морях такими гарпунами, действительно, охотились — на каланов. Калан — морское животное длиной до 1,5 м и весом до 45 кг. Гарпун длиной 6–7 см встав-

К вопросу о функциональном назначении так называемых гарпунов

лялся в жестко насаженную на древко костяную трубку. Повыше насада в боковом выступе на теле гарпуна имелось отверстие, через которое леской из сухожилия гарпун крепился к древку (рис. 3, 5). Но цель охоты состояла не в том, чтобы нанести животному смертельную рану, а в том, чтобы четырьмя-шестью ударами повредить меховой покров. Это приводило к смачиванию пуховых волос и, как следствие, к смерти калана от переохлаждения [Березкин, Корсун, 2008, с. 31]. Как видно, этот способ охоты резко отличается от традиционного. Но каланы были только в северных морях, тогда как гарпуны небольших размеров известны практически повсеместно.

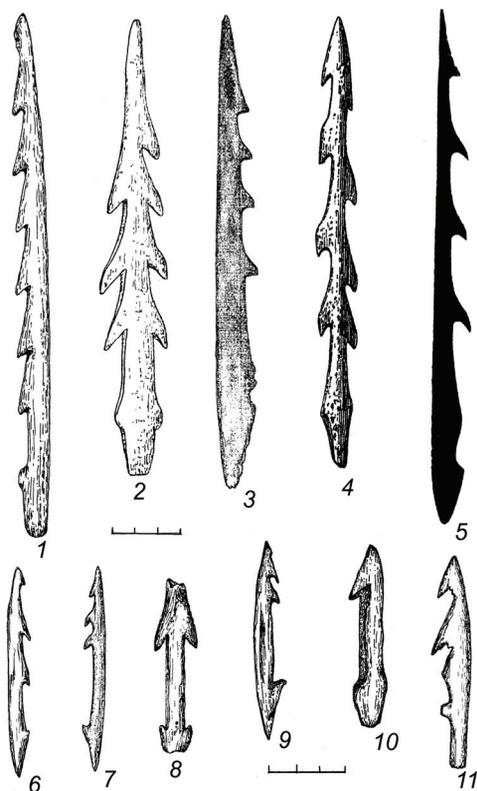

Рис. 2. Наконечники гарпунов с пологими выступами и выемками:

1 — могильник Братский Камень; 2 — могильник Падь Глубокая; 3 — Вторая Береговая торфяная стоянка;
4 — Китойский могильник; 5 — стоянка Замостье 2; 6 — Оленеостровский могильник; 7, 9 — поселение Веретье I;
8 — могильник Аносово; 10 — стоянка Нарва; 11 — пещера в Камне Котел.

Fig. 2. Tips of harpoons with flat ledge and with recess:

1 — burial Bratskiy Kamen; 2 — burial Pad Glubokaia; 3 — Vtoraiia Beregovaia peatbog site; 4 — Kitoisky burial; 5 — site Zamostie 2;
6 — Oleneostrovsky burial; 7, 9 — settlement Veretie I; 8 — burial Anosovo; 10 — site Narva; 11 — cave in Kamen Kotel.

Интересно проанализировать соотношение так называемых гарпунов и зубчатых острий, т.е. наконечников стрел или острог. В трех книгах академика А.П. Окладникова по неолитическим памятникам Ангары приведены иллюстрации 104 наконечников с зубцами. Из них неопределимых, т.е. сломанных, с отсутствующими насадами, — 16 %, наконечников стрел с гладкими насадами — 13,5 %, а «гарпунов» с выступами, выемками и отверстиями на насаде — 70,5 %. Если же брать только определимые изделия, то наконечников — 16 %, а гарпунов — 84 %. Получается, что неолитическое население Ангары добывало в основном только крупную рыбу, для чего использовались костяные наконечники гарпунов [Окладников, 1974–1976]. Но археологические материалы этого не подтверждают. На памятниках мезолита культуры Веретье соотношение другое: неопределимых изделий — 39 %, наконечников стрел — 45 %, «гарпунов» — 16 % [Ошибкина, 2006]. На стоянке Замостье 2 из мезо-неолитических слоев происходит 136 зубчатых наконечников. Среди них неопределимых изделий — 41 %, наконечников стрел — 55 %, гарпунов — всего 4 % [Лозовский, 2008; Лозовская, Лозовский, 2013; 2017]. На Урале «гарпунов» — 50 %, наконечников стрел — 36 %, остальные — неопределимые [Савченко, 2006, 2014, 2017]. В итоге получается, что на севере и в центре Восточной Европы среди зубча-

тых острий преобладали наконечники стрел, а на Урале и в Восточной Сибири — гарпуны. Вряд ли это соответствует действительности.

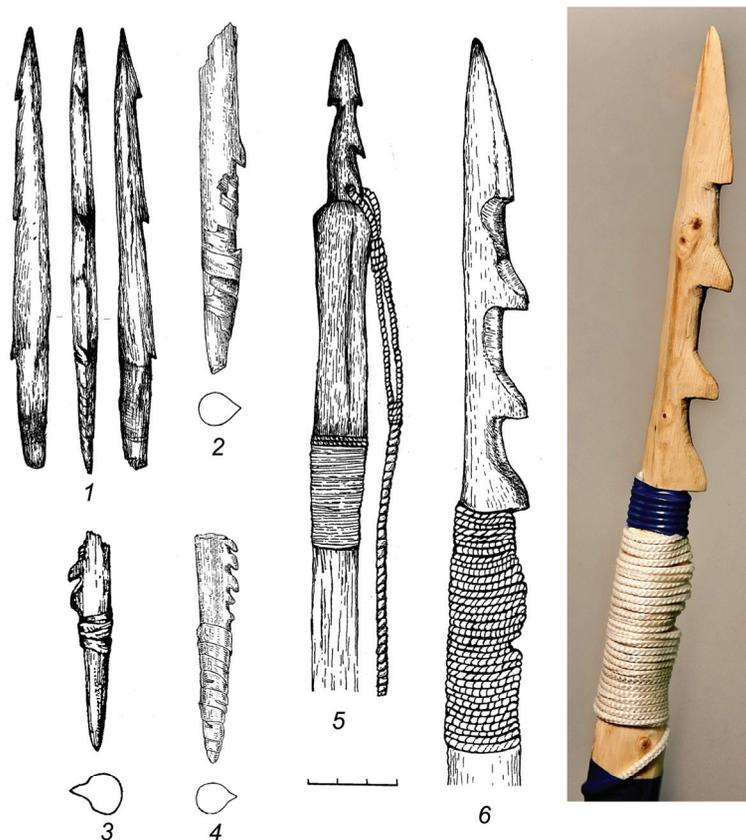

Рис. 3. Зубчатые острия с берестяной обмоткой (1–4); алеутский гарпун для охоты на каланов (5); реконструкция жесткого крепления гарпуна с выемкой к древку (6):

1 — стоянка Погостище 15; 2, 4 — стоянка Нижнее Веретье I; 3 — поселение Веретье I;

5 — алеутский гарпун из экспозиции Кунсткамеры; 6 — реконструкция жесткого крепления гарпуна.

Fig. 3. Toothed arrowheads with the birchbark winding (1–4); Aleutian harpoon for sea otters hunting (5); reconstruction of rigid attachment harpoon with a recess and shaft (6):

1 — site Pogostishe 15; 2, 4 — site Nizhnee Veretie I; 3 — settlement Veretie I; 5 — Aleutian harpoon from the exhibition Cabinet of curiosities; 6 — reconstruction of rigid attachment harpoon.

Возвращаясь к формальным признакам гарпунов, необходимо отметить одну важную деталь, на которую еще 30 лет назад указал С.И. Эверстов. Это нижняя часть гарпуна между нижним зубцом и обратным зубцом или выступом с отверстием или без него, которую он условно назвал «шейкой» [Эверстов, 1988, с. 77; табл. 1]. Она часто хорошо выражена и практически всегда присутствует у зубчатых наконечников, которые традиционно относят к гарпунам [Жилин и др., 2002, рис. 12; Жилин, 2004, рис. 22, 1–4; Савченко, 2006, рис. 1, 1–6; 2, 3, 4; 3, 5, 6].

Следует обратить внимание на некоторые детали крепления зубчатых острий к деревянным древкам. На поселении Веретье I сохранился отломанный насад зубчатого острия, обмотанный берестой (рис. 3, 3) [Ошибкина, 2006, с. 23, рис. 55, 10]. Два таких же насада с берестяной обмоткой найдены на стоянке Нижнее Веретье I (рис. 3, 2, 4) [Ошибкина, 1983, с. 102, рис. 20, 1, 2]. Целый зубчатый наконечник с обмотанным берестой насадом обнаружен в мезолитическом слое торфяниковой стоянки Погостище 15 (рис. 3, 1) [Лукинцева, 2018, с. 56, рис. 1, 4]. Следы смолы на берестяной обмотке однозначно свидетельствуют о жестком креплении данных зубчатых наконечников. Но у двух насадов с Веретья присутствуют выступы, а у третьего имеется противоположающий зубец (рис. 3, 2–4). По существующей типологии их следует отнести к наконечникам гарпунов. Но жесткое крепление острия к древку заставляет видеть в нем не гарпун, а наконечник стрелы или, скорее, остроги. В Дании и Швеции известны находки аналогичных зубчатых острий, у которых обмотка берестой доходит до середины изделий. С.В. Ошибкина счи-

К вопросу о функциональном назначении так называемых гарпунов

тает, что все зубчатые острия Веретья (в том числе с выступами и противоположным зубцом) всегда к древку крепились жестко. В некоторых случаях наконечник крепился сбоку древка, которое было срезано наискосок. И такое древко со следами обвязки сохранилось на поселении Веретье I [Ошибкина, 1983, с. 102–103].

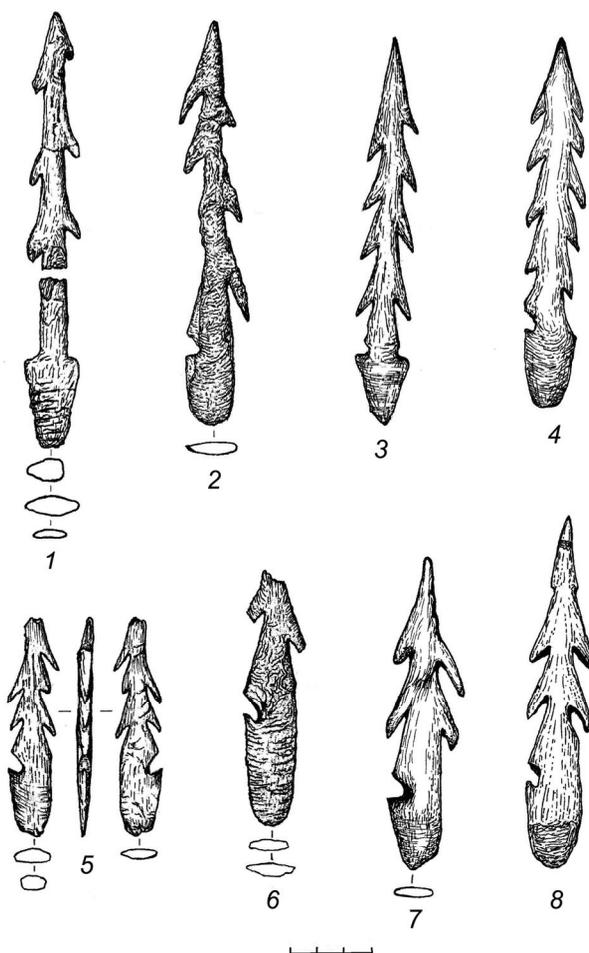

Рис. 4. Стоянка Верховенская Гора-I. Зубчатые наконечники с зажимным насадом (1–8).
Fig. 4. Site Verholenskaia Gora- I. Toothed arrowheads with clamping stem (1–8).

На 5-м Всероссийском археологическом съезде в Барнауле А.М. Кузнецовым и Е.О. Роговским был представлен доклад «Древнейшие зубчатые наконечники стоянки Верховенская Гора-I: хронология, морфология, интерпретация». Опираясь на этноархеологические разработки зарубежных исследователей (Pettilon и Weniger), они доказывали, что уплощенный насад с поперечными нарезками, прорезью или плечиками конструктивно предполагает зажимной насад, типичный для несъемных наконечников (рис. 4, 1–8). Свое предположение они подтвердили экспериментально [Кузнецов, Роговский, 2017, с. 59–62, рис. 1, 1–8; 2, 1–6].

Следует обратить внимание на оформление насадов отдельных типов костяных наконечников стрел. Некоторые из них имеют плечики, выступы, выемки (что является общепринятыми признаками гарпунов), но это не мешало их жесткому креплению в качестве наконечников стрел (рис. 5, 1–5) [Ошибкина, 2006, рис. 46, 2, 6–10; 47, 1; 48, 1, 2; 49, 21; 51, 4, 6; Жилин, 2001, рис. 5, 1–10; 6, 1–8].

Ремень к древку гарпуна должен крепиться с помощью либо отверстия, либо круговой канавки. Но таких древков пока не найдено. Также неизвестны костяные трубки, в которые могли бы вставляться наконечники гарпунов, как это практиковалось у северных народов. А долгое использование деревянных древков с прорезью вряд ли возможно из-за быстрого изнашивания прорези.

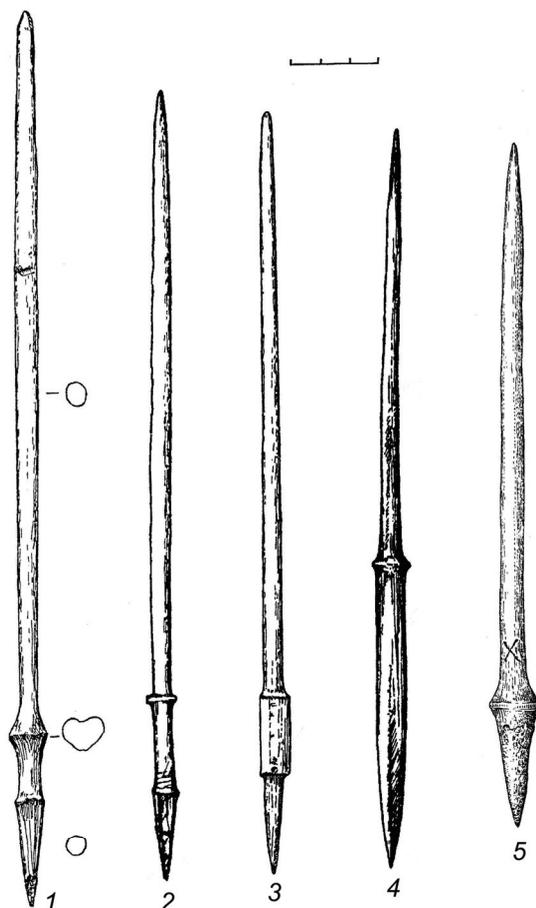

Рис. 5. Поселение Веретье I. Наконечники стрел с объемным насадом (1–5).
Fig. 5. Settlement Veretie I. Arrowheads with volume stem (1–5).

Гарпун не испытывает давления на слом при попадании в рыбу, так как при малейшем движении жертвы гарпун выпадает из гнезда древка. Наконечник остроги испытывает давление на боковой рывок. Если рывок идет по направлению прорези древка, он может вырвать наконечник. Если наконечник держать поперек жертвы (а именно такое положение обеспечивает максимальный захват тела жертвы), то сильный боковой рывок может сломать наконечник. Место слома в этом случае будет с «язычком». Отломанные насады гарпунов с отверстиями как раз имеют выраженный «язычок», что свидетельствует о жестком их креплении.

Следует также отметить, что наконечники острог при проникающем ударе должны были противостоять усилию, направленному на выдергивание наконечника из древка. Именно для этого происходило оформление насада противоположным зубцом, выступом, канавкой или отверстием. Обматывание насада и шейки «гарпуна» берестой, кожей, растительными волокнами обеспечивало надежное сращивание наконечника с древком. Обмотка упиралась в выемку или выступ и не давала возможности вырвать наконечник из древка. И здесь не имело значения, насколько глубока выемка, высок выступ, какой диаметр имеет отверстие. Проведенные автором эксперименты по жесткому креплению так называемых гарпунов показали, что они вполне успешно могли крепиться к древку именно за «шейку». Жесткость крепления на основе характерных для гарпунов признаков была продемонстрирована автором на международной конференции «Стратегия жизнеобеспечения в каменном веке. Прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства» в Санкт-Петербурге в мае 2018 г. Участникам конференции были представлены две реплики гарпунов, один — с противоположным зубцом, второй — с неглубокой выемкой. Все желающие могли лично убедиться на экспериментальных образцах в невозможности даже сильным рывком вырвать наконечник из древка. Причем наличие проти-

К вопросу о функциональном назначении так называемых гарпунов

волежащего зубца, выступа, отверстия или выемки как раз способствовало жесткому креплению (рис. 3, 6).

Заключение

Таким образом, данные этнографии показывают, что на выдру и бобра с помощью гарпуна не охотились. А доля крупной рыбы в рационе древнего и современного человека была незначительной. Пока немногочисленные археологические находки гарпунов с берестяной обмоткой и следами смолы на ней однозначно свидетельствуют о жестком их креплении. Наличие у многих гарпунов неглубоких выемок и невысоких выступов, которые не в состоянии прочно закрепить лить, позволяют сомневаться в точности функционального определения. Здесь необходимо подчеркнуть, что выделение любых признаков для определения функции зубчатых острий всегда будет условно, так как типологический метод не определяет и не должен определять функцию изделия. Проведенные автором и другими исследователями эксперименты показали, что наличие на зубчатом острие противолежащего зубца, выступа, выемки или отверстия как раз способствуют жесткому креплению наконечника с древком. А одни и те же признаки (детали оформления) не могут быть определяющими для изделий разного функционального назначения. Все это доказывает невозможность типологического разделения на остроги и гарпуны.

Поэтому автора не удивляет тот факт, что В.М. Лозовский отнес большую часть зубчатых изделий к наконечникам острог, хотя некоторые из них имели отверстия на насадах [2008, с. 207]. В расширенной публикации зубчатых острий с Замостья 2 авторы констатируют, что на современном этапе исследований «все рассуждения о назначении гарпунов, зубчатых острий или наконечников с зубцом кажутся достаточно уязвимыми» [Лозовская, Лозовский, 2013, с. 106–107]. Еще раньше подобные сомнения высказала С.В. Ошибкина [1997, с.73–74].

Автор полностью согласен с данной точкой зрения и считает, что типология не должна заниматься определением функционального назначения орудий. Кроме путаницы это ни к чему не приводит. Исследование зубчатых острий показало, что роль гарпунов в хозяйстве древнего населения сильно преувеличена [Сериков, 2018].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев Е.А.* Кеты: Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1967. 264 с.
- Березкин Ю.Е., Корсун С.А.* Северная Америка: Путеводитель. СПб.: МАЭ РАН, 2008. 96 с.
- Василевич Г.М.* Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Виет Э.* Экономика и традиционное землепользование восточных хантов // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу). Екатеринбург: Тезис, 1999. С. 157–214.
- Гадзяцкая О.С.* Костяные изделия стоянки Сахтыш II // КСИА. 1966. Вып. 106. С. 16–26.
- Жилин М.Г.* Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.
- Жилин М.Г.* Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Academia, 2004. 144 с.
- Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В.* Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. М.: Наука, 2002. 245 с.
- Загорская И.А.* Костяные и роговые острия и гарпуны каменного века из Восточной Прибалтики // Орудия каменного века. Киев, 1975. С. 122–135.
- Каменный век* // КСИА. 1985. Вып. 181. 130 с.
- Кузнецов А.М., Роговский Е.О.* Древнейшие зубчатые наконечники стоянки Верхоленская Гора-1: Хронология, морфология, интерпретация // Труды V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле — Белокурихе: В 3 т. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. I. С. 59–62.
- Лозовский В.М.* Изделия из кости и рога мезолитических слоев стоянки Замостье 2 // Человек, адаптация, культура. М.: ИА РАН, 2008. С. 200–222.
- Лозовская О.В., Лозовский В.М.* Зубчатые острия и наконечники с зубцом стоянки Замостье 2 // Замостье 2: Озерное поселение древних рыбаков эпохи мезолита-неолита в бассейне Верхней Волги. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 76–107.
- Лозовская О.В., Лозовский В.М.* Наконечники острог и копий позднего мезолита — неолита: Вопросы интерпретации (по материалам стоянки Замостье 2) // КСИА. 2017. Вып. 246. С. 230–241.
- Лукинцев В.А.* Зубчатые острия со стоянки эпохи мезолита Погостище 15 // I Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: Материалы Всерос. (с международным участием) конф. Самара, 2018. С. 54–58.
- Окладников А.П.* Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). Новосибирск: Наука, 1974. 320 с.

- Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). Новосибирск: Наука, 1975. 320 с.
- Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серово до Братска). Новосибирск: Наука, 1976. 328 с.
- Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983. 296 с.
- Ошибкина С.В. Веретье I: Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука, 1997. 204 с.
- Ошибкина С.В. Мезолит Восточного Прионежья: Культура Веретье. М.: ИА РАН, 2006. 322 с.
- Пелих Г.И. Селькупы XVII века: (Очерки социально-экономической истории). Новосибирск: Наука, 1981. 177 с.
- Потапов Л.П. Охотничий промысел алтайцев: (Отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). СПб.: МАЭ РАН, 2001. 168 с.
- Саватеев Ю.А. Особенности среды и охотничьей деятельности в каменном веке на территории Карелии // КСИА. 1985. Вып. 181. С. 30–36.
- Савченко С.Н. Наконечники гарпунов из кости в коллекции шигирских древностей Свердловского областного краеведческого музея // Пятые Берсовские чтения: К 100-летию Е.М. Берс. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2006. С. 114–120.
- Савченко С.Н. Преимущество и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горнолесного Зауралья // Stratum plus. Кишинев: Высш. антропол. шк., 2014. № 1. С. 181–208.
- Савченко С.Н. Наконечники гарпунов и зубчатые острия в каменном веке Урала // РА. 2017. № 2. С. 181–208.
- Сериков Ю.Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Н. Тагил: НТГСПА, 2009. 368 с.
- Сериков Ю.Б. К вопросу о функциональном назначении так называемых гарпунов // Стратегия жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства: Материалы междунар. конф., посвященной 50-летию В.М. Лозовского. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 177–179.
- Хомич А.В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Наука, 1966. 330 с.
- Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири: Каменный век. Новосибирск: Наука, 1988. 144 с.

Yu.B. Serikov

Russian State Professionally Pedagogical University
(Nizhniy Tagil Branch)

Krasnogvardeyskaya st., 57, Nizhniy Tagil, 622031, Russian Federation

E-mail: u.b.serikov@mail.ru

CONCERNING THE FUNCTIONAL PURPOSE OF SO-CALLED HARPOONS

Previous study has divided toothed bone tips into actual harpoons and serrated points, such as arrowheads, jais, darts and spears. Distinctive features of true harpoons are the means of clamping them to the shaft in the form of holes, recesses, grooves, reverse teeth or projections. There is no good evidence for the use of these so-called harpoons. According to many researchers, harpoons were used for hunting of big fish and aquatic animals such as beaver and otter. But ethnographic studies of Siberian peoples indicate that they hunted beaver and otter using traps, toils, bows and crossbows. The ethnographic data also indicates the continuation of ancient methods of catching fish such as stabbing with a spear and bow shutting. Some details of harpoon design raise many questions. Elongated nozzles, shallow recesses, low projections, insufficient diameter of the holes on the stems are all features which do not appear to correspond to a true harpoon. Archaeological assemblages include harpoons with stems wrapped in birch bark and coated with resin. This clearly indicates that these harpoons were permanently attached to the shaft. A study 30 years ago in the construction of harpoons concentrated attention on the «neck» — the lower part of the head between the lower tooth and the reverse tooth, projection or recesses. This neck feature is strong and is practically always present on serrated tips, which have traditionally been considered to be harpoons. Experiments with clamping these so-called harpoons showed that the «neck» section could be used for a tight attachment to the shaft. End availability opposite the tooth, projection, hole or recess helped with the attachment. So, these tools could have served as jail heads. Only serrated points with a hole or expressed opposite tooth could operate as true harpoons. Thus, we see that the role of harpoons in the economy of ancient populations has been greatly overestimated.

Key words: harpoon, jail, head of arrow, functional purpose, ethnographic data, experiment, the forest zone of Eastern Europe, Ural and Siberia.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-054-063

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

REFERENCES

- Alekseenko E.A. (1967). *Kety: Historical-Ethnographic essay*, Leningrad: Nauka.
- Berezkin Iu.E., Korsun S.A. (2008). *North America: Guidebook*, St. Peterburg: MAE RAN.

К вопросу о функциональном назначении так называемых гарпунов

- Everstov S.I. (1988). Fishing in Siberia: Stone Age, Novosibirsk: Nauka.
- Gadziatskaya O.S. (1966). Bone products from the site Sakhtysh II. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, (106), 16–26.
- Khomich A.V. (1966). *Nenets: Historical-Ethnographic essays*, Moscow; Leningrad: Nauka.
- Kruglikova I.T. (Ed.) (1985). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, (181).
- Kuznetsov A.M., Rogovski E.O. (2017). The moste ancient toothed tips from the site Verkholskaia Gora-1: Chronology, morphology and interpretation. *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule — Belokurikhe*, 1, Barnaul: Altaiskii universitet, 59–62.
- Lozovskaya O.V., Lozovski V.M. (2013). Toothed edges and tips with tooth of the site Zamostie 2. In V. Lozovski, O. Lozovskaya, I. Clemente Conte (Eds.), *Zamost'e 2: Ozernoe poselenie drevnikh rybolovov epokhi mezolita-neolita v basseine Verkhnei Volgi* (pp. 76–107), St. Petersburg: IIMK RAN.
- Lozovskaya O.V., Lozovski V.M. (2017). Late Mesolithic — Neolithic tips of sharps and spears: The questions about interpretation (by materials of site Zamostie 2). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, (246), 230–241.
- Lozovski V.M. (2008). Bone and horn products from Mesolithic layers of the site Zamostie 2. In A. Sorokin (Ed.), *Chelovek, adaptatsiia, kul'tura* (pp. 200–222), Moscow: IA RAN.
- Lukintseva V.A. (2018). Toothed edges from Mesolithic site Pogostishche 15. *L Uralo-Povolzhskaiia arkheologicheskaiia konferentsiia studentov i molodykh uchenykh: Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsii*, Samara, 54–58.
- Okladnikov A.P. (1974). *Neolithic sites of Hangar (from Shchukino to Buret)*, Novosibirsk: Nauka.
- Okladnikov A.P. (1975). *Neolithic sites of the Middle Hangar (from the Belaia mouth to Ust-Udy)*, Novosibirsk: Nauka.
- Okladnikov A.P. (1976). *Neolithic sites of the low Hangar (from Serovo to Bratsk)*, Novosibirsk: Nauka.
- Oshibkina S.V. (1983). *Mesolithic of Sukhon basin and the East Prionezhie*, Moscow: Nauka.
- Oshibkina S.V. (1997). *Veret'e I: Mesolithic settlement in the North of the Eastern Europe*, Moscow: Nauka.
- Oshibkina S.V. (2006). *Mesolithic of the East Prionezhie: Culture Veretie*, Moscow: IA RAN.
- Pelikh G.I. (1981). *Selkups of the 17th century: (Essays about socio-economic history)*, Novosibirsk: Nauka.
- Potapov L.P. (2001). *Hunting of Altai: (Reflection Ancient Turkic culture in traditional hunting of Altai)*, St. Petersburg: MAE RAN.
- Savateev Iu.A. (1985). Features of the environment and hunting activities in the Stone Age on the territory of Karelia. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, (181), 30–36.
- Savchenko S.N. (2006). Bone harpoon tips in the collection of antiquities of Shigir in Sverdlovsk Region local lore museum. In V. Morozov (Ed.), *Piatye Bersovskie chteniia: K 100-letiiu E.M. Bers* (pp. 114–120), Ekaterinburg: KVADRAT.
- Savchenko S.N. (2014). Continuity and innovations in the born industry development in Metholithic of mountain-forest Trans-Urals. *Stratum plus*, (1), 181–208.
- Savchenko S.N. (2017). Harpoon tips and toothed edges in Stone Age of Ural. *Rossiiskaia arkheologiya*, (2), 181–208.
- Serikov Iu.B. (2009). *Cave sanctuaries of the river Chusovaya*, Nizhnii Tagil: NTGSPA.
- Serikov Iu.B. (2018). Question about functionality of the so-called spinners. *Strategiia zhizneobespecheniia v kamennom veke, priamye i kosvennye svidetel'stva rybolovstva i sobiratel'stva: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 50-letiiu V.M. Lozovskogo*, St. Petersburg: IIMK RAN, 177–179.
- Vasilevich G.M. (1969). *Evenc: Historical-Ethnographic essays (18th — beginning of 20th century)*, Leningrad: Nauka.
- Viget E. (1999). Economy and traditional land-use of Eastern Khanty. *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniia khantov: (Materialy k atlasu)*, Ekaterinburg: Tezis, 157–214.
- Zagorskaya I.A. (1975). Stone Age bone and horn spikes and harpoons from the Eastern Boltic. *Orudiia kamennogo veka*, Kiev, 122–135.
- Zhilin M.G. (2001). *Bone industry of Mesolithic of the forest area of Eastern Europe*, Moscow: Editorial URSS.
- Zhilin M.G. (2004). *Natural environment and economy of Mesolithic population of the Center and North-West of the forest area of Eastern Europe*, Moscow: Academia.
- Zhilin M.G., Kostyleva E.L., Utkin A.V., Engovatova A.V. (2002). *Mesolithic end Neolithic cultures of the Upper Volga region*, Moscow: Nauka.

АНТРОПОЛОГИЯ

В.В. Куфтерин, Н.А. Дубова

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Ленинский просп., 32а, Москва, 119991
E-mail: vladimirkufterin@mail.ru;
dubova_n@mail.ru

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ ГОНУРА: РЕВИЗИЯ ДАННЫХ

Приводятся результаты палеодемографического исследования популяции Гонур-депе — протогородского центра Мургабского оазиса в Южном Туркменистане (2300–1500 до н.э.). Серия, привлеченная для анализа, включает скелетные останки 4060 индивидов. Делается акцент на различии демографических характеристик у населения, захороненного на некрополе Гонура и на руинах дворцово-храмового комплекса. В то же время отмечается, что люди, погребенные на разных участках памятника, были представителями единой популяции. Результаты межгруппового компонентного анализа показывают, что к гонурской серии наиболее близки выборки из Алтын-депе и Сапаллитепе, а также серия елунинской культуры. Делается вывод, что исследованная группа демонстрирует достаточно высокий уровень адаптированности к среде обитания.

Ключевые слова: палеодемография, эпоха бронзы, Гонур-депе, Туркменистан, Средняя Азия.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-064-073

Введение

Уникальная антропологическая коллекция из раскопок Гонур-депе — протогородского центра Мургабского оазиса в Южном Туркменистане (2300–1500 до н.э.) уже достаточно подробно охарактеризована, в том числе в палеодемографическом отношении [Бабаков и др., 2001, с. 109–111; Дубова, Рыкушина, 2005, 2007; Dubova, Rykushina, 2007, р. 304–308]. Наиболее полная из ранее опубликованных сводок включает сведения о 3181 половозрастном определении, подавляющая часть которых (2556, или 80,4 %) касается Большого некрополя Гонура [Дубова, Рыкушина, 2007]. Отметим, что серия из Большого некрополя Северного Гонура частично была учтена и в контексте моделирования демографической ситуации в регионе в эпоху бронзы в целом [Ходжайов, Громов, 2009, с. 71–75]. За прошедший со времени упомянутых публикаций период благодаря продолжающимся археологическим раскопкам была получена информация еще о 1185 погребенных, относящаяся большей частью уже к другим территориям памятника. Поэтому накопление новых материалов обусловило необходимость существенной ревизии ранее опубликованных данных. В работе обсуждаются результаты палеодемографического анализа тотальной выборки из Гонура, включающей материал со всех исследованных к настоящему времени участков памятника (сведения о планиграфии, включая описание могильников, см.: [Дубова, Сатаев, 2015; Sarianidi, Dubova, 2016]).

Материал и методы

При анализе особенностей демографической структуры населения Гонур-депе в общей сложности учтены скелетные останки 4060 индивидов. Они происходят из раскопок Большого и Царского некрополей (2245 определений), относительно более поздних захоронений на руинах дворцово-храмового комплекса Северного Гонура (1732 определения), так называемого могильника теменоса — 5 определений [Дубова, Мурадова, 2008], а также из погребений на сателлитных объектах Гонур 20 и Гонур 21 (60 и 18 определений соответственно). В подсчеты не включались останки 45 плодов различных стадий внутриутробного развития, а также 476 индивидов, отнесение которых к категориям «дети» или «взрослые» в силу крайне плохой сохранности не представлялось возможным.

Исследовательские процедуры включали расчет стандартных палеодемографических характеристик, построение общих и сокращенных (отдельно для мужчин и женщин) таблиц смертности, возрастных кривых ожидаемой продолжительности жизни (E_x), дожития (l_x) и вероятности смерти (q_x) [Богатенков, 2002; Богатенков и др., 2008, с. 197–198; Acşadi, Nemeskeri, 1970;

Палеодемография Гонура: ревизия данных

Weiss, 1973]. Таблицы смертности (дожития) рассчитывались со строгим разбиением по пятилетним интервалам, с выравниванием методом скользящей средней. Расчет палеодемографических параметров произведен при помощи компьютерной программы Д.В. Богатенкова PDemography 3R «Acheron», построенной на базе MS Excel. Формализованное сопоставление при сравнительном палеодемографическом анализе проведено при помощи метода главных компонент по шести основным параметрам: AAm (средний возраст смерти мужчин), AAf (средний возраст смерти женщин), PCD (минимальный процент детской смертности), PSRm (процентная представленность мужского населения), C50+m (процент индивидов старше 50 лет относительно взрослых погребенных мужчин), C50+f (то же относительно женщин). В качестве сравнительного материала привлекались не только среднеазиатские серии, но и ряд других групп эпох энеолита — бронзы (список серий и источники данных приведены в примечании к рис. 4). Все статистические расчеты произведены с использованием пакета программ Statistica 12.0.

Результаты и обсуждение

Основные палеодемографические параметры погребенных на различных участках Гонур-депе представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные палеодемографические характеристики погребенных на различных участках Гонур-депе

Table 1

Main paleodemographic parameters for different Gonur Depe areas

Параметр	Nr	A	AA		PCD	PBD	C50+		PSR	
			m	f			m	f	m	f
Гонур, некрополь	2245,0	31,6	33,5	32,7	10,3	2,5	7,2	10,7	50,1	49,9
Гонур, руины	1732,0	19,2	36,8	36,8	55,3	11,2	16,6	20,1	40,5	59,5
Гонур 20	60,0	26,9	41,2	35,9	33,3	14,5	18,4	18,4	50,0	50,0
Гонур 21	18,0	26,2	31,9	38,7	33,3	10,0	0,0	21,7	45,5	54,5
Все участки <i>суммарно</i>	4060,0	26,2	34,5	34,2	30,0	9,5	9,7	14,0	47,1	52,9

Тотальная гонурская выборка характеризуется близким к нормальному соотношением полов (0,89) с незначительным преобладанием численности женщин (52,9 %) над таковой мужчин (47,1 %). Примечательно, что показатели детской смертности для суммарной выборки равны минимальному стандарту в 30 %, необходимому для проведения корректных демографических реконструкций [Lewis, 2011, p. 5; Weiss, 1973] (индекс PBD — минимальный процент младенческой смертности при этом составляет величину 9,5). Однако по соотношению детских и взрослых скелетов гонурские некрополь и руины характеризуются принципиальным различием: на некрополе детские захоронения составляют всего 10,3 %, тогда как на руинах дворцово-храмового комплекса — 55,3 % ($\chi^2 = 945,6$ при $p = 0,000$), что отмечалось и в приведенных выше публикациях. Число мужчин в финальной возрастной когорте (9,7 %) несколько уступает числу женщин (14,0 %) при практически одинаковом среднем возрасте смерти (34,5 и 34,2 года соответственно). Средний возраст смерти для совокупной выборки составляет 26,2 года, однако существенно (в силу указанной выше причины) различается для некрополя (31,6 года) и руин (19,2 года). Необходимо отметить, что приведенные значения среднего возраста смерти как всех погребенных, так и отдельно взрослой выборки, существенно отличаются от ранее опубликованных в сторону занижения показателей (см.: [Дубова, Рыкушина, 2007]). Это объясняется тем, что ранее при расчете демографических характеристик и построении таблиц смертности применялся финальный интервал 65+, а не 50+, что существенно осложняло сравнимость опубликованных данных [Там же, с. 314, 316]. Серии из сателлитных объектов Гонур 20 и 21, несмотря на их малую численность, по основным параметрам в общем довольно близки к характеристикам тотальной гонурской выборки. Из не включенных в табл. 1 палеодемографических параметров можно дополнительно остановиться на следующих. Длина поколения (T) для суммарной серии из Гонура составляет величину 26,7 лет. Уровень фертильности (B) равен 16,2 при общем репродуктивном уровне (GRR), равном 2,17. Общий реконструируемый размер гонурской «семьи» с учетом детей (TCFS) — 4,3 чел. при коэффициенте активного населения (DR), равном 0,63. Отметим, что приведенные показатели (с поправкой на эпохальные тенденции) в целом до-

вольно близки к таковым, реконструируемым для «стандартной» и «модельной» средневековой владшской популяции из Мистихали [Богатенков, 2002].

Общие и сокращенные (для мужчин и женщин) таблицы смертности погребенных на некрополе и руинах Гонур-депе, а также для суммарной выборки (табл. 2–7), наряду с демографическими кривыми, представленными на рис. 1–3, позволяют констатировать следующее.

Таблица 2

Общая таблица смертности погребенных на Большом и Царском некрополях Гонур-депе

Table 2

Life table for individuals buried at the Main and Royal Gonur Depe necropolises (both sexes)

Возраст, лет	D_x	d_x	l_x	q_x	L_x	T_x	E_x
0–4	27,5	1,2	100,0	0,01	497	3158	31,6
5–9	104,0	4,6	98,8	0,05	482	2661	26,9
10–14	99,0	4,4	94,1	0,05	460	2179	23,1
15–19	186,6	8,3	89,7	0,09	428	1719	19,2
20–24	254,9	11,4	81,4	0,14	379	1291	15,9
25–29	321,6	14,3	70,1	0,20	315	913	13,0
30–34	360,1	16,0	55,7	0,29	239	598	10,7
35–39	307,3	13,7	39,7	0,34	164	360	9,1
40–44	206,5	9,2	26,0	0,35	107	195	7,5
45–49	170,0	7,6	16,8	0,45	65	88	5,2
50+	207,5	9,2	9,2	1,00	23	23	2,5
Всего	2245,0				3158		

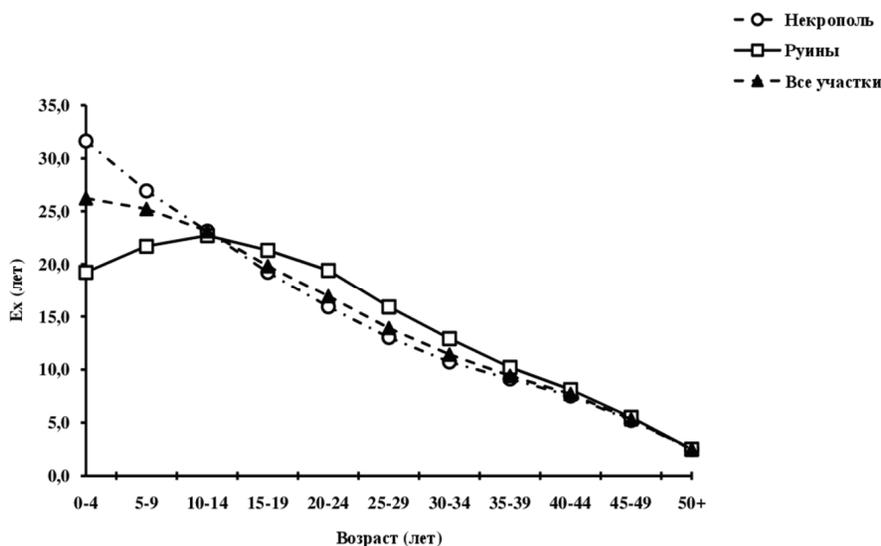

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни по возрастным интервалам (E_x) в объединенных выборках из Гонур-депе.

Fig. 1. Life expectancy for the Gonur Depe population (total sample).

Вероятность смерти (q_x) в гонурской популяции (суммарная выборка) закономерно снижается от интервала 0–4 года к когорте 10–14 лет, а затем все время повышается с возрастом. Однако если у мужчин этот параметр повышается равномерно, то у женщин фиксируются пики в интервалах 15–19 лет (это наиболее логично объяснять фактором репродуктивных нагрузок), 35–39 и 45–49 лет. Процент дожития (l_x) мужчин во всех когортах, за исключением приближающихся к финальным (40–44 и далее), выше, чем женщин. Однако различия между полами по этому параметру не очень велики. Значения ожидаемой продолжительности жизни новорожденных (E_0) составляют величину 26,2 для всей выборки, 31,6 для серии из некрополя и 19,2 для серии из руин дворцово-храмового комплекса. Ожидаемая продолжительность жизни муж-

Палеодемография Гонура: ревизия данных

чин (E_{15}) чуть выше таковой женщин в когорте 15–19 лет (19,5 и 19,2), затем неизменно (хотя и незначительно) ниже. В целом значения показателей E_x для гонурской популяции на фоне эпохальных данных невелики [Богатенков, 2002]. Различное «поведение» демографических кривых для серий из некрополя и руин Гонур-депе, наглядно представленное, как отмечалось, на рис. 1–3, объясняется принципиально разным характером «комплектования» могильников на этих участках. Если на Большом некрополе подавляющее большинство захоронений принадлежит взрослым индивидам (при практически полном отсутствии захоронений детей первой возрастной когорты), то на руинах ситуация обратная (см. выше). Поэтому наиболее адекватное представление о структуре смертности в гонурской «популяции» дают сведения по суммарной выборке (табл. 6 и 7). Кривая ожидаемой продолжительности жизни (E_x) для Гонура в целом как бы нивелирует различия между некрополем и руинами, в графическом отображении занимая «промежуточное» положение (рис. 1). Наконец, отмеченную разницу наглядно отображают графики ожидаемой продолжительности жизни (l_x) и вероятности смерти (q_x) — первый параметр для выборки из руин заметно выше, а второй соответственно заметно ниже (рис. 2 и 3). Данный факт еще раз подтверждает тезис, что некрополь Гонура использовался преимущественно для захоронения представителей взрослой части гонурского общества. «Невзрослые» его члены захоранивались на других участках [Дубова, Рыкушина, 2007]. В то же время погребения и на некрополе и на руинах, безусловно, принадлежат представителям единой палеопопуляции, что подтверждается всем массивом имеющихся данных [Там же, с. 311; Dubova, Rykushina, 2007].

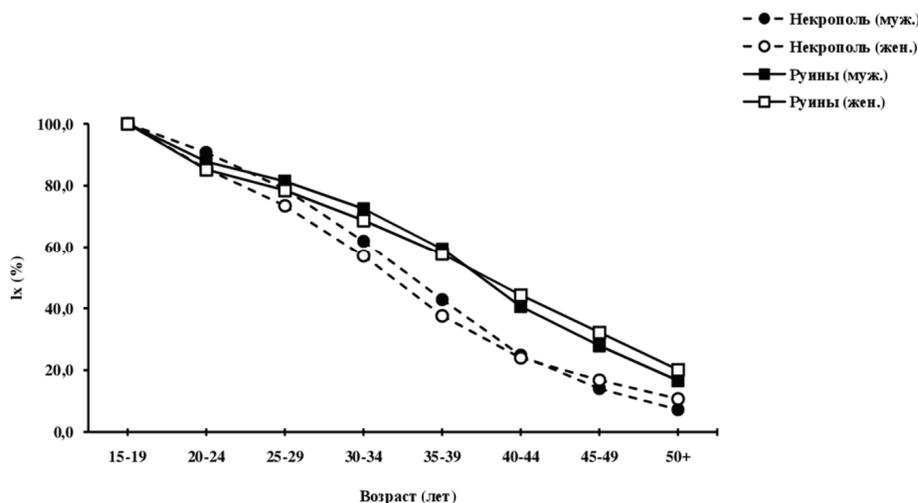

Рис. 2. Процент дожития (l_x) по возрастным интервалам у мужчин и женщин, погребенных на некрополе и в могилах на руинах Гонур-депе.

Fig. 2. Survivorship of the Gonur Depe population (separately for necropolis and ruins).

Таблица 3

Таблицы смертности мужчин и женщин, погребенных на Большом и Царском некрополях Гонур-депе

Table 3

Abridged life tables for males and females, buried at the Main and Royal Gonur Depe necropolises

Возраст, лет	Мужчины					Женщины				
	D_x	d_x	l_x	q_x	E_x	D_x	d_x	l_x	q_x	E_x
15–19	68,5	9,3	100,0	0,09	18,5	107,0	14,6	100,0	0,15	17,7
20–24	86,8	11,8	90,7	0,13	15,2	87,5	11,9	85,4	0,14	15,4
25–29	124,6	16,9	78,9	0,21	12,1	120,4	16,4	73,5	0,22	12,4
30–34	140,6	19,1	61,9	0,31	9,7	143,4	19,5	57,1	0,34	10,3
35–39	132,4	18,0	42,8	0,42	7,9	99,8	13,6	37,6	0,36	9,3
40–44	79,6	10,8	24,8	0,44	6,8	52,8	7,2	24,0	0,30	8,2
45–49	50,1	6,8	14,0	0,49	5,1	44,8	6,1	16,8	0,36	5,7
50+	52,9	7,2	7,2	1,00	2,5	78,3	10,7	10,7	1,00	2,5
Всего	735,5					734,0				

Таблица 4

Общая таблица смертности погребенных в могилах на руинах Гонур-депе

Table 4

Life table for individuals buried at the Gonur Depe ruins (both sexes)

Возраст, лет	D_x	d_x	l_x	q_x	L_x	T_x	E_x
0-4	534,0	30,8	100,0	0,31	423	1922	19,2
5-9	287,5	16,6	69,2	0,24	304	1499	21,7
10-14	136,3	7,9	52,6	0,15	243	1195	22,7
15-19	109,0	6,3	44,7	0,14	208	951	21,3
20-24	55,4	3,2	38,4	0,08	184	744	19,4
25-29	80,0	4,6	35,2	0,13	164	560	15,9
30-34	96,4	5,6	30,6	0,18	139	395	12,9
35-39	116,5	6,7	25,0	0,27	108	256	10,2
40-44	95,5	5,5	18,3	0,30	78	148	8,1
45-49	89,3	5,2	12,8	0,40	51	70	5,5
50+	132,1	7,6	7,6	1,00	19	19	2,5
<i>Всего</i>	1732,0				1922		

Таблица 5

Таблицы смертности мужчин и женщин, погребенных в могилах на руинах Гонур-депе

Table 5

Abridged life tables for males and females buried at the Gonur Depe ruins

Возраст, лет	Мужчины					Женщины				
	D_x	d_x	l_x	q_x	E_x	D_x	d_x	l_x	q_x	E_x
15-19	31,5	12,3	100,0	0,12	21,8	56,0	14,8	100,0	0,15	21,8
20-24	16,4	6,4	87,7	0,07	19,5	25,1	6,6	85,2	0,08	20,2
25-29	22,8	8,9	81,4	0,11	15,8	37,3	9,9	78,5	0,13	16,7
30-34	33,7	13,1	72,5	0,18	12,5	41,6	11,0	68,7	0,16	13,7
35-39	48,2	18,7	59,4	0,32	9,7	50,4	13,3	57,7	0,23	10,9
40-44	32,7	12,7	40,6	0,31	8,0	46,0	12,2	44,3	0,27	8,4
45-49	29,2	11,4	27,9	0,41	5,5	45,4	12,0	32,2	0,37	5,6
50+	42,6	16,6	16,6	1,00	2,5	76,1	20,1	20,1	1,00	2,5
<i>Всего</i>	257,0					378,0				

Таблица 6

Общая таблица смертности погребенных на Гонур-депе (все участки суммарно)

Table 6

Life table for the total Gonur Depe sample (both sexes)

Возраст, лет	D_x	d_x	l_x	q_x	L_x	T_x	E_x
0-4	579,0	14,3	100,0	0,14	464	2621	26,2
5-9	395,5	9,7	85,7	0,11	404	2157	25,2
10-14	242,0	6,0	76,0	0,08	365	1752	23,1
15-19	301,6	7,4	70,0	0,11	332	1387	19,8
20-24	311,7	7,7	62,6	0,12	294	1056	16,9
25-29	408,0	10,0	54,9	0,18	250	762	13,9
30-34	462,8	11,4	44,9	0,25	196	512	11,4
35-39	433,4	10,7	33,5	0,32	141	316	9,4
40-44	312,3	7,7	22,8	0,34	95	176	7,7
45-49	265,1	6,5	15,1	0,43	59	81	5,3
50+	348,6	8,6	8,6	1,00	21	21	2,5
<i>Всего</i>	4060,0				2621		

Палеодемография Гонура: ревизия данных

Таблица 7

Таблицы смертности мужчин и женщин, погребенных на Гонур-депе
(все участки суммарно)

Table 7

Abridged life tables for males and females, buried at Gonur Depe

Возраст, лет	Мужчины					Женщины				
	D_x	d_x	l_x	q_x	E_x	D_x	d_x	l_x	q_x	E_x
15–19	102,0	10,0	100,0	0,10	19,5	167,0	14,7	100,0	0,15	19,2
20–24	104,5	10,3	90,0	0,11	16,4	112,6	9,9	85,3	0,12	17,1
25–29	148,8	14,6	79,7	0,18	13,2	161,8	14,2	75,5	0,19	14,0
30–34	176,0	17,3	65,0	0,27	10,6	188,1	16,5	61,2	0,27	11,6
35–39	183,4	18,1	47,7	0,38	8,5	156,0	13,7	44,7	0,31	10,0
40–44	119,4	11,8	29,7	0,40	7,2	101,9	8,9	31,0	0,29	8,3
45–49	82,9	8,2	17,9	0,46	5,2	92,2	8,1	22,1	0,37	5,7
50+	99,0	9,7	9,7	1,00	2,5	159,4	14,0	14,0	1,00	2,5
Всего	1016,0					1139,0				

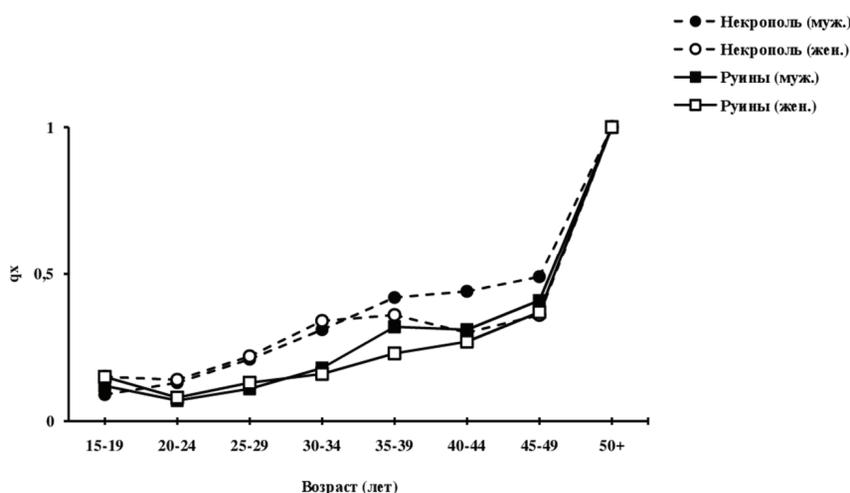

Рис. 3. Возрастная динамика вероятности смерти (q_x) по возрастным интервалам у мужчин и женщин, погребенных на некрополе и в могилах на руинах Гонур-депе.

Fig. 3. Probabilities of death in the Gonur Depe population (separately for necropolis and ruins).

Таблица 8

Коэффициенты корреляции основных палеодемографических характеристик для сравниваемых серий эпох энеолита — бронзы
(выделены статистически значимые величины при $p < 0,05$)

Table 8

Correlation coefficients of the main paleodemographic parameters for the compared Chalcolithic – Bronze Age samples (marked correlations are significant at $p < 0,05$)

Признак	AAm	Aaf	PCD	PSRm	C50+m
Aam	—	—	—	—	—
Aaf	<u>0,661</u>	—	—	—	—
PCD	-0,217	-0,251	—	—	—
PSRm	-0,462	-0,259	0,227	—	—
C50+m	<u>0,669</u>	<u>0,494</u>	-0,209	-0,399	—
C50+f	<u>0,465</u>	<u>0,759</u>	-0,205	-0,245	<u>0,699</u>

Межгрупповая изменчивость палеодемографических параметров населения энеолита — эпохи бронзы Средней Азии на фоне выборок с комплексным или преимущественно «скотоводческим» типом хозяйственной деятельности, как отмечалось, проанализирована с помощью метода главных компонент. Коэффициенты корреляции шести основных палеодемографических

ских характеристик (табл. 8) демонстрируют, что процент детской смертности не связан с остальными признаками (это явилось несколько неожиданным обстоятельством на фоне данных о межгрупповых корреляциях у населения античного времени юга Восточной Европы — см.: [Громов и др., 2015, с. 162]). Данный факт, по-видимому, логичнее всего объяснять неполнотой данных о детской смертности в ряде привлеченных для сравнения серий или спецификой некоторых из них (например, групп различных периодов из Пархая II в Юго-Западном Туркменистане). Количество индивидов в финальной возрастной когорте ожидаемо положительно и достоверно связано со средним возрастом смерти. Интересно также отметить, что при снижении представленности мужских захоронений в сериях показатель среднего возраста смерти мужчин имеет тенденцию к увеличению (и наоборот).

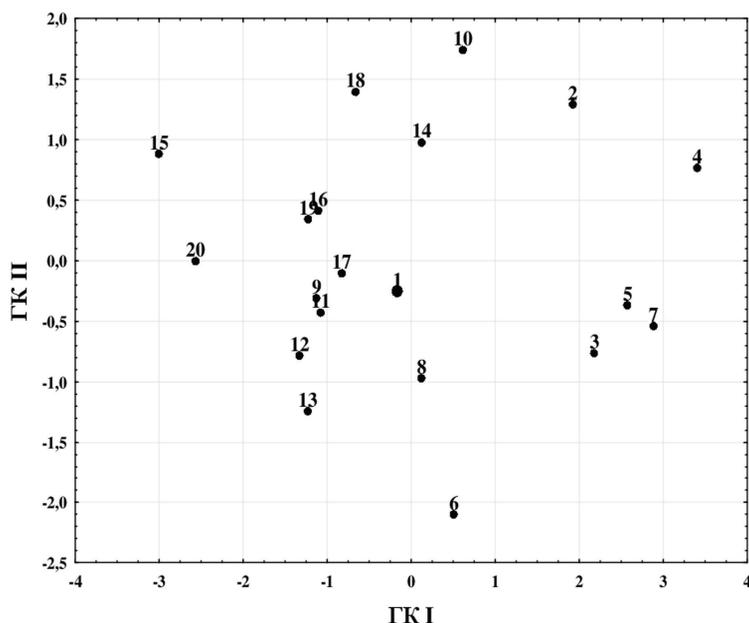

Рис. 4. Распределение сравниваемых серий эпох энеолита — бронзы в пространстве главных компонент, рассчитанных на основе шести палеодемографических характеристик:

1 — Гонур-депе; 2 — Пархай II, ЮЗТ-VII; 3 — Пархай II, ЮЗТ-VI; 4 — Пархай II, ЮЗТ-V; 5 — Пархай II, ЮЗТ-IV; 6 — Пархай II, ЮЗТ-III; 7 — Пархай II, ЮЗТ-II; 8 — Сумбар; 9 — Алтын-депе; 10 — Кара-депе; 11 — Сапаллитепа; 12 — Джаркутан; 13 — Бустон VI; 14 — Кочча 3; 15 — Великент (эпоха ранней бронзы); 16 — андроновская культура Западной Сибири (Еловский-2); 17 — елуинская культура (Телеутский Взвоз-1); 18 — срубная культура Поволжья и Приуралья (ранние памятники); 19 — срубная культура Поволжья и Приуралья (поздние памятники); 20 — срубная культура Подонья.

Источники данных: 1 — [настоящая публикация]; 2–12, 14 — [Ходжайов, Громов, 2009]; 13 — [Дубова, Куфтерин, 2015]; 15 — [Богатенков и др., 2008]; 16 — [Зубова, 2008]; 17 — [Грушин, 2016]; 18, 19 — [Khokhlov, 2016]; 20 — [Батиева, 2007].

Fig. 4. Distribution of the Chalcolithic — Bronze Age samples in the space of Principal components I and II, calculated on the basis of six paleodemographic parameters:

1 — Gonur Depe; 2 — Parkhai II, SWT-VII; 3 — Parkhai II, SWT-VI; 4 — Parkhai II, SWT-V; 5 — Parkhai II, SWT-IV; 6 — Parkhai II, SWT-III; 7 — Parkhai II, SWT-II; 8 — Sumbar; 9 — Altyn Depe; 10 — Kara Depe; 11 — Sapallitepe; 12 — Dzharkutan; 13 — Buston VI; 14 — Kokcha 3; 15 — Velikent (Early Bronze Age); 16 — Andronovo culture of the Western Siberia (Elovskiy-2); 17 — Elunin culture (Teleutskiy Vzvoz-1); 18 — Early Srubnaya culture of the Volga-Ural region; 19 — Late Srubnaya culture of the Volga-Ural region; 20 — Srubnaya culture of the Don region.

Sources: 1 — [this article]; 2–12, 14 — [Khodzhaiov, Gromov, 2009]; 13 — [Dubova, Kufterin, 2015]; 15 — [Bogatentkov et al., 2008]; 16 — [Zubova, 2008]; 17 — [Grushin, 2016]; 18, 19 — [Khokhlov, 2016]; 20 — [Batieva, 2007].

В результате анализа главных компонент, проведенного с использованием шести палеодемографических характеристик для 20 групп энеолита — эпохи бронзы, выделены две ГК (табл. 9). По ГК I (53,4 % изменчивости) наибольшие положительные нагрузки приходятся на показатели среднего возраста смерти и процент индивидов обоего пола в финальных когортах. ГК II (15,9 % изменчивости) положительно связана с процентной представленностью детских скелетов. В координатном поле ГК (рис. 4) обособленное положение заняли выборки различных хронологических периодов из Пархая II в Юго-Западном Туркменистане, характеризующиеся высокими положительными нагрузками по ГК I. К гонурской серии наиболее близки выборки из Алтын-депе и Сапаллитепа, а также «елуинцы» (могильник Телеутский Взвоз-1). Серия из Гонура на-

Палеодемография Гонура: ревизия данных

ходится практически в области нулевых значений по обеим ГК, что можно интерпретировать не столько с позиций ее «промежуточности» по отношению к сравниваемым группам, сколько как свидетельство «модельности» ее параметров и соответствия критериям условно «реальной популяции» (то же относится к Алтыну и Сапаллитепа). Наконец, небезынтересно отметить практически полное наложение координат андроновской серии из Еловского-2 могильника и суммарной серии поздних срубников Волго-Уралья — представителей населения с комплексным или преимущественно скотоводческим типом хозяйствования.

Таблица 9

Элементы главных компонент для сравниваемых серий эпох энеолита — бронзы по шести основным палеодемографическим характеристикам

Table 9

Principal components for the compared Chalcolithic — Bronze Age samples, calculated on the basis of six paleodemographic parameters

Признак	ГК I	ГК II
Aam	0,831	-0,005
Aaf	0,827	0,238
PCD	-0,385	0,728
PSRm	-0,556	0,496
C50+m	0,835	0,112
C50+f	0,821	0,329
Собственные числа	3,20	0,95
Доля в общей дисперсии (%)	53,41	15,90

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что полученные результаты существенно дополняют и корректируют ранее представленные сведения по палеодемографии Гонура, не изменяя принципиального вывода о достаточно хорошей адаптированности этой группы как в свете демографических показателей, так и по данным палеопатологии [Дубова, Рыкушина, 2005, 2007; Куфтерин, 2016а, 2016б]. Это выражается прежде всего в известной «стандартности» и «модельности» палеодемографических параметров, рассчитанных для суммарной выборки из Гонура. Эта «стандартность» проявляется не только при простом сравнении демографических характеристик со сводками эпохальных данных [Богатенков, 2002; Богатенков и др., 2008], она подтверждается результатами многомерного статистического сопоставления. Следует подчеркнуть, что, с учетом численности выборки, использованной для анализа палеодемографической ситуации, гонурские материалы в известном смысле могут рассматриваться в качестве «эталонных» при моделировании демографической структуры обществ исторического прошлого (по крайней мере, эпохи бронзы).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К. Антропологическая характеристика населения, захороненного в некрополе Гонур-депе // В.И. Сарияниди. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. С. 105–132.
- Батиева Е.Ф. Палеодемография Подонья и Приазовья (эпоха бронзы) // Вестник антропологии. 2007. Вып. 15. Ч. II. С. 236–245.
- Богатенков Д.В. Палеодемография некрополя Мистихали // Glasnik Antropološkog Društva Jugoslavije. 2002. Vol. 37. S. 71–96.
- Богатенков Д.В., Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б. К реконструкции демографических процессов в Прикаспийском Дагестане эпохи бронзы (по материалам раскопок археологического комплекса Великент в 1995–1998 гг.) // Orus: Междисциплинарные исследования в археологии. 2008. Вып. 6. С. 196–213.
- Громов А.В., Казарницкий А.А., Лунев М.Ю. Меотские могильники: Палеодемография и краниология // Записки ИИМК. 2015. № 2. С. 156–175.
- Грушин С.П. Палеодемографические исследования // Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз-1 в Верхнем Приобье: Опыт междисциплинарного изучения. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 210–213.
- Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Антропология населения Южного Узбекистана эпохи поздней бронзы (по материалам некрополя Бустон VI). М.: Старый сад, 2015. 186 с. (Сер. Этническая антропология Средней Азии; Вып. 4).

- Дубова Н.А., Мурадова Э.А.* «Могильник теменоса» Гонура // Труды Маргианской археологической экспедиции. М.: Старый сад, 2008. Т. 2. С. 105–111.
- Дубова Н.А., Рыкушина Г.В.* Палеодемография некрополя Гонура // VI Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 371.
- Дубова Н.А., Рыкушина Г.В.* Палеодемография Гонур-депе // Человек в культурной и природной среде. М.: Наука, 2007. С. 309–319.
- Дубова Н.А., Сатаев Р.М.* Планиграфия административно-культурного центра эпохи бронзы Туркменистана Гонур-депе и специфика его отдельных территорий // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул, Омск: Наука, 2015. С. 185–188.
- Зубова А.В.* Палеодемография населения Западной Сибири в эпохи развитой и поздней бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 2 (34). С. 143–153.
- Куфтерин В.В.* Особенности биологической и социальной адаптации населения страны Маргуш // Труды Маргианской археологической экспедиции. М.: Старый сад, 2016а. Т. 6: Памяти В.И. Сарияниди. С. 272–294.
- Куфтерин В.В.* Палеопатология детей и подростков Гонур-депе (Туркменистан) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016b. № 1 (32). С. 91–100. doi: 10.20874/2071-0437-2016-32-1-091-100.
- Ходжайов Т.К., Громов А.В.* Палеодемография Средней Азии. М.: ИЭА РАН, 2009. 351 с.
- Acsadi Gy., Nemeskeri J.* History of human life span and mortality. Budapest: Akademiai Kiado, 1970. 346 p.
- Dubova N.A., Rykushina G.V.* New data on anthropology of the necropolis of Gonur Depe // V.I. Sarianidi. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon editions, 2007. P. 296–329.
- Khokhlov A.A.* Demographic and cranial characteristics of the Volga-Ural population in the Eneolithic and Bronze Age // D.W. Anthony et al. (Eds.). A Bronze Age landscape in the Russian steppes: The Samara Valley Project. Los Angeles: Cotsen Institute Press, 2016. P. 105–125.
- Lewis M.* The osteology of infancy and childhood: misconceptions and potential // M. Lally, A. Moore (Eds.). (Re)thinking the little ancestor: new perspectives on the archaeology of infancy and childhood. Oxford: Archaeopress, 2011. P. 1–13.
- Sarianidi V., Dubova N.* Types of graves at Gonur Depe Bronze Age site in Turkmenistan // R.A. Stucky et al. (Eds.). Proceedings of the 9th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East, 9–13 June 2014, Basel. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. Vol. 3. P. 631–642.
- Weiss K.M.* Demographic models for anthropology // *American Antiquity*. 1973. Vol. 38. P. 1–186.

V.V. Kufterin, N.A. Dubova

Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Leninsky av., 32a, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: vladimirkufterin@mail.ru;
dubova_n@mail.ru

PALAEODEMOGRAPHY OF GONUR: A REVIEW

This paper outlines results of a palaeodemographic study on the Late Bronze Age skeletal sample from Gonur Depe — an ancient proto-urban center in the Murghab oasis (Southern Turkmenistan, 2300–1500 BC). The analysed sample consists of 4060 individuals (2245 from the Main and Royal necropolises, 1732 from the ruins of the palace-temple ensemble, 5 from the so-called «cemetery of the temenos», 60 from Gonur-20 and 18 from Gonur-21). The analysis includes computation of the standard palaeodemographic parameters; life tables and demographic curves for the total sample and separately for males and females are presented. The total Gonur sample is characterised by a close to normal sex ratio (with a slight predominance of females relative to males) and corresponds to the minimum «standard» infant mortality. The average age of death for adult males is 34.5 years, for females is 34.2 years, and for the total population (including children) — 26.2 years. Demographic patterns for samples from the Gonur necropolis (2245 individuals) and from the ruins of palace-temple ensemble (relatively late burials, 1732 individuals) are different. At the same time, the authors emphasised that all the groups of tombs from various parts of this site belonged to the representatives of a single archaeological population. The results of an intergroup comparison (using Principal Component Analysis) allows us to conclude that the demographic patterns of the Gonur Depe sample are close to those of skeletal population from such proto-urban centers as Altyn Depe (Southern Turkmenistan) and Sapallitepe (Southern Uzbekistan), as well as to the sample from the Elunin culture (Teleutskiy Vzvoz-1 burial ground). It is concluded that the studied skeletal population, according to paleodemographic data, demonstrates a relatively high living standard and a successful population. Moreover, the obtained results are important, because Gonur Depe materials can be taken as «reference» in modelling the demographic structure of the past human societies (in particular, those of the Bronze Age).

Key words: paleodemography, Bronze Age, Gonur Depe, Turkmenistan, Central Asia.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-064-073

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

REFERENCES

- Acsadi Gy., Nemeskeri J. (1970). *History of human life span and mortality*, Budapest: Akademiai Kiado.
- Babakov O., Rykushina G.V., Dubova N.A., Vasil'ev S.V., Pestriakov A.P., Khodzhaiov T.K. (2001). Human skeletal remains from the necropolis of Gonur Depe. In V.I. Sarianidi, *Necropolis of Gonur and Iranian paganism* (pp. 105–132), Moscow: Mir-media (Rus).
- Batieva E.F. (2007). The paleodemography of the Don's and Azov's region (in the Bronze Age). *Vestnik antropologii*, (15), 236–245 (Rus).
- Bogatenkov D.V. (2002). Paleodemography of Mistikhaly burial site. *Glasnik Antropološkog Društva Jugoslavije*, 37, 71–96 (Rus).
- Bogatenkov D.V., Buzhilova A.P., Dobrovol'skaia M.V., Mednikova M.B. (2008). Concerning reconstruction of demographic processes in Caspian Dagestan of the Bronze Age (on materials of archaeological complex Velikent in 1995–1998). *Opus: Interdisciplinary Investigations in Archaeology*, (6), 196–213 (Rus).
- Dubova N.A., Kufterin V.V. (2015). *Anthropology of the Late Bronze Age population of Southern Uzbekistan (materials of Buston VI necropolis)*, Moscow: Staryi sad (Rus).
- Dubova N.A., Muradova E.A. (2008). «Cemetery of the temenos» of Gonur. *Trudy Margianskoi arheologicheskoi ekspeditsii*, 2, Moscow: Satryi sad, 105–111 (Rus).
- Dubova N.A., Rykushina G.V. (2005). Paleodemography of Gonur necropolis. *VI Kongress etnografov i antropologov Rossii* (p. 371), St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography RAS (Rus).
- Dubova N.A., Rykushina G.V. (2007). New data on anthropology of the necropolis of Gonur Depe. In V.I. Sarianidi, *Necropolis of Gonur* (pp. 296–329), Athens: Kapon editions.
- Dubova N.A., Rykushina G.V. (2007). Palaeodemography of Gonur Depe. In T.I. Alekseeva (Ed.), *Chelovek v kul'turnoi i prirodnoi srede* (pp. 309–319), Moscow: Nauka (Rus).
- Dubova N.A., Sataev R.M. (2015). Planigraphy of Gonur Depe — the administrative and cult center of the Bronze Age of Turkmenistan and the specificity of its separate territories. In N.A. Tomilov (Ed.), *Integratsiia arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii* (pp. 185–188), Barnaul, Omsk: Nauka (Rus).
- Gromov A.V., Kazarnitskii A.A., Lunev M.Iu. (2015). Meotic cemeteries of the East Azov sea and Kuban' regions: Paleodemography and craniology. *Zapiski IIMK*, (2), 156–175 (Rus).
- Grushin S.P. (2016). Paleodemographic investigations. In A.P. Derevianko (Ed.), *Eluninskii arheologicheskii kompleks Teleutskii Vozvost' v Verkhnem Priob'e: Opyt mezhdistsiplinarnogo izucheniia* (pp. 210–213), Barnaul: Altai Univ. (Rus).
- Khodzhaiov T.K., Gromov A.V. (2009). *Paleodemography of Central Asia*, Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Rus).
- Khokhlov A.A. (2016). Demographic and cranial characteristics of the Volga-Ural population in the Eneolithic and Bronze Age. In D.W. Anthony et al. (Eds.), *A Bronze Age landscape in the Russian steppes: The Samara Valley Project* (pp. 105–125), Los Angeles: Cotsen Institute Press.
- Kufterin V.V. (2016a). Features of biological and social adaptation of the population of Margush country. *Trudy Margianskoi arheologicheskoi ekspeditsii*, (6), 272–294, Moscow: Staryi sad (Rus).
- Kufterin V.V. (2016b). Paleopathology of sub-adults from Gonur Depe (Turkmenistan). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 91–100 (Rus). doi: 10.20874/2071-0437-2016-32-1-091-100.
- Lewis M. (2011). The osteology of infancy and childhood: misconceptions and potential. In M. Lally, A. Moore (Eds.), *(Re)thinking the little ancestor: new perspectives on the archaeology of infancy and childhood* (pp. 1–13), Oxford: Archaeopress.
- Sarianidi V., Dubova N. (2016). Types of graves at Gonur Depe Bronze Age site in Turkmenistan. In R.A. Stucky et al. (Eds.), *Proceedings of the 9th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East, 9–13 June 2014, Basel*, 3 (pp. 631–642), Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Weiss K.M. (1973). Demographic models for anthropology. *American Antiquity*, 38, 1–186.
- Zubova A.V. (2008). The paleodemography of Western Siberia in the Middle and Late Bronze Age. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, (2), 143–153 (Rus).

А.П. Пестряков*, О.М. Григорьева*, Ю.В. Пеленицына**

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Ленинский просп., 32а, Москва, 119334
E-mail: labrecon@yandex.ru

**Российский государственный гуманитарный университет
Миусская пл., 6, Москва, 125993
E-mail: j.pelenitsyna@gmail

ВОЗРАСТНАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ МЕТРИЧЕСКИХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ГОЛОВЫ В СОВРЕМЕННОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОПУЛЯЦИИ

Работа посвящена изучению возрастной изменчивости некоторых кефалометрических признаков популяции азербайджанцев — населения двух близкородственных и близкорасположенных сел: Нижняя Аскипара и Верхняя Аскипара, представляющих собой анклав азербайджанского населения на территории Армении. Подавляющее большинство изучаемых являются уроженцами этих сел. Исследование проводилось в 1985 г., изучено около 40 % взрослого населения (в равной мере мужчин и женщин) по программе этнической антропологии. Внимание обращалось лишь на метрические признаки, которые представляют интерес в отношении их корреляционной связи с возрастом исследуемых лиц. Таких признаков выявлено 11. Шесть из них характеризуют черепную коробку, которая в онтогенезе образуется путем окостенения соединительнотканного пузыря, другие пять характеризуют образующую в онтогенезе в результате замещения хрящевой ткани костную основу, т.е. не только описывают скелетную основу лицевой части головы, но и включают биаурикулярную ширину. Анализ изученного населения позволил сделать следующие выводы. В данной изолированной популяции азербайджанцев отчетливо фиксируется направленная возрастная изменчивость некоторых метрических признаков головы. Выявлена достоверная отрицательная корреляция величин возрастной изменчивости метрических признаков сводовой части черепной коробки с возрастом, т.е. у лиц старшего возраста эти величины достоверно меньше сравнительно с лицами более младших возрастов. Величины признаков лицевого скелета не обнаруживают столь отчетливой корреляционной связи с возрастом, кроме скулового и нижнечелюстного диаметров, которые обычно демонстрируют небольшую достоверную положительную корреляцию с возрастом: эти признаки имеют большую величину у лиц старшего возраста по сравнению с лицами младшего возраста. Эти закономерности характерны как для мужчин, так и для женщин обоих сел, но отчетливее выражены у населения Нижней Аскипары, более многочисленно. Из всех изученных признаков наибольшая и наиболее устойчивая отрицательная корреляция с возрастом отмечена для следующих: наибольшая ширина головы, головной указатель, степень сферичности и относительная высота свода черепа (указатель гипсиоидности). За короткий срок (около 50 лет) изменчивость метрических параметров головы в исследованной небольшой, изолированной популяции азербайджанцев показала тот же временной вектор, который характерен для эволюционного изменения (секулярного тренда) значительной части населения Евразии: брахикефализация, сферизация черепной коробки и повышение свода черепа. И у мужчин, и у женщин обоих сел выделенные по возрасту группы (младшего, среднего и старшего возраста) оказались близкими по численности. Наибольшая изменчивость величин и наибольшая их корреляционная связь с возрастом фиксировались у мужчин, и у женщин в когорте младшего возраста — 19–39 лет.

Ключевые слова: азербайджанская популяция, брахикефализация, сферизация, Нижняя Аскипара, Верхняя Аскипара.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-074-081

Введение

Работа посвящена изучению возрастной изменчивости некоторых кефалометрических признаков популяции азербайджанского населения, исследованной в 1985 г. [Воронов, Пестряков, 1989]. Так как изученное население является отчетливо выраженным изолятом, то изменчивость этих признаков не может быть объяснена его смешением с представителями других населенных пунктов, а вероятно, выражает происходящие здесь имманентные процессы. Полученные нами результаты сопоставлялись с данными исследования изменчивости этих же антропометрических признаков в большем пространственном и хронологическом (секулярный тренд) масштабе.

Объект исследования

Исследовалось взрослое население двух близкородственных и близкорасположенных сел: Нижняя (Ашагы) Аскипара и Верхняя (Юхары) Аскипара, находящихся в 7 км друг от друга на левом берегу р. Джогас на абсолютных высотах 800–900 м над у.м. Эти села представляют собой анклав азербайджанского населения на территории Армении, сосредоточенного около западного предела азербайджанской границы.

В Нижней Аскипаре исследовано 130 мужчин (41 % взрослого населения) и 153 женщины (44 % взрослого населения), в Верхней Аскипаре — 60 мужчин (35 % взрослого населения) и 55 женщин (31 % взрослого населения). Подавляющее большинство населения являются уроженцами этих сел: в первом селе — 99,5 % мужчин и 92,3 % женщин, во втором — 98,5 и 83,3 % соответственно. Известно, что «у азербайджанцев была выявлена одна из самых характерных черт традиционной формы брака — преобладание браков внутри селения, достигавшее 80–90 % всех браков» [Спицына, 2006, с. 92]. Следовательно, мы определенно имеем дело с изолятом, тем более с учетом того, что в азербайджанских селах очень распространены кровнородственные браки [Павленко, Спицына, 1989].

Методика исследования

Исследование проводилось по программе этнической антропологии. В статье обращается внимание лишь на те признаки, которые представляют интерес в отношении их корреляционной связи с возрастом исследуемых лиц. Для удобства использования в таблицах они обозначаются цифрами в соответствии с краниологическими параметрами по Р. Мартину (в нашем случае — соматологические признаки): наибольшие продольный (1) и поперечный (8) диаметры головы, высотный диаметр от пориона (20), биаурикулярная ширина (11), скуловой диаметр (45) — или сокращениями: физиономическая (ф. высота) и морфологическая (м. высота) высота лица, нижнечелюстной диаметр (н. челюсть). Также рассматривались индексы: головной указатель (8:1), степень сферичности (СС) и указатель гипсиоидности (УГ). Два последних генерализованных признака обычно использовались в наших более ранних работах [Пестряков, 1995; Пестряков, Григорьева, 2004]. Степень сферичности рассчитывается по формуле $CC = (8:1 + 20:1 + 20:8)/3$. Чем ближе этот показатель к 100, тем ближе эта голова (череп) по форме к сфере. Указатель гипсиоидности вычисляется как средняя величина высотно-продольного и высотно-поперечного указателей $(20:1 + 20:8)/2$, показывает относительную (к величинам продольного и поперечного диаметров) высоту черепной коробки.

Результаты и обсуждение

В табл. 1 даны среднегрупповые величины, дисперсии (сигмы) изучаемых метрических признаков и коэффициенты их корреляции с возрастом лиц мужского населения Нижней и Верхней Аскипары отдельно. Также в таблице показано различие этих сел по изучаемым признакам и достоверность этого различия по *t*-критерию Стьюдента. Следует учитывать, что различные кости черепа онтогенетически формируются различными путями. «При помощи прямого остогеногенеза развивается небольшое число костей — покровные кости черепа» [Селезнева и др., 2009, с. 107]. К этому следует добавить, что части затылочной кости черепа формируются в онтогенезе различным путем — «верхняя чешуя затылочной кости, развивающаяся на перепончатой основе, сливается с нижней чешуей, преформированной хрящом, лишь в конце первого года послеутробного развития» [Бунак, 1941, с. 206].

Учитывая это, будем разделять табличные данные по 11 изученным признакам на две группы: **группа а** (первые шесть в таблицах) — признаки, характеризующие сводовую часть головы, т.е. костный скелет, в онтогенезе образуемый путем окостенения соединительнотканного пузыря, прикрывающего растущий мозг; **группа б** (следующие пять) — признаки, характеризующие костную основу, в онтогенезе образуемую в результате замещения хрящевой ткани, т.е. не только описывающие скелетную основу лицевой части головы, но и включающие биаурикулярную ширину (параметр 11 в табл. 1).

Из анализа данных табл. 1 хорошо видны следующие закономерности возрастной изменчивости признаков.

1. Этот феномен сильнее выражен у населения Нижней Аскипары сравнительно с Верхней Аскипарой.

2. Он более выражен у признаков **группы а** (описывающих черепную коробку), чем у признаков **группы б** (связанных с лицевым скелетом).

3. Все признаки *группы а*, за одним исключением, у населения Нижней Аскипары имеют достоверную отрицательную корреляцию с возрастом, т.е. в более молодом возрасте их величины выше. Особенно это характерно для поперечного диаметра, головного указателя и степени сферичности. У населения Верхней Аскипары коэффициенты корреляции этих признаков имеют меньшую величину, вплоть до малых недостоверности их величин. Корреляционная связь с возрастом величины продольного диаметра (вышеозначенное исключение) имеет положительный знак, указывающий на большую его величину в старших возрастах. Это более характерно для населения Верхней Аскипары.

4. Некоторые признаки *группы б* (скуловой и нижнечелюстной диаметры) имеют, как правило, тенденцию, характерную для продольного диаметра головы, т.е. увеличения с возрастом. Причем эта закономерность более выражена у населения Нижней Аскипары.

5. Различия между селами фиксируются по признакам, связанным с высотой черепной коробки, т.е. это параметры: 20 (высота черепной коробки от пориона), степень сферичности (СС) и указатель гипсиоидности (УГ). Эти признаки у населения Нижней Аскипары достоверно имеют большую величину.

6. По признакам *группы б* (лицевой скелет) достоверного различия между селами не наблюдается.

Таблица 1

Корреляция признаков с возрастом изученного населения (мужчины)

Table 1

Correlation between the features and the age of the studied population (men)

<i>Нижняя Аскипара, n = 130, средний возраст 46,6 года</i>						
Признаки	1	8	20	8:1	СС	УГ
Среднегрупповая	193,32	153,62	114,66	79,51	71,18	66,52
Корреляция с возрастом	0,153 ±0,087	-0,355 ±0,083	-0,232 ±0,086	-0,457 ±0,079	-0,358 ±0,083	-0,163 ±0,087
Признаки	11	Ф. высота	М. высота	Скуловой	Н. челюсть	
Среднегрупповая	136,50	186,42	129,85	142,53	102,08	
Корреляция с возрастом	0,022 ±0,88	0,100 ±0,88	0,095 ±0,88	0,218 ±0,086	0,348 ±0,083	
<i>Верхняя Аскипара, n = 60, средний возраст 47,8 года</i>						
Признаки	1	8	20	8:1	СС	УГ
Среднегрупповая	193,98	153,63	112,17	79,27	70,07	65,01
Корреляция с возрастом	0,276 ±0,126	-0,209 ±0,128	-0,015 ±0,131	-0,432 ±0,118	-0,213 ±0,128	-0,042 ±0,131
Признаки	11	Ф. высота	М. высота	Скуловой	Н. челюсть	
Среднегрупповая	137,13	187,59	129,50	142,75	102,52	
Корреляция с возрастом	0,059 ±0,130	-0,157 ±0,129	-0,007 ±0,131	0,138 ±0,130	0,041 ±0,131	
<i>Различие между селами</i>						
Признаки	1	8	20	8:1	СС	УГ
Разность	0,66	0,01	2,49	0,24	1,11	1,51
Достоверность	—	—	**	—	**	***
Признаки	11	Ф. высота	М. высота	Скуловой	Н. челюсть	
Разность	0,63	1,17	0,35	0,22	0,44	
Достоверность	—	—	—	—	—	

Примечание. Достоверность различия величин в табл. 1, 2 оценивается по *t*-критерию Стьюдента.

Далее, в табл. 2, построенной по шаблону табл. 1, даны среднегрупповые величины, дисперсии (сигмы) изучаемых метрических признаков и величины их корреляции с возрастом для женского населения Нижней и Верхней Аскипары.

Здесь мы находим картину очень близкую к той, которая характерна для мужчин (табл. 1). И даже еще более выраженную — соответствующие коэффициенты корреляции имеют тот же знак и большие величины. Продольный диаметр головы имеет положительную корреляцию с возрастом еще большую, чем у мужчин, а другие признаки этой группы — еще более выраженную, чем у мужчин, отрицательную корреляцию с возрастом. Различие между селами по этим признакам у женщин практически такое же, как и у мужчин.

Корреляция признаков с возрастом изученного населения (женщины)

Table 2

Correlation between the features and the age of the studied population (women)

<i>Нижняя Аскипара, n = 153, средний возраст 46,8 года</i>						
Признаки	1	8	20	8:1	СС	УГ
Среднегрупповая	185,47	146,12	111,12	78,96	71,66	67,52
Корреляция с возрастом	0,306 ±0,077	-0,311 ±0,079	-0,346 ±0,080	-0,540 ±0,076	-0,480 ±0,072	-0,325 ±0,077
Признаки	11	Ф. высота	М. высота	Скуловой	Н. челюсть	
Среднегрупповая	130,31	174,61	118,14	135,22	95,80	
Корреляция с возрастом	-0,056 ±0,082	0,038 ±0,082	-0,043 ±0,082	0,014 ±0,082	0,022 ±0,082	
<i>Верхняя Аскипара, n = 55, средний возраст 47,6 года</i>						
Признаки	1	8	20	8:1	СС	УГ
Среднегрупповая	187,33	147,41	109,97	78,68	66,53	66,20
Корреляция с возрастом	0,246 ±0,133	-0,248 ±0,134	-0,205 ±0,134	-0,368 ±0,128	-0,246 ±0,133	-0,259 ±0,133
Признаки	11	Ф. высота	М. высота	Скуловой	Н. челюсть	
Среднегрупповая	131,53	175,95	118,36	136,40	96,58	
Корреляция с возрастом	-0,045 ±0,137	0,128 ±0,136	0,131 ±0,136	0,163 ±0,136	0,135 ±0,136	
<i>Различие между селами</i>						
Признаки	1	8	20	8:1	СС	УГ
Разность	1,86	1,29	1,15	0,28	5,13	1,32
Достоверность разности	*	—	—	—	***	***
Признаки	11	Ф. высота	М. высота	Скуловой	Н. челюсть	
Разность	1,22	1,34	0,22	1,18	0,78	
Достоверность	—	—	—	—	—	

Как видно из анализа данных, представленных в табл. 1, 2, изменение метрических величин мозговой части головы (черепной коробки) в исследованной нами популяции идет в том же направлении, которое отмечено как секулярный тренд значительной части населения северной половины Евразии: брахицефализация, повышение свода черепной коробки, некоторая редукция лицевого скелета.

Чтобы определить, в каком именно возрасте наблюдается наибольшая изменчивость величин изучаемых признаков, мы разбили массив населения обоих сел (раздельно по полу) на три возрастные группы: младший возраст — от 19 до 39 лет, средний возраст — от 40 до 54 лет, старший возраст — 55 лет и более. Для этого объединили наши данные по обоим селам. И у мужчин, и у женщин выделенные возрастные группы оказались близкими по численности.

В табл. 3 представлены среднегрупповые величины изучаемых признаков в объединенной серии мужчин (Нижняя и Верхняя Аскипара, суммарно) и в выделенных возрастных группах этого объединения. Также даны вычисленные коэффициенты корреляции их с возрастом соответствующих лиц.

Наиболее заметные изменения (значимые коэффициенты корреляции величин признаков с возрастом) фиксируются у мужчин младшего возраста, рожденных после 1945 г. В **группе а** четыре признака из шести показывают достоверно значимые коэффициенты корреляции с возрастом. Исключение составляет абсолютная (признак 20) и относительная (параметр УГ) высота черепной коробки. В резком противоречии с этим ни один признак **группы а** не дает достоверной корреляции с возрастом ни в средневозрастной, ни в старшей группе. Относительная высота черепа (признак УГ) в суммарной группе имеет слабую, но достоверную отрицательную корреляцию с возрастом, хотя во всех возрастных группах этого не наблюдается. Эта корреляционная связь как бы исподволь накапливалась в каждой возрастной когорте, чтобы в обобщенной группе достоверно проявиться. У признаков **группы б** связь с возрастом оказывается значительно более слабой. Все же в среднем и старшем возрастах наблюдается достоверная положительная корреляция с возрастом у величины нижнечелюстного диаметра. В группе младшего возраста фиксируется слабая достоверная положительная корреляция с возрастом у величин физиономической и морфологической высоты лица.

Корреляция признаков с возрастом изученного населения (мужчины)

Table 3

Correlation between the features and the age of the studied population (men)

<i>Нижняя и Верхняя Аскипара суммарно, n = 190, средний возраст всех изученных мужчин 47,2 года</i>						
Параметры	1	8	20	8:1	СС	УГ
Средняя	193,46	153,59	113,78	79,44	71,81	66,01
Корреляция с возрастом	0,169 ±0,072	-0,318 ±0,069	-0,199 ±0,071	-0,440 ±0,065	-0,311 ±0,069	-0,151 ±0,072
Параметры	11	Ф. высота	М. высота	Скуловой	Н. челюсть	
Средняя	136,65	187,23	129,66	142,54	102,17	
Корреляция с возрастом	-0,015 ±0,072	-0,010 ±0,072	0,040 ±0,072	0,161 ±0,071	0,161 ±0,071	
<i>19–39 лет, n = 65, средний возраст в группе 28,1 года</i>						
Параметры	1	8	20	8:1	СС	УГ
Средняя	191,91	156,15	115,15	81,44	71,76	66,49
Корреляция с возрастом	0,273 ±0,121	-0,237 ±0,122	-0,064 ±0,125	-0,459 ±0,112	-0,259 ±,121	-0,084 ±,126
Параметры	11	Ф. высота	М. высота	Скуловой	Н. челюсть	
Средняя	136,55	186,93	129,03	141,46	100,72	
Корреляция с возрастом	-0,069 ±0,126	0,205 ±0,123	0,184 ±0,123	0,083 ±0,126	0,053 ±0,126	
<i>40–54 года, n = 60, средний возраст в группе 47,2 года</i>						
Параметры	1	8	20	8:1	СС	УГ
Средняя	193,99	151,98	113,58	78,41	70,59	66,18
Корреляция с возрастом	-0,047 ±0,115	-0,067 ±0,114	-0,088 ±0,114	-0,017 ±0,115	-0,058 ±0,115	-0,053 ±0,115
Параметры	11	Ф. высота	М. высота	Скуловой	Н. челюсть	
Средняя	136,58	189,10	131,24	143,05	103,14	
Корреляция с возрастом	-0,118 ±0,114	-0,038 ±0,131	-0,019 ±0,115	0,098 ±0,114	0,310 ±0,109	
<i>55 лет и более, n = 65, средний возраст в группе 64,7 года</i>						
Параметры	1	8	20	8:1	СС	УГ
Средняя	194,38	152,41	112,34	78,41	69,98	65,27
Корреляция с возрастом	-0,099 ±0,125	-0,084 ±0,126	-0,064 ±0,126	0,023 ±0,126	-0,006 ±0,126	-0,013 ±0,126
Параметры	11	Ф. высота	М. высота	Скуловой	Н. челюсть	
Средняя	136,66	185,19	128,69	143,26	103,58	
Корреляция с возрастом	0,032 ±0,114	-0,172 ±0,131	0,096 ±0,115	0,079 ±0,114	0,163 ±0,109	

Далее рассмотрим возрастную изменчивость величин наших метрических признаков среди женщин по тем же группам, что у мужчин.

В обобщенной группе женщин наблюдается такая же картина, как у мужчин: все признаки **группы а** имеют достоверную корреляционную связь с возрастом (отрицательную, кроме продольного диаметра головы). Все признаки **группы б** в обобщенной группе женщин достоверной корреляции с возрастом не обнаруживают.

В группе младшего возраста наблюдаются закономерности очень схожие с теми, что выявлены в объединенных по возрасту популяциях как Нижней, так и Верхней Аскипары. Признаки **группы а** показывают в большинстве случаев достоверную отрицательную корреляцию с возрастом, кроме продольного диаметра головы, который всегда имеет положительную корреляцию с возрастом, и абсолютной и относительной высот свода головы, которые здесь не имеют достоверной корреляции с возрастом. Среди признаков **группы б** положительная корреляция с возрастом фиксируется у величины ширины нижней челюсти, а более слабая отрицательная — у биарикулярной ширины (параметр 11) и у физиономической величины лица.

В группе среднего возраста величины признаков **группы а** показывают сходную, но более противоречивую картину корреляционных связей с возрастом, чем в младшей группе женщин. То же можно сказать о старшем возрасте женщин. Что касается признаков **группы б**, то и в среднем и в старшем возрасте женщин все они не имеют значимых величин коэффициентов

Возрастная изменчивость метрических морфологических признаков головы...

корреляции с возрастом, за исключением небольшой достоверной положительной связи физиономической высоты лица в старшей возрастной когорте.

Таблица 4

Корреляция признаков с возрастом изученного населения (женщины)

Table 4

Correlation between the features and the age of the studied population (women)

<i>Нижняя и Верхняя Аскипара суммарно, n = 208, средний возраст всех изученных женщин 47,0 лет</i>						
Параметры	1	8	20	8:1	СС	УГ
Средняя	185,96	146,45	110,81	78,88	71,40	67,17
Корреляция с возрастом	0,289 ±0,067	-0,291 ±0,067	-0,311 ±0,066	-0,469 ±0,062	-0,453 ±0,062	-0,310 ±0,066
Параметры	11	Ф. высота	М. высота	Скуловой	Н. челюсть	
Средняя	130,63	174,97	118,20	135,53	96,01	
Корреляция с возрастом	-0,050 ±0,070	0,058 ±0,070	-0,010 ±0,070	0,059 ±0,070	0,057 ±0,070	
<i>19–39 лет, n = 69, средний возраст в группе 30,4 года</i>						
Параметры	1	8	20	8:1	СС	УГ
Средняя	183,83	148,68	112,34	80,88	72,53	67,97
Корреляция с возрастом	0,165 ±0,120	-0,441 ±0,110	-0,029 ±0,122	-0,520 ±0,104	-0,151 ±0,121	0,099 ±0,121
Параметры	11	Ф. высота	М. высота	Скуловой	Н. челюсть	
Средняя	130,81	175,33	118,57	135,10	95,61	
Корреляция с возрастом	-0,157 ±0,121	-0,157 ±0,121	0,038 ±0,122	-0,019 ±0,122	0,180 ±0,120	
<i>40–54 года, n = 72, средний возраст 47,2 года</i>						
Параметры	1	8	20	8:1	СС	УГ
Средняя	186,33	145,31	111,15	78,28	71,52	67,59
Корреляция с возрастом	-0,160 ±0,130	-0,223 ±0,128	-0,369 ±0,122	0,025 ±0,131	-0,133 ±0,130	-0,185 ±0,129
Параметры	11	Ф. высота	М. высота	Скуловой	Н. челюсть	
Средняя	130,44	175,73	119,05	135,33	96,17	
Корреляция с возрастом	-0,079 ±0,131	-0,126 ±0,130	-0,108 ±0,131	-0,108 ±0,131	-0,118 ±0,131	
<i>55 лет и более, n = 67, средний возраст 63,6 года</i>						
Параметры	1	8	20	8:1	СС	УГ
Средняя	187,76	145,43	108,91	77,50	70,15	65,92
Корреляция с возрастом	0,147 ±0,123	-0,054 ±0,124	-0,181 ±0,122	-0,177 ±0,122	-0,273 ±0,119	-0,241 ±0,120
Параметры	11	Ф. высота	М. высота	Скуловой	Н. челюсть	
Средняя	130,66	175,31	118,45	136,19	96,36	
Корреляция с возрастом	-0,043 ±0,124	0,179 ±0,122	-0,033 ±0,124	-0,084 ±0,124	-0,050 ±0,124	

Заключение

В заключение представляем следующие выводы.

1. В исследованной изолированной популяции азербайджанцев (два села — Нижняя и Верхняя Аскипара) отчетливо фиксируется направленная возрастная изменчивость некоторых метрических признаков головы. Это характерно как для мужчин, так и для женщин обоих сел.

2. Из 11 метрических признаков и индексов наиболее отчетливо эта закономерность выражена для признаков сводовой части черепной коробки (шесть признаков **группы а** в нашей статье), которая в онтогенезе формируется в процессе окостенения соединительнотканной перепонки, образующей этот свод. Величины этих признаков, как правило, имеют отрицательную корреляцию с возрастом, т.е. у лиц старшего возраста они *меньше*.

3. Лицевой скелет и основание черепа в эмбриогенезе формируются в результате замещения хрящевой ткани костной. Величины признаков (**группа б**) этой части головы не обнаруживают столь отчетливой корреляционной связи с возрастом, кроме скулового и нижнечелюстного диаметров, которые обычно показывают небольшую положительную корреляцию с возрастом, т.е. эти признаки имеют *большую* величину у старшего возраста.

4. Из всех изученных признаков наибольшая и наиболее устойчивая отрицательная корреляция с возрастом выявлена для следующих: наибольшая ширина головы, головной указатель,

степень сферичности и указатель гипсиоидности. За короткий срок (около 50 лет) изменчивость метрических параметров головы в исследованной небольшой, изолированной популяции азербайджанцев показала тот же временной вектор, который характерен для эволюционного изменения (секулярного тренда) значительной части населения Евразии: *брахикефализация, сферизация черепной коробки и повышение свода черепа*.

5. При разделении изученной выборки на три возрастные группы оказалось, что наибольшая изменчивость величин и наибольшая их корреляционная связь с возрастом фиксировались и у мужчин, и у женщин в когорте младшего возраста: 19–39 лет, т.е. у лиц, рожденных после 1945 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Спицына Н.Х.* Демографический переход в России. М.: Наука, 2006. 212 с.
Селезнева Т.Д., Мишин А.С., Барсуков Ю.В. Гистология. Учебное пособие. М., 2009. 51 с.
Бунак В.В. Метрология // В.В. Бунак, М.Ф. Нестурх, Я.Я. Рогинский. Антропология: Краткий курс. М., 1941.
Воронов А.А., Пестряков А.П. Антропологическая характеристика населения Западного Азербайджана на примере жителей сел Юхары и Ашагы Аскипара // Долгожительство в Азербайджане. М., 1989. С. 146–161.
Павленко А.П., Спицына Н.Х. Традиционная брачная система азербайджанцев и долгожительство // Долгожительство в Азербайджане. М., 1989. С. 73–81.
Пестряков А.П. Расы человека в краниологической классификации населения тропического пояса // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М., 1995. С. 43–90.
Пестряков А.П., Григорьева О.М. Краниологическая дифференциация современного населения // Расы и народы: Ежегодник. М.: Наука, 2004. № 30. С. 86–131.

A.P. Pestryakov*, O.M. Grigorieva*, Y.V. Pelenitsyna**

*Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Leninsky av., 32a, Moscow, 119334, Russian Federation
E-mail: labrecon@yandex.ru

**Russian State Humanitarian University
Miuskaya sq., 6, Moscow, 125993, Russian Federation
E-mail: j.pelenitsyna@gmail

AGE VARIABILITY IN THE MEASUREMENTS OF MORPHOLOGICAL FEATURES OF HEADS IN THE MODERN AZERBAIJANI POPULATION

This article addresses age variability in some Azerbaijani cephalometric features, based on study of the population of two closely related and neighbouring villages (Lower and Upper Askipara). They represent the Azerbaijani enclave in the territory of Armenia. The majority of this population is native to the area. Research took place in 1985 and studied approximately 40 % of the adult population (equally men and women) using the parameters of programmes of ethnic anthropology. Attention was paid only to the measurement characteristics that are relevant in relation to their correlation with the age of the studied group (there were 11 correlations). Six of them characterize the skull, which is forming in ontogenesis by ossification of connective tissue the bubble (nota textus bulla). The other five characteristics are formed as a result of cartilaginous tissue substitution. The analysis of the studied group leads to the following conclusions. Age variability of some measured features of the head is detected. Age-related variability of the measured characteristics of the arched part of the skull usually showed a reliable negative correlation in their values with age. It means that the older generation had smaller values than the younger ones had. The values of the facial bone structure did not show such a clear correlation with age, except the zygomatic and mandibular diameters. They usually showed a small reliable positive correlation with age. So, these features had a larger value in older age than in younger. These results were observed in both men and women of both villages, but more clearly expressed in the population of Lower Askipara (this village is larger than Upper Askipara). Of all the studied signs the highest and most stable negative correlation with age showed the greatest head width, cephalic index, the degree of sphericity and the relative height of the cranial vault (pointer lipsiense). For a short time (about 50 years) variability of the metric parameters of the head were investigated in a small, isolated population of Azerbaijanis showing the same temporal vector, which is characteristic of evolutionary changes (secular trend) in a significant part of the population of Eurasia: brachycephalidae, spherisation of the cranium and the increase of the cranial vault. To determine at what age there was the greatest variability of values, the study divided the population of both villages (separately by sex) into three age groups: younger age — from 19 to 39 years (born after 1945), average age — from 40 to 54 years (born between 1930 and 1945), older age — 55 years or more (born before 1930). In both men and women, the selected age groups were close in

Возрастная изменчивость метрических морфологических признаков головы...

number. When the studied sample was divided into three age groups, it was found that the greatest variability of values and their correlation with age were recorded in both men and women in the younger aged group: 19–39 years (born after 1945).

Key words: Azerbaijani population, brachycephalidae, spherization, Lower and Upper Askipara.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-074-081

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

REFERENCES

Bunak V.V. (1941). Metrology. In V.V. Bunak, M.F. Nesturkh, Ia.Ia. Roginskii (Eds.), *Anthropology: Short course*, Moscow.

Pavlenko A.P., Spitsyna N.Kh. (1989). Traditional marriage system of Azerbaijanis and longevity. *Dolgozhitel'stvo v Azerbaidzhane*, Moscow, 73–81.

Pestriakov A.P. (1995). Human race in the craniological classification of the population of the tropical belt. *Sovremennaiia antropologija i genetika i problema ras u cheloveka*, Moscow, 43–90.

Pestriakov A.P., Grigor'eva O.M. (2004). Craniological differentiation of the modern population. *Rasy i narody: Ezhegodnik*, (30), Moscow: Nauka, 86–131.

Selezneva T.D., Mishin A.S., Barsukov Iu.V. (2009). *Histology: Textbook*, Moscow.

Spitsyna N.Kh. (2006). *Demographic transition in Russia*, Moscow: Nauka.

Voronov A.A., Pestriakov A.P. (1989). Anthropological characteristics of the population of Western Azerbaijan on the example of residents of the villages of Yuhary and Ashagy Askipara. *Dolgozhitel'stvo v Azerbaidzhane*, Moscow, 146–161.

ЭТНОЛОГИЯ

В.И. Семенова

Тюменский государственный институт культуры
ул. Республики, 19, Тюмень, 625003
E-mail: valivsem8@mail.ru

КОЛЛЕКЦИЯ ПОДКОВ ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЙНОГО КОМПЛЕКСА ИМ. И.Я. СЛОВЦОВА

Приведены сведения о коллекции подков из Музейного комплекса им. И.Я. Словцова, сформированной за счет дарений и случайных находок в г. Тюмени и Тюменской области, а также из раскопок Тюмени в 1988 г. Анализ коллекции показывает, что в Тюмени бытовали обычные для всей территории России, устоявшиеся типы подков. Особый интерес представляют подковы с шипами, использовавшимися в зимнее время.

Ключевые слова: археология, случайные находки, дар, раскопки, кузнечное дело, подковы.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-082-088

Сибирские русские города с момента своего основания нуждались в промышленных изделиях из Европейской России. В списке необходимых товаров «с Руси» были инструменты и орудия труда для сельского хозяйства, ремесел и промыслов, домостроения и пр. Большая потребность была в железе, которое поступало в виде полуфабрикатов [Зиняков, 2005, с. 72]. С другой стороны, на местах возникало и местное производство необходимых изделий из металла. Одним из первых появляется кузнечное дело, так как именно кузнецы изготавливают орудия труда для всех видов материального производства, включая самый простой необходимый инвентарь — серпы, топоры, ножи, косы, ухваты.

Существенной работой кузнеца является подковка лошади. Казалось бы, в Тюмени, которая была тесно связана с обслуживанием Сибирского тракта, подковы должны быть в большом количестве представлены в музейных коллекциях. Однако на практике это, как правило, немногочисленные и случайные поступления. Публикации подков были редкими (напр.: [Розенфельд, 1960, с. 278]). На сегодняшний день базовой является монография А.Н. Кирпичникова [1973, с. 83, 84]. Раскопки поздних памятников в Москве и Подмосковье значительно дополнили находки, что нашло отражение в статье О.В. Двуреченского [2004]. Сибирские материалы остаются разрозненными, публикуются единичные экземпляры без подробных комментариев (напр.: [Илюшин и др., 2008, с. 98, рис. 17/1; Куравлев, 2002, рис. 6/1–3; и др.]). Исключение составляет работа М.П. Черной, в которой дана суммарная характеристика находок подков из раскопок Томского кремля [2015, с. 142].

Подковы — достаточно позднее явление в русской культуре, самые ранние из них относятся ко второй половине XI в. Ковка лошадей в русской коннице не практиковалась даже в начале XVII в. [Кирпичников, 1974, с. 83]. Только по указу Петра в 1715 г. ковочное дело стало развиваться на государственном уровне. В 1732 г. в с. Хорошево под Москвой была открыта первая в Европе коновальная школа.

Типология подков, которая используется современными исследователями, была предложена А.Н. Кирпичниковым. К 1 типу отнесены подковы в виде полуокружности с передним шипом, которые характерны только для России и бытовали с середины XI по XVII в., ко 2 типу — подковы в форме трехчетвертного овала с двумя задними шипами, с большим количеством отверстий для ухналей и гвоздевой дорожкой. Этот, последний тип отнесен к более позднему периоду, по форме он является трансформацией подков, бытовавших в XII–XIII вв. [Кирпичников, 1973, с. 83, 84; Двуреченский, 2004, с. 239; Черная, 2015, с. 142].

Типология подков усложнена тем, что каждая подкова изготавливалась на конкретную лошадь и подгонялась под особенности копыт, при этом подковы на передние копыта отличались от подков на задние, которые более вытянуты, учитывалось назначение подков (зимние, летние,

Коллекция подков из собрания Музейного комплекса им. И.Я. Словцова

беговые и пр.). Изготовление подковы, несмотря на простоту, требовало оборудования и могло быть только ремеслом. У каждого мастера были свои навыки и традиции, принесенные в Сибирь из Европейской России.

Значение лошади в культуре трудно переоценить. Менее ста лет назад она была единственной тягловой силой, без которой не обходилась ни одна сфера деятельности человека в городе и деревне. За состоянием ног лошади надо было постоянно следить. Подковы помогали предохранить роговой башмак копыта от стирания. Подкова представляет собой выгнутую пластину, которую по горизонтали можно условно разделить на две ветви, а по длине — на зацепную, боковую, заднюю части, а также на внешнюю (подошву) и внутреннюю стороны. С внешней стороны подковы, которая контактирует с грунтом, имеются гвоздевые дорожки в виде желобов с отверстиями для ухналей — подковных плоских гвоздей с характерными головками, штифтом и острием. Головки ухналей должны были быть утоплены. Также с внешней стороны подковы могут быть шипы, повышающие сцепление с поверхностью грунта. Их делают на задних частях ветвей — пятках и спереди в зацепной части. Шипы могут представлять собой простые загибы концов подковы с прямоугольными площадками или гребнеобразными. Также шипы могут быть винтовыми, их можно вкручивать в гололед зимой. Для защиты копыта спереди встречаются отвороты в виде лепестков.

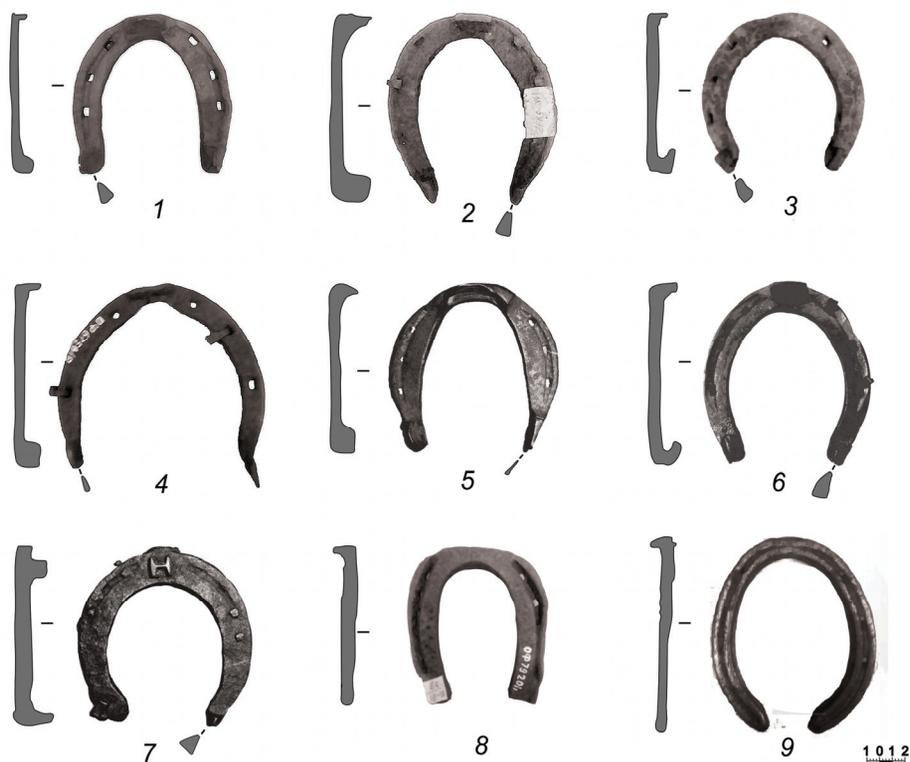

Рис. 1. Подковы из собрания Музейного комплекса им. И.Я. Словцова.

Fig. 1. Horseshoes from the collection of Museum Complex named after I.Ya. Slovtsov.

Коллекция подков в Тюменском краеведческом музее насчитывает 22 экз.: 12 из них представлены случайными находками, дарами, поступившими от горожан или привезенными сотрудниками — участниками историко-бытовых экспедиций из Тюмени, Упоровского и Тюменского районов (Антипино, Ахманка), ХМАО (Ясунт); 10 подков происходят из археологических раскопок в Тюмени в 1988 г. Если в первом случае все подковы целые, то во втором — фрагментированы.

Вышеупомянутые 12 подков относятся ко второму типу — в виде трехчетвертного овала, имеют длину 11–14 см, ширину 11–13,5 см, ширину полотна 1,6–2,5 см, толщину полотна 0,5–1 см, по 6 отверстий в гвоздевой дорожке. Различия отмечаются в количестве шипов и наличии отворотов. Семь из девяти подков имеют три шипа — один спереди и два сзади (табл. 1; рис. 1, 1–7). Все шипы гребнеобразные, только у двух подков есть особенности. У одной передний шип с

прямоугольной площадкой (табл. 1, 1; рис. 1, 1), у второй два винтовых шипа в виде большой буквы Н спереди и на одной пятке (на второй — гребнеобразный) (табл. 1, 7; рис. 1, 7).

Таблица 1

Характеристика подков с тремя шипами (размеры в см)

Table 1

Characteristics of horseshoes with 3 spikes (cm. in size)

№ п/п	Длина	Ширина	Ширина полотна	Толщина полотна	Форма шипов	
					Передний	Пяточные
1	13,5	11,8	2,2	0,7	Прямоугольный	Гребнеобразные
2	11	11	2,2	0,7	Гребнеобразный	Гребнеобразные
3	11,5	12	2,1	0,9	Гребнеобразный	Гребнеобразные
4	12	13,5	1,6	0,5	Гребнеобразный	Гребнеобразные
5	11	12	2,5	0,5	Гребнеобразный	Гребнеобразные
6	13,5	12,3	2	0,7	Гребнеобразный	Гребнеобразные
7	14	13,3	2,3	1	Н-образный (вкрученный)	Н-образный (вкрученный) гребнеобразный

Пять подков по своим параметрам соответствуют характеристикам 1 типа, но имеют отвороты для защиты копыта спереди высотой 1,8 и 1,3 см (табл. 2; рис. 1, 8, 9). Первая подкова привезена из Ясунта (ХМАО, Березовский район). Четыре подковы идентичные, более легкие по сравнению с другими, сделаны из блестящего металла, поступили в музей в дар от тюменской цыганской семьи и являются, скорее всего, беговыми.

Таблица 2

Характеристика подков с отворотами (размеры в см)

Table 2

Characteristics of horseshoes with lapels (cm. in size)

№ п/п	Длина	Ширина	Ширина полотна	Толщина полотна	Высота отворота	Пяточные шипы
1	11,5	10	2,1	0,6	1,8	Обломаны
2–5	13,5	10,5	1,8	0,6	1,3	—

В коллекции из раскопок Тюмени подковы (10 экз.) представлены фрагментами, в основном половинками или задними окончаниями ветвей. Поломка подковы происходила в месте большей снашиваемости — спереди. Подковы найдены как на раскопе 1 (4 экз.), так и на раскопе 2 (3 экз.); это связано с тем, что в непосредственной близости проходил Сибирский тракт и располагалась базарная площадь. Эта часть коллекции подков музея представляет интерес, так как дает возможность рассмотреть более ранние находки.

Для типологии подков, найденных в культурном слое: как правило, отдельных экземпляров, часто фрагментированных, можно попытаться учесть форму, размеры, наличие шипов (задних и переднего), отворотов (передних, задних), наличие гвоздевой дорожки с отверстиями ухналей.

Самый ранний экземпляр представляет собой серповидную подкову со слабо выраженным контуром многоугольника по внешнему краю. Сохранились одна ветка (длина 6,5 см, ширина полотна 1,6 см) и передняя часть с отворотом треугольной формы (высота 1,8 см). В широкой и неглубокой гвоздевой дорожке три прямоугольных отверстия (0,3×0,8; 0,45×0,9; 0,5×1,4 см). В профиле видно, что подкова была сильно сношена, толщина уменьшается с 0,5 до 0,3 см. Самая ранняя из всех подков похожа на опубликованные Р.Л. Розенфельдом [1960, с. 277, рис. 1, 9, 10], А.Н. Кирпичниковым [1973, с. 83, рис. 49, 1] и датируется XVII в. (рис. 2, 1).

Остальные девять подков по своим характеристикам корреспондируются с первой частью музейной коллекции. Семь подков в виде трехчетвертных овалов с 2–3 шипами, длиной 11–12,5 см, шириной полотна 1,7–2,5 см, толщиной полотна 0,5–1,2 см, с пяточными шипами с прямоугольной площадкой (4 экз.) и гребнеобразными (3 экз.). На одной подкове отмечен прямоугольный третий шип в передней части (табл. 3, 7; рис. 2, 8).

Характеристика подков с шипами (размеры в см)

Table 3

Characteristics of horseshoes with spikes (cm. in size)

№ п/п	Длина	Ширина полотна	Толщина полотна	Форма шипов	
				Передний	Пяточные
1	11	2,5	0,5	—	Прямоугольные
2	?	2,2	0,7	?	Прямоугольные
3	?	2,1	0,9	?	Прямоугольные
4	12,5	2,1	1,2	—	Гребнеобразные
5	11,7	2,5	0,7	—	Гребнеобразные
6	11	1,8	0,7	—	Гребнеобразные
7	12,2	1,7	0,6	Прямоугольный	Прямоугольные

Рис. 2. Подковы из раскопок Тюмени.
Fig. 2. Horseshoes from the excavation in Tyumen.

По внешнему виду подковы достаточно индивидуальны:

— ветка подковы (табл. 3, 1; рис. 2, 2) с пяточным шипом, сформированным загибом прямоугольной формы (высота 0,7 см, размеры площадки шипа 0,5×1 см), с двумя прямоугольными отверстиями в гвоздевой дорожке (третье — в месте облома в передней части), толщиной полотна 0,5 см; напоминает подкову из Новогрудка [Гуревич, 1981, с. 51, 55, рис. 40, 8];

— пяточная часть ветки подковы (табл. 3, 2; рис. 2, 3) с прямоугольным широким шипом (размеры площадки 1,7×1,5 см, высота 2,7 см) и желобом (ширина 0,7 см) на подошве (ширина полотна 3,5 см, толщина 0,6 см), с отверстием в месте облома;

— пяточная часть ветки подковы (табл. 3, 3; рис. 2, 4) с прямоугольным широким шипом (размеры площадки 0,9×1,1 см, высота 2,3 см), двумя овальными отверстиями (ширина полотна 2,3 см, толщина 0,7 см) с неровным внешним контуром;

— ветка подковы (табл. 3, 4; рис. 2, 5) с пяточным гребневидным шипом (высота 3 см), заканчивающимся прямоугольной узкой площадкой (1,8×0,4–0,8 см), с двумя отверстиями в гвоздевой дорожке шириной 0,5 см и сохранившимися ухналями в них;

— ветка подковы (табл. 3, 5; рис. 2, 6) с пяточным гребнеобразным шипом (высота 2,4 см), заканчивающимся узкой прямоугольной площадкой (2,2×0,4–0,7 см), с двумя ухналями в гвоздевой дорожке шириной 0,7 см;

— ветка подковы (табл. 3, 6; рис. 2, 7) с пяточным гребнеобразным шипом (высота 1,8 см), заканчивающимся узкой прямоугольной площадкой (1,5×0,5 см), с тремя отверстиями (третье — в месте облома) в гвоздевой дорожке шириной 0,6 см;

— ветка подковы с 2 шипами (табл. 3, 7; рис. 2, 8) с пяточным и передним шипами; пяточный гребневидный шип (высота 1,8 см), заканчивающийся прямоугольной площадкой (размеры 1,1×0,7 см), шип в передней части подковы высотой 1,4 см, размеры площадки 0,5×0,5; в гвоздевой дорожке сохранились два ухналя.

Две подковы из археологической коллекции имеют отвороты (табл. 4).

Таблица 4

Характеристика подков с отворотами (размеры в см)

Table 4

Characteristics of horseshoes with lapels (cm. in size)

№ п/п	Длина	Ширина полотна	Толщина полотна	Высота отворота	Форма шипов	
					Передний	Пяточные
1	17,5	2,6	1	1,5	—	Прямоугольные
2	14,2	2,6	0,7	1,5	Н-образный	Н-образные

Ветка подковы (табл. 4, 1; рис. 2, 9) с пяточным шипом и отворотом спереди, пяточный прямоугольный широкий шип высотой 1,8 см, размеры площадки шипа 1,8×2 см, отворот в виде слегка загнутого окончания; спереди на подошве подковы имеется скос от сношенности, ширина гвоздевой дорожки 0,5 см.

Ветка подковы (табл. 4, 2; рис. 2, 10) с передним и пяточным вкрученным шипом и отворотом спереди; пяточный шип высотой 1,6 см в виде положенной на бок буквы «Н» (1,4×1,4 см), на обороте под шипом круглая клепка диаметром 1 см, по ветке с внешней стороны желоб шириной 0,4 см и 4 сквозных отверстия (одно в месте облома, в двух остались согнутые ухналя); спереди сохранился подтреугольный отворот толщиной 0,5 см, предохраняющий копыто лошади спереди от удара о камни, в основании отворота сохранилась половина отверстия от врезного шипа. Подобные подковы изготавливались на предприятиях серийно до 1941 г. и были приняты в кавалерии.

Обращает на себя внимание преобладание подков с шипами, которые использовались в зимнее время. Заостренная форма шипов была более эффективной для верховой лошади, подкова с тремя винтовыми шипами предназначалась для упряжной лошади также в зимнее время. Возможно, это связано с тем, что зимой движение по Сибирскому тракту было более оживленным.

Анализ коллекции показывает, что в Сибири использовались обычные для всей территории России, устоявшиеся формы подков. Кузнечное дело, как и весь набор ремесел и промыслов в жизнеобеспечении русского города, закреплялось постепенно. Среди находок из железа в культурном слое Тюмени отмечаются предметы вооружения (наконечник копья, стрелы), ножи, гвозди, скобы, фрагмент лезвия серпа, ножницы, светец, дверные пробой, сапожные набойки и пр.

По письменным источникам известно, что ремесло в первой четверти XVII в. не было развито, но к 1655 г. в городе проживало всего 80 ремесленников, а к началу XVIII в. — уже 100 [Миненко, 2004, с. 83]. В конце XVII в. металлообработкой занимались служилые (включая неверстанных сыновей) и посадские, 1 ямщик [Там же, с. 84]. Стимулировало появление кузнецов учреждение Тюменского яма в 1601 г. До этого ямская гоньба исполнялась юртовскими татарами, которые постоянно жаловались на это обременение. Присланные ямщики сначала жили в городе, на посаде, получили угодья за Тюменкой, туда и переселились в 1605 г. по царской грамоте. Сословие пополнялось за счет посадских, гулящих и бобылей. К концу 1630 г. Тюменский ям насчитывал 88 дворов, в нем состоял 171 чел. мужского пола. Ямщики сами приобретали лошадей, сани, седла, телеги, струги, лодки, судовую снасть [Там же, с. 78].

В середине 1620-х гг. в городе было семь кузнецов, но и в середине XVIII в. кузнецы к работе обращаются временно — «когда кто им что сделать скажет», для крестьян делают — «сош-

Коллекция подков из собрания Музейного комплекса им. И.Я. Словцова

ники, косы, подковку лошади и проточную мелочь», качество которых посредственное (цит. по: [Миненко, 2004, с. 180]). Первоначально кузницы строили за пределами города, за городскими стенами по берегу р. Тюменки. По мере роста города появлялись кузницы при въезде в город со стороны Туринска и при выезде из него по обеим сторонам Сибирского тракта. Интересно, что и топонимика города сохранила память об этом. В начале XX в. Кузнечная улица была в районе р. Тюменки, а на выезде из города было целых пять Кузнечных улиц. Еще до 1940-х гг. эту местность называли «Кузницами» [Иванова, 2015, с. 200]. Сохранилась в топонимике города и память о Ямской слободе — улица Ямская, также связанная с укоренением и быстрым развитием в городе кузнечного ремесла.

В целом охарактеризованная коллекция, небольшая по численности, дает представление о бытовании в Сибири в XVII — середине XX в. основных типов подков, корреспондирующих с общероссийскими традициями. Введение в научный оборот изложенного материала расширяет информационную базу по истории материальной культуры сибиряков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гуревич Ф.Д.* Древний Новогрудок (посад — окольный город). Л.: Наука, 1981. 159 с.
- Двуреченский О.В.* Средства и приемыковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках) // Археология Подмосковья. М., 2004. Вып. 1. С. 238–244.
- Зиняков Н.М.* Русские металлические изделия на сибирском рынке XVII в.: Номенклатурный и качественный состав // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск, 2005. С. 72–76.
- Иванова Л.В.* Русские художественные промыслы Зауралья XIX — начала XXI вв. в контексте социокультурной динамики региона. Тюмень: Печатник, 2015. 500 с.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Ковалевский С.А.* Новые материалы по русской археологии Кузнечной котловины // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апелсин, 2008. С. 96–105.
- Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв. // САИ. 1973. Вып. Е1-36. 140 с.
- Курлаев Е.А.* Археологическое исследование Шувакишского железодельного завода начала XVIII в. // УИВ. 2002. № 8. С. 164–183.
- Миненко Н.А.* Тюмень: Летопись четырех столетий. СПб.: Русь, 2004. 512 с.
- Розенфельд Р.Л.* О конструкции и назначении некоторых железных изделий // СА. 1960. № 2. С. 276–279.
- Черная М.П.* Воеводская усадьба в Томске 1660–1760 гг.: Историко-археологическая реконструкция. Томск: Д'Принт, 2015. 276 с.

V.I. Semyonova

Tyumen State Institute of Culture
Respubliki st., 19, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: valivsem8@mail.ru

COLLECTION OF HORSESHOES IN THE HOLDINGS OF MUSEUM COMPLEX NAMED AFTER I.Ya. SLOVTSOV

One of the earliest crafts practised in Russian urban centres was blacksmithing, necessary for the manufacture of tools for all types of material production. One of the most intrinsic functions of a blacksmith consisted in forging horseshoes. The horseshoe typology was proposed by A.N. Kirpichnikov. Type 1 includes horseshoes in the form of a semicircle with a toe caulk, which are characteristic only for Russia and existed from the middle of the 11th to the 17th centuries, while the second later type took the form of a three-quarter oval with two heel caulks with a large number of holes for nails and fullering. The collection of horseshoes in the Tyumen Local History Museum has 22 specimens: 12 of these are random finds or brought from historical expeditions around the Tyumen region, while the remaining 10 originate from archaeological excavations in Tyumen in 1988. In the first case, all horseshoes belong to the second type in the form of a three-quarter oval, having an overall length of 11–14 cm, a width of 11–13,5 cm, an inside width of 1,6–2,5 cm, thickness of the shank 0,5–1 cm and 6 holes in the nail groove. There are differences in the number of caulks and the presence of clips (7 of 9 horseshoes have three caulks having a comb-like shape (5) or with a rectangular area). Five of the horseshoes have clips to protect the front of the hoof. Four identical horseshoes, lighter than others, are made of shiny metal having entered the museum as a gift from a Tyumen Gypsy family. In archaeology, horseshoes are represented by fragments. The earliest specimen is represented by a sickle-shaped horseshoe with one caulk (type 1), dating back to the 17th century. The remaining 9 horseshoes are of type 2. Seven horseshoes with 2–3 caulks, 11–12,5 cm long, 1,7–2,5 cm wide shank, 0,5–1,2 cm thick shank, with heel caulks with a rectangular platform (4 pc.) and comb-like (3 pc.). On one horseshoe a rectangular third caulk is noted at the toe. Two horseshoes from the archaeological collection

have clips. The predominance of horseshoes with caulks, which were used in winter, is noted. Analysis of the collection shows that the well-established forms of horseshoes, common throughout all of Russia, were used in Siberia.

Key words: archeology, accidental findings, donation, excavation, blacksmithing, horseshoes.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-082-088

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

REFERENCES

- Chyornaya M.P. (2015). *Voevode manor house in Tomsk (1660–1760): Historical and archaeological reconstruction*, Tomsk: D'Print.
- Dvurechensky O.V. (2004). Means and craft skills of shoeing in Moscow and Moscow area (in the 13th–19th centuries). *Arkheologiya Podmoskov'ya*, (2), 238–244.
- Gurevich F.D. (1981). *Ancient Novogradok (posad — suburb)*, Leningrad: Nauka.
- Ilyushin A.M., Suleimanov M.G., Kovalevsky S.A. (2008). New materials on Russian archeology of Kuznetsk Basin. *Kul'tura russkih v arkheologicheskoyh issledovaniyah*, Omsk: Apel'sin, 96–105.
- Ivanova L.V. (2015). *Russian Trans-Ural art crafts in the 19th — the early 21st centuries in the context of regional sociocultural dynamics*, Tyumen: Pechatnik.
- Kirpichnikov A.N. (1973). *Horseman and horse outfit in old Russia in the 9th–13th centuries*, Leningrad: Nauka.
- Kurlaev E.A. (2002). Archeological research on Shuvakish iron factory in the early 18th century. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, (8), 164–183.
- Minenko N.A. (2004). *Tyumen: A chronicle of four centuries*, St. Petersburg: Rus'.
- Rozenfel'd R.L. (1960). On structure and purpose of some iron products. *Sovetskaya arkheologiya*, (2), 276–279.
- Zinyakov N.M. (2005). Russian metal manufactures in Siberian market in XVII century: Nomenclature and quality. *Problemy istoriko-kulturnogo razvitiya drevnih i traditsionnyh obshestv Zapadnoj Sibiri i sopredel'nyh territorij*, Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 72–76.

Т.И. Чудова

Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина
Октябрьский проспект, 55, Сыктывкар, 167001
E-mail: ChudovX@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ГЛИНЯНОЙ ПОСУДЫ В КУЛЬТУРЕ КОМИ (ЗЫРЯН) В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Особенность гончарства в Коми крае проявлялась в сочетании двух традиций: лепной и с использованием гончарного круга. При первом способе применялась донная программа начина, стенки сосуда формировались жгутовым налепом, обжиг производился в духовой печи с последующим обвариванием в мучном растворе. Изготовленные вторым — вытяжным методом горшки обжигались в специальной печи. Архаичными выглядят изготовление сосуда по форме-модели, а также его обжиг в костре. Лепной способ характеризуется как женское домашнее производство, вытяжной метод — как мужское ремесло.

Ключевые слова: коми (зырян), лепной способ изготовления глиняной посуды, ремесленное производство глиняной посуды.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-089-097

Гончарное производство коми (зырян) как предмет исследования входит в сферу научных интересов этнографов. Так, в 1920-х гг. В.П. Налимов обратил внимание на выбор цвета глины в гончарстве и кратко описал номенклатуру глиняных сосудов [1925, с. 29–30]. В.Н. Белицер представила описание гончарного производства у зырян и коми-пермяков, без четкого разделения на две традиции. Характеризуя домашнее производство глиняной посуды, она отметила практику ее изготовления без гончарного круга «техникой ленточно-жгутового налепа». При этом она подчеркивала, что появление гончаров-ремесленников способствовало возникновению центров ремесленного производства керамики [Белицер, 1958, с. 117–120]. Занимаясь изучением домашнего и ремесленного производства у коми (зырян), Г.Н. Романова отметила архаичность способа изготовления посуды с применением формы-модели у летских коми. Определила, что в начале XX в. появляется ручной круг (который, по ее мнению, не получил широкого распространения), а в 1930-е гг. — ножной гончарный круг. Гончары-ремесленники обжигали горшки в специальных печах, дано описание такой печи в с. Вильгорт Сыктывдинского района [Романова, 1975, с. 71–72; 1989, с. 261; 1990, с. 95–99]. Работа Т.И. Чудовой посвящена классификации глиняной посуды, описанию технологии ее изготовления и определению символического значения горшка в контексте культуры коми (зырян) [2001а]. Полученные в 2002 г. полевые материалы позволяют дополнить материалы по теме гончарства — уточнить некоторые детали изготовления глиняных горшков лепным способом, а также расширить ареал распространения архаичного способа.

Цель работы — обозначить особенности технологии производства глиняной посуды коми (зырян) на основе литературных источников с привлечением полевых материалов. Источниковую базу исследования составляют полевые материалы, полученные в 2002 г. студентами-историками Сыктывкарского университета в ходе полевой практики в населенных пунктах Корткеросского района Республики Коми под руководством автора статьи. Задача экспедиции состояла в сборе этнографического материала в соответствии с программами по изучению традиционной системы питания и производства глиняной посуды. Выбор района для сбора материала по гончарству был не случайным: в с. Сторожевск Корткеросского района в начале XX в. располагался один из центров ремесленного производства глиняной посуды [Белицер, 1958, с. 119]. Перед группой стояла задача выяснить вопрос о сохранении в народной памяти знаний о способах изготовления глиняной посуды. Беседы с жителями 1920–1930-х гг. рождения, которые сами изготавливали посуду, помогали или видели, как ее делали, были записаны на аудиокассеты. Результаты исследования показали, что частично знания по гончарству в народной памяти сохранились. При этом информация, за редким исключением, зафиксирована только в

с. Сторожевск. В настоящее время гончарное производство в селе отсутствует, глиняная посуда в быту заменена на металлическую с эмалированным или тефлоновым покрытием. Этнографические материалы отложились в научном архиве музея археологии и этнографии Сыктывкарского университета им. Питирима Сорокина [НА МАЭ СГУ, ф. 14 (Э)]. В качестве иллюстративного используется фотоматериал, полученный еще в 1985 г. в Княжпогостском районе Республики Коми. Включение в статью этого материала оправданно, так как лепной способ изготовления глиняной посуды был единственным для всех районов проживания коми (зырян), а визуальный ряд помогает представить эту технологию. Фоторяд глиняной посуды из фондов музея археологии и этнографии СГУ им. Питирима Сорокина [МАЭ СГУ. Коллекция керамики] позволяет воочию увидеть ее формы.

Хронологические рамки исследования определены второй половиной XIX — первой половиной XX в. как временем устойчивого существования различных практик гончарства.

Характеризуя технологические приемы изготовления посуды коми (зырян) во второй половине XIX — первой половине XX в., можно говорить о сосуществовании двух традиций: лепной и с использованием гончарного круга. В технологическом процессе изготовления глиняной посуды выделяются три последовательные стадии: подготовительная, созидательная и закрепительная [Бобринский, 1978, с. 14].

Подготовительная стадия имела три ступени, связанные с отбором исходного материала, его добычей и подготовкой формовочной массы. В начале XX в. В.П. Налимов отмечал, что для горшков брали глину хорошего качества «гун-гој» (*сун-сей* — букв. 'глей-глина') [1925, с. 29–30]. Предпочтение отдавали глине красного цвета (*зёрд сей*). Объяснение такого выбора лежит в мифопоэтической плоскости, так как красный цвет в народной культуре коми (зырян) имел особое значение. Красная глина вместе с гончарством входит в семантическое поле наряду с понятиями «плодородие» и «рождение» [Уляшев, Шарапов, 1996, с. 110], а в глине синего цвета (*сун*) заключена негативная символика, и этот цвет соотносится с понятием «смерть» [Уляшев, 1999, с. 18]. Однако символика хроматических представлений в гончарстве постепенно утрачивается. Информанты отмечали, что использовали глину разной цветовой гаммы. Одни утверждали, что «для посуды брали красную глину, рядом с деревней, хранили ее в голбце» [НА МАЭ СГУ, ф. 14 (Э), д. 105а], а другие — «для глиняной посуды брали синюю глину, ее брали у реки, сразу изготавливали, не хранили глину» [Там же, д. 113а].

Рис. 1. Замес глиняного теста, д. Жигановка Княжпогостского района Республики Коми. Фото Т.И. Чудовой. 1985 г.

Fig. 1. Kneading dough, d. Zhiganovka, Knyazhpogostsky district, Komi Republic. Photo by T.I. Chudova. 1985.

Из истории развития гончарства известно, что при подготовке формовочной массы гончары применяли следующие примеси: песок, дресва (дробленый камень), зола, шамот (дробленые обломки глиняной посуды). Таким образом решали две задачи. Во-первых, уменьшали отрицательное влияние усадки глины на изделие во время сушки и обжига. Во-вторых, увеличивали огнестойкость изделия [Бобринский, 1978, с. 90]. Количественное соотношение глины и непластичных добавок определяли визуально, добавляя примеси постепенно до получения опти-

Особенности производства глиняной посуды в культуре коми (зырян)...

мального качества формовочной массы. У коми (зырян) в первой половине XX в. как примесь использовали только песок [НА МАЭ СГУ, ф. 14 (Э), д. 133 а]. Подготовленная формовочная масса выкладывалась на полотно, где ее топтали ногами (рис. 1), доводя до консистенции «тянущегося теста». Когда собирались сделать немного горшков, то «мяли руками как тесто для хлеба» [Там же, д. 113 а]. Первый прием подготовки формовочной массы применялся при производстве посуды как лепным способом, так и на ножном гончарном круге, а второй — только когда делали лепную посуду.

Следующая стадия гончарного производства — созидательная связана с конструированием дна и полого тела сосудов, приданием им формы и обработкой поверхностей. В летний период изготовление горшков лепным способом производилось прямо на улице или в сарае [Там же, д. 114 а]. Ручной гончарный круг использовали зимой, четко зафиксированного рабочего места не было. В обычной избе, на лавке, помещали ручной гончарный круг, представлявший собой невысокую подставку со вставленным в нее деревянным стержнем длиной 10–15 см, на который насаживался подвижный деревянный круг (рис. 2). Появление ножного гончарного круга потребовало создания специальных гончарных мастерских.

Рис. 2. Ручной гончарный круг. Из фондов Национального музея Республики Коми.
Fig. 2. Hand potter's wheel. From the funds of the National Museum of the Republic of Коми.

Изготовление лепной глиняной посуды характеризовалось донной программой начина и способом «жгутового» налепа тулова (рис. 3) [Там же, д. 114 а]. Горшок начинали лепить со дна: брали комок глины, который выдавливали вручную, дополнительно выбивая сжатой в кулак рукой. Согласно классификации А.А. Бобринского, эта программа донного начина относится к группе монолитных, подгруппе комковых, ко второму виду — выдавленных и выбитых колотушкой [Бобринский, 1978, с. 118]. Есть одно отличие: у коми (зырян) колотушка уже не фиксируется, вместо нее используют кулак. Первый жгут к монолитному дну прилепливался двумя способами. В первом случае жгут крепился к торцу дна. Во втором случае край дна слегка приподнимался и на него с внутренней стороны крепился жгут, а место соединения в профиле приобретало форму «сапожка» [Там же, с. 131], что визуально определяется некоторым уменьшением диаметра стенок сосуда у самого дна.

При конструировании стенок сосуда использовался способ жгутового налепа, при котором последующий глиняный жгут крепился к предыдущему. Части горшка составляли пропорцию нечетных чисел: одна часть — дно, три-пять-семь, в зависимости от объема и высоты сосуда, — стенки. Объединение этих частей в целое давало четное число: символически это означало, что горшок как бы по частям собирался в ином мире, а уже целый сосуд мог принадлежать миру живых [Чудова, 2001b, с. 179–182]. Затирание поверхности горшка с внешней стороны выполнялось тщательно, а с внутренней — нет, поэтому можно увидеть соединительные швы, количество которых было различно. В архивных материалах А.В. Збруевой (запись 1945 г.) имеется информация, что Анна Ивановна Кичигина (1860 г.р.) из с. Кибра (с. Куратово Сысольского района) изготавливала стенки сосуда из трех глиняных жгутов [НА Коми ИЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 13, д. 204, с. 21]. Для выяснения вопроса, из какого количества жгутов формировалось тулово сосуда в 1998 г., были выполнены рентгеновские снимки отдельных сосудов [НА МАЭ СГУ, ф. 12 (Э)]. Результаты исследования

показали, что символика чисел при конструировании горшка утрачивается: тулово составлялось как из нечетного, так и из четного количества жгутов.

Рис. 3. Формовка горшка жгутовым методом, д. Жигановка Княжпогостского района Республики Коми. Фото Т.И. Чудовой. 1985 г.

Fig. 3. Forming pot harness method, d. Zhiganovka, Knyazhpogostsky district, Komi Republic. Photo by T.I. Chudova. 1985.

Архаичным выглядит способ изготовления посуды с использованием формы-модели, когда раскатанная в плоский диск формовочная масса налепливалась на смоченную водой модель, представляющую собой деревянную чурку. К деревянной чурке добавлялись сегменты, которые позволяли создать сосуд с расширяющимися к горловине стенками [НА Коми НЦ УрО РАН, ф. 5, оп. 2, д. 208, с. 172–173]. Запись об этом была сделана Г.Н. Романовой на р. Летка Прилузского района Республики Коми в 1970-х гг. А вот что удалось зафиксировать в 2002 г.: «...если нужна посуда, то брали деревянную миску и на нее налепливали глину. Затем сушили, а миску вынимали. Латку готовили по деревянной форме, налепливали вручную глину, заглаживали мокрой рукой, затирали *биа из* ('кременем')» [НА МАЭ СГУ, ф. 14 (Э), д. 133 а]. Такой способ Г.Н. Романовой был определен как «летский», но полевой материал 2002 г. позволяет утверждать, что он имел более широкое территориальное распространение.

Появление ручного гончарного круга на рубеже XIX–XX вв. практически не повлияло на традиционные способы изготовления посуды, с его помощью лишь придавали сосуду эстетические характеристики. С началом использования в 1930-е гг. ножного гончарного круга существенно изменяются навыки конструирования глиняной посуды. Однако вытяжной метод изготовления горшка из единого комка формовочной массы на ножном гончарном круге в домашних условиях не получил широкого распространения и был явно заимствованным, о чем свидетельствуют русские термины гончарного круга, адаптированные к коми языку: *гырнич вечан гогыль* (букв. 'круг, делающий горшок'), *гырнич керан станок* ('станок, делающий горшок'), *кружало, гогыль* ('круг'). Ножной гончарный круг применяли только ремесленники, работавшие на заказ.

Способы обработки поверхности сосуда до обжига зависели от традиции, технологии изготовления, технических и эстетических задач, стоявших перед мастером-гончаром.

Орнамент располагался только в верхней части сосуда. Орнаментальные мотивы представляют собой прочерченную линию, ряд зигзагов, волнистые линии в один-четыре ряда, треугольные вдавления. По мокрой глине наносили также графические или буквенные знаки-пасы собственности, в редких случаях из многократного повтора графического паса получали орнамент. Графические знаки-пасы имеют вид птичьей лапки (в количестве от одной до четырех), прямого и косоугольного креста, который иногда дополнялся точками в перекрестьях или заключался в незамкнутый круг, ногтевых вдавлений — фестонов. Буквенные обозначения знаков собственности встречаются в следующих вариантах: А, АП, БНО, БНС, Ж, ЖН (рис. 4), ЖПП, К, КАА, М, ПДИ, ПДИА, Ш, Х, ХКН. Так, посуда со знаками собственности с буквой «Ж» из коллекции музея

Особенности производства глиняной посуды в культуре коми (зырян)...

археологии и этнографии СГУ им. Питирима Сорокина была приобретена в д. Жигановке Княжпогостского района Республики Коми, где распространена фамилия Жиганов.

Рис. 4. Лепная банка с буквенным знаком собственности «ЖН». Из фондов МАЭ СГУ им. Питирима Сорокина.
Fig. 4. A molded can with an alphabetic sign of the property «ЖН». From the funds of the Museum of archaeology and ethnography of the Syktyvkar State University them. Pitirim Sorokin.

Глиняные горшки с буквенными знаками собственности «ПДИ», согласно музейной документации, принадлежали Подорову Дмитрию Ивановичу. Практиковавшийся ранее способ фиксации музейных предметов без развернутой легенды, т.е. истории вещи в живой этнической культуре, приводит к «археологизации» предметного поля музея [Хаховская, 2015, с. 78], что затрудняет решение вопроса о том, кто поставил буквенные пасы: мастер по просьбе владельца или сам владелец, изготовивший горшок. Примечательно, что посуда для молока не орнаментировалась [НА МАЭ СГУ, ф. 14 (Э), д. 124 а]. Гончары, как правило, работали либо на себя, либо на рынок, не подверженный влиянию «моды» и вкусам иноэтнической среды, потребителями были родственники по крови, духу и культуре, поэтому каких-то заметных изменений в орнаментике посуды не было.

Закрепительная стадия гончарного производства, включающая четыре ступени (воздушное и термическое высушивание, обжиг изделия и последующая обработка поверхности), была направлена на окончательное оформление сосуда [Бобринский, 1978, с. 14]. Его в зависимости от температуры и влажности воздуха сушили в течение двух-семи дней, без доступа прямых солнечных лучей. Благодаря воздушному высушиванию происходило постепенное освобождение сосуда от воды, и в дальнейшем при обжиге он не давал трещин. В традициях коми (зырян) термическое высушивание осуществлялось в духовой печи: сосуды помещались в хорошо разогретую печь и оставались там до полного ее остывания. Для лепной технологии характерен обжиг в духовой печи: «...моя бабушка из с. Важкурья обжигала в печи по 5–6 штук за раз. Печь сильно топила, а угли по обе стороны [распределяла]» [НА МАЭ СГУ, ф. 14 (Э), д. 113 а]. Обжиг сосудов в костре выглядит как архаика, и отмечался только в бассейне р. Локчим, о чем писала в диссертационном исследовании Г.Н. Романова [НА Коми НЦ УрО РАН, ф. 5, оп. 2, д. 208, с. 180]. Обжиг как лепной, так и изготовленной на ножном гончарном круге посуды осуществлялся одинаково — в обычной печи. Значительно реже мастера-ремесленники в примитивных гончарных мастерских обустроивали специально подготовленную печь: «...в с. Сторожевск был гончар, Осипов. У него был сарай, где он обжигал посуду» [НА МАЭ СГУ, ф. 14 (Э), д. 105 а]. Удалось побеседовать с Макаровой (Осиповой) Анастасией Ивановной, дочерью этого гончара. Вот что она рассказала: «Иван Петрович Осипов родился в 1903 г. в с. Сторожевск, работал гончаром в г. Сыктывкаре, потом переехал снова в с. Сторожевск. Коста Петыр Иван — так звали отца в деревне (Иван Петрович, внук Константина. — Т. Ч.). У отца отец изготавливал глиняную посуду, после войны перестал. Отцовская мастерская была в избе, а обжигали в печи, вдали от мастерской, в специальном сарае. Печь была из кирпичей, далеко от дома, на краю, как бани. Глину красного цвета брали возле ручья Ракашор (букв. Вороний ручей), чистую, топтали ногами на холсте, долго, получалось вязкое тесто (*нюдз*). Посуду делали на ножном круге, разной формы. Сушили на полке. [Для обжига] на поде [печи] расставляли горшки, закрывали за-

слонку. Внизу была топка. Вначале маленькие дрова клали, потом добавляли большие дрова. Горшки раскалялись докрасна, становились блестящими. Печь была с трубой, в нижней части — колосники. Горшки ставили вверх дном. Обжигали около суток. В печи было специальное окошечко, через которое смотрели: если горшки “сверкают”, то они готовы, печь переставали топить. Глину выбирали из одной ямы, даже зимой, рубили топором. Когда отец ушел на войну, стали делать посуду его жена и две дочери. До войны отец занимался один, помогали тем, что подносили горшки к печи на носилках. Мама намазывала смолой, а отец посыпал свинцом» [Там же, д. 113 а].

После обжига в печи раскаленный сосуд для «заковки» опускали в водный раствор муки, обваривание придавало прочность и интересный рисунок: горшок приобретал черный цвет [Там же, д. 114 а]. Внешний вид посуды, получаемый в процессе обваривания в мучном растворе, отражен в загадке о глиняном горшке: *быд керкаын сера Матрен* (букв. ‘в каждой избе рябая Матрена’).

Вместо обваривания при технологии с применением ножного гончарного круга использовали свинцовую поливу: «...до обжига посуда посыпалась свинцом. Свинец приносил заказчик посуды в виде дробы. Готовый горшок намазывали теплой смолой и посыпали свинцовым порошком. Смола сгорала, а горшок получался гладкий, блестящий» [Там же, д. 133 а]; «горшок смазывали смолой, смолу деревьев специально покупали, затем посыпали мелко растолченным свинцом. Свинец рубили топором, чтобы положить в чугунок, затем варили, мешали, получали порошок» [Там же, д. 113 а]. Часто гончары посыпали свинцовым порошком не весь горшок, а только внутреннюю поверхность, а снаружи — верхнюю часть.

Характерная особенность ассортимента глиняной посуды коми (зырян) — малое разнообразие производившихся форм. Существовали только две большие группы (чашевидные и горшковидные), выделенные по соотношению высоты сосуда и диаметра его наибольшего расширения.

Рис. 5. Лепная латка. Из фондов МАЭ СГУ им. Питирима Сорокина.

Fig. 5. Cast patches. From the funds of the Museum of archaeology and ethnography of the Syktyvkar State University them. Pitirim Sorokin.

Для горшковидных сосудов (рис. 4) высота примерно равна диаметру наибольшего расширения тулова, для чашевидных высота составляет менее 50 % диаметра. Чашевидные сосуды представлены латками и мисками, последние — в небольшом количестве, что объясняется практикой подачи пищи в посуде из другого материала. Латки (рис. 5) использовались как сковороды для выпекания и тушения/пряжения продуктов в русской духовой печи. Объем их варьировался в пределах от 0,4 до 4 л. Большой разброс в объеме и строгое соблюдение пропорций позволяют говорить о существовании некой модели для изготовления, а разные технологии (лепная или с применением гончарного круга) не влияли на форму. Две технологические традиции предопределили наличие двух типов горшковидных сосудов: гончарные горшки с округлым туловом и лепные банки с цилиндрическим туловом. Для горшков характерны шейка, плечики, т.е. элементы, развивающие основной объем сосуда, но имеющие второстепенное значение. Соответственно эти различия не морфологического характера, они только вносят разнообразие в ассортиментный перечень, отражающий сосуществование двух технологий. Горшки и банки имели тулово с несколько увеличенным объемом в верхней или средней части, что задавалось необходимостью приспособления к ухвату, с помощью которого их ставили в русскую духовую печь. Сосуды баночной формы и горшки по функционалу не различались между собой, объем их варьировался от 0,7 до 20 л. Многообразие типов глиняной посуды достигалось за счет конструктивных элементов, призванных обслуживать нужды кухни. Конструктивные элементы не-

Особенности производства глиняной посуды в культуре коми (зырян)...

многочисленны и представлены носиком-сливом, носиком-рожком, сквозными отверстиями по тулову и дну и ручками. Глиняные сосуды многофункциональны, они предназначались как для приготовления горячей пищи в печи (*кашник, гырнич*), так и для хранения молочных продуктов (*йöв/нöк крынча*).

Лепной технологией владели женщины, и производство лепной посуды определялось как домашнее — для нужд семьи или ближайшего круга родственников. Но в XX в. ситуация меняется. Лепную посуду «мужчины и женщины делали, но преимущественно женщины, а горшок иногда покупали за деньги или отработывали в хозяйстве гончара» [Там же, д. 105 а]. Новая технология, с применением гончарного круга, была сосредоточена в руках мужчин и характеризуется как ремесленное производство. Обе технологические традиции долго сосуществовали, влияя друг на друга. В начале XX в. известный коми этнограф В.П. Налимов писал, что «старые женщины возмущаются, как современные молодые люди могут тратить деньги на покупку горшков» [1925, с. 29]. Именно в это время гончарное производство переходило в мужские руки, но процесс перехода был достаточно длительным. И здесь нужно подчеркнуть, что ретроспективный взгляд на гончарство выявляет «вторичные» формы механизма функционирования производства, когда изжитая форма производства восстанавливается в новых условиях, что отмечалось после Великой Отечественной войны. Сохранение практических навыков производства глиняных горшков продемонстрировала в 1985 г. жительница д. Жигановки Княжпогостского района Республики Коми Жиганова Анастасия Ивановна (рис. 1, 2), хотя горшки в это время уже не делали.

Ручной способ изготовления посуды с использованием доски в качестве поворотного столика сохранялся как женская сфера деятельности у многих народов, например у коми (пермяков) [Черных, 2007, с. 92], лезгин [Агаширинова, 1984, с. 110–116], гуцулов [Гонтарь, 1990, с. 89] и др. Использование примитивного ручного гончарного круга, обжиг сосудов в духовой печи с последующим обвариванием их в мучной болтушке, а позднее использование свинцовой поливы было характерно, например, для гончаров Вытегорского района Вологодской области [Мокина, 1997, с. 173]. Номенклатура глиняной посуды коми (зырян) аналогична реестру сосудов у коми (пермяков) [Черных, 2007, с. 92], у русских Вытегорского района Вологодской области [Мокина, 1997, с. 177], сосуды с носиком-рожком характерны для русских Рязанской области [Фрумкин, 1994, с. 135–137], а латки были распространены повсеместно. Довольно широкие территориальные рамки распространения технологии изготовления глиняных сосудов, практика их обжига в обычных печах с последующим обвариванием в мучном растворе, а также сосредоточение их производства в руках женщин позволяют говорить о достаточно древних приемах. Лепная посуда как отражение «живой традиции», сохранявшейся у коми (зырян) практически до середины XX в., может выступать одним из этнических маркеров.

Традиция гончарства представляла собой систему устойчивых и взаимосвязанных навыков труда, позволяющих успешно решать технологические задачи по созданию глиняного горшка. Особенность гончарства коми (зырян) проявлялась в сочетании, с одной стороны, лепного способа изготовления сосуда, с обжигом его в русской духовой печи и последующей «закалкой» в мучном растворе, а с другой — изготовления горшков на ножном гончарном круге, с обжигом в специальных печах. Полевые материалы 2002 г. позволили уточнить особенности гончарного производства: была расширена территория распространения архаичной практики изготовления посуды с применением форм-моделей, детально описаны процесс обжига в специальной печи и практика нанесения свинцовой поливы.

Список информантов:

Савин Афанасий Александрович, 1928 г.р., с. Небдино, Корткеросский р-н, Республика Коми. Запись 2002 г.

Макарова Анастасия Ивановна, 1926 г.р., с. Сторожевск, Корткеросский р-н, Республика Коми. Запись 2002 г.

Макаров Василий Егорович, 1928 г.р., с. Сторожевск, Корткеросский р-н, Республика Коми. Запись 2002 г.

Осипова Елизавета Михайловна, 1936 г.р., с. Сторожевск, Корткеросский р-н, Республика Коми. Запись 2002 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агаширинова С.С. Традиция керамического производства у лезгин Дагестана (по материалам с. Кахуль) // СЭ. 1984. № 1. С. 110–116.

Т.И. Чудова

- Белицер В.Н.* Очерки по этнографии народа коми. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 392 с.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 270 с.
- Гонтарь Т.А.* Посуда и домашняя утварь карпатских украинцев в конце XIX — первой половине XX в. // СЭ. 1990, № 6. С. 88–98.
- Мокина Г.Г.* Гончарное производство Вытегорского района // Вытегра: Краевед. альманах. Вологда: Русь, 1997. Вып. 1. С. 172–185.
- Научный архив* Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1, 5.
- Научный архив* МАЭ СГУ им. Питирима Сорокина. Ф. 12 (Э), 14 (Э).
- Налимов В.П.* К материалам по истории материальной культуры // Коми му: Зырянский край. Усть-Сысольск: Коми издательство, 1925, май. № 5 (15). С. 29–30.
- Романова Г.Н.* Развитие домашних производств сысольских коми в конце XIX — начале XX вв. // Вопросы истории Коми АССР. Сыктывкар: ИЯЛИ КФАН СССР, 1975. С. 71–72. (Труды ИЯЛИ КФАН СССР; Вып. 16).
- Романова Г.Н.* К вопросу о развитии традиционного ремесла коми // Материалы VI Междунар. конгр. финно-угроведов. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 260–262.
- Романова Г.Н.* Традиции и современность в керамике коми // Современное финно-угроведение: Опыт и проблемы. Л.: Наука, 1990. С. 95–99.
- Уляшев О.И.* Цвет в представлениях и фольклоре коми. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1999. 156 с.
- Уляшев О.И., Шаратов В.Э.* Семантика сей/сюн в свете традиционных хроматических ассоциаций у коми // Традиционное мировоззрение и духовная культура народов Европейского Севера. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1996. С. 109–118. (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН; Вып. 60).
- Фрумкин А.К.* Рязанская глиняная игрушка // Рязанский этнографический вестник. Рязань: Ряз. обл. центр народного творчества, 1994. С. 117–145.
- Хаховская Л.Н.* Незамеченные революции // Антропол. форум. 2015. № 24. С. 77–81.
- Черных А.В.* Народы Пермского края: История и этнография. Пермь: Пушка, 2007. 295 с.
- Чудова Т.И.* Гончарство коми (зырян) во второй половине XIX — первой половине XX веков. Сыктывкар: Сыктывкар. ун-т, 2001а. 89 с.
- Чудова Т.И.* Символика цвета и числа в гончарстве коми (зырян) // Музеи и краеведение: Труды Национального музея Республики Коми. Сыктывкар: Миян кыв, 2001b. Вып. 3. С. 179–182.

T.I. Chudova

Syktvykar State University of Pitirim Sorokin
October av., 55, Syktvykar, 167001, Russian Federation
E-mail: ChudovX@mail.ru

FEATURES OF PRODUCTION OF CLAY WARE DISHES IN KOMI-ZYRYAN CULTURE, NORTH WEST SIBERIA FROM THE END OF THE 19th TO THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY

The availability of clay, its natural characteristics (plasticity, formability, low melting strength) and the simplicity of manufacturing techniques made it possible to satisfy domestic household needs for ceramic ware. For Komi-Zyryan peoples, pottery production from the second half of the 19th to the first half of the 20th centuries was characterised by the coexistence of two traditions: stucco and use of the potter's wheel. The moulded technique is characterised by building up from the base using two methods of joining the separately-made base and vessel walls. Archaic techniques of pottery manufacture survive in the method of shaping the bottom and walls of a vessel using a form-model and firing a pot in a fire. Pottery production was concentrated in the hands of women and was defined as a home industry. The use of a hand pottery wheel, which appeared at the turn of the 19th to 20th century, did not change the technique of manufacturing the vessel; it was used only to impart aesthetic characteristics. The appearance of the potter's foot circle in the 1930s led to the appearance of an exhaust method for modelling a pot, which was not widely used in home production. This new technology using the foot pottery wheel is defined as a male craft. Both technologies were characterised by firing in the Russian kiln; much less often, master craftsmen equipped special kilns for firing. When «hardening» the moulded vessel, a flour solution was used, which gave it a black colour. Instead of scalding while firing in a special kiln, pottery artisans used a lead slip. The range of pottery is represented by two large groups (cupped and pot-shaped), categorised by the ratio of the height of the pot to its diameter. Cup-shaped vessels are represented by pitchers and bowls, and pot-shaped vessels by cans with a cylindrical body and pots with a rounded body.

Key words: Komi (Zyryan), sculpted method of making pottery, handicraft production of pottery.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-089-097

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

REFERENCES

- Agashirina S.S. (1984). The tradition of ceramic production in Lezghins of Dagestan (based on materials from the village of Kahul). *Sovetskaia etnografiia*, (1), 110–116.
- Belitser V.N. (1958). *Essays on the ethnography of the Komi people*, Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Bobrinskii A.A. (1978). *Eastern European Pottery*, Moscow: Nauka.
- Chernykh A.V. (2007). *Peoples of the Perm region: History and Ethnography*, Perm': Pushka.
- Chudova T.I. (2001a). *Komi pottery (Zyryan) in the second half of 19th — first half of 20th centuries*, Syktyvkar: Syktyvkar'skii universitet.
- Chudova T.I. (2001b). Symbols of color and number in the pottery of the Komi (Zyryan). *Museums and regional studies!: Proceedings of the National Museum of the Republic of Komi*, (3), Syktyvkar: Miiian kyv, 179–182.
- Frumkin A.K. (1994). Ryazan clay toy. *Ryazan ethnographic bulletin*, Riazan': Riazanskii oblastnoi tsentr narodnogo tvorchestva, 117–145.
- Gontar' T.A. (1990). Dishes and household utensils of the Carpathian Ukrainians in the late 19th — first half of 20th century. *Sovetskaia etnografiia*, (6), 88–98.
- Khakhovskaia L.N. (2015). Unnoticed Revolutions. *Antropologicheskii forum*, (24), 77–81.
- Mokina G.G. (1997). Pottery production of the Vytegorsky area. *Vytegra: Kraevedcheskii al'manakh*, (1), Vologda: Rus', 172–185.
- Nalimov V.P. (1925). To materials on the history of material culture. *Komi mu: Zyrianskii krai*, (5), Ust'-Sysol'sk: Komi izdatel'stvo, 29–30.
- Romanova G.N. (1975). The development of home production of Sysol Komi in the late 19th — early 20th centuries. *Voprosy istorii Komi ASSR*, Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi filiala AN SSSR, 71–72.
- Romanova G.N. (1989). On the development of the traditional craft of Komi. *Materialy VI Mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov*, 1, Moscow: Nauka, 260–262.
- Romanova G.N. (1990). Traditions and modernity in Komi ceramics. *Sovremennoe finno-ugrovedenie: Opyt i problemy*, Leningrad: Nauka, 95–99.
- Uliashev O.I. (1999). *Color in representations and folklore of the Komi*, Syktyvkar: Komi nauchnyi tsentr Ural'skogo otdelenia RAN.
- Uliashev O.I., Sharapov V.E. (1996). Semantics soy/xiong in the light of traditional chromatic associations in the Komi. *Traditsionnoe mirovozzrenie i dukhovnaia kul'tura narodov Evropeiskogo Severa*, Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra UrO RAN, 1996, 109–118.

Л.Н. Хаховская

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН
ул. Портовая, 16, Магадан, 685000
E-mail: hahovskaya@gmail.com

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЮДЕЙ И ЖИВОТНЫХ В ЧУКОТСКОМ ОЛЕНЕВОДСТВЕ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Рассмотрена динамика взаимодействий человеческих коллективов с сообществом домашних северных оленей на Чукотке в новейшее время. Методология заключается в анализе характера устройства и проявлений власти. Автор опирается на идеи различения перспектив building и dwelling [Ingold, 2000]; власти авторитарной и диффузной [Март, 1986]. В традиционном обществе преобладали партнерские взаимоотношения. Чукчи расценивали полудикое состояние оленей как естественное. В советское время стала превалировать идеология обладания властью над природной средой. Авторитарная власть стремилась сделать оленей максимально зависимыми от человека. Оленеводы отстаивали убежденность в необходимости сохранять свободный статус оленей. В постсоветское время региональная власть унаследовала советский принцип управляемости и дисциплинирования пастухов и животных. Но применение в тундре новейших технических средств уменьшает доминирование человека над животными. Эти устройства не подавляют и не приручают, а создают автономное пространство между оленем и человеком.

Ключевые слова: Чукотка, оленеводство, взаимодействие с животными, партнерство, доминирование, власть, иерархия, автономность, материальные объекты, техника.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-098-107

В социокультурной антропологии последних десятилетий особую актуальность приобрела тема вовлеченности человека в сосуществование с миром объектов и явлений, имеющих нечеловеческую природу. Концепции, связанные с материальным и перформативным «поворотами», в центр внимания ставят автономию материального, нерелективные рутинные практики, социопорождающую сущность «нечеловеческих актантов» [Латур, 2006]. Эта система научных взглядов отказывается от принятия в традиционной антропологии культурцентричного подхода, считающего культуру основополагающим элементом любого феномена общественной жизни. Так, концепция Т. Ингольда выводит на первый план связь человека с ландшафтом, в которой последний играет предписывающую роль. Процессы, воспринимаемые как культурная вариативность, прежде всего являются приспособительным изменением навыков и умений [Ingold, 2000]. «Нерепрезентативная» теория Н. Трифта уходит от доминирования культурного и социального, выявляет невербальные и преддискурсивные способы обретения людьми идентичностей [Thrift, 2008]. Провозгласивший симметрию вещей и людей Б. Латур стоит на позиции объектцентричной социологии [Латур, 2006].

Теоретический подход Латура и его сторонников кардинальным образом пересматривает сущность социального, понимая под ним не предзаданную исследовательскую рамку, а актуальные связи и отношения, дающие возможность актерам созидать эту социальность. Во главу угла поставлено изучение гибких и подвижных ассоциаций, включающих разнообразные и разнородные сущности [Каллон, 2015; Латур, 2014, 2018]. В свете этой «более-чем-человеческой» парадигмы пересмотру подвергнуты также отношения между человеком и животными. Так, в подходе, которого придерживается П. Витебски, животные рассматриваются как личности и партнеры человека [Vitebsky, 2005].

В то же время присущая данной парадигме «плоская онтология», выводящая за скобки отношения власти и доминирования, по-видимому, ограничивает оптику исследований достаточно крупным масштабом, при котором в фокус попадает ограниченный фрагмент антропологической реальности. Расширение же горизонта познания приводит к включению в сферу рассмотрения структур, институтов и взаимодействий, обусловленных неравноправными властными позициями. Исследуя эволюцию стратегий жизнеобеспечения коренных народов Севера, Ин-

гольд приходит к выводу о сдвиге от доверительной модели взаимоотношений с животными у охотников к доминированию над ними у пастухов [Ingold, 2000, p. 70–75]. Ингольд также предлагает выделять иерархически различающиеся перспективы *building* и *dwelling* (проектирования и обитания) [ibid., p. 185–187].

Исследователи используют идеи Ингольда в этнографическом североведении для анализа оленеводческих практик. По их мнению, люди, непосредственно взаимодействующие с животными, обладают восприятием обитателя данной местности (*dwelling perspective*), тогда как представители внешнего сообщества (администраторы, промышленники) — это носители проектирующей установки (*building perspective*) [Штаммлер, 2011; Давыдов, электронный ресурс]. Этот подход хорошо приложим к динамике чукотского оленеводства, в течение всего новейшего времени испытывавшего сильное внешнее давление.

Плодотворным также является подход, предложенный исторической социологией М. Манна, согласно которому выделяется власть авторитарная¹, происходящая из единого центра, и диффузная, спонтанная. Диффузная власть и агентность в определенной степени противостоит авторитарной, что дает возможность рассматривать первую как ресурс внутреннего происхождения (своего рода *dwelling*-власть), который основан на допущении его изначальности, естественности, вписанности в местный исторический и культурный контекст. В целом Манн принимает близкий объектноориентированной социологии ресурсный подход к власти, согласно которому она осуществляется через различного рода проводники, в число которых входят средства, организация, инфраструктура и логистика [Mann, 1986, p. 1–70].

Цель нашей работы — анализ динамики взаимодействий человеческих коллективов (стойбище, оленеводческая бригада) со стадом домашних северных оленей на Чукотке в новейшее время (XX — начало XXI в.). Речь идет о роли рутинных практик и материального мира в формировании основных составляющих сложных взаимоотношений человека и оленя: методов управления оленями в стойлах, способов выпаса, маршрутов кочевания. Эти процессы, как показали исследования российских ученых, формируют особые поведенческие паттерны оленьего стада, которые не исчезают даже после значительного ослабления в них роли человека. Поэтому такое устойчивое поведение правомерно определить как культуру северного оленя [Истомин, 2017]. В данной статье мы также будем придерживаться этого термина относительно «животной» составляющей человеческо-оленей ассоциации, понимая последнюю как структуру, охватывающую и социальные, и природные сущности [Каллон, 2015, с. 214]. Ассоциативный характер связанности людей и животных оказывал всестороннее влияние на повседневную жизнь оленеводов, характер их труда, на экологию и этологию оленей (степень прирученности, управляемости, поведенческие особенности).

Наше исследование учитывает объектцентричную перспективу и автономную агентность материальных объектов, самостоятельное значение практик и повседневности. Также мы намерены показать, что в новейшее время на симбиотические отношения людей и домашних оленей в условиях Чукотки оказывал влияние не только материальный фактор. Не менее важна была социально-политическая и даже идеологическая обстановка, в том числе характер устройства и проявлений власти. Партнерские взаимоотношения, действительно составлявшие важное содержание пастушеских практик в традиционном природопользовании, в советское время постепенно уступали место ментальности и прагматике, согласно которым человек должен был обладать властью над природными явлениями и окружающей средой. Теперь требовалось развивать оленеводство не стихийно, как прежде, а целенаправленно, что влекло за собой вмешательство в сферы, касавшиеся биологии и этологии животных. Постсоветская политическая и экономическая программа, провозгласив переход к либерализации и демократизации, изменила многие реалии чукотского оленеводства, но в целом наследовала советский принцип управляемости и дисциплинирования. Вразрез с этим применение пастухами новых технологий выпаса отчасти возвращает оленеводческие коллективы к намеренному уменьшению власти человека над животными.

Статья основана на изучении значительного корпуса архивных материалов, а также опубликованной литературы. В ходе анализа, с целью показать динамику взаимоотношений людей и животных, мы выделяем три модели оленеводческого хозяйства Чукотки: традиционное, советское и постсоветское.

¹ Термин М. Манна «*authoritative power*» в российских работах переводится двояким образом: как власть авторитарная или авторитарная (см., напр.: [Карасев, 2016; Кимелев, 2011]). В данном случае сущность этого типа власти заключается в ее господствующем, доминирующем характере, поэтому мы используем определение авторитарная.

Традиционное природопользование: ситуативность власти и доминирования

Традиционный уклад в оленеводческом хозяйстве на Чукотке сохранялся вплоть до середины XX в. Отличительной особенностью палеоазиатского (чукотско-корякского) типа оленеводства (в отличие, например, от тунгусского) являлось то обстоятельство, что животные находились в полудиком состоянии: давно начавшийся процесс одомашнивания не получил завершения. Чукотско-корякский тип оленеводства, характеризующийся этой спецификой, выделяли такие известные исследователи, как В.Г. Богораз [1991], А.Г. Вольфсон [1991].

Практика взаимодействия пастухов с животными поэтому складывалась так, чтобы наименьшим образом вмешиваться в естественные процессы, идущие в стаде. Более того, чукчи придерживались убеждения, что олени должны оставаться неприрученными и не вполне домашними [ГАРФ, ф. А-310, оп. 18, д. 419, л. 73]. Выпас сводился к следованию за животными, при этом пути кочеваний из года в год в точности не совпадали, но основные направления движения оставались неизменными и были привычны и людям, и животным. Чукотские оленеводы кочевали с животными по длинным маршрутам: они двигались с континента на побережье и обратно, в общей сложности за годовой цикл проходя до 500 км [Устинов, 1956, с. 57]. Техника выпаса была полувольной и состояла в том, чтобы не допустить чрезмерного рассредоточения оленей — их постоянно сбивали «в кучу», обходя или обегая стадо и собирая так называемые отколы (часть стада, ушедшая от основного ядра) [ГАРФ, ф. А-310, оп. 18, д. 331, л. 99]. Таким образом, основной «инструмент», которым пользовались пастухи, — это собственные ноги. И люди, и животные сохраняли естественную соотнесенность и связь с местными ландшафтами, а в ходе ежедневных взаимодействий опирались на свои физические силы. Лишь иногда чукотские пастухи применяли особую изогнутую палку-посох *кэнунен*, которую можно было метнуть в убежавшего оленя и тем самым заставить его вернуться в стадо [Там же, д. 419, л. 68].

Отношения людей и оленей в этот период можно квалифицировать как партнерские и до известной степени равноправные, а их истоки, по-видимому, лежат в поведении и мировоззрении охотничьих коллективов, навыки и умения которых послужили основой последующего одомашнивания. Концепция о доверительных взаимоотношениях человека и оленя базируется на вере охотников-аборигенов в то, что в процессе охоты зверь добровольно сдается охотнику, «идет в гости» к нему. Эта идеальная модель, разумеется, не совпадала с реальностью, но для ее поддержания была выработана система ритуалов «встречи» и «проводов» промысловых животных — важная составляющая *dwelling*-перспективы, т.е. менталитета и агентности исконных обитателей местности. По мнению исследователей, жертвоприношения и другие ритуальные действия оленеводов являются следствием тех самых представлений об идеальной охоте [Виллерслев и др., 2016, с. 158–159]. И в самом деле, при любом забое оленей чукчи отдавали им дань уважения как гостям — поили, укладывали на «подушки» во время «встречи», устраивали обряды, которые могут трактоваться как трансформированные ритуалы «проводов» (погребение останков, сбор рогов) [Кузнецова, 1957].

Важной чертой партнерства являлось отсутствие каких-либо защитных, опекающих действий со стороны людей — животных не оберегали, например, от хищников даже тогда, когда имели такую возможность. Волков и воронов, наносивших ущерб стаду, воспринимали как полноправных участников идеальной охоты — они должны были получить свою дань. Эти убеждения и действия оказались весьма устойчивыми, так как и в колхозно-совхозное время старики-оленеводы часто подвергались критике за попустительство хищникам [ГАРФ, ф. А-310, оп. 18, д. 419, л. 47; ГАМО, ф. П-355, оп. 1, д. 56, л. 41].

Итак, чукотские пастухи в традиционном хозяйстве не стремились сделать оленей более управляемыми и ручными, защитить их от неблагоприятных воздействий и даже уничтожения. Однако в этой общей картине имелись два важных исключения. Первое из них касается намеренного удержания оленей ранней осенью вблизи побережья в ожидании выпадения снега [ГАРФ, ф. А-310, оп. 18, д. 419, л. 73]. Олени стремились уйти с истощенных пастбищ, но пастухи всеми силами сдерживали их, поскольку стойбище не могло полноценно кочевать со всем своим скарбом по бесснежному пути (на побережье чукчи выходили в мае, когда еще лежал снег). Усилия пастухов, по сути, были направлены на формирование у животных поведенческой аномалии — поведения, идущего вразрез с биологической природой и инстинктами животных. Эта ситуативная практика доминирования человека над оленьим стадом была следствием прагматичного подхода: физические усилия, затрачивавшиеся на сдерживание оленей, окупали трудности при бесснежном нартовом кочевании, осложнявшиеся также опасностью потери контроля над всем стадом.

Другая иерархическая практика касалась транспортных (ездовых) оленей. По отношению к этой группе животных действия чукчей-олeneводоов были не партнерскими, а напротив, дисциплинирующими и даже репрессивными. Методы обучения ездового оленя у чукчей реализовывали принцип «кнута и пряника», со значительным преобладанием первого. Материальные объекты, имевшиеся в руках оленеводов для обучения транспортных животных, переводили эти отношения в русло ярко выраженного доминирования. В ходе дрессировки использовались ремни, ботала, упряжь со «строгой» гарнитурой, хлысты с костяными наконечниками, а также особые продукты (соль, человеческая моча, мухоморы). Все эти артефакты нужны были, чтобы, с одной стороны, причинять боль и укротить животное, а с другой — приучить получать от человека покровительство. Пример такого обучения наблюдала В.Г. Кузнецова у амгуэмских чукчей: *«Тымнэнэнтын подъехал к яранге, выпряг и не отпустил своего [правого ездового оленя]. Листочки [мухомора] смазали нерпичьим жиром, и Тымнэнэнтын положил их в рот оленю, затем отпустил его. На правом боку [оленя] выделялась красная кровяная полоса, старик, видимо, дрессировал оленя, ударяя вожжой. В течение нескольких дней он давал этому оленю [мухомор], смазанный нерпичьим жиром»* [НА МАЭ РАН, ф. К-1, оп. 2, д. 382, л. 1–1 об].

Дрессировка ездовых оленей являлась важной составляющей мира чукотского оленевода, каждый домохозяин время от времени обучал нескольких животных для себя и своей семьи. Однако и состав, и поведение ездовых оленей были неоднородны: среди них выделялись олени беговые, запрягаемые в личную легковую нарту, и тягловые, которые везли грузовые нарты при перекочевке. И если первых обучали тщательно, добиваясь полного повиновения, то вторым не уделяли столько внимания; они оставались не вполне ручными, что влекло за собой громоздкие по материальной оснащенности и трудоемкие практики отлавливания их перед кочевкой — сооружались импровизированные коралы из груженых нарт, на поимку и удержание оленей мобилизовывалось все стойбище [ГАМО, ф. П-12, оп. 1, д. 102, л. 20–28].

В целом непосредственные взаимоотношения человека и оленя отражали общее устройство традиционного чукотского общества. Особенностью социальной организации чукчей являлось почти полное отсутствие внешних иерархий: люди были расселены на больших территориях и никакой общей власти не подчинялись. Вся полнота власти сосредоточивалась в микрообществах (стойбищах), во главе которых стоял наиболее зажиточный домохозяин. Иерархические отношения пронизывали чукотское стойбище, однако в значительной мере были ситуативны, неустойчивы и подвержены переменам. Существовало достаточно много маневров против имевшегося порядка, от скрытого саботажа до ухода от хозяина. Можно говорить о диффузном характере проявлений власти в чукотском обществе, который заключался в «недостроенности» иерархически организованных сетей, гибкости и ситуативности ухода от них как следствиях организационных, инфраструктурных и материальных ограничений [Мапп, 1986, р. 518].

Иерархическая модель, ограниченная ближайшим окружением домохозяина, в известной степени накладывалась и на взаимоотношения с оленьим стадом. Основная масса животных была слабо «опутана» сетями власти, свобода их поведения и передвижения пресекались ситуативно, а систематическое силовое воздействие применялось только в экстремальных условиях. Транспортные же животные, составлявшие незначительную часть стада, испытывали жесткую и даже жестокую власть человека, их опутывали в прямом и переносном смысле: стреноживали ремнями, надевали ошейники и упряжь, подвешивали ботала. Но среди них были и полудикие, до конца не укрощенные животные, и вполне ручные «мочееды». Таким образом, состав стада, а также поведение отдельных групп животных в нем несли на себе отпечаток ресурсных возможностей взаимодействовавшего с ними общества.

Итак, эта человеческо-оленная ассоциация обуславливала такие поведенческие модели, которые ретроспективно могут восприниматься как естественные, хотя в действительности они являлись определенным балансом потребностей и возможностей обеих сторон, определяя и культуру оленеводов, и культуру северных чукотских оленей.

Советское оленеводческое хозяйство: патернализм и дисциплинирование

В советское время устройство власти в чукотском обществе претерпевает радикальное изменение. В качестве могущественного источника, обладающего значительными ресурсами, на первый план выходит авторитарная власть, установившая над оленеводством систему государственного протекционизма. Сети власти, сформированные от управляющего общегосударственного центра до каждой оленеводческой бригады, служили проводниками способов действия, менявших идеологию и практику пастушества. Это был взгляд из building-перспективы,

подход к чукотскому оленеводству с позиции внешнего предписывающего проектирования. Механизм действия авторитарной советской власти по отношению к оленеводам состоял в патернализме и дисциплинировании: взамен заботы о труде и быте от них требовали высокую результативность.

Переформатированию подвергались также взаимоотношения людей и животных на самом непосредственном, низовом уровне. В советских коллективных хозяйствах, к середине 1950-х гг. объединивших всех чукотских оленеводов, устанавливался все более жесткий контроль как за пастухами, так и за стадом. Новая власть ставила перед оленеводами задачу обеспечить максимальную сохранность животных, а для этого требовалось сделать их более зависимыми от человека. Внедрялась скоординированная система новых организационных, зоотехнических и ветеринарных средств и методов.

В обязанность пастухам вменялось постоянное окарауливание стада — теперь нельзя было оставлять животных даже в спокойное время, как это делалось прежде. Этим достигались более плотный контакт и привыкание оленя к человеку. В результате работ землеустроительных комиссий каждый колхоз получил закрепленные за ним участки выпаса, а маршруты кочеваний теперь разрабатывали и утверждали правления колхозов по согласованию с районными органами власти. Пути движения стад и людей становились все более короткими и компактными, так как они должны были полностью осваивать отведенные угодья и не нарушать границы между хозяйствами [Устинов, 1956, с. 57–66; Грей, 2016, с. 45]. Пастухам приходилось сдерживать животных на ограниченных кормовых площадях, противодействуя их естественной миграции. Эти практики меняли культуру северного чукотского оленя, поскольку те поведенческие аномалии, к которым в традиционном сообществе прибегали лишь ограниченно, ситуативно, в советское время попытались перевести в штатный режим.

В годовом трудовом цикле оленеводов появились новые функции. Для защиты животных от неблагоприятных воздействий окружающей среды летом они должны были делать многократные опрыскивания стада препаратами от насекомых, прогонять заболевших копыткой животных через ножные ванны, осенью делать прививки от болезней, в экстремальных случаях подкармливать солью, силосом, минеральными добавками. В интересах аграрного производства осенью проводилась корализация, а ранней зимой — массовый забой, что добавляло необходимость перегонять животных к коралям и местам забоя. Многократно против прежнего возросла интенсивность пастушеского труда. Положение осложнялось тем, что оленеводческий коллектив претерпел значительное структурное изменение: из бригад вывезли мальчиков-подростков (детский вклад составлял не менее 50 % бюджета времени оленевода) [ГАРФ, ф. А-310, оп. 18, д. 331, л. 103, 104; д. 420, л. 16], а девушки и молодые женщины, чья помощь была значительной в трудные периоды (отел, бесчумный выпас), часто сами покидали тундру, предпочитая кочеванию оседлость.

Советский период ознаменовался проникновением в тундру разного рода прежде невиданных «нечеловеческих актантов», призванных облегчить жизнь оленевода. Для кочевания все чаще использовали гусеничный транспорт, так что постепенно отпадала необходимость дрессировать тягловых оленей. Громоздкую ярангу вытесняла облегченная палатка с печкой, в бригады завозили продукты, одежду, обувь. Высвободившееся вследствие облегчения быта время по логике руководителей пастухи должны были уделять животным. Труд пастухов также пытались сделать более эффективным и модернизированным. С этой целью сверху внедрялись новые методы окарауливания — с помощью оленегонной лайки, верхового оленя, верховой лошади; в лесистых местностях прибегали к сезонному изгородному содержанию [ГАРФ, ф. А-310, оп. 18, д. 369, л. 12; ГАМО, ф. П-22, оп. 1, д. 3, л. 9; д. 699, л. 43; д. 992, л. 140–145; Ф. П-12, оп. 1, д. 22, л. 105]. Однако в конечном счете из всех инноваций в чукотском оленеводстве прижилась только собака-оленегонка, при этом сам выпас остался пешим, экстенсивным и крайне трудоемким. Можно констатировать, что в советское время вещи, механизмы и технологии были проводниками внешней власти, которая стремилась переформатировать прежние взаимоотношения людей и животных и управлять ими. Безусловно, далеко не все требования обеспечить тотальный контроль над животными были выполнимыми, поскольку зачастую они не учитывали конкретные природно-климатические условия, особенности биологии животных, физические возможности пастухов. К тому же на чукотское оленеводство пытались распространить нормы, принятые для других форм пастушеского скотоводства (овцеводство, коневодство), а также опыт оленеводства европейского Севера.

Взаимодействие людей и животных в чукотском оленеводстве новейшего времени...

Чукотские пастухи до известной степени сопротивлялись нововведениям, поскольку продолжали придерживаться убеждений в том, что чукотский олень должен оставаться диковатым. Полагаясь на естественный ход событий, пастухи достаточно часто саботировали зоотехнические мероприятия, бросали в тундре опрыскиватели и препараты, не проводили выбраковку и обмен производителями. Сильна была приверженность прежним поведенческим установкам, поэтому пастухи время от времени распускали стада на вольный выпас. Чаще всего это происходило летом, особенно во время грибной поры, а также зимой, когда была ясная погода. Устоявшиеся рутинные практики диктовали оленеводам мобильную модель идентичности: они находили естественным и необходимым, чтобы и стадо, и люди постоянно находились в движении и кочевали на большие расстояния, а административных границ «олень не знает» [ГАМО, ф. П-612, оп. 10, д. 18, л. 24; оп. 12, д. 1, л. 93].

Действия оленеводов можно квалифицировать как проявление диффузной, спонтанной власти чукотского сообщества, стремившейся восстановить статус-кво. Такое противодействие стало возможным потому, что авторитарная власть не смогла всей своей мощью проникнуть в повседневную жизнь оленеводов, хотя и использовала широкий спектр дисциплинирующих методов, от идеологического нажима до материального стимулирования. Только в некоторых существенных моментах влияние авторитарной власти полностью охватывало коллектив бригады и подопечных животных — это корализация и массовый забой. В отличие от традиционного хозяйства, через кораль для пересчета прогоняли все стадо, попутно проводили вакцинацию и другие мероприятия [Там же, ф. П-22, оп. 1, д. 455, л. 48; д. 617, л. 53]. Загон всей массы животных в тесный кораль манифестировал полную, хотя и ситуативную власть человека над животными. Еще более выраженным являлось овладение товарным стадом, которое заканчивалось уничтожением всех оленей во время планового зимнего забоя. Однако и корализация, и забойная кампания не могли быть проведены силами самих оленеводов, руководящие органы мобилизовывали для этого сельских и городских жителей.

В этих ситуациях наблюдается преобладание внешних воздействий и иерархий, вызывавших ярко выраженное доминирование человека. Это преобладание обеспечивали новые и усовершенствованные локации, орудия и техники подчинения (стационарные и переносные корали, забойные площадки, инструменты и приемы забоя).

Следует отметить, что в ритуальной сфере также произошел существенный сдвиг. Массовость забоя полностью аннулировала сакральные действия, демонстрировавшие партнерство охотника и добычи. Плановая экономика не оставляла места «законной» доле волков и других хищников: их планомерно отстреливали, уничтожали ядовитой приманкой.

Оленеводство в постсоветских условиях: «опосредованное» пастушество

Переход к рыночной экономике вызвал дезорганизацию чукотского оленеводства и значительное, более чем четырехкратное, сокращение поголовья [Баскин, 2016, с. 33]. Если в 1980–1990-х гг. пастбищные ресурсы Чукотки осваивались на 80–90 %, то в постсоветское время степень их использования снизилась до 20–30 %. Стада перестали стеснять друг друга, появилась возможность выпасать их вольнее, на более обширных площадях и протяженных маршрутах. Однако возврата к прежней системе природопользования не произошло. Оленеводческие хозяйства, в том числе те, которые прошли приватизацию и попытались вести дела частным образом, в конечном счете оказались в муниципальной собственности (в настоящее время на Чукотке насчитывается 16 муниципальных оленеводческих предприятий). Преобразования советского времени оказались необратимыми для чукотского оленеводства, поскольку без государственной поддержки существование его стало невозможным. Однако теперь руководство отраслью полностью находится в компетенции не общегосударственной, а региональной власти, которая по сравнению с советским периодом значительно ослабила нажим на оленеводов. Как и в советское время, органы власти контролируют основные производственные показатели бригад, проводят обязательные мероприятия, включая корализацию и забой. В то же время авторитарная власть уже не диктует жесткие правила и режимы выпаса, оставляя их на усмотрение самих пастухов.

В современном чукотском пастушестве наблюдается частичное восстановление прежних, традиционных практик. В частности, чукчи стараются не досаждают оленям излишней опекой и часто просто следуют за стадом. Пастухи так описывают свои действия: *«Наше дело — тихонько идти за оленями, они сами движутся в нужном направлении»* [Головнев, 2015, с. 13]. Как и прежде, летом допускается вольный выпас, когда стадо навещают лишь время от време-

ни, а собирают осенью. В то же время возврата к прежним протяженным радиальным маршрутам не произошло, что обусловлено бригадным принципом организации природопользования в муниципальных предприятиях и преемственностью в части регулируемого землепользования. Можно, по-видимому, говорить и об изменении культуры чукотского оленя под влиянием интенсивных пастушеских практик советского времени, как это случилось на других территориях [Истомин, 2017], но этот вопрос нуждается в специальном исследовании.

В настоящее время чукотские пастбища по-прежнему разделены на бригадные «круги кочевий», площадь такого круга составляет около 5–6 тыс. км², радиус 40–60 км [Головнев и др., 2015, с. 8]. Годичный цикл миграций оленеводов представляет собой движение по этому кругу. Однако если при традиционном выпасе пастухи в большей степени руководствовались интересами оленей, то теперь на первый план вышли интересы пастухов, их желание жить и работать в более комфортных условиях, совпавшее с появлением новых вещей и технологий, в том числе с произошедшей в тундре «снегоходной революцией». Впервые в истории чукотского оленеводства технологизации подвергся сам выпас, а не сопутствующее ему производственное кочевание, что повлекло за собой существенные изменения в способе взаимодействия людей с оленями. В тундровый быт вошла техника малых форм и повышенных скоростей — снегоходы и квадроциклы, радикально изменившие способ передвижения пастуха [Головнев, 2015; Тишков и др., 2016]. Раньше пастух надеялся только на себя, на свою выносливость в ходьбе и беге, и в этом смысле не только не находился в паритетных отношениях с оленем, но и значительно уступал ему, а теперь человек получил значительное преимущество.

Молодое поколение пастухов предпочитает собирать стадо и искать отколы с помощью техники, а не пешком. Более того, чукотские оленеводы выработали модель механизированного выпаса оленей с помощью вездеходов. Если в советское время вездеходы применяли только для перекочевков, то сейчас на них наблюдают за оленями. При этом механического «пастуха» сочетают с одушевленным — появился прием под названием «засобачить», т.е. вернуть откол с помощью оленегонной собаки. Для этого с догоняющего вездехода сбрасывают оленегонную собаку, следом прыгает пастух, который дает команду собаке повернуть оленей в нужном направлении [Головнев и др., 2015, с. 79]. Таким образом, «нечеловеческие актанты», ранее работавшие в тундре порознь, теперь соединились для предотвращения рассеивания стада. Такая поведенческая модель позволяет пасти достаточно вольно, так как отсутствие постоянного окарауливания компенсируется быстрыми способами реагирования.

Возрастание технических и технологических возможностей, принятых на вооружение самим чукотским сообществом, приводит к сдвигам в менталитете коренных жителей, реформированию их dwelling-перспективы, ранее основанной на физической и чувственной связи человека с животными и окружающим ландшафтом; пешей, а не механизированной модели мобильности. Та агентность в восприятии окружающего, которая была связана с необходимостью пропускать его через собственное тело и органы чувств, теперь опосредована различными «девайсами». Между старшим и молодым поколениями пастухов зачастую возникают конфликты именно по поводу вещей, «актантов», которые встают между человеком и оленем, человеком и тундрой и своими «действиями» уводят в удаленную, неочевидную реальность. Появились случаи, когда молодые оленеводы на дежурстве слушают музыку в наушниках, поэтому их эмоциональная и чувственная вовлеченность в происходящее реализуется не так, как это было принято у пастухов еще совсем недавно. Чукчи пожилого возраста сравнивают таких пастухов с оленями-грибоедами, у которых все чувства затмевает страсть к грибам [Там же, с. 49]. Действительно, вещи как бы заявляют свои права на внимание и чувства человека, тем самым предоставляя животным становиться более свободными и независимыми.

Современные технологии смещают восприятие пространства и времени. Вследствие применения GPS-навигаторов молодые люди теряют навыки самостоятельного ориентирования в тундре, ослабевает их связь с окружающим ландшафтом. Чукчи-старейшины даже предлагают запретить использование этих «электронных поводырей» [Там же]. По-иному чукчи-оленеводы стали относиться ко времени: если в традиционной, да и в советской экономике оно было заполнено главным образом уходом за животными, то сегодня высвободившееся время заполняется взаимодействием со сложными вещами. Таким образом, материальный мир чукотского оленевода производит собственную агентность, характер которой можно определить как противоречивый, амбивалентный: с одной стороны, он связывает человека со стадом все большим

Взаимодействие людей и животных в чукотском оленеводстве новейшего времени...

числом невидимых нитей, с другой — становится определенным барьером, препятствием для непосредственного соприкосновения между человеком и оленем.

Заключение

Традиционное чукотское оленеводство основывалось на непосредственной, физической вовлеченности обитателей стойбища в пастушество. Чукчи, по меткому выражению наблюдателей, являлись «попутчиками своих стад», передвигаясь пешком на сотни километров. Сущность взаимодействия с животными заключалась в предоставлении им значительной свободы. Диковатость и неприрученность основной массы оленей расценивалась чукчами как естественное и даже желательное состояние. Связь человека со стадом обеспечивалась самим его присутствием во время пешего выпаса. Лишь к ездовым оленям чукчи применяли целый арсенал средств с целью их укрощения и подчинения. В советское время вещи, техника и технологии, пришедшие в тундру, стали проводниками новых ассоциаций людей с животными с участием авторитарной власти. Эта коллективная связанность вводила интенсивный вариант пастушества, формируя более жесткую зависимость культуры оленей от постоянного присутствия человека. Вразрез с этим оленеводы своими повседневными практиками отстаивали убежденность в необходимости сохранять прежний, свободный «статус» оленей и мобильный вариант собственной идентичности. В постсоветское время эти две противоборствующие тенденции стабилизировались таким образом, что «нечеловеческие актанты» служат средством не столько подавления и дисциплинирования животных, сколько создания автономного пространства между оленем и человеком.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баскин Л.М.* Современное оленеводство в России: Состояние, мобильность, права собственности, патернализм государства // ЭО. 2016. № 2. С. 28–43.
- Богораз В.Г.* Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991. 224 с.
- Виллерслеф Р., Витебски П., Алексеев А.А.* Жертвоприношение как идеальная охота: Объяснение истоков доместикации северного оленя с точки зрения космологии // ЭО. 2016. № 4. С. 154–175.
- Вольфсон А.Г.* Происхождение чукотско-корякской культуры оленеводства. Владивосток: ДВО АН СССР, 1991. 109 с.
- Головнев А.В.* Чукотский дневник: Размышления о движении // УИВ. 2015. № 2. С. 6–16.
- Головнев А.В., Перевалова Е.В., Абрамов И.В., Куканов Д.А., Рогова А.С., Усенюк С.Г.* Кочевники Арктики: Текстово-визуальные миниатюры. Екатеринбург: Альфа Принт, 2015. 130 с.
- Грей П.А.* Современное состояние оленеводства на Чукотке // ЭО. 2016. № 2. С. 44–56.
- Давыдов В.Н.* Повседневные практики современных оленеводов и борьба с хищниками: отношения человека и животных на Северном Байкале. [Электрон. ресурс]. URL: <http://mognovse.ru/uln-vzaimodejstviecheloveka-i-jivotnih-stranica-2.html>.
- Истомин К.В.* О динамике культуры оленей на Кольском полуострове // УИВ. 2017. № 2 (55). С. 16–24.
- Каллон М.* Некоторые элементы социологии перевода: Одомашнивание морских гребешков и рыбаков залива Сен-Брие // Социология власти. 2015. Т. 27. № 1. С. 196–231.
- Карасев Д.Ю.* Историческая социология власти Майкла Манна // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 4 (87). С. 5–23.
- Кимелев Ю.А.* Методология социальных наук: (Современные дискуссии): Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2011. 94 с.
- Кузнецова В.Г.* Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Сиб. этногр. сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 263–326.
- Латур Б.* Об интеробъективности // Социология вещей. М.: Территория будущего, 2006. С. 169–198.
- Латур Б.* Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
- Латур Б.* Политики природы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.
- Тишков В.А., Коломиец О.П., Мартынова Е.П., Новикова Н.И., Пивнева Е.А., Терехина А.Н.* Российская Арктика: Коренные народы и промышленное освоение. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 272 с.
- Устинов В.И.* Оленеводство на Чукотке. Магадан: Кн. изд-во, 1956. 150 с.
- Штаммлер Ф.* Кочевые и оседлые обитатели на Севере: О становлении чувства местности в северном человеческом сообществе // Науч. вестник ЯНАО. 2011. № 1 (70). С. 84–88
- Ingold T.* The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. L.; N. Y.: Routledge, 2000. 465 p.
- Mann M.* The sources of social power. Vol. 1: A history of power from the beginning to A.D. 1760. Cambridge: University Press, 1986. 550 p.

Thrift N. *Non-Representational Theory: Space, Politics, Affect*. L.; N. Y.: Routledge, 2008. 325 p.
Vitebsky P. *Reindeer People: Living with Animals and Spirits in Siberia*. L.: Harper Collins, 2005. 320 p.

L.N. Khakhovskaya

N.A. Shilo North-East Interdisciplinary
Scientific Research Institute of Far Eastern Branch RAS
Portovaya st., 16, Magadan, 685000, Russian Federation
E-mail: hahovskaya@gmail.com

INTERACTION BETWEEN HUMANS AND DOMESTIC DEER ON CHUKOTKA IN THE MODERN PERIOD (ANTHROPOLOGICAL STUDY)

This article analyses the dynamics of interaction between human groups (camps or deer herding communities) and herds of domestic reindeer on Chukotka in the 20th and early 21st centuries. The author uses the evidence of material culture, considers the autonomous agency of material objects, the independent significance of practices and everyday life. An important methodological prerequisite is the analysis of the nature of power and its manifestations. The author addresses the relationship between architecture and domestic life (Ingold, 2000); considers the changing balance between centralised and localised authority (Mann, 1986). The author shows that in traditional reindeer herding a partner relationship between human and animals was established. Initially, the Chukchi were followed a policy that deer should continue as effectively wild and untamed. Shepherds did not aim for total control of the herd. Grazing patterns were almost entirely uncontrolled. Herders would leave the flock unattended for long periods. Men and deer were in an equal relationship since both were reliant on and limited by their physical capability. In the Soviet period the ideology of human power over natural phenomena and environment became prevalent. The leading ideology in relation to herders and deer became the establishment of centralised control. Chukotka reindeer herding became a part of the government's agrarian policy. In Soviet collective farms a strong control over herders and deer was established. The aim of the Soviet authority was to make reindeer more domestic and human-dependent. Herders were instructed to constantly guard the deer herd. Reindeer were protected from predators and gadflies. The Chukchi were not always in agreement with these innovations. They continued to believe the deer is meant to be wild and move around freely. In the post-Soviet period the prevailing political and economic trend has been the transition to liberalization and democratization. The control of deer herding was now been delegated to regional authorities. This local authority has to conform to national policy, but control over herding activities has significantly decreased. Nowadays, Chukchi manage their deer using cross-country vehicles, snowmobiles and ATVs. The use of new technical devices in the tundra has had the effect of reducing human dominance over animals.

Key words: Chukotka, reindeer herding, interaction with animals, partnership, domination, power, hierarchy, autonomy, material objects, technology.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-098-107

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

REFERENCES

- Baskin L.M. (2016). Modern reindeer husbandry in Russia: Status, mobility, property rights, state paternalism. *Etnograficheskoe obozrenie*, (2), 28–43.
- Bogoras W. (1991). *The material culture of the Chukchi*, Moscow: Nauka.
- Callon M. (2015). Some elements of a sociology of translation: Domestication of the scallops and the fishermen of St-Brieuc Bay. *Sotsiologiya vlasti*, 27(1), 196–231.
- Davydov V.N. *Daily practices of modern reindeer herders and the fight against predators: Relations between man and animals on the Northern Baikal*. Retrieved from <http://mognovse.ru/uln-vzaimodejstvie-cheloveka-i-jivotnih-stranica-2.html>.
- Golovnev A.V. (2015). Chukotka diary: Reflection on motion. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (2), 6–16.
- Golovnev A.V., Perevalova E.V., Abramov I.V., Kukanov D.A., Rogova A.S., Useniuk S.G. (2015). *Arctic Nomads: Narrative-visual miniatures*, Ekaterinburg: Alfa Print.
- Gray P.A. (2016). The current state of reindeer breeding in Chukotka. *Etnograficheskoe obozrenie*, (2), 44–56.
- Ingold T. (2000). *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*, London; New York: Routledge.
- Istomin K.V. (2017). The dynamics of reindeer culture on the Kola peninsula. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (2), 16–24.
- Karasev D.U. (2016). The historical sociology of power by Michael Mann. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 19(4), 5–23.
- Kimelev U.A. (2011). *The methodology of social sciences: (Contemporary discussions): The analytical review*, Moscow: INION RAN.

Взаимодействие людей и животных в чукотском оленеводстве новейшего времени...

Kuznetsova V.G. (1957). Materials on the holidays and ceremonies of the Amguemian Chukchi. *Sibirskii etnograficheskii sbornik*, Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 263–326.

Latour B. (2006). On interobjectivity. *Sotsiologiya veshchei*, Moscow: Territoria budushchego, 169–198.

Latour B. (2014). *Reassembling the social: An introduction to actor-network theory*, Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.

Latour B. (2018). *The policies of nature*, Moscow: Ad Marginem Press.

Mann M. (1986). *The sources of social power. Vol. 1: A history of power from the beginning to A.D.*, Cambridge: University Press.

Stammler F. (2011). Nomadic and sedentary inhabitants in the North: The formation of a sense of the place in the northern human community. *Nauchnyi vestnik Iamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*, (1), 84–88.

Thrift N. (2008). *Non-Representational Theory: Space, Politics, Affect*, London; New York: Routledge.

Tishkov V.A., Kolomiets O.P., Martynova E.P., Novikova N.I., Pivneva E.A., Terekhina A.N. (2016). *The Russian Arctic: Indigenous peoples and industrial development*, Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

Ustinov V.I. (1956). *Reindeer husbandry in Chukotka*, Magadan: Knizhnoe izdatel'stvo.

Vitebsky P. (2005). *Reindeer People: Living with Animals and Spirits in Siberia*, London: Harper Collins.

Willerslev R., Vitebsky P., Alekseyev A. (2016). Sacrifice as the Ideal Hunt: A Cosmological Explanation for the Origin of Reindeer Domestication. *Etnograficheskoe obozrenie*, (4), 154–175.

Wolfson A.G. (1991). *The origin of the Chukchi-Koryak culture of reindeer herding*, Vladivostok: DVO AN SSSR.

К.В. Истомин, Й.О. Хабек

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982

E-mail: kistomin@naver.com

Институт Этнологии (Institut für Ethnologie) Университета Гамбурга (Universität Hamburg)

Edmund-Siemers-Allee, 1, Flügelbau West (ESA W), 20146, Hamburg, Germany

E-mail: otto.habeck@uni-hamburg.de

ПОЧВЫ КРИОЛИТОЗОНЫ И ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО- ВОСТОКА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

На материале коми Большеземельской тундры и ненцев Тазовской тундры исследуется прямое и косвенное влияние процессов и изменений в почвах криолитозоны на производственные практики оленеводов. Прямое влияние мерзлота оказывает на тиксотропность почв, вероятность и скорость их перехода в золь под механическим воздействием пасущегося стада. Косвенное — через воздействие мерзлоты на микрорельеф и растительность тундры — отражается на поведении оленей и удобстве езды по тундре на упряжке. Влияние всего описанного на деятельность оленеводов зависит от применяемой ими технологии выпаса.

Ключевые слова: оленеводство, многолетняя мерзлота, криогенные процессы, глобальное изменение климата, коми, ненцы.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-108-119

Работа выполнена при поддержке РФФ (грант «Мобильность в Арктике», рук. А.В. Головнев), а также (в случае Й.О. Хабек) Международного Комитета Арктических исследований (International Arctic Science Committee) и Международной ассоциации мерзлотных исследований (International Permafrost Association).

Введение

За последние двадцать лет значительно усилился интерес исследователей к тому, какое влияние на жизнь людей оказывают процессы, протекающие в почвах криолитозоны. Это касается как кратковременных и периодических, так и долговременных и необратимых процессов, таких как деградация мерзлоты. Исследование этой проблематики является частью большого проекта, цель которого — предсказать возможное влияние климатических изменений на мерзлотные почвы [Fedorov, Konstantinov, 2009; Ford, Pearce, 2010; Nelson et al., 2002], а также оценить возможный вклад деградации мерзлоты в изменение климата, например через связанные с ней выбросы в атмосферу углекислого газа и метана [Schuur et al., 2008, 2015]. Однако вплоть до недавнего времени рассматривалось главным образом влияние процессов в мерзлотных почвах на объекты промышленной и социальной инфраструктуры: здания, пути сообщения и трубопроводы (напр., по региону нашего исследования: [Mazhitova et al., 2004; Shiklomanov, Streletskiy, 2013]). Лишь относительно недавно в поле зрения исследователей попали вопросы, связанные с влиянием таких процессов на жизнь и традиционные занятия коренных народов Севера [Ulrich, Habeck, 2015; Istomin, Habeck, 2016; Crate et al., 2017].

Влияние мерзлотных почв и происходящих в них процессов на хозяйство и быт коренных народов может быть весьма велико и разнообразно. Действительно, традиционная экономика народов Севера основана на использовании ресурсов природной среды посредством охоты, рыбной ловли, а также выпаса домашних животных, например северного оленя. Мерзлые грунты являются частью этой среды для большинства коренного населения, и их особенности постоянно учитываются, а иногда и используются в традиционной деятельности. Поэтому процессы, происходящие в них, в том числе долговременные и необратимые, такие как деградация мерзлоты, оказывают влияние, прямое и косвенное, на жизнь и хозяйство коренных народов Севера, а соответственно на культуру и идентичность. Оценить размеры и последствия этого влияния можно лишь в контексте присущих тому или иному этносу стратегий использования ресурсов среды путем тщательного исследования роли в этих стратегиях почвенных процессов. Иными

словами, такая оценка должна проводиться отдельно для каждой проживающей на севере этнической или хозяйственной группы.

В настоящей работе мы рассматриваем роль мерзлоты и процессов, протекающих в мерзлотных почвах, в быту и хозяйственной деятельности двух оленеводческих групп: коми-ижемцев и ненцев. Эти народы проживают на северо-востоке европейской части России и в Западной Сибири. Опираясь на собранные в ходе этнографических полевых работ описания применяемых этими народами приемов и практик выпаса оленьих стад, выявим влияние на них мерзлотных и других почвенных процессов. Попытаемся оценить возможное воздействие климатических изменений на почвенные процессы и описанные производственные практики. На основании всего этого мы планируем добиться главной цели нашей работы — поставить и обосновать вопрос о связи между динамикой почвенных процессов на Севере и природопользованием коренных народов в качестве особой исследовательской проблемы, актуальной в контексте обсуждаемых в настоящее время возможных последствий изменения климата для человечества.

Этнографические данные, на которых базируется настоящая работа, были собраны в восточной части Большеземельской тундры (коми) и в Тазовской тундре, т.е. в южной части Гыданского полуострова. Административно это соответственно восточная часть Ненецкого автономного округа и южная часть Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Этнографические данные собирались авторами независимо друг от друга в ходе полевых работ на севере Республики Коми и в Ненецком автономном округе в 1998–2003 гг. (И.О. Хабек), в 1999–2012 гг. (К.В. Истомин), в Тазовском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в 2005–2012 гг. (К.В. Истомин). При этом исследователи кочевали вместе с оленеводами и могли непосредственно наблюдать практики и приемы, применяемые при выпасе, а также влияние на них почвенных процессов. Что касается работ по сходной тематике, проводившихся экологами и почвоведом [Kumpula et al., 2011, 2012; Walker et al., 2010], необходимо отметить, что наши полевые исследования не затрагивали собственно территории полуострова Ямал, изучавшейся этими учеными. Культура и хозяйство оленеводов-ненцев полуострова Ямал достаточно полно описаны в литературе, как отечественной, так и зарубежной (напр.: [Головнев, 1995; Golovnev, Osherenko, 1999; Stammier, 2005]), и читателям, заинтересованным в более близком знакомстве с этнографическим контекстом указанных выше экологических и почвоведческих изысканий, следует обратиться к ней.

Практики и приемы выпаса оленей у коми и ненцев

Как оленеводы-коми, так и оленеводы-ненцы ведут кочевой образ жизни. Большинство из них следуют линейной меридиональной модели кочевания, перекочевывая из лесотундры и северной тайги, где располагаются зимние олени пастбища, через всю тундровую зону к летним пастбищам на побережье Северного Ледовитого океана. Однако некоторые группы оленеводов-ненцев, в том числе тазовские ненцы, придерживаются круговой модели кочевания и проводят весь год в пределах одной экологической зоны — тундровой либо таежной. Оленеводы кочуют группами по 10–15 чел., обычно образующими 2–3 семьи-домохозяйства, связанных узами родства или свойства и проживающих в одном или нескольких чумах. В случае оленеводов — работников оленеводческих предприятий такие группы до сих пор называются «олeneводческими бригадами». Количество оленей, выпасаемых такой группой, варьируется от нескольких сотен до нескольких тысяч голов.

Приемы и практики выпаса оленей, применяемые в разных частях региона, существенно различаются. В настоящей работе мы описываем и сравниваем оленеводческие приемы и практики оленеводов-коми восточной части Большеземельской тундры и оленеводов-ненцев южной части Гыданского полуострова (Тазовской тундры), среди которых авторы вели полевые работы. Оленеводческие практики этих двух групп значительно разнятся прежде всего в том, насколько оленеводы-пастухи контролируют поведение стада в процессе выпаса. У коми в весенний и летний периоды, примерно с конца апреля — начала мая и до конца августа, стада выпасаются под постоянным наблюдением пастуха, дежурящего на упряжке в сопровождении нескольких оленегонных собак. В осенний и зимний периоды года, если нет непосредственной опасности нападения на стадо хищников, наблюдение пастухов за ним осуществляется обычно лишь в светлое время суток. Тем не менее не будет преувеличением сказать, что стада у коми выпасаются в основном под надзором пастухов. Дежуря в стаде, пастух регулярно вмешивается и направляет его поведение, стремясь прежде всего предотвратить фрагментацию стада, откол от него мелких групп оленей. Для этого оленевод регулярно собирает животных, натравливая собак на оленей, пасущихся на краю стада,— потревоженное стадо быстро собирается в одно место. Пастух также влияет на перемещение стада по пастбищу, направляя его так, чтобы на пути движения не было

опасных элементов ландшафта: болот, обрывов, зарослей ивняка, в которых олени не видят друг друга и стадо может легко «расколоться» на мелкие группы. Наконец, пастух пытается добиться как можно более полного стравливания животными корма, заставляя стадо несколько раз проходить по одному и тому же участку. Поскольку скорость движения и дисперсия стада напрямую зависят от количества на пастбище корма, то мастерство пастуха у коми заключается прежде всего в умении маневрировать со стадом по территории таким образом, чтобы, с одной стороны, был максимально стравлен корм, а с другой — животные находились под контролем, не слишком широко разбредаясь по пастбищу. Для этого оленеводу нужно принять во внимание несколько факторов: состав растительности на разных участках пастбищной территории; сезонную смену предпочтений оленя в отношении различных видов корма; температуру воздуха (чем жарче, тем быстрее двигается стадо при прочих равных условиях); наличие и количество комаров и гнуса (если оно превышает определенный предел, олени перестают пастись и начинают бежать на ветер). Основываясь на оценке этих факторов, пастух пытается предсказать скорость движения и уровень дисперсии стада на различных участках пастбища и время, в течение которого стадо можно там удерживать. Исходя из этого оленевод планирует маневры со стадом таким образом, чтобы «израсходовать» как можно меньшую площадь пастбища и вместе с тем сохранить контроль и не допустить раскол стада, для чего необходимо обеспечить ему надлежащее питание (подробнее см.: [Истомин, 2004; Dwyer, Istomin, 2008; Istomin, Dwyer, 2010]).

Практика выпаса оленей у тазовских ненцев строится на других принципах. У них животные пасутся под постоянным контролем пастуха только во второй половине мая (период отела) и на пике комариного периода (конец июня — начало июля). Все остальное время животным позволяют пастись в основном безнадзорно. Оленеводы собирают их один или два раза в день и приводят к стойбищу, чтобы сменить подсаночных оленей в упряжках и, возможно, выбрать животное для забоя на общепит, после чего стадо снова отпускают на вольный выпас. Оленеводы не контролируют стадо и не вмешиваются активно в его поведение вплоть до следующего сбора животных, ко времени которого, особенно в летний период, стадо обычно успевает расколоться на несколько маленьких частей,двигающихся в различных направлениях на ощутимом расстоянии друг от друга. Поэтому сбор стада у тазовских ненцев требует совместной работы нескольких оленеводов на упряжках. Что еще более важно, для этого требуется умение определить вероятное пространственное расположение частей стада. Оленеводы принимают во внимание особенности ландшафта, состав и количество растительности на различных участках окрестной тундры, степень выбитости этих участков оленями в предыдущие дни, температуру воздуха, наличие и количество комаров, направление ветра и его смену с момента последнего сбора стада, а также ряд других, менее значимых факторов. На их основе, исходя из своего глубокого знания поведения оленей вообще и индивидуального «характера» оленей-вожачков в своем стаде, оленеводы-ненцы стараются восстановить траекторию движения различных частей стада и вычислить их местонахождение в настоящий момент. Результаты этого процесса часто весьма впечатляют: оленеводам удается не только точно предсказать расположение частей стада, но и их размеры (количество в них животных) и состав (какое животное-вожак «ведет» отколовшуюся часть стада, какие животные за ним следуют). Именно в умении строить подобные предсказания — и, руководствуясь ими, быстро и эффективно находить и собирать оленей, не оставив в тундре ни одного животного, — и заключается большая часть мастерства оленевода-ненца.

Впрочем, поскольку у тазовских ненцев отсутствуют установленные пути кочевания, то искусство выпаса оленей у них включает и умение хорошо выбрать место для лагеря, так чтобы максимально облегчить поиск и сбор оленей, а также минимизировать угрозу потерять оленей в болоте, реках и т.д. во время свободного выпаса. Обычно, когда ненцы выбирают место для лагеря, они уже вполне представляют, куда олени могут с этого места направиться во время пастыбы, как далеко и долго придется с него ездить оленеводам, чтобы найти и собрать животных в зависимости от погоды и направления ветра, а также сколько времени можно будет на этом месте стоять, прежде чем олени не начнут уходить от него так далеко, что их станет слишком сложно собирать и потребуются новая перекочевка (подробнее см.: [Dwyer, Istomin, 2008; Istomin, Dwyer, 2010]).

Воздействие процессов в почвах криолитозоны на оленеводческие практики

Прямое воздействие. Наиболее ярким примером прямого воздействия происходящих в почве процессов на оленеводческие практики является влияние тиксотропности — свойства почвы переходить в золь под давлением, особенно выраженным в летний период в местах с ограниченным

дренажем. Тиксотропность превращает почву под поверхностью в полужидкую грязь, отделенную от атмосферы тонким относительно сухим поверхностным слоем с растительностью. Если ступить на эту сухую «корку», она обычно начинает колебаться под ногами; отсюда, видимо, происходит название этого природного феномена в ненецком языке: *иля'я* — живая земля. В языке коми этот феномен называется *табей* (по-видимому, от нен. *таб* — грязь). Тонкий сухой поверхностный слой может легко прорваться под человеческой ногой или, что случается еще чаще, под оленьим копытом, в результате чего человек или животное могут достаточно глубоко провалиться в ледяную грязь. Это представляет серьезную опасность для оленя, который, в отличие от человека, часто не способен самостоятельно выбраться из грязи, в то время как оленеводу, если он в этот момент один, может просто не хватить сил вытащить тяжелое животное. Практически у каждого оленевода есть по крайней мере одна история о том, как он, путешествуя в одиночку по тундре, потерял одного или нескольких ездовых оленей и (обычно) пару резиновых сапог на *табей/иля'я*.

Переход почвы в состояние золя может случиться по многим причинам, как естественным, так и связанным с человеческой деятельностью. В частности, его провоцирует продолжительное механическое воздействие на поверхность почвы, вызываемое, помимо прочего, копытами большого числа оленей, находящихся на ограниченной территории: в результате такого механического воздействия почва под поверхностью приобретает состояние геля, что приводит к появлению *табея*. Например, *табей* может образоваться, когда стадо оленей, атакуемое комарами, гнусом или хищниками, собирается вместе в плотную группу и начинает вращаться, образуя «оленью карусель», как ее назвал более ста лет назад С. Керцелли [1911, с. 52]. С биологической точки зрения вращение стада обусловливается стремлением животных, находящихся на краю стада, проникнуть к его центру, где они будут более защищены от кровососущих насекомых и хищников [Баскин, 1970]. Что наиболее важно для нашей темы, «оленья карусель» и сопутствующее ей образование *табея* могут быть легко вызваны и действиями оленеводов, связанными со сбором и перегонкой стада. Одному из авторов настоящей работы довелось наблюдать, как стадо из 1500 голов оленей, собранное оленеводами вблизи оленеводческого коралья, превратило место, на котором его удерживали оленеводы, в *табей*. Этот процесс занял меньше двух часов. В результате по крайней мере пять голов животных провалились в грязь и погибли, прежде чем оленеводы осознали опасность и перегнали стадо в другое место. *Табей* также часто образуется вблизи оленеводческих стойбищ, особенно в *карзаке/юрке*, т.е. во временном загоне для оленей, возводимом оленеводами из поставленных полукругом нарт. В такой загон ежедневно (иногда даже два раза в день) загоняют транспортную часть оленьего стада (ездовых быков), чтобы выбрать из нее смену подсаночных (т.е. свежих животных для запряжки в ездовые нарты взамен оленей, отработавших в них в предыдущие сутки). Хотя транспортная часть оленьего стада обычно не столь многочисленна — от сотни до нескольких сотен животных — и находится в *корзаке/юрке* сравнительно недолго, обычно от 30 до 60 мин в день, этого часто достаточно, чтобы вызвать внутри него заметную «табеизацию». Как только оленеводы замечают, что земля внутри юрка начала шататься, конструкцию, как правило, немедленно переносят на новое место.

Следует подчеркнуть, что сам по себе феномен «табеизации» не является уникальным для Севера и мерзлотных почв: он наблюдается и в южных районах в местах с большим количеством подпочвенной влаги, в том числе на животноводческих фермах, где большое количество животных, собранных в одном месте, оказывают механическое воздействие на поверхность почвы. Однако, хотя этот феномен не связан напрямую с мерзлотными процессами, наличие мерзлоты вполне может оказывать на него существенное влияние. Во-первых, горизонт мерзлоты является одним из определяющих факторов глубины скопления влаги в почве, а следовательно, и того, насколько быстро и легко механическое воздействие способно вызвать переход почвы в золь. Кроме того, протаивание активного слоя может быть одним из источников увеличения влагонасыщенности. Поэтому *табей/иля'я* играет значительно более важную роль в оленеводстве, чем в животноводстве районов, расположенных южнее. Кроме мерзлотных факторов на этот процесс влияют, очевидно, органоминеральный состав почвы, а также микрорельеф и дренажные характеристики места. Совокупное действие этих факторов объясняет то, что одни места подвержены «табеизации» в существенно большей степени, чем другие. Вместе с тем есть места, где *табей* никогда не образуется.

Табей/иля'я оказывает влияние не только на строительство и перемещение временного коралья — *юрка (корзака)*. Оленеводы вынуждены принимать во внимание возможность табеизации при планировании и осуществлении многих других производственных операций. Особенно сильное влияние этот феномен оказывает на оленеводство коми. Отчасти это связано со слож-

ным рельефом и составом четвертичных отложений Большеземельской тундры, где, в отличие от Ямала с его преимущественно песчаными почвами, преобладают глинистые и органические почвы (см.: [Drozdov et al., 2005]). Кроме того, оленеводческие практики коми, предполагающие поднадзорный выпас большого количества животных на ограниченной территории, регулярный сбор и «пакование» стада, существенно в большей степени способствуют появлению *табея*, чем практики тазовских ненцев. У коми дежурный пастух, маневрирующий со стадом по территории, должен оценивать опасность «табеизации» всякий раз, когда он планирует собрать или повернуть стадо. Особенно это важно в теплые дни с обилием комаров, когда олени могут долго кружиться в «карусели». По словам информаторов, вероятность образования *табея* можно оценить по цвету и составу растительности, что вполне логично: эти параметры могут указывать на количество влаги под поверхностью почвы. Однако, судя по всему, любая оценка вероятности образования *табея* требует большого опыта. На практике большинство оленеводов ее не производит и вместо этого старается выбирать для сбора и «закручивания» стада возвышенные места, холмы или пески на берегах рек. Если стадо начинает возвращаться в «карусели», то оленеводы также стараются «сдвинуть» его повыше, переместить на пески либо к берегу реки или ручья. Объясняют это тем, что на возвышенных местах *табей* образуется реже, а на песках не образуется совсем.

Среди тазовских ненцев опасность формирования «живой земли» (*иля'я*) принимается во внимание главным образом при выборе места для стоянки. Ненцы, в отличие от коми, ежедневно, а то и дважды в день пригоняют к стоянке все стадо, а не только транспортных животных и часто отделяют последних прогоном¹. Поэтому опасность «табеизации» окрестностей лагеря в их случае весьма высока. Можно предположить, что именно из-за этой опасности тазовские ненцы значительно менее, чем коми, склонны использовать временный загон из нарт (*юрюк/корзак*); его используют только в тех случаях, когда нужно выбрать и запрячь одновременно много оленей, например перед кочевкой, в то время как в обычные дни ненцы предпочитают отлавливать сменных подсажных прямо в стаде с помощью аркана. Поскольку опасность образования *иля'я*, по словам информаторов, постоянно принимается во внимание при выборе места для стоянки, следует предполагать, что у ненцев, как и у коми, имеются традиционные способы такой оценки. К сожалению, получить конкретную информацию об этих способах авторам во время полевой работы не удалось.

Прямое влияние свойств криогенных почв на жизнь и деятельность оленеводов не ограничивается *табеем/иля'я*. Оленеводы также активно используют вечную мерзлоту, например, для кратковременного хранения в летний период скоропортящихся продуктов — мяса, рыбы, масла, которое оленеводы покупают у коммерсантов либо в поселке. Для их хранения оленеводы выбирают низины или небольшие холмы, покрытые темной растительностью, где, по их словам, вечная мерзлота находится близко под поверхностью. Там вырывают ямы до «льда» (т.е. до мерзлого грунта) и помещают в них продукты, упакованные в железные канистры или бидоны, пластиковые пакеты либо (реже) просто завернутые в олени шкуры. Затем ямы снова присыпают землей и закрывают дерном. В таких ямах продукты могут храниться несколько дней, пока яма не заполнится водой. Ямы чуть большего размера используют для временного хранения срезанных пантов — ценного продукта, торговля которым в годы высоких цен приносит оленеводам большой доход. Панты режут по предварительной договоренности с покупателем в течение нескольких дней и затем иногда хранят в ямах до тех пор, пока покупатель не придет за ними.

Косвенное влияние почвенных процессов на оленеводческие практики. Почвенные процессы влияют на жизнь и деятельность оленеводов не только прямо, но и косвенно, воздействуя на растительность и микрорельеф — два основных фактора, определяющих поведение оленьего стада и постоянно учитываемых оленеводами при выпасе. Это косвенное влияние можно проследить на трех различных уровнях. Базовый уровень — это влияние криогенных процессов на формирование особой структуры почвенного покрова. Эта структура, в свою очередь, влияет на перемещения оленеводов по местности на оленьей упряжке, которые составляют неотъемлемую часть как производственной деятельности, так и установления и поддержания социальных связей, рекреационной активности и т.д. Формируя микрорландшафт тундры, мерзлотные процессы могут как затруднять, так и облегчать езду по тундре на упряжке. Например, тазовские ненцы используют специальное слово *юмбар* для обозначения мерзлотных полигонов в равнинной тундре. Такие полигоны образуются в результате мерзлотных процессов и обычно имеют величину 10–15 м.

¹ Для этого оленеводы с хореями выстраиваются в «стенку» на расстоянии 5–8 м друг от друга и прогоняют стадо сквозь эту стенку. Транспортные животные обычно отказываются идти сквозь стенку и остаются на месте.

Границами полигона являются трещины в земле глубиной до нескольких десятков сантиметров, в то время как в его центре часто возвышается небольшой холмик. С точки зрения ненцев, *юмбар* представляет собой прежде всего место, где можно легко сломать нарты: такое случается, если пересекать трещины, разделяющие полигоны, не перпендикулярно, а под острым углом. В этом случае, приблизившись к трещине, олени, запряженные в нарты, в какой-то момент неожиданно прыгают через нее, нарта резко разворачивается, и один из ее полозов, попав в трещину, разламывается пополам. Это серьезная поломка, исправить которую в безлесной тундре очень трудно. Поэтому, попав на *юмбар*, ненцы стараются ехать по нему зигзагами, так чтобы пересекать трещины всегда перпендикулярно и пропускать центральные холмики между полозьями нарты.

Другой особенностью тундрового ландшафта, обусловленной мерзлотными процессами и оказывающей существенное влияние на перемещение на нартах, являются так называемые *пиндэ* (нен.) или *пиндей* (коми) — системы узких канав или расщелин, формирующиеся на склонах холмов или речных террас под влиянием протаивания грунта и его соскальзывания вниз по склону. В Большеземельской тундре, особенно вблизи Уральских гор, где крутые склоны холмов и речных террас представляют собой серьезное препятствие при перемещениях, оленеводы всегда используют *пиндэ/пиндеи*, для того чтобы подняться с нартами по склону. Это особенно важно при перекочевках, поскольку транспортировка по склонам караванов тяжело нагруженных нарты требует огромных усилий как людей, так и животных. Поэтому *пиндеи* являются неотъемлемой частью ментальных карт оленеводов: их кочевые пути часто делают большие зигзаги при пересечении реки или гряды холмов по подходящим *пиндеям*.

Вторым уровнем влияния почвенных процессов на жизнь оленеводов является воздействие на поведение оленей. Этологические исследования показывают, что микроландшафт и растительность представляют собой два наиболее важных фактора, формирующих поведение оленей, в то время как почвенные, особенно мерзлотные, процессы в значительной степени влияют на оба эти фактора. Это опять же особенно хорошо видно в случае оленеводов коми, которым при выпасе приходится постоянно отслеживать, интерпретировать и предсказывать поведение оленей и уметь на него реагировать. Коми используют развернутую систему понятий и терминов для обозначения элементов тундрового ландшафта [Istomin, 2011]. Интересная особенность этой системы состоит в том, что существенная часть понятий характеризует одновременно и геоморфологию, и растительный покров, что позволяет напрямую соотнести описываемые этими понятиями элементы ландшафта с поведением оленей. Например, у коми есть специальный термин-понятие для обозначения холмов или гряд с лишайниковыми пятнами и лишеными растительности участками между ними (*ярей*); другой термин (*веретя*) описывает холмы или гряды, поросшие травой, где не происходит «холодного кипения» (*frostboiling*). Несколько понятий определяют ровные участки тундры: *сада* — переувлажненный, часто заболоченный участок тундры, покрытый травой и осокой; *лапта* — тундра с маленькими лишеными растительности холмиками/кочками и участками лишайникового покрова между ними; *пача* — также тундра с кочками, но покрытая кустарничковой растительностью, в основном карликовой березой (керч); *рбшша* — участок тундры, поросший ивняком, и т.д. Некоторые из этих ландшафтных категорий, например *ярей* и *лапта*, появились, судя по всему, вследствие наблюдения за почвенно-мерзлотными процессами, такими как «холодное кипение». Ментальные карты оленеводов коми — их репрезентации тундрового пространства — построены на основе именно таких ландшафтных категорий: оленеводы мысленно воспроизводят тундровое пространство как мозаику из *лапта*, *ярей*, *сада*, *пача* и т.д., что позволяет им, пользуясь знаниями о том, как ведут себя олени на участках каждого типа, эффективно управлять поведением стада. Зная, что олени быстро проходят территории определенного типа (например, *сада*), но задерживаются на других (*пача* или *лапта*), оленевод может решить провести стадо по участкам первого типа днем, а по участкам второго типа двигаться ночью. В этом случае стадо будет ночью идти медленно, что даст пастуху больше времени на отдых. В той же мере, в какой определенные различаемые оленеводами категории ландшафта являются продуктом мерзлотных процессов, учет ландшафтных особенностей в подобного рода оленеводческих расчетах и практиках можно рассматривать и с точки зрения использования особенностей этих процессов. Следует признать, впрочем, что сами оленеводы-коми в основном не знают о криогенной природе части категорий своего ландшафта.

В противоположность коми, у тазовских ненцев имеются две различные системы понятий тундрового ландшафта. Одна из них описывает этот ландшафт с точки зрения геоморфологии и вклю-

чают такие термины, как *лапта* (ровная тундра)², *седе* (холм), *лянг* (овраг) и т.д. Эта терминология содержит и обозначения геоморфологических элементов мерзлотного происхождения, такие как *юмбар* и *пиндэ*, описанные выше. Вторая система терминов описывает ландшафт с точки зрения растительности, и ее понятия часто (но не всегда) составные: *нядо лапта* — лишайниковая тундра; *пюнк лапта* — тундра, поросшая кустарниками карликовой березы; *нярося* и *паю хой* — тундра, поросшая ивняком и ольховником, и т.д. В случае тазовских ненцев использование двух различных терминологических систем вполне оправданно: в оленеводческой практике им обычно не приходится интерпретировать поведение оленей и реагировать на него в «онлайн-режиме» (каким оно является здесь и сейчас); скорее, они ретроспективно рассчитывают кумулятивный эффект воздействия на оленей различных факторов в течение определенного времени, для того чтобы предсказать местоположение частей стада. Можно предположить, что для решения этой задачи эффективнее будет рассматривать факторы растительности и рельефа по отдельности. Кроме того, принимать во внимание эффект криогенных процессов при этом, вполне возможно, излишне.

Третий уровень опосредованного влияния почвенных, и в частности мерзлотных, процессов на оленеводство — это воздействие на гидрологию региона. И коми, и ненцы различают два вида озер. Озера первого типа, которые ненцы называют *то*, а коми — *ты*, сохраняют более или менее постоянную глубину и форму и часто соединяются друг с другом и/или с рекой протоками (коми *вис*, нен. *сё*). Озера второго типа представляют собой более сложное явление: обычно это маленькие изолированные озера, находящиеся внутри относительно больших впадин, часто с немного заболоченным грунтом вокруг озера и достаточно специфической растительностью. Такие озера как коми, так и ненцы называют *хасыреями*, однако этот термин употребляется двояко. У коми он чаще всего обозначает само озеро, хотя иногда его используют и по отношению ко всей впадине, в которой это озеро находится; у ненцев это слово относится чаще ко всей впадине, чем к озеру, а иногда так могут называть и впадины без озер. В ходе интервью оленеводы рассказывают, что, в отличие от настоящих озер — *ты/то*, *хасыреи* не являются неизменным элементом ландшафта, а формируются обычно в течение нескольких десятков лет: сначала земля прогибается, появляется озеро, которое постепенно растет и однажды неожиданно теряет большую часть находящейся в нем воды, оставляя впадину с озерцом меньшего размера внутри. На такой характер формирования этих водоемов указывает и само их название (от нен. *хасыр* — сухой, высохший), и оно позволяет с относительной уверенностью связать *хасыреи* с мерзлотными процессами [Качурин, 1961, с. 126–135]. *Хасыреи* промерзают до дна в зимний период, и поэтому рыбы в них нет. Отсюда часто встречающееся определение *хасыреев* коми оленеводами как «пустых озер». Тем не менее такие озера играют большую роль в жизни оленеводов. Прежде всего как коми, так и ненцы предпочитают именно *хасыреи* в качестве источника питьевой воды. Считается, что вода в них чистая, не имеет неприятного запаха и органических остатков. Особенно в зимнее время оленеводы-ненцы часто ездят на *хасыреи*, чтобы вырубать там куски льда: эти куски затем растапливают в больших железных канистрах для получения питьевой воды. Летом оленеводы часто загоняют стадо во впадины *хасыреев*, где обычно имеется обильная зеленая растительность, а близость воды помогает животным легче переносить летнюю жару.

Влияние деградации мерзлоты на оленеводство

Этнографический материал, приведенный выше, показывает, что почвенные, и особенно мерзлотные, процессы заметно как прямым, так и косвенным образом влияют на жизнь и деятельность оленеводов. Соответственно оленеводы отмечают изменения, происходящие в тундровых ландшафтах, в той мере, в которой эти изменения влияют на их деятельность, и, хотя они сами часто не могут связать эти изменения с долговременными явлениями, такими как деградация мерзлоты, отмечаемые ими перемены могут свидетельствовать о таких процессах и, более того, позволяют оценить их возможное воздействие на традиционную экономику. Так, многие из наших информаторов коми Большеземельской тундры говорили, что площади тундры, занятые *сада* (переувлажненные места, покрытые осокой) и *рõшша* (ивняки/ерники), увеличиваются, в то время как *яреи* (сухие ягельные холмы) и *пача* (участки кочкарной кустарничковой тундры) постепенно исчезают. Также, по их наблюдениям, мест с естественным *табеем* (т.е. табеем, не образованным «топтанием» оленей) становится больше. Эти замечания свидетельствуют об изменениях в почвенном покрове и о почвенных процессах, вызываемых, скорее

² Не путать с понятием *лапта* в языке коми, которое обозначает, как показано выше, еще и определенную растительность.

всего, потеплением климата. Более того, зная, какую роль *табей, пача, ярей, сада, и рёшша* играют в оленеводстве коми, несложно предсказать, какой эффект данные изменения могут иметь в оленеводстве коми. Впрочем, следует обратить внимание на то, что тазовские ненцы в интервью говорили об изменениях, во многом противоположных зафиксированным оленеводами коми: по их словам, тундра в последнее время «сохнет» — заболоченные участки исчезают, площадь озер сокращается; ненцы отмечали также постепенное исчезновение полигональной тундры.

Чтобы оценить возможные последствия климатических изменений для мерзлотных ландшафтов и оленеводства в описываемой части Северной Евразии, нужно прежде всего представлять масштаб ожидаемых изменений. Согласно достаточно консервативному сценарию изменения климата, приводимому Мажитовой и коллегами [Mazhitova et al., 2004, p. 291], в восточной части Большеземельской тундры следует ожидать до 2030 г. быстрого увеличения среднегодового количества осадков с последующей стабилизацией и повышения среднегодовой температуры на 3–4 °С в период примерно с 2030 до 2090 г. Выводы авторов о быстрой деградации мерзлоты на большей части этой территории подтверждаются недавним исследованием Саннеля и Кури [Sannel, Kuhry, 2011], постулировавшими, что -3... -5 °С составляют предельную среднегодовую температуру воздуха, при которой возможна термокарстовая прогрессия. При повышении среднегодовой температуры воздуха выше этого уровня наблюдается быстрая деградация вечной мерзлоты. Хотя деградация мерзлоты затронет все части Большеземельской тундры, ее скорость будет различаться: на участках с суглинистыми почвами таяние вечной мерзлоты будет происходить значительно быстрее, чем, например, в торфяниках.

Изменения в гидросистеме региона предугадать сложнее, поскольку таяние мерзлоты скорее всего инициирует два противоположных процесса: оно приведет, с одной стороны, к увеличению площади существующих и формированию новых термокарстовых озер, а с другой — к сливу части существующих озер ([Sannel, Kuhry, 2011]; ср.: [Елсаков, Марушчак, 2011; Sjöberg et al., 2013]). В целом, видимо, следует ожидать активизации процессов формирования *хасыреев*, подобных тем, что описывали оленеводы. В случае Тазовской тундры и других частей территории Ямало-Ненецкого автономного округа существуют эмпирические доказательства сокращения площади и исчезновения как термокарстовых, так и нетермокарстовых озер [Smith et al., 2005].

Разумеется, повышение среднегодовой температуры воздуха и уровня осадков будет иметь и другие последствия (их обзор для континентальной Субарктики в целом см.: [Larsen et al., 2014]; для северо-запада Евразии, в частности, см.: [Macias-Fauria et al., 2012]). Одним из таких последствий, как предполагается, станет увеличение площади участков, покрытых ивняком и ольховником, что приведет к появлению «структурно новых биомов» [Macias-Fauria et al., 2012, p. 615], в то время как территория открытой тундры будет сокращаться. Наряду с влиянием на структуру снежного покрова (формирование внутри него ледяных корок ввиду более затяжного осеннего периода) этот процесс «озеленения Арктики» оказывает влияние на техники и практики оленеводства и на доступность корма на пастбищах в зимний период, как сообщают оленеводы полуострова Ямал [Forbes, Stammer, 2009], а также Малоземельской и Канинской тундр [Rees et al., 2008]. Хотя эти изменения и не лишат (по крайней мере, в ближайшей перспективе) оленеводство полностью его экологической ниши, вследствие них, скорее всего, сократится территория, где оленеводческое хозяйство может быть эффективным. Следует добавить, впрочем, что перспективы оленеводства зависят далеко не только от климатических изменений и деградации мерзлоты: добыча нефти и газа и строительство связанной с этой добычей инфраструктуры (дорог, поселков, трубопроводов) ведет к изменению растительности и фрагментации оленьих пастбищ на полуострове Ямал [Forbes, 2013; Kumpula et al., 2011, 2012; Walker et al., 2010], на части территории Большеземельской тундры [Stammer, Peskov, 2008] и в других районах Севера как российского, так и зарубежного [Forbes et al., 2014]. Социальноэкономические и культурные факторы играют и будут играть не менее важную роль, чем климатические, в определении будущего традиционных отраслей хозяйства и в рассмотренных в настоящей работе регионах [Habeck, 2005; Rees et al., 2008], и в других регионах Севера [Stammer, 2005; Ventsel, 2005].

Выводы

Почвенные, в том числе мерзлотные, процессы оказывают как непосредственное, так и опосредованное воздействие (через растительный покров и микрорельеф) на оленеводческие практики коми и ненцев, а также, видимо, и на другие формы природопользования на Севере Евразии. Быстрая деградация мерзлоты, скорее всего, окажет негативное влияние на оленеводство указанных народов во многих его аспектах. В настоящей работе мы попытались пока-

зять важность знания элементов ландшафта в оленеводстве — это наблюдение лежит в русле более ранних исследований, посвященных традиционным знаниям коренных народов, их форме и роли во взаимодействии с вмещающим ландшафтом и животным миром [Anderson, 2000; Forbes, Stammer, 2009; Ingold, 2000; Takakura, 2015].

Влияние почвенных, и особенно мерзлотных, процессов на образ жизни коренных народов Севера, а также возможное влияние жизнедеятельности коренных народов Арктики на мерзлотные и почвенные процессы до сих пор мало изучены. Надеемся, что приведенные в настоящей работе данные достаточны для того, чтобы обосновать возможность и необходимость дальнейшего изучения этих вопросов в отношении как описанных здесь, так и других регионов Севера Евразии и циркумполярного региона в целом. Этот аспект должен приниматься во внимание при любой оценке влияния климатических изменений на ландшафт и условия жизни населения Крайнего Севера и Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баскин Л.М.* Северный олень: Экология и поведение. М.: Наука, 1970. 149 с.
- Головнев А.В.* Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1995. 606 с.
- Елсаков В.В., Марушчак И.О.* Межгодовые изменения термокарстовых озер северо-востока европейской России // Исследование Земли из космоса. 2011. № 5. С. 45–57.
- Истомин К.В.* Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства: Дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2004. 202 с.
- Качурин С.П.* Термокарст на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 290 с.
- Керцелли С.В.* По Большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск: Губерн. типография, 1911.
- Crate S., Ulrich M., Habeck J.O., Desyatkin A.R., Desyatkin R.V., Fedorov A.N., Hiyama T., Iijima Y., Ksenofontov S., Mészáros C., Takakura H.* Permafrost livelihoods: A transdisciplinary review and analysis of thermo-karst-based systems of indigenous land use // *Anthropocene*. 2017. Vol. 18. P. 89–104. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ancene.2017.06.001>.
- Drozdov D.S., Rivkin F.M., Rachold V., Ananjeva-Malkova G.V., Ivanova N.V., Chehina I.V., Koreisha M.M., Korostelev Y.V., Melnikov E.S.* Electronic atlas of the Russian Arctic coastal zone // *Geo-Marine Letters*. 2005. Vol. 25. P. 81–88. URL: <https://doi.org/10.1007/s00367-004-0189-7>.
- Dwyer M.J., Istomin K.V.* Theories of nomadic movement: A new theoretical approach for understanding the movement decisions of Nenets and Komi reindeer herders // *Human Ecology*. 2008. Vol. 36. P. 521–533. URL: <https://doi.org/10.1007/s10745-008-9169-2>.
- Fedorov A.N., Konstantinov P.Y.* Response of permafrost landscapes of Central Yakutia to current changes of climate, and anthropogenic impacts // *Geography and Natural Resources*. 2009. Vol. 30. P. 146–150. URL: <https://doi.org/10.1016/j.gnr.2009.06.010>.
- Forbes B.C.* Cultural Resilience of Social-ecological Systems in the Nenets and Yamal-Nenets Autonomous Okrugs, Russia: A Focus on Reindeer Nomads of the Tundra // *Ecology and Society*. 2013. Vol. 18. No. 4. Art. 36. URL: <https://doi.org/10.5751/ES-05791-180436>.
- Forbes B.C., Stammer F.* Arctic climate change discourse: the contrasting politics of research agendas in the West and Russia // *Polar Research*. 2009. Vol. 28. P. 28–42. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1751-8369.2009.00100>.
- Forbes B.C., Beach H., Brattland C., Kankaanpää P., Keskitalo C., Lennert M., Meek C.L., Metcalf V.K., Robards M.D., Young O.R.* Resource Governance // J.N. Larsen, G. Fondahl (Eds.). *Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages*. Inurui: Nordic Council of Ministers, 2014. P. 255–296.
- Ford J.D., Pearce T.* What we know, do not know, and need to know about climate change vulnerability in the western Canadian Arctic: a systematic literature review // *Environmental Research Letters*. 2010. No. 5. 014008. URL: <https://doi.org/10.1088/1748-9326/5/1/014008>.
- Golovnev A.V., Osherenko G.* Siberian survival: The Nenets and their story. Ithaca N. Y., Cornell University Press, 1999. 224 p.
- Habeck J.O.* What It Means to be a Herdsman: The practice and image of reindeer husbandry among the Komi of Northern Russia. Münster: LIT, 2005. 296 S.
- Istomin K.V.* The Land to Herd and the Space to Travel: Comparing the categorizations of landscape among Komi and Nenets reindeer herding nomads // L. Prager (Ed.). *Nomadismus in Der «Alten Welt»: Formen Der Repräsentation in Vergangenheit Und Gegenwart*. Münster: LIT Verlag, 2011. P. 233–256.
- Istomin K.V., Dwyer M.J.* Dynamic Mutual Adaptation: Human-Animal Interaction in Reindeer Herding Pastoralism // *Hum. Ecol.* 2010. Vol. 38. P. 613–623. URL: <https://doi.org/10.1007/s10745-010-9341-3>.
- Istomin K.V., Habeck J.O.* Permafrost and indigenous land use in the northern Urals: Komi and Nenets reindeer husbandry // *Polar Science*. 2016. Vol. 10, P. 278–287. URL: <https://doi.org/10.1016/j.polar.2016.07.002>.
- Kumpula T., Pajunen A., Kaarlejärvi E., Forbes B.C., Stammer F.* Land use and land cover change in Arctic Russia: Ecological and social implications of industrial development // *Global Environmental Change*. 2011. Vol. 21. P. 550–562. URL: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2010.12.010>.

Почвы криолитозоны и традиционное природопользование коренного населения...

Kumpula T., Forbes B.C., Stammler F., Meschtyb N. Dynamics of a Coupled System: Multi-Resolution Remote Sensing in Assessing Social-Ecological Responses during 25 Years of Gas Field Development in Arctic Russia // *Remote Sensing*. 2012. Vol. 4. P. 1046–1068. URL: <https://doi.org/10.3390/rs4041046>.

Larsen J.N., Anisimov O.A., Constable A., Hollowed A., Maynard N., Prestrud P., Prowse T., Stone J.M., Callaghan T.V., Carey M., Convey P., Derocher A., Fretwell P.T., Forbes B.C., Glomsrød S., Hodgson D., Hofmann E., Hovelsrud G.K., Ljubicic G.L., Loeng H., Murphy E., Nicol S., Oskal A., Reist J.D., Trathan P., Weinecke B., Wrona F. Polar regions // *Climate Change 2014: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Part B: Regional Aspects. Contribution of Working Group II to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 1567–1612.

Macias-Fauria M., Forbes B.C., Zetterberg P., Kumpula T. Eurasian Arctic greening reveals teleconnections and the potential for structurally novel ecosystems // *Nature Climate Change*. 2012. Vol. 2. P. 613–618.

Mazhitova G., Karstkarel N., Oberman N., Romanovsky V., Kuhry P. Permafrost and Infrastructure in the Usa Basin (Northeast European Russia): Possible Impacts of Global Warming // *AMBIO: A Journal of the Human Environment*. 2004. Vol. 33 (6). P. 289–294. URL: <https://doi.org/10.1579/0044-7447-33.6.289>.

Nelson F.E., Anisimov O.A., Shiklomanov N.I. Climate Change and Hazard Zonation in the Circum-Arctic Permafrost Regions // *Natural Hazards*. 2002. Vol. 26. P. 203–225.

Rees W.G., Stammler F.M., Danks F.S., Vitebsky P. Vulnerability of European reindeer husbandry to global change // *Climatic Change*. 2008. Vol. 87. P. 199–217. URL: <https://doi.org/10.1007/s10584-007-9345-1>.

Sannel A.B.K., Kuhry P. Warming-induced destabilization of peat plateau/thermokarst lake complexes // *Journal of Geophysical Research*. 2011. Vol. 116. URL: <https://doi.org/10.1029/2010JG001635>.

Schuur E.A.G., Bockheim J., Canadell J.G., Euskirchen E., Field C.B., Goryachkin S.V., Hagemann S., Kuhry P., Laflour P.M., Lee H., Mazhitova G., Nelson F.E., Rinke A., Romanovsky V.E., Shiklomanov N., Tarnocai C., Venevsky S., Vogel J.G., Zimov S.A. Vulnerability of Permafrost Carbon to Climate Change: Implications for the Global Carbon Cycle // *Bio Science*. 2008. Vol. 58. P. 701–714. URL: <https://doi.org/10.1641/B580807>.

Schuur E.A.G., McGuire A.D., Schädel C., Grosse G., Harden J.W., Hayes D.J., Hugelius G., Koven C.D., Kuhry P., Lawrence D.M., Natali S.M., Olefeldt D., Romanovsky V.E., Schaefer K., Turetsky M.R., Treat C.C., Vonk J.E. Climate change and the permafrost carbon feedback // *Nature*. 2015. Vol. 520. P. 171–179. URL: <https://doi.org/10.1038/nature14338>.

Shiklomanov N.I., Streletskiy D.A. Effect of Climate Change on Siberian Infrastructure // P. Groisman, G. Gutman (Eds.). *Regional Environmental Changes in Siberia and Their Global Consequences*. Springer, Dordrecht, 2013. P. 155–170.

Sjöberg Y., Hugelius G., Kuhry P. Thermokarst Lake Morphometry and Erosion Features in Two Peat Plateau Areas of Northeast European Russia: Thermokarst Lake Morphometrics and Erosion in Two Peat Plateau Areas // *Permafrost and Periglacial Processes*. 2013. Vol. 24. P. 75–81. URL: <https://doi.org/10.1002/ppp.1762>.

Smith L.C., Sheng Y., MacDonald G.M., Hinzman L.D. Disappearing Arctic Lakes // *Science*. 2005. Vol. 308. P. 1429–1429. URL: <https://doi.org/10.1126/science.1108142>.

Stammler F. Reindeer nomads meet the market: Culture, property and globalisation at the «End of the land». Münster, Westf: LIT, 2005. 408 p.

Stammler F., Peskov V. Building a 'culture of dialogue' among stakeholders in North-West Russian oil extraction // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. P. 831–849. URL: <https://doi.org/10.1080/09668130802085182>.

Ulrich M., Habeck J.O. IPA action group report: Permafrost and culture (PaC) // *Frozen Ground*. 2015. P. 3–4.

Ventsel A. Reindeer, Rodina and Reciprocity: Kinship and property relations in a Siberian village. Münster, Westf: LIT, 2005. 392 p.

Walker D.A., Forbes B.C., Leibman M.O., Epstein H.E., Bhatt U.S., Comiso J.C., Drozdov D.S., Gubarkov A.A., Jia G.J., Kaarlejärvi E., Kaplan J.O., Khomutov A.V., Kofinas G.P., Kumpula T., Kuss P., Moskalenko N.G., Meschtyb N.A., Pajunen A., Raynolds M.K., Romanovsky V.E., Stammler F., Yu Q. Cumulative Effects of Rapid Land-Cover and Land-Use Changes on the Yamal Peninsula, Russia // G. Gutman, A. Reissell (Eds.). *Eurasian Arctic Land Cover and Land Use in a Changing Climate*. Springer Netherlands, Dordrecht, 2010. P. 207–236. URL: https://doi.org/10.1007/978-90-481-9118-5_9.

K.V. Istomin, J.O. Habeck

Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center of Ural Division RAS
Kommunisticheskaya st., 26, Syktyvkar, 167986, Russian Federation

E-mail: kistomin@naver.com

Institut für Ethnology, Universität Hamburg

Edmund-Siemers-Allee 1, Flügelbau West (ESA W), 20146, Hamburg, Germany

E-mail: otto.habeck@uni-hamburg.de

SOILS OF THE CRYOLITHOZONE AND THE TRADITIONAL LAND USE OF THE INDIGENOUS POPULATIONS OF NORTH-EASTERN EUROPEAN RUSSIA AND WESTERN SIBERIA: RESEARCH PROBLEM STATEMENT

In this paper, ethnographic material on the Komi reindeer herders of eastern Bolshezemelskaya tundra and the Nenets reindeer herders of southern Gydan Peninsula is used to show how soil processes, which take place

in the cryolithozone, can affect the life and economic practices of reindeer herding groups. It is demonstrated that such an impact can be direct as well as indirect. The direct impact consists, for example, in the influence of the permafrost on soil denaturing and, therefore, on the thixotropic properties of the soil. This affects the probability and the speed of soil turning into mud under the mechanical influence of reindeer trampling. Herders have to consider this probability and consider speeds of movement of the herd when they choose a camping place, plan the duration of their stay in this place and perform certain herding operations (e.g. rounding up the herd). The indirect impact continues through the permafrost's role in the microlandscape formation as well as through its influence on vegetation. The both play an important role in determining reindeer behaviour and affect the way tundra can be navigated on a reindeer sledge. The manner and degree to which these impacts influence reindeer herding practices depend on the herding technology, which differs between the two ethnic groups. Another example of the indirect impact can be seen in the huge role thermokarst processes play in the formation and change of tundra aquasystems. The formation of thermokarst lakes, their draining and formation of dry lake reservoirs with their typical hyperproductivity of biomass poses both challenges and new possibilities for reindeer herding. The relationship between permafrost soil processes and reindeer herding practices should be considered in order to allow a more accurate assessment of the consequences ongoing climatic change can have for the life and economy of northern aboriginals. Therefore, a study of this relationship represents a valid scientific topic crossing the borders between biology, geology and cultural anthropology.

Key words: reindeer herding, permafrost, cryogenic processes, global climate change, Komi, Nenets.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-108-119

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

REFERENCES

- Baskin L.M. (1970). *Reindeer: Ecology and behavior*, Moscow: Nauka (Rus).
- Drozhdov D.S., Rivkin F.M., Rachold V., Ananjeva-Malkova G.V., Ivanova N.V., Chehina I.V., Koreisha M.M., Korostelev Y.V., Melnikov E.S. (2005). Electronic atlas of the Russian Arctic coastal zone. *Geo-Marine Letters*, (25), 81–88. doi: 10.1007/s00367-004-0189-7.
- Dwyer M.J., Istomin K.V. (2008). Theories of nomadic movement: A new theoretical approach for understanding the movement decisions of Nenets and Komi reindeer herders. *Human Ecology*, (36), 521–533. doi: 10.1007/s10745-008-9169-2.
- Elsakov V.V., Marushchak I.O. (2011). Annual changes in thermokarst lakes of the North-east of European Russia. *Issledovaniye Zemli iz kosmosa*, (5), 45–57. (Rus).
- Fedorov A.N., Konstantinov P.Y. (2009). Response of permafrost landscapes of Central Yakutia to current changes of climate, and anthropogenic impacts. *Geography and Natural Resources*, (30), 146–150. doi: 10.1016/j.gnr.2009.06.010.
- Forbes B.C. (2013). Cultural Resilience of Social-ecological Systems in the Nenets and Yamal-Nenets Autonomous Okrugs, Russia: A Focus on Reindeer Nomads of the Tundra. *Ecology and Society*, 18(4), 36. doi: 10.5751/ES-05791-180436.
- Forbes B.C., Stammer F. (2009). Arctic climate change discourse: The contrasting politics of research agendas in the West and Russia. *Polar Research*, (28), 28–42. doi: 10.1111/j.1751-8369.2009.00100.
- Forbes B.C., Beach H., Brattland C., Kankaanpaa P., Keskitalo C., Lennert M., Meek C.L., Metcalf V.K., Robards M.D., Young O.R. (2014). Resource Governance. In J.N. Larsen, G. Fondahl (Eds.). *Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages* (pp. 255–296), Inurai: Nordic Council of Ministers.
- Ford J.D., Pearce T. (2010). What we know, do not know, and need to know about climate change vulnerability in the western Canadian Arctic: A systematic literature review. *Environmental Research Letters*, (5), 014008. doi: 10.1088/1748-9326/5/1/014008.
- Golovnev A.V. (1995). *Speaking cultures: Traditions of samojedic and ugric peoples*, Ekaterinburg: Institut istorii i arkhologii UrO RAN. (Rus).
- Golovnev A.V., Osherenko G. (1999). *Siberian survival: The Nenets and their story*, Ithaca New York, Cornell University Press.
- Crate S., Ulrich M., Habeck J.O., Desyatkin A.R., Desyatkin R.V., Fedorov A.N., Hiyama T., Iijima Y., Ksenofontov S., Mészáros C., Takakura H. (2017). Permafrost livelihoods: A transdisciplinary review and analysis of thermokarst-based systems of indigenous land use. *Anthropocene*, (18), 89–104. doi: 10.1016/j.ancene.2017.06.001.
- Habeck J.O. (2005). *What It Means to be a Herdsman: The practice and image of reindeer husbandry among the Komi of Northern Russia*, Münster: LIT.
- Istomin K.V. (2011). The Land to Herd and the Space to Travel: Comparing the categorizations of landscape among Komi and Nenets reindeer herding nomads. In L. Prager (Ed.), *Nomadismus in Der «Alten Welt»: Formen Der Repräsentation in Vergangenheit Und Gegenwart* (pp. 233–256), Münster: LIT Verlag.
- Istomin K.V., Dwyer M.J. (2010). Dynamic Mutual Adaptation: Human-Animal Interaction in Reindeer Herding Pastoralism. *Hum. Ecol.*, (38), 613–623. doi: 10.1007/s10745-010-9341-3.
- Istomin K.V., Habeck J.O. (2016). Permafrost and indigenous land use in the northern Urals: Komi and Nenets reindeer husbandry. *Polar Science*, (10), 278–287. doi: 10.1016/j.polar.2016.07.002.

Почвы криолитозоны и традиционное природопользование коренного населения...

- Kachurin S.P. (1961). *Thermocarst in the USSR*, Moscow: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR. (Rus).
- Kertselli S.V. (1911). *Through the Bolshezemelskaya Tundra with nomads*, Arkhangelsk: Gubernskaya tipografiya. (Rus).
- Kumpula T., Pajunen A., Kaarlejärvi E., Forbes B.C., Stammler F. (2011). Land use and land cover change in Arctic Russia: Ecological and social implications of industrial development. *Global Environmental Change*, (21), 550–562. doi: 10.1016/j.gloenvcha.2010.12.010.
- Kumpula T., Forbes B.C., Stammler F., Meschtyb N. (2012). Dynamics of a Coupled System: Multi-Resolution Remote Sensing in Assessing Social-Ecological Responses during 25 Years of Gas Field Development in Arctic Russia. *Remote Sensing*, (4), 1046–1068. doi: 10.3390/rs4041046.
- Larsen J.N., Anisimov O.A., Constable A., Hollowed A., Maynard N., Prestrud P., Prowse T., Stone J.M., Callaghan T.V., Carey M., Convey P., Derocher A., Fretwell P.T., Forbes B.C., Glomsrød S., Hodgson D., Hofmann E., Hovelsrud G.K., Ljubicic G.L., Loeng H., Murphy E., Nicol S., Oskal A., Reist J.D., Trathan P., Weinecke B., Wrona F. (2014). Polar regions. *Climate Change 2014: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Part B: Regional Aspects. Contribution of Working Group II to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*, Cambridge: Cambridge University Press, 1567–1612.
- Macias-Fauria M., Forbes B.C., Zetterberg P., Kumpula T. (2012). Eurasian Arctic greening reveals teleconnections and the potential for structurally novel ecosystems. *Nature Climate Change*, (2), 613–618.
- Mazhitova G., Karstkarel N., Oberman N., Romanovsky V., Kuhry P. (2004). Permafrost and Infrastructure in the Usa Basin (Northeast European Russia): Possible Impacts of Global Warming. *AMBIO: A Journal of the Human Environment*, (6), 289–294. doi: 10.1579/0044-7447-33.6.289.
- Nelson F.E., Anisimov O.A., Shiklomanov N.I. (2002). Climate Change and Hazard Zonation in the Circum-Arctic Permafrost Regions. *Natural Hazards*, (26), 203–225.
- Rees W.G., Stammler F.M., Danks F.S., Vitebsky P. (2008). Vulnerability of European reindeer husbandry to global change. *Climatic Change*, (87), 199–217. doi: 10.1007/s10584-007-9345-1.
- Sannel A.B.K., Kuhry P. (2011). Warming-induced destabilization of peat plateau/thermokarst lake complexes. *Journal of Geophysical Research*, 116. doi: 10.1029/2010JG001635.
- Schuur E.A.G., Bockheim J., Canadell J.G., Euskirchen E., Field C.B., Goryachkin S.V., Hagemann S., Kuhry P., Lafleur P.M., Lee H., Mazhitova G., Nelson F.E., Rinke A., Romanovsky V.E., Shiklomanov N., Tarnocai C., Venevsky S., Vogel J.G., Zimov S.A. (2008). Vulnerability of Permafrost Carbon to Climate Change: Implications for the Global Carbon Cycle. *Bio Science*, (58), 701–714. doi: 10.1641/B580807.
- Schuur E.A.G., McGuire A.D., Schädel C., Grosse G., Harden J.W., Hayes D.J., Hugelius G., Koven C.D., Kuhry P., Lawrence D.M., Natali S.M., Olefeldt D., Romanovsky V.E., Schaefer K., Turetsky M.R., Treat C.C., Vonk J.E. (2015). Climate change and the permafrost carbon feedback. *Nature*, (520), 171–179. doi: 10.1038/nature14338.
- Shiklomanov N.I., Streletskiy D.A. (2013). Effect of Climate Change on Siberian Infrastructure. In P. Groisman, G. Gutman (Eds.), *Regional Environmental Changes in Siberia and Their Global Consequences* (pp. 155–170), Springer, Dordrecht.
- Sjöberg Y., Hugelius G., Kuhry P. (2013). Thermokarst Lake Morphometry and Erosion Features in Two Peat Plateau Areas of Northeast European Russia: Thermokarst Lake Morphometrics and Erosion in Two Peat Plateau Areas. *Permafrost and Periglacial Processes*, (24), 75–81. doi: 10.1002/ppp.1762.
- Smith L.C., Sheng Y., MacDonald G.M., Hinzman L.D. (2005). Disappearing Arctic Lakes. *Science*, (308), 1429–1429. doi: 10.1126/science.1108142.
- Stammler F. (2005). *Reindeer nomads meet the market: Culture, property and globalisation at the «End of the land»*, Münster, Westf: LIT.
- Stammler F., Peskov V. (2008). Building a 'culture of dialogue' among stakeholders in North-West Russian oil extraction. *Europe-Asia Studies*, (60), 831–849. doi: 10.1080/09668130802085182.
- Ulrich M., Habeck J.O. (2015). IPA action group report: Permafrost and culture (PaC). *Frozen Ground*, 3–4.
- Ventsel A. (2005). *Reindeer, Rodina and Reciprocity: Kinship and property relations in a Siberian village*, Münster, Westf: LIT.
- Walker D.A., Forbes B.C., Leibman M.O., Epstein H.E., Bhatt U.S., Comiso J.C., Drozdov D.S., Gubarkov A.A., Jia G.J., Kaarlejärvi E., Kaplan J.O., Khomutov A.V., Kofinas G.P., Kumpula T., Kuss P., Moskalenko N.G., Meschtyb N.A., Pajunen A., Reynolds M.K., Romanovsky V.E., Stammler F., Yu Q. (2010). Cumulative Effects of Rapid Land-Cover and Land-Use Changes on the Yamal Peninsula, Russia. In G. Gutman, A. Reissell (Eds.), *Eurasian Arctic Land Cover and Land Use in a Changing Climate* (pp. 207–236), Springer Netherlands, Dordrecht. doi: 10.1007/978-90-481-9118-5_9.

В.Я. Темплинг

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: tmp1@mail.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Развитие крестьянской общественной инициативы в области охраны здоровья, новые элементы в повседневной жизни селян, новые подходы к оценке крестьянами земли рассматриваются как индикаторы изменения традиционных ценностных ориентаций сельского населения в условиях модернизационных процессов. На основе архивных и опубликованных источников раскрывается участие сельских обществ в создании и финансировании сельских больниц и фельдшерских пунктов. Отмечается значительное увеличение числа зарегистрированных больных и объемов ручных продаж в аптеках, особенно сельских, показывающее рост доверия населения к официальной медицине. На примере пригородных селений демонстрируется изменение элементов повседневной жизни, выразившееся в смене занятий, дрейфе конфессиональной идентичности. Позиционируются новые подходы в оценивании сельскими жителями земли исходя из ее рыночной стоимости, создаваемой развитием транспортных коммуникаций и ростом города, а не из плодородности и перспектив высокого урожая.

Ключевые слова: традиционная картина мира, общественная инициатива, ценностные ориентации, сельская медицина, здравоохранение, фельдшерский пункт, повседневность, Тобольская губерния.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-120-128

Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400150-2.

Столбовая дорога современной отечественной исторической науки — теория модернизации, во всевозможных ее проявлениях, трактовках, вариациях. В русле модернизационной парадигмы изучаются все аспекты истории российского общества нового и новейшего времени — экономика, социальная история, история идей, интеллектуальная история, история повседневности и пр. Объединяющим началом, вокруг которого строятся почти все интерпретации, служит понятие изменения, его характер, направленности, конфигурации, глубина, условия, влияющие факторы и т.д. Именно изменения являются индикаторами состояния при переходе от традиционного общества к индустриальному. Несмотря на то что локомотивом модернизации выступают прежде всего экономические процессы, в последние годы все большее внимание уделяется изучению социокультурных изменений, сопровождающих процессы перехода и одновременно свидетельствующих о них.

Характерная особенность развития России — неравномерность. Глубина охвата России различными социальными, экономическими, культурными и политическими процессами была существенно различна. Даже в развитом Северо-Западном районе, который уже к середине XIX в. сформировался как промышленный и торгово-промышленный центр, модернизация слабо захватывала территории, расположенные за 25-верстной чертой от Петербурга и в стороне от железных и шоссейных дорог [Кузнецов, 2012, с. 43]. На вовлечение отдельных территорий российской империи в модернизационные субпроцессы оказывали влияние географическое положение, наличие актуальных и доступных природных богатств, удобных путей сообщения, близость к столичным центрам и множество прочих условий [Побережников, 2016]. Локальная вариативность модернизации иллюстрируется характером развития Западно-Сибирского суперрегиона, на территории которого в результате интенсивных социально-экономических преобразований XVIII в. сформировались два района индустриализации — Урал и Алтай (Кузбасс), остававшиеся ведущими вплоть до середины XX в.; остальные же территории по темпам и характеру социально-экономического развития долгое время были преимущественно аграрными, в большей степени сохраняли традиционный уклад экономики и образа жизни. Их индустриализация начнется только во второй половине XX в. [Зиновьев, 2003; Карпов и др., 2011]. Тем не менее и за

границами индустриальных центров влияние модернизации постепенно проявлялось. Формирующийся внутренний рынок через налаживание транспортных коммуникаций, особенно строительство железных дорог, развитие массового производства предметов потребления постепенно втягивал в свою орбиту и удаленные территории. Причем на периферии социокультурные изменения иногда предшествовали экономическому подъему, особенно в сферах ответственности администрации — управлении, печати, образовании, медицине [Побережников, 2013]. В середине XIX в. общественные объединения — общества профессиональные, благотворительные, по интересам — на периферии чаще всего начинали создаваться именно под влиянием администрации. Например, первое в Сибири физико-медицинское общество было организовано в Тобольске с подачи губернатора А.И. Деспот-Зеновича в 1864 г., он же был инициатором организации бесплатной лечебницы для бедных, что не противоречило общероссийским тенденциям: государство поддерживало деятельность многих добровольных обществ [Бредли, 2014, с. 58, 82–83, 174]. Однако уже в 1880–1890-х гг. инициатива из рук администрации переходит в руки общественности, создается огромное количество самых разнообразных добровольных объединений, в которых увеличивается доля крестьян, бурно развивается частная инициатива в сфере печати [Дегальцева, 2002, с. 29–32, 49; Мандрика, 2013, с. 125–174]. Вместе с тем изменения, изучению которых посвящены перечисленные работы и которых на самом деле в разы больше, чаще касаются исключительно города и городских жителей или крестьян, уже переселившихся в город. Что же происходило в сибирской деревне в это время? Менялось ли что-нибудь в деревенском укладе жизни, в представлениях крестьян об окружающем мире, в их отношении к нему, в ценностных предпочтениях? Как влияла на эти изменения близость к транспортным коммуникациям, региональным центрам промышленности, торговли?

Цель работы заключается в раскрытии изменений традиционных ценностных ориентаций сибирского сельского населения, проявившихся на рубеже XIX–XX вв. В фокусе исследования находятся фундаментальные для традиционного общества элементы — земля, здоровье и внутриобщинные отношения. Поскольку каждый из них сам по себе необъятен для изучения, то перемены в ценностных ориентациях сельских жителей рассматриваются на примере развития общественной инициативы в области здравоохранения и отношения к официальной медицине, изменений элементов повседневной жизни и подходов к оценке крестьянами главного своего богатства — земли. Исследование базируется на сведениях, извлеченных из статистических обзоров Тобольской губернии, делопроизводственной документации местных органов управления и воспоминаний. Хронологические рамки работы охватывают период второй половины XIX — начала XX в., территориально — Тобольскую губернию.

Инициатива сельских обществ в сфере здравоохранения

Общественная самодеятельность рассматривается как важная предпосылка в формировании начал гражданского общества. Втягивание сибирского общества в эти процессы произошло несколько позднее, чем в центральной части страны, и они имели свои характерные особенности [Дегальцева, 2002, с. 29]. Исторически сложилось, что крестьянская самоорганизация и общественная инициатива аграриев в Сибири ассоциируются прежде всего, и вполне правомочно, с кооперативным движением в области маслоделия, с созданием потребительских и страховых обществ, бурное развитие которых приходится на начало XX в. [ГАТ, ф. 152, оп. 35, д. 695, 696]. Однако, видимо, первые импульсы, свидетельствовавшие об изменениях в традиционной картине мира, в представлениях о болезнях, в отношении крестьян к официальным институтам, в том числе медицине, в рациональном русле осознания ответственности перед лицом возможной внешней опасности, проявились в 1890-х гг. Хорошо известно, что для представлений крестьян об эпидемических заболеваниях, таких, например, как оспа, был характерен фатализм, упование на божью волю [Темплинг, 2017, с. 74]. Именно так, в передаче штаб-лекаря И. Барвинского, аргументировали крестьяне Сычевской волости Курганского уезда свой отказ прививать детей от оспы в 1788 г.: «...что как-де отцы наши, деды и прадеды не прививали и не давали посторонним лечить оспу, то и мы не согласны... а будет или нет еще оспа, мы не господа, и наши дети не господские, и какая на ком будет оспа, малая или великая, так тому и быть и просить небесного творца, чтоб у нас оспы не было» [Нечаева, 2012, с. 361]. Через столетие, в конце XIX — начале XX в., оспопрививание становится еще не всеобщим, но уже систематическим. В этот период прививалось от 33 до 49 % всех родившихся детей [Обзор..., 1881, с. 34; Обзор..., 1911, с. 35].

Пространство губернии чрезвычайно медленно насыщалось медицинскими заведениями, предназначенными для обслуживания гражданского населения. Инициатором их организации выступало государство, но содержание, как правило, возлагалось на граждан, которые должны были предоставить помещение, обслуживать его, содержать вспомогательный персонал и нести другие расходы. И это отнюдь не вдохновляло местные сообщества на активные действия. Почти сто лет понадобилось для того, чтобы в Тобольской губернии реализовался план по развитию медицинского обслуживания гражданского населения, основы которого были заложены еще реформой 1775 г. Характерный пример связан с Тюменью. Указом Тобольского наместнического правления 1789 г. тюменским властям предлагалось организовать «гобшпиталь» с аптекою при нем. Уездный лекарь доктор медицины И. Линденберг еще в ноябре 1792 г. требовал от городских властей открытия больницы, жаловался, что «привезенная из Таболска для пользования болных на годовую препорцию аптека» хотя и хранилась на квартире у врача, но по неимению удобного места «попортилась ценою на 35-ть рублей с копейками». Тем не менее, несмотря на все усилия докторов и властей, открытие больницы состоялось лишь в 1809 г. [Трофимова, 2002, с. 365–366, 471–472; Гриценко, 2004, с. 217]. Только к 1840-м гг. в каждом уездном центре губернии появились гражданские больницы, но это были городские заведения (кроме двух, предназначенных для инородцев, в Березове и Сургуте, но и они располагались в уездных центрах) и их было всего 10. Опыт организации крестьянской больницы в Тобольске оказался неудачным. Просуществовав в этом статусе с 1816 по 1823 г., она была ликвидирована «за ненадобностью» [Гриценко, 2004, с. 214]. Ситуация начинает значительно изменяться только к концу XIX в. В это время медицинскую помощь могли получать даже жители полярных поселков [Повод, 2006, с. 158–159].

Характеризуя особенности организации сельской медицины в Тобольской губернии, докладчик первой секции Первого губернского съезда сельских врачей, состоявшегося зимой 1911 г., врач К.Д. Даниель констатировал, что в Курганском и части Ишимского уезда действовала «своеобразная сельско-врачебная организация: сельское общество, которое несет определенную денежную повинность на содержание общегубернской медицинской организации, добровольно отпускает добавочные средства, часто даже превышающие... обязательные повинности, на свою собственную участковую организацию». Так, крестьянские общества Курганского уезда за 14 лет (1897–1909) дополнительно, сверх губернского земского сбора, выделили свыше 40 тыс. руб. для постройки четырех лечебниц и израсходовали на их содержание свыше 200 тыс. руб. [Труды..., 1911, с. 3–4]. По данным обзоров Тобольской губернии за конец XIX — начало XX в., по приговорам сельских обществ на финансирование местных медицинских заведений сверх губернского сбора было дополнительно выделено: в 1897 г. — 21 027 руб., в 1900-м — 32 200, в 1901-м — 36 191, в 1902-м — 29 019, в 1903-м — 34 016, в 1906-м — 33 437, в 1907-м — 22 435, в 1908-м — 52 342 и в 1909-м — 54 779 руб. (за 1906–1909 гг. указаны суммы совместно со средствами частных фабрик и заводов). Всего за десять лет, по которым имеется информация, сельскими жителями на улучшение собственного медицинского обслуживания было потрачено 315 446 руб. Цифра внушительная. Важно отметить, что эти средства тратились исключительно на «свои» больничные или приемные покои, фельдшерские пункты, фельдшеров. Общества сами выделяли и контролировали расходы.

Безусловно, такому «развороту» способствовали отнюдь не самые благоприятные обстоятельства. Главное из них — эпидемия холеры 1892 г., наложившаяся на неурожай и голод 1891/92 г. Начавшись в июле 1892 г. в Тюмени среди переселенцев и арестантов, она быстро распространилась вдоль трактов до Тюкалинска, Ялуторовска, Ишима, Кургана и вдоль рек вплоть до Томска. Из 29 876 заболевших скончалось 14 058 чел. [Обзор..., 1893, с. 12]. Вполне закономерно, что первыми к пониманию важности дополнительных мер безопасности пришли жители сел, расположенных вдоль трактов, через которые проходили партии переселенцев и арестантов. Из 22 сельских медицинских заведений, отмечаемых в отчетах первой половины 1890-х гг., 21 было организовано в 1893 г., в ожидании возможного повторения эпидемии, на средства Переселенческого управления, Особого комитета и тюменских пароходовладельцев, и 6 из них были устроены местным населением: в селах Успенском Тюменского уезда, Шмаково Курганского уезда, Баженовском (Тюкалинский уезд), Кодском (Ялуторовский уезд), Муромцево и Викуловском Тарского уезда. Причем жители сел Баженовского, Муромцевского и Викуловского собирали средства или уже строили здания для постоянного размещения больниц. Самой же

первой сельской больницей, созданной по инициативе и на средства общества, стала совсем небольшая (на 3 кровати) больница в с. Абатском, открытая еще в 1890 г. [Там же, с. 17–18].

Еще одним ярким индикатором изменений в традиционной картине мира сибиряков являются данные о динамике посещений или количестве зарегистрированных больных. В связи с разнородностью цифр, фигурирующих в обзорах губернии, приведем показатели только за те годы, когда точно фиксируется число больных по уездам, полагая по умолчанию, что подавляющая их часть сельские жители. В 1901 г. губернской медицинской статистикой здесь было зафиксировано 422 878 больных (и 487 568 посещений), в 1902 г. — 274 039 (423 619 посещений), в 1903 г. — 283 536, в 1905 г. — 378 981, в 1906 г. — 331 001 и в 1910 г. — 416 372. Безусловно, с одной стороны, такой значительный рост был связан с увеличением больничной сети, совершенствованием медицинской статистики¹, развитием переселенческого движения и его медицинского обслуживания. Но с другой стороны, не менее важно и то, что данные свидетельствуют также об изменении отношения сибиряков к медицинской помощи, о росте их доверия официальной медицине и врачам. Приведенные выше цифры отражают лишь самую общую картину посещений, не всегда дифференцируя категории пациентов. В небольшой статистике переселенческих больниц, озвученной на Первом губернском съезде сельских врачей, приводятся показатели посещений переселенцами и старожилами. Так, в 1906 г. больницы Переселенческого управления оказали медицинскую помощь 9169 старожилам амбулаторно, а в стационаре старожилы провели 232 дня. В 1909 г. амбулаторных больных из старожилов было уже 30 581, а в стационаре они лечились 3192 дня [Труды..., 1911, с. 51]. Увеличение доли старожилов в структуре пациентов переселенческих лечебниц также является следствием целенаправленного преодоления ведомственной разобщенности, над чем трудилась медицинская общественность и что обсуждала на губернских съездах врачей [Там же, с. 50–52; Свод заключений..., 1913, с. 21–22].

Показателем повышения доверия местного населения к официальной медицине могут служить и объемы ручных продаж в аптеках и аптечных магазинах губернии, особенно расположенных в сельских районах. Аптечная ручная продажа — это безрецептурный отпуск готовых лекарственных форм, предметов гигиены и других сопутствующих товаров. Пока нам неизвестна структура продававшегося ассортимента. Это не позволяет утверждать, что продажа лекарств превалировала над продажами других товаров (кроме лекарств и средств гигиены, в аптеках того времени можно было приобрести массу сопутствующих товаров, никак не связанных с медициной и со здоровьем вообще), но и сам факт значительного роста объемов ручной продажи, на наш взгляд, может свидетельствовать о важных изменениях в знаниях и представлениях сельских жителей. Он может говорить о том, что часть селян была уже достаточно осведомлена в вопросах здоровья и разбирались в современных лекарственных средствах настолько, что могла самостоятельно приобретать необходимые товары в аптеках. Это очень важное изменение, касающееся фундаментальной основы традиционной модели здоровья, в основе которой все-таки находились самопомощь и обиходные врачебательные знания [Темплинг, 2018]. Обращению к знахарю или врачу почти во всех случаях, кроме экстренных, предшествует период, когда человек пытался и пытается самостоятельно справиться с недугом. На этом этапе в действие идут привычные, хорошо известные лекарственные средства и приемы лечения, которые и составляют обиходные знания [Темплинг, 2017, с. 163–174]. Изменения происходили именно в этом сегменте: в состав, условно говоря, крестьянского медицинского обихода начинают включаться лекарства, изготовленные по правилам химической науки, промышленным способом, готовые лекарственные формы, приобретаемые в аптеках, которые пришли на смену «зеленым» рядам и москательным лавкам. В начале XX в. в обиходные медицинские практики сибиряков, например, в качестве дезинфицирующего средства вошла карболовая кислота. Крестьяне применяли ее самостоятельно, не прибегая к помощи и наставлениям врача. В 1909 г. крестьянин д. Размазиной Тюменского уезда М.Р. Легостаев, перед тем как отвезти на скотомогильник труп лошади, павшей от сибирской язвы, место гибели обработал «карболовкой». При этом он, очевидно, был не очень осторожен, заразился сам и скончался через несколько дней. Дезинфекцию в доме Легостаева проводил не медицинский специалист, а становой пристав [ГАТ, ф. 352, оп. 1, д. 1472, л. 2–3].

¹ Карточная система учета больных с фиксацией социального происхождения, места жительства, семейного положения и пр. вводилась в Тобольской губернии только с 1 января 1888 г. [Отчет Тобольской лечебницы... 1888, с. 4].

Стоит обратить внимание на факт преобладания ручных продаж именно в сельских аптеках и в городских аптеках аграрных районов с повышенной долей переселенцев. По данным губернских обзоров за 1897–1914 гг., устойчивое превышение ручных продаж над рецептурными отмечается в аптеках Ишима, Тары, Тюкалинска, сел Юдинского, Муромцевского, Омутинского и в аптеке на железнодорожной станции Калачинской. Если объем продаж по рецептам в этих аптеках с 1897 г. по 1914 г. вырос в 3,9 раза, то ручная продажа — в 5,7 раза. К сожалению, документы не позволяют дифференцировать покупателей, установить соотношение между переселенцами и старожилами. Вероятно, переселенцы, прибывавшие из центральных губерний страны и Прибалтики, из районов, развитых в медицинском отношении, являлись более активными клиентами, но нельзя не учитывать неизбежного их влияния на старожилов.

Изменение элементов повседневной жизни сельских жителей

В современном региональном исследовательском дискурсе широко представлены индивидуальные траектории превращения бывших крестьян в предпринимателей. На слуху фамилии Н.М. Чукмалдина, А.И. Текутьева, В.Л. Жернакова, семьи Колмаковых и др. Н. Чукмалдин оставил яркое описание не только своей жизни, но и изменений, наблюдаемых им в жизни родной деревни Кулаковой. На его глазах большое патриархальное сообщество (население по преимуществу старообрядческое — по воспоминаниям мемуариста, но не по официальным документам церковного учета), внимавшее своим наставникам, которых тщательно оберегало от властей, постепенно утрачивает интерес к самостоятельной рефлексии по духовным проблемам, предпочитает передать эту привилегию в руки официальной церкви, одновременно избавив себя от множества неудобств, связанных с принадлежностью к оппозиционной деноминации. Если в начале 1820-х гг. в сельском обществе д. Кулаковой Троицкой волости Тюменского уезда официально насчитывалось 336 семей, причисленных к различным старообрядческим направлениям, в том числе 86 к поморскому² [ГАТюмО, ф. И-10, оп. 1, д. 3814, л. 24 об.–38], то в начале XX в. общественность той же деревни бесплатно выделяет из общественного фонда землю для строительства официальной церкви, обязывается нести определенные повинности в обеспечении причта [ГАТюмО, ф. И-49, оп. 1, д. 1024, л. 3–7 об.]. Если в 1830–1840-е гг. учиться грамоте можно было только у старообрядцев-наставников, то в начале XX в. в селе была большая школа, в которой училось до 70 мальчиков и девочек, строилась новая церковь, а «старообрядчество, не подвергаясь прежнему строгому гонению, давно ослабло, и бывшие старообрядцы мало-помалу мирятся с церковью и становятся православными» [Чукмалдин, 1997, с. 24–25].

Близость к большому торговому тракту, связывавшему Сибирь с Ирбитом, с крупнейшим торговым событием года — Ирбитской ярмаркой, и к такому крупному торгово-промышленному центру, как Тюмень, сфокусировали внимание и заботы кулаковских жителей на иных, нежели только сельское хозяйство, заботах. Быстрорастущий город предлагал деревне новые источники доходов, иные способы препровождения свободного и праздничного времени, иные перспективы и стратегии жизни, новые ценности. И деревня дрогнула. Часть деревенских жителей перемещается в город. В конце 40-х гг. XIX в. в Тюмени постоянно находилось до 40 ревизских душ, приписанных к кулаковскому обществу [Там же, с. 33]. А вот что писал в своих воспоминаниях знаменитый земляк кулаковцев о деревне конца XIX в.: «...экономическое положение народа в деревне Кулаковой в то время было в хорошем, сравнительно, состоянии и стало падать лишь в следующие десятилетия, когда в деревне после откупов развернулся кабак со свободной продажей вина, и особенно когда там укрепились на значительное время целых три питейных заведения. Не стало у крестьян запасного хлеба, уменьшилось скотоводство, исчезли “холодовники”, самодельные холсты, сермяги и сукно. На плечах у всех стали появляться фабричные товары — ситцы, кумачи и шерстяные материи. Деревня стала значительно беднее прежнего, и если она теперь еще не так бедна, как некоторые села и деревни ее окружающие, то только благодаря ремеслам, которые при поднявшейся волне переселенческого движения в Сибирь давали много лет подряд хорошие заработки от продажи деревенских изделий» [Там же, 1997, с. 66]. Можно заметить, что автор, уже будучи купцом-миллионером, тем не менее оценивает экономическое благосостояние деревни с точки зрения исконно крестьянских представлений о достатке, который измерялся наличием в хозяйстве достаточных запасов хлеба, множества животных, повседневных вещей домашнего производства добротного качества. Его

² Однако, по воспоминаниям Н. Чукмалдина и утверждению его биографа П. Головачева, в Кулаково преобладали старообрядцы старопоморских согласий: федосеевцы и более радикальные филипповцы [Чукмалдин, 1997, с. 23, 342].

упадок Чукмалдин связывал с деятельностью питейных заведений. Однако причина явным образом находится в иной плоскости, о чем автор пишет между прочим. Косвенно в его тексте отобразились изменения в структурах занятости и потребления однодеревенцев, произошедшие во второй половине XIX в., которые стали возможны благодаря новым основаниям их экономической деятельности. Близость достаточно емкого городского рынка, обеспечивавшего стабильный сбыт ремесленных изделий (кулаковцы специализировались на производстве транспортных средств — телег и саней, деталей их декора, а также элементов комфорта — ковров), по словам мемуариста, давала хорошие доходы. И именно это позволило сельским жителям отказаться от производства избыточных объемов зерна, содержания лишнего скота, трудоемких процессов изготовления домотканых полотен и ориентироваться на товары фабричного производства. Не просто ориентироваться, но иметь достаточно денежных средств, чтобы приобретать «ситцы, кумачи и шерстяные материи». Денег было достаточно и для того, чтобы обеспечивать существование трех питейных заведений, чья деятельность также является свидетельством изменений в ценностных ориентациях сельчан. Это был явный отход от строгих старообрядческих установок на запрет употребления алкоголя не домашнего производства в селении, где еще в середине столетия не пили чай. Кабак стал одним из обязательных элементов в череде прощальных торжеств во время набора рекрут [Там же, 1997, с. 55], т.е., таким образом, одним их значимых элементов досугового пространства деревни.

Изменялись и отношения крестьян между собой. Личная выгода становилась одним из элементов повседневных отношений внутри крестьянского общества. На смену патриархальным связям и практикам приходили новые взгляды и приоритеты. Повествуя о кредите в деревенской жизни, подразумевающим взимание процентов (о них в деревне «никто и никогда даже не слышал», а достаточным обеспечением денег, отданных «взаимы», служила зарубка на бирке), мемуарист писал, что «начиная с пятидесятих годов эти порядки стали быстро изменяться; исчезли патриархальные приемы и отношения. Уже тогда нарастало поколение, в котором появились люди хотя еще и не взимавшие процентов, но уже выговаривавшие отдавать им на срок за $\frac{3}{4}$ цены ремесленные изделия или убирать хлеб с десятины вместо полного рубля за восемь гривен» [Там же, 1997, с. 66–67].

«Мать сыра-земля всех кормит, всех поит, всех одевает, всех своим телом прикрывает»

Устойчивое олицетворение земли в образе матери, отмечаемое в русском народном поэтическом творчестве, отражает ценность и значение земли для человека аграрной цивилизации. По народным поверьям, с которыми церковь и государство боролись несколько веков, погребение в земле «нечистых» покойников могло привести к засухе, неурожаю и голоду [Зеленин, 1995, с. 90–120]. В переходное к индустриальному состоянию время характер отношения к этой фундаментальной ценности начинает постепенно трансформироваться. Изменение подхода сельских жителей, особенно поселений, прилегающих к городу, к оценке земли, понимание ими предпочтений связи между землей, развитием города и транспортных коммуникаций иллюстрирует пример, относящийся к 1910-м гг. Событие касается желания известного тюменского предпринимателя А.И. Текутьева выкупить участки земли, которые он арендовал у крестьян д. Букиной Богандинской волости с 1884 г. Предпринимательская интуиция и деловая хватка городского головы — факт общеизвестный, а вот позиция крестьянского общества весьма показательна в свете изменяющихся условий жизни. В 1912 г. А. Текутьев обратился в Переселенческое управление с просьбой разрешить ему покупку земли в размере 7 дес. за 3000 руб., с чем букинское общество было вполне согласно. Однако заведующий Тюменско-Туринской поземельной партией, подходя к оценке земли с точки зрения стоимости городских земель в связи с перспективами развития города, усмотрел в этом предложении ущемление городских интересов. В частности, он писал о высокой ценности этих участков: «Эта часть гор. Тюмени, к которой прилегают арендуемые Текутьевым участки, как прежде, так и в настоящее время, по своему положению является более ценной. Город рос и растет, главным образом, в сторону расположения текутьевских участков. Вероятными причинами роста города именно в указанном направлении является: близость этой части города к пристани на реке Туре, близость к вокзалу, как Пермской, так и вновь выстроенной Тюмень-Омской железной дорогам, близость к “табору” — месту занятому постройками, в которых стоит ярмарка с 20 июня по 20 июля с ее оборотами в несколько миллионов рублей. В этой части города от вокзала к пристаням проходит железнодорожная ветка, постройка грузовых площадок на которой для надобности складов и заведений, наприим. г. Текутьева, дело только инициативы времени и небольших средств» [ГАТюМО,

ф. И-49, оп. 1, д. 124, л. 35 об.]. И предприниматель Текутьев прекрасно понимал перспективность этих участков, когда говорил о невозможности их использования для хлебопашества: «Миллионер Текутьев если занимается хлебопашеством, то разве только как дилетант, как человек, вышедший из рядовых крестьян. Арендные же участки, за которые Текутьев платит гроши, рентабельны своим исключительным положением, в отношении лучшей более заселяемой части города, рентабельны мельницей и прочими предприятиями Текутьева. Никакой урожай хлебов, как бы исключительно высок он не был, не даст той ренты, которая должна быть начислена с участков, арендуемых Текутьевым, и последний прав, указывая в прошении, что участки непригодны для хлебопашества, в том, конечно, смысле, что невыгодно высокодоходные по своему положению участки обращать под хлебопашество. <...> Положение участков смежно с городскими землями именно в этой части города делают их абсолютно ценными». Так, отчуждаемые под потребности Тюмень-Омской железной дороги земли городом оценивались в 4800 руб. за десятину, а арендные цены при сдаче земель под застройку (усадыбы) колебались между 240–480 руб. за десятину «в зависимости от положения земель как к центру города, так и центру промышленной жизни города» [Там же, л. 36 об.–37]. Соседство с городом, бурно развивавшимся во второй половине XIX — начале XX в., оказало определенное влияние на население прилегающих поселений. Букинские крестьяне были в курсе современных им рыночных тенденций, ориентировались в ценах на землю. И в данном случае для них ценность земли заключалась не в ее плодородности, не в перспективах высоких урожаев. Исходные позиции оценивания лежали уже в иной плоскости, не связанной с сельским хозяйством и традиционными для него приоритетами. «Изложенное выше,— пишет далее эксперт,— во всяком случае, свидетельствует, что сдаваемые в аренду Текутьеву участки исключительно ценны, как с точки зрения букинцев (выделено мной. — В. Т.), оценивших текутьевские участки по 428 р. 57 к. за десятину, тогда как в 10–15 верстах от Тюмени наличные продажные земли сделки заключаются по 28–40 рублей за десятину» [Там же, л. 37 об.–38]. Таким образом, букинцы прекрасно понимали разницу в цене земли и умели оценивать *вероятную* ее стоимость исходя из перспектив сельскохозяйственного использования, но из перспектив развития города, его инфраструктуры. На максимальную цену они не могли рассчитывать потому, что поземельное устройство букинского общества, неоднократно проводившееся, так ни разу и не было утверждено окончательно. В свете земельного переустройства, осуществлявшегося в рамках аграрных реформ начала XX в., все прежние межевания съездом крестьянских начальников признавались недействительными. Поэтому формально они не могли единолично распоряжаться землями, которыми владели на совместных с государством правах.

Заключение

Представленные примеры из жизни сельского населения Тобольской губернии рубежа XIX–XX вв. ярко свидетельствуют об изменениях в традиционной картине мира и образе жизни крестьян. Модернизационные тенденции, властно вторгавшиеся в привычный ход провинциального мироустройства сибиряков, через развитие транспортных коммуникаций, торговли, промышленного производства, урбанизации, предлагали селянам новые варианты жизнеобеспечения, новые жизненные стратегии, иные ценности, в основе которых лежали элементы индивидуализма, осознание значимости индивидуального здоровья, понимание необходимости заботы о нем, предпочтений от занятий, не связанных с работой на земле. Кардинально меняется отношение местного населения к официальной медицине. Ошибочно было бы считать, что исключительно из-за угрозы эпидемий крестьяне изменили свое отношение к официальной медицине и взгляды на болезни, как может показаться на первый взгляд. Эпидемии, в том числе холерные, в XIX в. не были редкостью для Сибири, но только в 1890-х гг. их последствия оказались столь значимыми в социальном аспекте. В основе этого стечение целого ряда обстоятельств, сочетание которых сделало возможным такие изменения. Прежде всего, врачи получили в свое распоряжение множество новых и, что важно отметить, эффективных лечебных средств и инструментов. Практицизм крестьянского сознания не мог не оценить видимый положительный эффект медицинской помощи, который особенно ярко проявился в период эпидемии. Изменения пока еще не носили всеохватывающего характера. В селениях, удаленных от городских центров, железных дорог и других важных транспортных коммуникаций, жизнь менялась медленнее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- ГАТ. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1472.
ГАТюмО. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 124. Дело о поземельном устройстве селений Богандинской волости Тюменского уезда. 1910-1915. 76 л.
ГАТюмО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 3814. Л. 24 об.–38.
Обзор Тобольской губернии за 1880 г. Тобольск, 1881.
Обзор Тобольской губернии за 1892 г. Тобольск, 1893.
Обзор Тобольской губернии за 1893 г. Тобольск, 1894.
Обзор Тобольской губернии за 1910 г. Тобольск, 1911.
Отчет Тобольской лечебницы для приходящих больных за первое двадцатипятилетие. Тобольск, 1888.
Свод заключений второго губернского съезда сельских врачей Тобольской губернии. Тобольск, 1913. 28 с.
Труды первого губернского съезда сельских врачей Тобольской губернии. Тобольск, 1913. 80+86+120 с.
Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания: Избранные произведения. Тюмень, 1997. 368 с.

Литература

- Бредли Д.* Общественные организации в царской России: Наука, патриотизм и гражданское общество. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.
Гриценко Н.В. Благотворительные заведения Тобольского приказа общественного призрения // Тобольский хронограф. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 204–227.
Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.): Бийск: Изд-во Алт. гос. тех. ун-та, 2002. 288 с.
Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.
Зиновьев В.П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв.: Сборник материалов конф. Новосибирск, 2003. [Электрон. ресурс]. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/020.html>.
Карпов В.П., Колева Г.Ю., Гаврилова Н.Ю., Комзорт М.В. Западно-сибирский нефтегазовый проект: От замысла к реализации / Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. 392 с.
Кузнецов В.Н. Периодизация и особенности модернизации Северо-Западного района России в XIX веке // Научное мнение. 2012. № 8. С. 39–50.
Мандрика Ю.Л. Цензура поэтики и поэтика цензуры: Коллекция сведений о сибирской частной печати конца XIX — начала XX в. в жанре patchword. Тюмень: Мандр и К^а, 2013. 300 с.
Нечаева Л.В. Развитие медицинской службы в Сибири в XVIII столетии // Тобольск научный — 2012. Тобольск, 2012. С. 360–363.
Побережников И.В. Север Западной Сибири в контексте российской модернизации XIX — начала XX века // Вестник Перм. ун-та. 2013. Вып. 2 (23). С. 44–52.
Побережников И.В. Акторы российской имперской модернизации: региональные кейсы // Акторы российской имперской модернизации: Люди и структуры империи. Омск: Полиграфический центр КАН, 2016. С. 25–33.
Повод Н.А. Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука, 2006. 272 с.
Темплинг В.Я. Народная медицина русского населения Западной Сибири XIX в.: Социокультурный аспект. Тюмень: Мандр и К^а, 2017. 224 с.
Темплинг В.Я. Модели здоровья сибирского населения в эпоху модернизации (XVIII–XX вв.) // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы Всерос. науч. конф. Тюмень, 2018. С. 425–428.
Трофимова О.В. Тюменская деловая письменность. 1762–1796 г.: Кн. II: Памятники тюменской деловой письменности: Из фондов Государственного архива Тюменской области. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. 838 с.

V.Ia. Templing

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: tmpl@mail.ru

TRADITIONAL VALUES OF SIBERIAN PEASANTS WITHIN THE FRAMEWORK OF RUSSIAN MODERNISATION IN THE 19th — EARLY 20th CENTURY

A number of indicators of changing values of rural populations during the transition from a traditional society to an industrial one are examined through the lens of modernisation theory. These indicators include the development of social health care initiatives of rural communities in Tobolsk Governorate in the late 19th — early

20th century, other new elements in everyday life of the peasants and the new methods of land evaluation they applied. Relying on archival and published sources, we reveal the participation of rural communities in the creation and funding of rural hospitals and feldsher's clinics. The significant growth in the number of registered patients and the increase in the sale of non-prescription drugs in the villages show that the trust of the people in official health care provision was growing. Giving a suburban village as an example, we demonstrate the changes in the peasants' everyday life, such as new occupations, changing patterns of consumption, new leisure activities and a shift in faith from Old Belief to the official church. We also describe new approaches to land evaluation used by the rural population. Thus, when selling land, the members of the peasant communities in the suburban settlements were evaluating it not according to the quality of the land, its fertility and the prospect of large crops, but according to a market price dictated by the development of transport systems, industry, trade and the city growth.

Key words: traditional worldview, social initiative, health care, feldsher's station, sale of non-prescription drugs, daily life, Tobolsk Governorate, rural community.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-120-128

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

REFERENCES

- Bradley J. (2012). *Voluntary Associations in tsarist Russia: Science, Patriotism and Civil Society*, Moscow: Novyi khronograf.
- Degal'tseva E.A. (2002). *Public non-political organizations of Western Siberia (1861–1917)*, Biisk: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta.
- Gritsenko N.V. (2004). Charitable institutions of Tobolsk regiment of public assistance. *Tobol'skii khronograf*, (4), Ekaterinburg, 204–227.
- Karpov V.P., G.Iu. Koleva, N.Iu. Gavrilova, M.V. Komgort. (2011). *West Siberian oil and gas project: From the idea to implementation*, Tyumen: TiumNGU.
- Kuznetsov V.N. (2012). Periodization and special features of modernization in Northwestern region of Russia in XIX century. *Nauchnoe mnenie*, (8), 39–50.
- Mandrika Iu. L. (2013). *Censorship of poetics and poetics of censorship: Patchword collection of the data about private press in the late 19th — early 20th centuries*, Tyumen': Mandr i K^a.
- Nechaeva L.V. (2012). Development of medical service in Siberia in 18th century. *Tobolsk nauchnyi — 2012*, Tobol'sk, 360–363.
- Poberezhnikov I.V. (2013). The North of West Siberia in the context of Russian modernization in the 19th — beginning of the 20th century. *Vestnik Permskogo universiteta*, (2), 44–52.
- Poberezhnikov I.V. (2016). Actors Russian imperial modernization: Regional case studies. *Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii: Liudi i struktury imperii*, Omsk: Poligraficheskii tsentr KAN, 25–33.
- Povod N.A. (2006). *Komi of the Northern Trans-Urals (19th — the first quarter of 20th century)*, Novosibirsk: Nauka.
- Templing V.Ia. (2017). *Folk medicine of the Russian population of Western Siberia XIX century: (Socio-cultural aspect)*, Tyumen': Mandr i K^a.
- Templing V.Ia. (2018). Modern health models of the Siberian population. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*, Tyumen', 425–428.
- Trofimova O.V. (2002). *Tyumen business literature. 1762–1796. Book II: Monuments of Tyumen business literature: From the collections of the State archive of Tyumen region*, Tyumen': Izdatel'vo Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Zelenin D.K. (1995). *Selectas. Essays on Russian mythology. People who had unnatural death and mermaids*, Moscow: Indrik.
- Zinov'ev V. P. (2003). Special features of transition of Siberia from agricultural to industrial society. *Sibirskoe obshchestvo v kontekste modernizatsii. XVIII–XX vv.: Sbornik materialov konferentsii*, Novosibirsk: RITs NGU. Retrieved from <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/020.html>.

А.А. Авдашкин

Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)
просп. Ленина, 76, Челябинск, 454080
E-mail: adrianmaricka@mail.ru

ЭМИГРАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ УРАЛЬСКИХ НЕМЦЕВ В 1929–1930 гг. (ОПЫТ ЛОКАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

На основе архивных источников, впервые вводимых в научный оборот, рассматривается сопротивление коллективизации в немецких колониях Уральской области. Описано положение в немецких поселениях Троицкого округа и охарактеризованы эмиграционные настроения колонистов.

Ключевые слова: социалистическое строительство, коллективизация, национальные меньшинства в СССР, немцы на Урале, немецкие колонии, миграционное поведение, эмиграционное движение российских немцев, Троицкий округ, историческая локализация.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-129-135

Постановка проблемы

В XX — начале XXI в. через южно-уральский край проходили маршруты трансграничных миграций, носивших как добровольный, так и вынужденный характер. Заметную роль в этнической истории региона на протяжении последних трех столетий играли немцы, которые являются наглядным примером «народа в пути» («Volk auf dem Weg»). Его история — это история миграций и выработки адаптивных моделей поведения к изменяющимся условиям в российском обществе. Политика государства в отношении подданных немецкой национальности или внешнеполитические факторы оказывали существенное влияние на положение немцев в России. Модернизационные процессы часто сопровождались привлечением иностранцев, в первую очередь немцев. На определенных отрезках отечественной истории в отношении принимающего общества и немецкой этнической группы нарастала напряженность. Это приводило к оттоку немецкого населения. Такой страницей в истории российских немцев является коллективизация.

Эмиграционное движение в этот период изучено уже достаточно подробно [Белковец, 1995; Mick, 1995; Branders, Savin, 2001]. На уральском материале раскрыты основные вопросы истории немцев в годы социалистического строительства [Тюлюлюкин, 2006; Немцы на Урале..., 2009; Емельянова, 2013; Толмачева, 2013]. Несмотря на это в исследовании темы остались некоторые пробелы. Не все документы архивохранилищ по этой проблеме введены в научный оборот.

Статья посвящена сюжету об эмиграционных настроениях немецких колонистов в Троицком округе Уральской области (с 1934 г. — территория Челябинской области) зимой 1929–1930 гг. В основе материала лежит метод исторической локализации. Тем самым данный кейс встраивается в общий контекст истории российских немцев в период коллективизации и дополняет историю немцев края.

Источниковую базу составили документы Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО). Это фонды Троицкого окружного комитета ВКП(б) (П-170) и Троицкого окружного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (Р-421).

Эмиграционное движение советских немцев в 1929–1930 гг.

Существенная роль в формировании политики в отношении немецкого населения в рассматриваемый период принадлежит постановлению Секретариата ЦК ВКП(б) от 12 апреля 1929 г. «Об итогах хозяйственного и культурного строительства в немецких колониях». Эмиграционное движение немецких колонистов приобретало все более организованный и широкий характер. На это влияла политика советской власти и деятельность различных пропагандистов, действовавших среди немцев. Отмечен рост влияния кулачества и духовенства на настроения немецких крестьян, подчеркивалось отсутствие кадров для организации просветительской работы. В этой связи окружные и районные комитеты партии обязывали выдвигать на руководящую со-

ветскую работу немцев из местного населения [Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) от 12 апреля 1929 г.]. К концу 1930 г. предлагалось перевести всю работу в колониях и делопроизводство в немецких сельсоветах на немецкий язык.

Поводом для начала массового перемещения немцев к Москве послужило решение Президиума ВЦИК от 5 августа 1929 г., разрешавшее в виде исключения эмиграцию 25 семейств меннонитов. Несмотря на постановление Президиума ВЦИК от 16 сентября 1929 г. о прекращении выдачи разрешений на эмиграцию, переезд немцев в Москву продолжался всю осень. К середине ноября в окрестностях столицы ожидали разрешения покинуть Советский Союз около 13 тыс. эмигрантов. Эмиграционное движение привлекло внимание международного сообщества, и советскому руководству пришлось пойти на компромисс. Так, 25 ноября 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение выпустить из СССР отдельными группами «кулацкие элементы меннонитов». В общей сложности из СССР тогда эмигрировало 5,7 тыс. немцев [Савин]. Принудительное возвращение остальных эмигрантов из-под Москвы на места проживания вызвало массовое сопротивление населения мероприятиям советских органов. Эмиграционное движение повлекло полное разорение хозяйств, которые распродали за бесценок, имущество эмигрантов передавалось колхозам. Значительная часть реэмигрантов отказывалась от вступления в колхоз и саботировала весной 1930 г. посевную кампанию. Изменить ситуацию в пользу власти помогли массовые репрессии. Запрет на эмиграцию привел к принудительному вовлечению немцев в общегосударственные процессы коллективизации, раскулачивания и борьбы с религией.

В 1930-е гг. политика советской власти в отношении немецкого населения была противоречивой. Разрушались традиционные социальные институты немецких колоний, но при этом был взят курс на организацию немецких национально-территориальных образований. Делопроизводство переводилось на немецкий язык, создавались немецкие национальные школы и т.д. Однако эти мероприятия зачастую проводились формально. Методы работы партийных, советских и оперативных органов носили преимущественно карательный характер. После того как недовольных репрессировали, а зажиточных выслали, необходимость в существовании немецких национальных районов и сельсоветов стала постепенно сходить на нет.

Коллективизация в Троицком округе: начало 1930 г.

Переустройство деревни путем массовой коллективизации бедняцких и середняцких хозяйств, ликвидация кулачества как класса обострили борьбу крестьянства с советской властью. Борьба принимала «особо резкие и разносторонние формы». Участились поджоги колхозного имущества, акты насилия в отношении партийного и советского актива, организовывалось сопротивление хлебозаготовкам, коллективизации и другим мероприятиям советской власти [Справка ОГПУ о противодействии кулачества...].

В феврале 1930 г. по линии ОГПУ поступило предложение приостановить выселение кулаков из Троицкого округа, где сложилась «особо серьезная обстановка». Выселение решили возобновить после тщательной подготовки проведения раскулачивания, проверки и утверждения списков высылаемых. В шифротелеграмме секретаря Уральского обкома ВКП(б) И.Д. Кабакова, адресованной И.В. Сталину, сказано: «...оставлять после этого кулаков в Троицком округе опасно». На это имелись свои причины. В Троицком округе «раскулачивание» приобретало характер самостоятельной репрессивно-конфискационной кампании. Так, еще до конца января 1930 г. в отдельных районах доля подлежащих высылке «кулацких хозяйств» достигала шести и более процентов от общего числа крестьянских хозяйств. Данная кампания использовалась и для быстрого закрытия церквей с последующей высылкой священнослужителей. Наряду с уже имевшими место «перегибами» это спровоцировало рост недовольства населения. Только в феврале — марте 1930 г. в Троицком и Курганском округах органы ОГПУ отметили 12 массовых крестьянских выступлений [Шифротелеграмма секретаря Уральского обкома ВКП(б) И.Д. Кабакова...].

Немцы Троицкого округа

Исторические особенности формирования немецкой этнической группы России таковы, что большинство ее представителей составляло сельское население (табл. 1).

В промышленном и аграрном развитии Урала немцам принадлежала заметная роль. Приведем несколько примеров. В начале XIX в. в Златоусте появилось сообщество немецких мастеров-оружейников. В 1814–1818 гг. из Золингена, Клингенталя и других мест Германии на Урал прибыли 115 специалистов с семьями. Численность немецкого населения Златоуста составила 450 чел. В 1915 г. в Челябинском уезде насчитывалось четыре хутора и семь колоний, где про-

Эмиграционное движение уральских немцев в 1929–1930 гг. (опыт локального исследования)

живало 1,5 тыс. чел., в Троицком уезде — 38 колоний, хуторов, заимок и прочих селений с числом жителей 913 чел. [Немцы на Урале..., 2009, с. 55]. Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала на территории Уральской области 6,3 тыс. немцев. В подавляющем большинстве это было сельское население (табл. 2).

Таблица 1

Соотношение городского и сельского немецкого населения СССР по материалам переписи населения 1926 г.

Table 1

Urban and Rural German population of the USSR based on the census of 1926

Общая численность	Городское население	Сельское население
1 238 549	184 769	1 053 780

Источник: [Переписи населения Российской Империи, СССР...].

Таблица 2

Немецкое население Уральской области в разрезе по округам (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.)

Table 2

German population of the Ural region in a cut on districts (on materials census 1926)

№ п/п	Округ Уральской области	Городское население	Сельское население
1	Верхнекамский	30	17
2	Златоустовский	151	21
3	Ирбитский	45	34
4	Ишимский	49	104
5	Коми-Пермяцкий	—	17
6	Кунгурский	20	336
7	Курганский	87	106
8	Пермский	198	36
9	Сарапульский	44	120
10	Свердловский	377	38
11	Тагильский	78	29
12	Тобольский	45	35
13	Троицкий	90	1878
14	Тюменский	86	109
15	Челябинский	189	1850
16	Шадринский	51	66
<i>Итого</i>		1540	4796

Составлено по: [Переписи населения Российской Империи, СССР...].

Общая численность населения Троицкого округа составляла 312 тыс. жителей. Из них 258 тыс. — русские. Велика доля представителей национальных меньшинств: 16,5 тыс. — татары, 1 тыс. — башкиры, 14,3 тыс. — украинцы, 8,2 тыс. — нагайбаки, 6,3 тыс. — казахи, 3,6 тыс. — мордва, 1,8 тыс. — немцы, 456 — евреи. Общая численность представителей этнических меньшинств — 54 тыс. чел.¹, при этом к 1929 г. она возросла до 72 тыс. [ОГАЧО. Ф. Р-421, оп. 1, д. 376, л. 1].

Немцы проживали преимущественно в северной и северо-восточной части округа. Это хутора Гурьянова, Зыково 2-е, Федоровский, Колосково, Мариенгель, Байтенгер и др. [Немцы и Челябинская область, 2015, с. 70, 75, 90; ОГАЧО. П-170, оп. 1, д. 8, л. 5]. Существенно различался уровень жизни представителей национальных меньшинств и особенности их хозяйственной деятельности. Немцы вели более «эффективные по всем отраслям хозяйства». Разбросанность по степям округа требовала для работы с нацменьшинствами большой энергии и практической помощи на местах от общественности и партии [Там же. Ф. П-170, оп. 1, д. 744,

¹ Архивные данные уточнены сведениями, размещенными на интернет-портале «Демоскоп-weekly».

л. 116]. В докладной записке уполномоченного по делам национальностей округа Ахмерова констатировалось, что «работа среди нацмен идет изо дня в день слабо» [Там же, д. 900, л. 2].

В переписке Троицкого окружкома с Уралобкомом и ОГПУ обнаружены сведения, что в феврале 1930 г. в немецкие населенные пункты округа выехали товарищи Г.И. Блюмер и О.К. Рожко для проведения разъяснительной работы в связи с активизацией «движения о выезде за границу». Перед командированными работниками ставились задачи разъяснить политику советской власти, разоблачить контрреволюционный характер движения за выезд из СССР и организовать борьбу с кулачеством. Подчеркивалось, что коллективизация в немецких районах должна осуществляться «с проявлением величайшего такта и больших элементов добровольчества» [Там же, д. 663, л. 121–122].

Охарактеризуем возникновение немецких поселений в Троицком округе. В основном немецкие колонисты переселялись на территорию округа в 1900–1905 гг. Земельные наделы, в размере от 40 до 200 дес., приобретались у казачьих офицеров [Там же, д. 899, л. 10]. В результате к концу 1920-х гг. в Каракульском районе насчитывалось 268 немецких крестьянских хозяйств. Общая численность колонистов составляла 1,3 тыс. чел., расселенных по 15 хуторам и поселкам. Наибольшее число немцев проживало в Сысоевском сельсовете. Социальный состав представлен преимущественно бедняками и середняками. Доля кулаков не превышала 15 %. Данные, которыми располагали партийные органы, говорили, что за последнее время — конец 1929 — начало 1930 г. — у немецких крестьян произошел рост эмиграционных настроений, появилось желание «выехать от мала до велика». Организация выезда стала главной темой разговоров местных жителей [Там же, д. 663, л. 270].

Отмечалось отсутствие классовой борьбы. Встречались случаи, когда крестьяне вставали на защиту того или иного кулака и принимали его в колхоз. Только силой из немецкого колхоза, организованного 37 хозяйствами, удалось выгнать 7 кулаков. Используя практически полное отсутствие массовой просветительской работы, кулаки и различные «религиозники» настраивали местных жителей против советской власти. С этой целью объезжались заимки, проводились собрания кулаков, усиливалась агитация за переезд немцев из СССР. Как сказано в сводке, «об Америке думает каждый школьник». Даже выдвигался лозунг: «Ни одного немца не останется в России». Крестьяне скрытно готовились к переезду, постепенно распродавали имущество. Вдохновители этого движения собрали деньги на поездку в Москву к американскому консулу [Там же, д. 899, л. 13].

Между немецкими поселениями велась переписка. Приведем отрывок из письма Ной К.Н. из Крыма его дочери на хутор Каракульский. «Услышали об эмиграции в Америку, послали своего ходока к американскому консулу. Он сообщил нам, что всех иностранцев отправим за границу. Проезд стоит 250 руб. на семью. Это слишком много, поехали хлопотать. Тогда консул послал на Германский праздник, где хлопотали, и стало дешевле до 55 руб. У нас собираются все поголовно ехать, бросают все свое имущество. У нас такой лозунг «всем выехать», и вы должны. Если у вас ничего этого нет, немедленно всем расскажите. Дай почитать письмо Арнольду и выберите надежных людей к консулу. Мы отовсюду получаем письма, все собираются ехать. Получил письмо от Н. Готлиба, он тоже собирается ехать» [Там же, д. 899, л. 15].

Установлено, что к февралю 1930 г. по направлению к Москве и в Киркрай из Троицкого округа уехали жители 15 крестьянских дворов [Там же, л. 10]. Основную причину роста эмиграционных настроений органы власти видели в контрреволюционной работе кулачества, которое «по всем признакам» имело тесные связи с заграницей через религиозные общества и организации [Там же, д. 663, л. 270]. Такие связи имели баптисты. По линии ОГПУ сообщалось об отправке ходоков в Москву для получения разрешения на выезд [Там же, д. 899, л. 10]. В общины верующих для проведения богослужений и совершения обрядов приезжали пасторы из Кустаная, Челябинска и других городов [Там же, л. 13]. Мотивы эмиграции принимали религиозный характер. Приведем несколько цитат из документов: «Наших начетчиков лишают избирательных прав, не дают строить молитвенные дома, поэтому мы уедем» [Там же, д. 663, л. 270]. «...От нас отняли религию, наших священников арестовывают, молиться не разрешают» [Там же, д. 899, л. 7]. Местные жители жаловались, что им «запрещали совершение религиозного обряда, лишали пасторов права голоса». По конфессиональному составу немцы, проживавшие в округе, являлись католиками, лютеранами и баптистами. Данных о численном соотношении представителей этих конфессиональных групп обнаружить не удалось. Изучение архивных документов показало, что в наибольшей степени эмиграционные настроения распространяли баптисты.

Эмиграционное движение уральских немцев в 1929–1930 гг. (опыт локального исследования)

Кроме того, советские газеты колонистами не воспринимались как достоверный источник информации. Прессу получали на немецком языке, «верили только немецким газетам» [Там же, л. 10, 13].

В ряде поселков в протоколах собраний участники записывали: «Нам не нужно пятилеток, нам не нужно социализма, мы поедem туда, где нет пятилеток и социализма». Обсуждение вопроса об организации колхоза и немецкого сельсовета вызывало однозначную реакцию: «От организации колхоза и сельсовета постановили единогласно отказаться, нам нечего строить колхоз, мы уедем в Германию» [Там же, д. 663, л. 270].

В документах констатировалось, что среди немецких колонистов проведена «большая контрреволюционная работа и агитация», в связи с чем ликвидация кулачества как класса здесь невозможна до «выявления и искоренения всех контрреволюционных элементов». По сведениям, предоставленным ОГПУ батраками и бедняками, в колониях округа целая сеть организаций агитировала за эмиграцию.

Такое положение объяснялось как следствие неудовлетворительной работы сельских, районных и окружных организаций с немецким населением. Например, отсутствовали избы-читальни и красные уголки. Литература выписывалась в малом количестве и по срокам поступала неаккуратно. На все немецкое население округа числился всего один кандидат в партию, ни одного комсомольца. Немецкие школы только «с видимой стороны носили советский облик» и т.д. [Там же, л. 270].

Схожие настроения отмечались и в соседнем Челябинском округе. Не велось никакой политико-просветительской работы. Эпизодические попытки ее организовать не только не принесли должных плодов, но и имели обратный эффект. Вот пример из документов. В одном из немецких поселков Чудиновского района сотрудник, приехавший по поручению райкома, в ответ на отказ немецких женщин вступить в колхоз заявил, что у них «головы набиты мхом». Такие случаи отрицательно сказывались на отношении к мероприятиям советской власти. Кроме того, в районах, примыкавших к Башкирской республике, немцы отказывались «вступать в один колхоз с татарами» [Там же, д. 670, л. 46–46 об.].

Для организации отпора контрреволюционным элементам предполагалось провести по всем поселкам округа собрания бедняков и батраков. На них предписывалось широко осветить международное положение, объяснить политику советской власти в национальном вопросе, подробно разъяснить задачи социалистического строительства, в особенности на селе. Кроме того, целью ставилась организация крупного немецкого колхоза на 200–220 хозяйств и сельсовета, избы-читальни и отдела потребительского общества. Конференция бедноты и батрачества немцев Троицкого округа созывалась на 22 февраля 1930 г. [Там же, л. 271–272].

Конференция состоялась 22–23 февраля 1930 г. Центральной темой для обсуждения предсказуемо стала эмиграция. Собравшиеся не проявляли интереса к организации немецкого сельсовета: «Нам ничего не надо, только надо скорее уехать в Америку. Отняли воскресенье и нашу веру. Никакой сельсовет не нужно, ни немецкий, ни русский»; «Нам не нужно сельсовет немецкий, мы уезжаем за границу» [Там же, д. 899, л. 1]. Особенно бурную реакцию вызвал призыв выселить кулаков и организовать решительную борьбу с классовыми врагами.: «Мы все, получается, кулаки, никого не дадим, всех можете выселять»; «...у нас нет кулаков, все середняки и бедняки». Районная конференция показала, что колонисты критически относились к социально-экономической политике советской власти и не связывали свое будущее с жизнью в СССР. Г.И. Блюмер в завершение сказал: «...от немецких колонистов такого каинского поведения, такой иудской продажи не ожидал».

Заключение

Выявленные в региональном архиве документы позволили восполнить определенный пробел в региональной истории и рассмотреть в локальном измерении момент, когда адаптивные практики немецкой этнической группы вошли в противоречие с преобразованиями в деревне. Компактность проживания, консерватизм и особенный ритм сельской жизни способствовали тому, что в среде немецких крестьян за время проживания в России сложилась основа для групповой самоорганизации. Колонисты сформировали прочные внутриобщинные связи, воспроизводили привычные им жизненные практики и культурные нормы, основанные на региональной и этноконфессиональной идентичности. Попытка советской власти привлечь российских немцев к строительству социализма вызвала протест с их стороны. Недовольство качеством жизни и общее разочарование в социально-экономической политике Советского государства

ва трансформировались в стремление покинуть СССР. Однако эмиграционное движение не достигло цели и послужило одним из индикаторов грядущей трагедии в истории немецкой этнической группы в России.

События предвоенного периода, когда репрессиям подверглись верующие, духовенство и представители немецкой интеллигенции, ясно показали, что репрессивный аппарат государства внимательно учел опыт «кулацкой» операции. Начало войны с фашистской Германией повлекло упразднение АССР НП, а депортация коренным образом поменяла географию расселения российских немцев. Уже к концу 1980-х гг. в территориальных рамках Челябинской области сельский ареал компактного проживания немцев остался лишь в Октябрьском районе (бывший Челябинский округ). Сохранился он и до наших дней, тогда как в окрестностях Троицка следы пребывания немцев теперь практически не заметны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Немцы* и Челябинская область: (Энцикл. справочник). Челябинск, 2015. 249 с.
ОГАЧО. Ф. П-170. Оп. 1. Троицкий окружной комитет ВКП(б).
ОГАЧО. Ф. Р-421. Оп. 1. Троицкий окружной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов.
Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 16.05.2018).
Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) от 12 апреля 1929 г. «Об итогах хозяйственного и культурного строительства в немецких колониях». [Электрон. ресурс]. URL: <http://oldgeschichte.rusdeutsch.ch/?hist=1&hmenu0=6&hmenu01=42&hmenu02=158> (дата обращения: 16.05.2018).
Справка ОГПУ о противодействии кулачества политике коллективизации и его выселение в 1929–1930 гг. 17 ноября 1930 г. [Электрон. ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/31824> (дата обращения: 16.05.2018).
Шифротелеграмма секретаря Уральского обкома ВКП(б) И.Д. Кабакова И.В. Сталину о выселении кулаков из Курганского и Троицкого округов. 28 февраля 1930 г. [Электрон. ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/44976> (дата обращения: 16.05.2018).

Литература

- Белковец Л.П.* Большой террор и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х — 1930-е годы). М.: ИВДК, 1995. 317 с.
Емельянова В.В. Реакция немецкого населения Оренбургского района на процессы коллективизации // Немецкое население на Южном Урале в военные и послевоенные годы. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. С. 43–47.
Немцы на Урале XVII–XXI вв. / В.М. Кириллов, Л.А. Дашкевич, В.П. Корепанов, В.П. Микитюк и др. Н. Тагил: НТГСПА, 2009. 288 с.
Савин А.И. Эмиграция меннонитов из СССР 1929 г. в свете документов Архива внешней политики РФ // Немцы Сибири: История и культура. [Электрон. ресурс]. URL: <http://zaimka.ru/savin-mennonites/> (дата обращения: 16.05.2018).
Толмачева А.Ю. Из истории немцев Оренбургской области // Вестник Дагестан. науч. центра. 2013. № 51. С. 99–103.
Тюлюлюкин Е.Ф. Российские немцы в истории Оренбуржья (конец XIX — XX вв.). Оренбург: Пресса, 2006. 194 с.
Brandes D., Savin A. Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat. 1919–1938. Essen, 2001. 495 S.
Mick C. Sowjetische Propaganda, Fuenfjahrplan und deutsche Russlandpolitik 1928–1932. Stuttgart, 1995.

A.A. Avdashkin

South Ural State University
(National Research University)
av. Lenin, 76, Chelyabinsk, 454080
E-mail: adrianmaricka@mail.ru

PATTERNS OF EMIGRATION AMONG URAL GERMANS IN 1929–1930 (BASED ON LOCAL RESEARCH)

In the 20th and early 21st century, the South Ural region, which is located at the crossroads of Asia and Europe, was the focus of routes of cross-border migration. This migration was both voluntary and forced. Ethnic German peoples have played a prominent role in the ethnic history of the region over the past three centuries. Russian Germans are a clear example of a «people on the move» (in German «Volk auf dem Weg»). The history

Эмиграционное движение уральских немцев в 1929–1930 гг. (опыт локального исследования)

of this ethnic group is inextricably linked with migration and adaptation to the conditions in the host society. In this case, we can talk about a kind of migratory ebb and flow, when in certain historical periods the emigration of Germans from Russia increased. One of these pages in the history of Russian Germans is the period of collectivization. In this article, the story about the emigration attitudes of German colonists in the Troitskiy district of the Ural Region in the winter of 1929–1930 is reviewed. Material for the article is provided by documents of the state archive of the Chelyabinsk region. This case-study fits well into the general context of the history of Russian Germans during the period of collectivisation and substantively complements the history of the Germans of the Urals. The transformations that were carried out in the villages led to an increase in desire to emigrate among the German population. The author describes the situation that developed in the German colonies of the Troitskiy district. German colonists retained their traditional ways of life and mindsets, so they did not have the opportunity to take part in socialist reconstruction of the countryside. German peasants were perceived by the authorities as holding on to alien ideologies and being a favourable environment for hostile propaganda. The forced modernisation of the Stalinist period (especially collectivisation and the «cultural revolution») became a powerful factor that transformed the entire way of life of Russian Germans and their ethno-cultural identity.

Key words: building socialism, collectivization, national minorities in the USSR, Germans in the Urals, German colonies, migration behavior, the emigration movement of Russian Germans, the Troitskiy district, historical localism.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-129-135

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

REFERENCES

- Belkovets L.P. (1995). *The Great terror and the Fate of the German village in Siberia (late 1920s — 1930s)*, Moscow: IVDK.
- Brandes D., Savin A. (2001). *Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat. 1919–1938*, Essen.
- Emel'ianova V.V. (2013). The reaction of the German population of the Orenburg region to the processes of collectivization. *Nemetskoe naselenie na luzhnom Urale v voennye i poslevoennye gody*, Orenburg: OOO IPK Universitet, 43–47.
- Kirillov V.M. (Ed.) (2009). *Germans in the Urals of the 17th–21st centuries*, Nizhnii Tagil: NTGSPA.
- Mick C. (1995). *Sowjetische Propaganda, Fuenfjahrplan und deutsche Russlandpolitik 1928–1932*, Stuttgart, 490 S.
- Tolmacheva A.Iu. (2013). From the history of the Germans of the Orenburg region. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra*, (51), 99–103.
- Tiuliuliukin E.F. (2006). *Russian Germans in the history of Orenburg (late 19th — 20th centuries)*, Orenburg: Pressa.

А.Л. Рочева, Е.А. Варшавер, Н.С. Иванова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, 84, корп. 3, Москва, 119571
E-mail: anna.rocheva@gmail.com;
varshavere@gmail.com;
nataliya.ivanova.0709@gmail.com

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ ИЗ ЗАКАВКАЗЬЯ И СРЕДНЕЙ АЗИИ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ТРАЕКТОРИИ

Статья представляет собой начало двухчастной публикации по результатам качественного исследования интеграции мигрантов второго поколения из Средней Азии и Закавказья в Тюменской области (включая ХМАО и ЯНАО), в ходе которого было взято 169 интервью в восьми населенных пунктах региона. Полевая работа в Тюменской области — часть проекта по изучению мигрантов второго поколения в России, который выполняется смешанными — количественными и качественными — методами и является первым всероссийским проектом, сфокусированным на мигрантах второго поколения из категории молодых взрослых (18–35 лет). Под мигрантами второго поколения понимаются те, чьи родители приехали из другой страны и кто окончил в России школу, независимо от того, родились они в России или переехали сюда в дошкольном или школьном возрасте. Описываются миграционные траектории родителей мигрантов второго поколения и их социально-экономические характеристики в свете истории освоения/заселения региона в советский период, а также обсуждаются образовательно-трудовые траектории мигрантов второго поколения в свете структуры возможностей разных населенных пунктов в регионе и за его пределами.

Ключевые слова: мигранты второго поколения, второе поколение мигрантов, Средняя Азия, Закавказье, Тюменская область, интеграция, образовательные траектории, трудоустройство.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-136-145

Статья написана на основании научно-исследовательской работы «Анализ интеграционных траекторий мигрантов второго поколения в России» в рамках государственного задания РАНХиГС на 2018 г.

Введение

По мере становления России в качестве страны, принимающей мигрантов, исследователи начинают обсуждать не только первое поколение мигрантов, но и их детей, социализация которых происходит в России [Тюрюканова, Леденева, 2005; Александров и др., 2012; Александров и др., 2015; Баранова, 2012] — т.е. второе поколение мигрантов, или мигрантов второго поколения. Подавляющее большинство исследований посвящено детям школьного возраста (исключение — исследование представителей «полуторного поколения» мигрантов в возрасте 18–25 лет [Мукомель, 2012]), что объясняется не только юным возрастом мигрантов второго поколения, но и, в случае опроса по школам, более легким доступом к полю и понятной выборкой. Фокус на школьниках ограничивает взгляд исследователей: таким образом можно, например, изучать намерения получать высшее образование, однако фактические постшкольные траектории остаются вне рамок таких проектов. Тем не менее в настоящее время уже можно говорить о тех мигрантах второго поколения, которые перешли в категорию молодых взрослых. Именно им посвящен двухлетний проект авторов этой статьи, в рамках которого изучается интеграция мигрантов второго поколения в возрасте 18–35 лет. Под мигрантами второго поколения мы понимаем тех, чьи родители переехали в Россию из других стран и кто окончил школу в России. Таким образом, эта совокупность включает в себя как родившихся в России, так и переехавших сюда в дошкольном или школьном возрасте. В первую очередь нас интересуют выходцы из Средней Азии и Закавказья: Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Армении и Азербайджана. Проект включает в себя, во-первых, онлайн-опрос российской молодежи, как мигрантов второго поколения, так и немигрантов (результаты пилотного опроса мигрантов второго поколения из

Интеграция мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области...

Армении и Азербайджана опубликованы в [Варшавер и др., 2017a]), во-вторых, серию качественных интервью в Москве [Варшавер и др., 2017b], Краснодарском крае, Твери, Иркутске и Тюменской области.

В этой статье представлены результаты качественного исследования в Тюменской области, проведенного весной 2018 г. Ни одной работы, в которой бы описывалось второе поколение мигрантов в этом регионе, нам найти не удалось. Эмпирическая база включает в себя 169 интервью — биографических с мигрантами второго поколения, чьи родители приехали из Средней Азии и Закавказья, и с членами их семей, а также экспертных с исследователями, представителями местной власти, религиозными деятелями, сотрудниками образовательных учреждений, представителями этнических организаций. Полевая работа проводилась как в крупных городах, так и в небольших населенных пунктах региона: в таких городах, как Тюмень, Сургут, Нефтеюганск, Ноябрьск, Салехард, Новый Уренгой, Покачи, а также в поселке Нижнесортымский. Поиск информантов производился с помощью образовательных учреждений, диаспорных и религиозных организаций, социальных сетей, через места работы мигрантов первого поколения (родителей мигрантов второго поколения), через личные контакты исследователей, а также методом «снежный ком». Гайд интервью включал в себя вопросы, связанные с миграционной историей семьи и социально-экономическими характеристиками родителей, образовательной траекторией и позициями на рынке труда, кругами общения на разных жизненных этапах, романтическими и брачными отношениями, языковыми компетенциями и самоидентификацией. Написанный на основе анализа интервью текст отвечает на вопрос, каковы интеграционные траектории мигрантов второго поколения в Тюменской области, носит описательный характер и оставляет свободу для проверки и поиска объяснений обозначенных взаимосвязей и тенденций будущим исследователям этой темы. В силу обширности материала текст разбит на две статьи. В настоящей (первой) статье описываются образовательные и трудовые траектории мигрантов второго поколения, что предваряется общим описанием региона, историей появления в регионе родителей наших информантов и обсуждением их социально-экономических характеристик. Во второй статье планируется характеристика кругов общения мигрантов второго поколения на разных жизненных этапах, их романтических и брачных партнеров, этнических идентификаций и языковых практик.

Общая характеристика региона

Тюменская область — сложно организованный регион Российской Федерации: помимо собственно Тюменской области (называется югом Тюменской области) она включает в себя Ханты-Мансийский автономный округ — Югру и Ямало-Ненецкий автономный округ, которые, в свою очередь, являются отдельными субъектами РФ. Эта система поддерживается договором между органами власти всех трех субъектов, подписанным в 2004 г. Тюменская область — один из самых крупных (третье место по площади) и экономически благополучных регионов России. По рейтингу социально-экономического положения субъектов Федерации по итогам 2017 г. ХМАО, являющийся основным нефтегазоносным районом России, занимает третье место, ЯНАО — пятое, а Тюменская область без округов — седьмое [Рейтинг...]. Население всей Тюменской области, включая округа, составляет 3,7 млн чел., без округов — 1,5 млн. Население ХМАО — 1,7 млн чел., ЯНАО — 0,5 млн чел. [Численность населения...].

По численности мигрантов второго поколения из Азербайджана, Армении, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана в возрасте до 35 лет (до 27 лет на момент переписи 2010 г.) Тюменская область, включая округа, занимает пятое место в России — после Москвы, Краснодарского края, Ставропольского края и Московской области (34 тыс. чел.). Среди них преобладают люди, выросшие в семьях азербайджанских мигрантов (17 тыс. чел.), меньше всего (3 тыс.) тех, чьи родители — киргизские мигранты, 5 тыс. выросли в семьях армянских мигрантов, по 4 тыс. приходится на тех, чьи родители — таджикские и узбекские мигранты. Тем не менее населенные пункты региона сильно отличаются друг от друга в плане «национального профиля» мигрантов второго поколения — например, в Салехарде преобладают киргизы, а в Нижнесортымском почти нет азербайджанцев.

История появления родителей интересующего нас второго поколения мигрантов в регионе тесно связана с советской политикой «освоения Севера» и развитием Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, которые ведут отсчет с 1960-х гг. Если до этого времени Тюменская область была преимущественно сельскохозяйственным регионом (земледелие по климатическим условиям возможно только в ее южной части), то с открытием первых нефтегазовых ме-

сторождений в ХМАО в 1960-е гг. этот регион начал развиваться очень быстрыми темпами. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс стали называть «третьим Баку»: основными нефтегазовыми регионами СССР на тот момент были Бакинский и Волго-Уральский [Карпов и др., 2011; Мухтасипов, 2009]. Для развития нефтяного промысла в Тюменской области именно из этих регионов — из Баку, Грозного, Татарстана, Башкортостана и т.д. — привлекали специалистов [Карпов и др., 2011]. Для появления азербайджанцев в регионе особое символическое значение имеет то, что одно из первых месторождений нефти в ХМАО — в районе нынешнего Мегиона — обнаружил Фарман Салманов — азербайджанец, выпускник Азербайджанского индустриального института. Для развития нефтегазового комплекса в регион активно привлекались не только специалисты-нефтяники, но и работники других профилей, разного уровня квалификации, в основном молодежь: в 1970–1980-е гг. среди работников Западно-Сибирского нефтегазового комплекса преобладали люди в возрасте до 30 лет [Колева, 2007]. В результате мощного развития промышленности и привлечения работников население региона за этот период выросло в три раза — с 1 млн чел. в 1959 г. до 3 млн чел. в 1989 г. Счет новых населенных пунктов (городов и поселков городского типа) в ХМАО и ЯНАО шел на десятки, а Тюменская область стала одной из наиболее урбанизированных: на сегодняшний день доля городского населения во всем регионе, включая округа, составляет 80 % [Оценка численности...]. Интенсивная миграция из разных районов СССР, в основном в северную часть региона, ХМАО и ЯНАО, привела к изменению национального состава населения: снизилась доля русских и представителей коренных народов, увеличился процент других национальностей — прежде всего украинцев, татар, башкир, белорусов, чувашей, азербайджанцев и молдаван [Стась, 2014]. Таким образом были заложены основы мультиэтничности региона, с преобладанием русских, украинцев, татар и башкир; иными словами, сформировалась своеобразная многонациональная «матрица региона», куда интегрировались вновь прибывающие жители. Миграция в Тюменскую область не прекратилась и после распада СССР [Краснова, Кед, 2017].

Характеристики первого поколения мигрантов

В данном разделе обсудим, каким образом родители интересующего нас второго поколения мигрантов оказывались в Тюменской области, и представим их социально-экономические характеристики, а также состав домохозяйств.

На основании анализа данных были выделены восемь траекторий, которые позволяют понять, каким образом родители наших информантов оказались в Тюменской области в советское или постсоветское время, а также связаны с уровнем образования и квалификации родителей интересующей нас молодежи. Три из восьми траекторий институционально-ориентированные, т.е. связаны с целенаправленными усилиями государства по привлечению на север трудовых ресурсов: направление специалистов из нефтяных предприятий в других частях страны на «вахту», распределение выпускников учебных заведений нефтяного профиля, а также комсомольские путевки и стройотряды, которые рекрутировали работников разного уровня квалификации, в том числе низкоквалифицированных. Эти три траектории, сформировавшиеся в советское время, прекратили свое существование вместе с СССР. Другие пять траекторий, индивидуализированные, продолжились и после 1991 г. Они связаны с получением образования в Тюмени, брачной миграцией и поездками на заработки, а также переездом к родственникам, знакомым или по информации «сарафанного радио». Рассмотрим эти траектории подробнее: сначала институционально-ориентированные, затем — индивидуализированные.

Первая траектория связана с привлечением специалистов нефтяных предприятий в других регионах СССР на работу в Тюменскую область вахтовым методом. Таким образом, например, ездили работать специалисты-нефтяники из нефтяного региона Киргизской ССР, г. Кочкор-Ата — русские, киргизы и узбеки, многие из которых потом осели и перевезли семьи.

Вторая траектория — это направление в Тюменскую область выпускников учебных заведений — преимущественно нефтяников, но не только. Например, отец О. (м., 21 год, Узб., № 231)¹ окончил Кокандский нефтегазовый техникум и по направлению приехал в один из поселков ХМАО, другого выпускника этого же учебного заведения — отца Д. (ж., 23 года, Узб., № 248) — направили работать в Когалым. Отец К. (м., 17 лет, Кырг., № 266) уехал из Кочкор-Аты получать высшее образование по нефтяной специальности в Самаре, после чего его «распределили» в

¹ Описание информантов, приводимое в скобках, включает в себя пол, возраст, страну происхождения родителей, номер по внутренней системе учета информантов.

Интеграция мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области...

один из поселков ХМАО. Направление выдавали и выпускникам других специальностей: О. (м., 55 лет, Азерб., № 385) выучился на инженера-гидротехника, отслужил в армии и получил направление в Полуйскую экспедицию — так он оказался в Салехарде; а деда Л. (м., 20 лет, Арм., № 239) направили работать милиционером в Сургут.

Третья траектория — это комсомольские путевки и отряды, строительные тресты и бригады. Например, по комсомольской путевке, полученной после службы в армии, в Новый Уренгой в 1979 г. приехал отец У. (м., 36 лет, Азерб., № 337), который выполнял виды работ, не требующие специального образования; вместе с бригадой сварщиков в Нижнесортымский в конце 1980-х приехал отец Н. (м., 34 года, Арм., № 254). В строительстве Нового Уренгоя участвовал «Армтрест» (армянский трест), в связи с чем в город приехали строители-армяне, и в их числе отец Ю. (м., 39 лет, Арм., № 372).

Следующие пять траекторий — индивидуализированные. Четвертая траектория связана с получением высшего образования в Тюмени: так в 1980-е в Тюмень приехали отец Т. (ж., 21 год, Азерб., № 335), который стал инженером и работал потом в Тобольске, и отец другой информантки (ж., 25 лет, Азерб., № 377), который окончил школу милиции в Тюмени и получил направление на работу в Новый Уренгой.

Пятая траектория — это поездки на заработки, в советское время носившие название «шабашек» и связанные с сезонным строительством домов или дорог, а в 1990-е включавшие мелкий бизнес в сфере торговли и низкоквалифицированную работу по найму, которая могла из временной перейти в постоянную. Так, в советское время отец У. (м., 50 лет, Груз., № 340) ездил в Ноябрьск на строительные «шабашки», а отец Д. (м., 25 лет, Арм., № 306) начинал в Тюмени сезонно заниматься дорожными работами — оба остались в этих городах и перевезли семьи. В 1990-е из Киргизии в Сургут стали ездить торговать родители Б. (ж., 23 года, Кырг., № 252), в Сургуте они впоследствии и осели. Пример более сложных траекторий, включавших не только Тюменскую область, но и другие регионы, — история семьи информанта У. (м., 20 лет, Кырг., № 379), в которой мама и бабушка сначала торговали на рынке в другом северном городе, а потом переехали в Салехард, или история семьи Г. (м., 30 лет, Кырг., № 359), чей отец в начале 1990-х привозил зелень на продажу в Сибирь и, продвигаясь все севернее, остановился в Ноябрьске и стал там заниматься бизнесом в сфере общественного питания.

Шестая траектория — брачная миграция, более характерная для женщин, чем для мужчин. Это может быть история о том, что молодой человек, уехавший на заработки на Север, спустя некоторое время возвращается в родное село и ищет невесту, женится и забирает жену с собой; или же о том, что муж, устроившись на Севере, зовет к себе остававшуюся до этого на родине жену и, возможно, детей. Пример первого — история семьи Б. (м., 21 год, Азерб., № 360), отец которого начал ездить на заработки в 1990-х гг., женился на девушке на 8 лет младше его самого из своего родного села и привез ее с собой в Новый Уренгой. Пример второго — семья Т. (ж., 19 лет, Тадж., № 223): первым в ХМАО приехал отец, устроился на работу в нефтегазовую компанию, а год спустя к нему переехала остальная семья. Более редкую ситуацию переезда мужа за женой иллюстрирует семья Е. (ж., 20 лет, Кырг., № 308), в которой первой в Салехард приехала мама информантки, за ней последовал муж, а спустя два года они перевезли в Россию детей. Женщины, приезжавшие вслед за мужем, часто не имели никакого образования, кроме школы, или максимум получили диплом о среднем специальном образовании — например, мама Б. (ж., 17 лет, Кырг., № 355) в Кыргызстане выучилась на акушерку, а мама Ц. (м., 22 года, Азерб., № 348) училась на повара. Часть женщин остаются домохозяйками и, даже имея диплом, могут им не воспользоваться. Между тем есть случаи, когда женщины проходят дополнительное обучение в России для подтверждения дипломов (например, мама В. (ж., 22 года, Тадж., № 330) проходит процедуру нострификации диплома о среднем специальном медицинском образовании) или учатся заново (например, мать У. (м., Кырг., № 379) окончила в Кыргызстане колледж, торговала на рынках северных российских городов, а потом, получив гражданство РФ, прошла обучение по специальности медицинская сестра и сейчас работает в больнице).

Седьмая траектория — переезд в Тюменскую область к родственникам или знакомым, которые уехали туда несколько раньше, или же, в ряде случаев, переезд на Север без каких-либо контактов, по информации «сарафанного радио». Так, руководствуясь слухами и не опираясь на какие-либо социальные связи, в одном из поселков ХМАО оказались родители П. (м., 21 год, Кырг., № 224), которым рассказывали, что на Севере «платят хорошо», а в Новом Уренгое —

семья К. (м., 20 лет, Азерб., № 339), так как отец слышал, что это молодой город и там требуются образованные специалисты.

Таким образом, в регион попадали люди с неодинаковым уровнем образования и в разные периоды. Если представить все эти разнообразие ситуации графически с помощью прямой, то на одной ее стороне расположится переезд специалистов с высшим образованием с последующим трудоустройством в соответствии с дипломом, а на противоположной — переезд тех, кто после школы нигде не учился и в Тюменской области стал работать водителем, строителем или уже в 1990-е занялся бизнесом. Пример первого случая, переезда специалистов, — история отца Ю. (м., 23 года, Азерб., № 234), который получил высшее образование в Баку по нефтяной специальности, отслужил в армии и приехал по приглашению своего брата в один из городов ХМАО, где устроился на работу в нефтяную компанию. Пример второго случая, т.е. переезда людей со средним образованием, — Ю. (м., 37 лет, Азерб., № 288), который в 17 лет приехал в Нефтеюганск по приглашению дяди и с тех пор торгует на рынке.

Наконец, восьмая траектория, которую следует выделить как локальную и особенную, характеризует появление армян-беженцев из Нагорного Карабаха в п. Нижнесортымском. Когда в Нагорном Карабахе начались столкновения, один из жителей Нижнесортымского инициировал приглашение беженцев, в результате чего в начале 1990-х там появилось как минимум 50 семей из Нагорного Карабаха. По словам одного из информантов (м., 26 лет, Нагорный Карабах, № 260), сначала беженцев принимали в соседнем поселке — Лянторе, но потом потоки переориентировали на Нижнесортымский. Мало кто из приехавших имел высшее образование, и в основном все мужчины устроились на местное нефтедобывающее предприятие на рабочие специальности. Согласно экспертным интервью, существовали и другие населенные пункты, где осели бежавшие от карабахского конфликта семьи (например, г. Мегион).

Итак, значительная часть родителей информантов переезжала в Тюменскую область в связи с развитием нефтегазовой отрасли в регионе. Насколько с распадом СССР структура занятости изменилась? Те родители, которые, имея высшее или среднее специальное образование, в советское время были заняты в качестве специалистов и/или в нефтяной отрасли, после распада СССР остались работать там же. Некоторые из них параллельно начали заниматься бизнесом — например, возили товары из Москвы или других городов (м., 23 года, Азерб., № 234; м., 60 лет, Нагорный Карабах, № 255), открывали предприятия сферы услуг (м., 22 года, Азерб., № 348). Те же, кто выполнял низкоквалифицированную работу — например, работал водителем, в 1990–2000-е покидают свои рабочие места и занимаются только бизнесом. Из видов бизнеса, которыми занимаются родители информантов в Тюменской области сейчас, можно назвать прежде всего торговлю, автосервис, общепит, строительство и сельское хозяйство.

Большинство информантов выросли в полных семьях, распространенной «конструкцией» семьи была следующая: отец работает по найму, часто в нефтегазовой отрасли, либо в сфере бизнеса, а мать занимается домашним хозяйством и детьми и может выйти на работу, когда дети перейдут в старшие классы школы. Примеры такого типичного случая — семья Б. (ж., 23 года, Кырг., № 307): отец работает в нефтяной компании, а мать сидит дома; и семья П. (м., 23 года, Азерб., № 334), где отец — водитель, а мать до недавнего времени была домохозяйкой и только в последние 2–3 года стала санитарным работником. Впрочем, есть и семьи, где матери всегда работали наравне с отцами, причем уровень образования и доход родителей может варьироваться. Например, в семье У. (м., 30 лет, Нагорный Карабах, № 257) оба родителя с высшим образованием, оба сразу по приезде в Тюменскую область устроились работать в нефтяную компанию, а потом мать из-за тяжелого рабочего графика и наличия маленьких детей уволилась и стала заниматься бизнесом, куда в итоге ушел и ее муж. Другой пример — семья Б. (м., 18 лет, Кырг., № 251): отец работал в Киргизии трактористом, в ХМАО — дворником и таксистом, а мать — уборщицей. Помимо полных семей, впрочем, есть и такие, в которых родители в разводе, не живут вместе или один из них умер; при этом возможны повторные браки или сожительство. Например, развелись родители Х. (ж., 17 лет, Азерб., № 296), и она живет теперь с мамой и старшими братьями; родители Б. (ж., 20 лет, Азерб., № 246) развелись, и сейчас она живет с мамой, отчимом и единоутробной сестрой; умерла мама Б. (м., 20 лет, Азерб., № 292), и он живет с отцом.

Таким образом, родители мигрантов второго поколения в Тюменской области различаются по уровню образования и квалификации, роду занятий и времени и контексту приезда в регион. Среди разнообразных «конструкций» семей, в которых росли мигранты второго поколения, од-

ной из наиболее распространенных является такая, при которой отец занят в бизнесе или работает по найму, а мать — домохозяйка.

Образовательно-трудовые траектории мигрантов второго поколения

Мигранты второго поколения в Тюменской области не отличаются от остальной молодежи региона в том, что касается образовательно-трудовых траекторий, которые, в свою очередь, тесно связаны с возможностями, предоставляемыми разными населенными пунктами. Охарактеризуем населенные пункты Тюменской области в плане образовательных возможностей наглядно с помощью шкалы. На одном ее конце будут располагаться самые маленькие поселки с минимальным спектром образовательных возможностей, а на противоположном — самые крупные города с максимальным их набором. Забегая вперед, отметим, что численность населения и спектр образовательных возможностей положительно коррелируются с емкостью рынка труда.

Населенные пункты, в которых проводилась полевая работа, располагаются на этой шкале в следующем порядке (от самых маленьких до самых крупных): Нижнесортымский и Покачи → Ноябрьск, Салехард, Нефтеюганск и Новый Уренгой → Сургут → Тюмень → далее могут быть другие крупные города, такие как Москва.

(1) Поселок Нижнесортымский и город Покачи — примеры нефтяных поселков и маленьких городов, где нет других учебных заведений кроме школы. Единственная возможность получить образование после школы — устроиться работать на местное нефтяное предприятие и пройти там краткосрочные курсы: как говорят информанты, «получить корочки», позволяющие работать на месторождении.

(2) В небольших городах с населением не более 125 тыс. чел., таких как Ноябрьск, Салехард, Нефтеюганск и Новый Уренгой, как правило, есть средние специальные или средние профессиональные учебные заведения и могут быть филиалы вузов из других городов. Например, в Новом Уренгое до недавних пор работал филиал ТюмГУ, а после того как он закрылся, появился филиал Южно-Уральского государственного университета из Челябинска. В Салехарде и Ноябрьске есть колледжи и филиалы вузов, а в Нефтеюганске, который находится в часе езды от Сургута, — только колледжи.

(3) Пример более крупного образовательного узла — Сургут, город с населением около 320 тыс. человек, где есть несколько колледжей, техникумов и филиалов вузов, а также два «своих» вуза.

(4) В самом крупном городе региона — Тюмени сосредоточено максимальное число учреждений среднего специального, среднего профессионального и высшего образования.

(5) Шкала может быть продолжена. Другие крупные российские города, привлекающие абитуриентов из Тюменской области, — в первую очередь Екатеринбург, Санкт-Петербург и Москва.

Таким образом, относительно образовательных возможностей нельзя говорить о замкнутой образовательной системе Тюменской области: они выходят за границы региона и даже России, поскольку в ходе полевой работы встречались случаи, когда мигранты второго поколения уезжали получать высшее образование за границу, в страны происхождения родителей.

В пространстве возможностей, которые предоставляют разные населенные пункты Тюменской области, других регионов РФ или других стран, разворачиваются траектории мигрантов второго поколения, связанные с получением образования и последующим трудоустройством. Таких траекторий может быть три. Первая — отъезд в более крупный населенный пункт, который обладает большим спектром образовательных возможностей, с последующим возвращением в родной населенный пункт и трудоустройством. Вторая — отъезд без последующего возвращения. Наконец, третья траектория — человек остается в своем населенном пункте и нигде не уезжает. Каждая из этих траекторий, в свою очередь, может предполагать высокопрофильность (получение высшего образования и/или работа на управленческой должности и/или высокий доход) или низкопрофильность (отсутствие послешкольного образования и/или рабочая профессия и/или низкий доход). Рассмотрим их подробнее.

(1) Высокопрофильная траектория с отъездом в более крупный город и возвращением в родной населенный пункт.

В семье Н. (м., 34 года, Арм., № 254), переехавшей из Армении в ХМАО, всегда ценилось образование, он хорошо учился в школе и после ее окончания поехал в университет в Тюмень. Получив высшее образование и желая быть рядом с семьей, вернулся в поселок и устроился на нефтяное предприятие, где сейчас занимает управляющую должность. Часто именно с нефтяной отраслью связаны высокопрофильные траектории, предполагающие возвращение в родной

населенный пункт. Особенно этому способствует получение образования «по направлению» от нефтегазовой организации. Например, с 50 %-ной скидкой за обучение благодаря направлению получил высшее образование И. (м., 24 года, Тадж., № 264) и, вернувшись в Нижнесортымский, устроился на нефтяное предприятие. При этом есть и примеры, когда выпускники вузов возвращаются в родной поселок или город вне связи с нефтяной отраслью: например, Т. (ж., 25 лет, Азерб., № 377) закончила медицинский вуз в Тюмени и вернулась к родителям в ЯНАО.

(2) Высокопрофильная траектория с отъездом в более крупный город без возвращения в родной населенный пункт.

Часть информантов после окончания университета в крупном городе там же и остаются или уезжают в другой большой город. Например, Р. (ж., 25 лет, Азерб., № 376) после окончания медицинского университета в Тюмени не поехала обратно к родителям в один из поселков ЯНАО, где не было вакансий для врача, а устроилась в поликлинику Нового Уренгоя. Два выпускника университетов в Екатеринбурге, выросшие в Пыть-Яхе, получив дипломы, уехали в Тюмень и занимаются там бизнесом. Еще один информант (м., 23 года, Азерб., № 234), из маленького города Покачи, уехал учиться в Сургут на юриста и остался там работать.

(3) Высокопрофильная траектория без отъезда.

Возможны и высокопрофильные траектории без отъезда в другой город. Самый очевидный вариант связан с проживанием в крупном городе с большими образовательными возможностями — например, в Тюмени. Таким примером может служить история Н. (м., 26 лет, Азерб., № 312), который вырос в Тюмени, там же получил высшее образование, поступил в аспирантуру, а сейчас работает в коммерческой компании и параллельно преподает в университете. Высокопрофильная траектория без отъезда возможна и в случае маленького города, и без получения высшего образования — в таком случае она связана с бизнесом. Например, Ц. (м., 22 года, Азерб., № 348) вырос и окончил колледж по двум специальностям в Новом Уренгое, а теперь занимается автосервисом, который передал ему отец, и параллельно проходит курсы повышения квалификации.

(4) Низкопрофильная траектория без отъезда.

Впрочем, траектории тех, кто остается в маленьких городах или поселках, чаще низкопрофильные. Например, в школе Нижнесортымского рассказывали о выпускниках-мигрантах второго поколения разных стран происхождения, которые, удовлетворившись 9 классами, больше не учились и пошли работать кассирами в «Магнит», таксистами или в кафе своих родителей (эксп., № 259). Выпускница 9-го класса одной из школ Нефтеюганска из состоятельной семьи азербайджанского бизнесмена на момент интервью размышляла о своем будущем — в другой город учиться ее не отпустят, поскольку она девочка, а в ее городе есть только колледжи. В детстве она мечтала быть прокурором, а сейчас рассматривает два варианта: остаться дома и дожидаться, пока ее выдадут замуж, или учиться на «заочке» (ж., 16 лет, Азерб., № 297). В рамках этой траектории даже получение высшего образования не гарантирует приобретения соответствующей позиции на рынке труда: так, О. (м., 23 года, Азерб., № 362), закончив юридический факультет филиала ТюмГУ в одном из городов ЯНАО и отслужив в армии, по-прежнему работает курьером и не может устроиться на работу по специальности.

(5) Низкопрофильная траектория с отъездом в другой город (с возвращением в родной населенный пункт или без него).

В свою очередь, отъезд в другой город с последующим возвращением или без него не всегда гарантирует успешную высокопрофильную траекторию. Например, Б. (м., 30 лет, Азерб., № 236), живущий в Сургуте, после окончания 11 классов стал работать водителем, спустя некоторое время пробовал учиться в вузе в Махачкале на заочном отделении, но бросил. Сейчас продолжает работать водителем и учиться в филиале ТюмГУ в Сургуте. По рассказам другого информанта, О. (м., 23 года, Азерб., № 263), его друг-талыш, окончив школу в Новом Уренгое, поехал учиться на стоматолога в Уфу, бросил, вернулся и сейчас работает в «Магните» кладовщиком, учится «на корочки» в нефтегазовом техникуме.

В части случаев образовательные траектории девушек могут прерываться из-за матримониальных планов, связанных с переездом. Такова история сестры Н. (м., 26 лет, Азерб., № 312), которая закончила колледж в Тюмени и собиралась поступать в вуз, но ее сосватали, она уехала в Азербайджан в деревню к мужу и больше не училась, а сейчас занимается домашним хозяйством и растит двух детей.

Интеграция мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области...

Важно отметить, что часть высокопрофильных траекторий с возвращением в родной населенный пункт или без отъезда из него связаны с продолжением дела родителей — таким образом складываются семейные «династии», будь то нефтяная сфера или бизнес. Пример «нефтяной» династии — отец-нефтяник из киргизской «вахты» и его четыре дочери, работающие на том же предприятии, что и он (эксп., № 258). Два примера семейных бизнес-династий: во-первых, Д. и его брат (м., 26 лет, Арм., № 375) из города в ЯНАО — отец оставил одному из них ресторан, а другому строительную фирму; во-вторых, С. (м., 21 год, Азерб., № 325), который в школьные годы активно помогал отцу в торговом бизнесе и, окончив 9 классов, стал работать вместе с ним, спустя год открыл свой первый ларек, а теперь управляет двумя ларьками. Династии, однако, складываются далеко не всегда: например, отец В. (м., 20 лет, Азерб., № 279) торговал на рынке в Сургуте, а сам В. работает по найму, поскольку рынок, по его словам, больше не приносит денег.

В целом распространенные установки на получение образования и относительно высокие доходы жителей Тюменской области способствуют тому, чтобы дети — мигранты второго поколения уезжали из маленьких населенных пунктов в более крупные для получения образования. Особенность региона состоит в том, что привлекательная для найма нефтяная отрасль предполагает занятость не только в больших городах, но и в маленьких поселках, в силу чего многие молодые люди, получив образование по нефтегазовому профилю, зачастую возвращаются в родные населенные пункты и устраиваются на работу на нефтедобывающие предприятия.

Заключение

Интеграция мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области тесно связана с особенностями региона. История освоения/заселения Западной Сибири в советский период заложила основы ее мультиэтничности и предопределила направленные сюда миграционные потоки, не прекращающиеся по сей день. После распада СССР государственные усилия по привлечению трудовых ресурсов «на Север» не предпринимались, но миграция из интересующих нас регионов Средней Азии и Закавказья продолжилась, превратившись из внутренней в международную. Впрочем, нельзя сказать, что это привело к значительным изменениям характеристик приезжающих родителей мигрантов второго поколения. Независимо от периода приезда они сильно различаются в том, что касается уровня образования и квалификации, а также рода занятий: среди них есть как высококвалифицированные работники нефтяных предприятий, имеющие не одно высшее образование, так и неквалифицированные работники, занятые в сфере строительства. Кроме того, разнообразны и «конструкции» семей, в которых росли мигранты второго поколения, но в одной из наиболее распространенных отец работает по найму или занимается бизнесом, а мать как минимум до момента взросления детей занимается домашним хозяйством.

Образовательно-трудовые траектории мигрантов второго поколения в Тюменской области разнообразны, слабо отличаются от таковых у остальной молодежи и связаны с возможностями, которые предоставляют разные населенные пункты в регионе и за его пределами. Траектории варьируются в том, что касается социально-экономической успешности (уровень образования и благосостояния) и мобильности между населенными пунктами. Высокий уровень благосостояния региона вместе с распространенными в семьях информантов установками на получение детьми высшего образования обуславливают высокую долю лиц, окончивших вузы, среди мигрантов второго поколения. Кроме того, структура регионального рынка труда с ведущей ролью нефтегазового сектора предопределяет наличие возможностей получить привлекательную работу не только в крупных городах, но и в небольших поселках и городах. С этим связана часть образовательно-трудовых траекторий мигрантов второго поколения, предполагающих образовательную миграцию из маленьких населенных пунктов в крупные города с последующим возвращением и успешным трудоустройством.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александров Д.А., Баранова В.В., Иванюшина В.А. Дети и родители мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 176–199.

Александров Д.А., Иванюшина В.А., Казарцева Е.В. Этнический состав школ и миграционный статус школьников в России // Вопросы образования. 2015. № 2. С. 173–195.

Баранова В.В. Языковая социализация детей мигрантов // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 157–172.

Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н. Второе поколение мигрантов в России в возрасте 18–30 лет: Характеристики структурной интеграции // Социальная политика и социология. 2017а. 16 (5). С. 63–72.

Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н. Интеграция мигрантов второго поколения в Москве в возрасте 18–30 лет: Первые результаты исследовательского проекта // Мониторинг общественного Мнения: Экономические и социальные перемены. 2017b. 6. С. 63–81.

Карпов, В.П., Колева Г.Ю., Гаврилова Н.Ю., Комгорт М.В. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: От замысла к реализации. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. 392 с.

Колева Г.Ю. Создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в практике хозяйственного освоения Западной Сибири (1964–1989 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2007. [Электрон. ресурс]. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000233735/000233735.pdf>.

Краснова Л.А., Кед А.П. Миграция населения в Тюменской области: Причины и влияние на социально-демографический состав населения // Науковедение. 2017. Т. 9. № 4. [Электрон. ресурс]. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/31EVN417.pdf>.

Мукомель В.И. Особенности адаптации и интеграции представителей полуторного поколения мигрантов // Материалы IV очередного Всерос. социол. конгр. «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие». Российское общество социологов (Москва) — 2012. [Электрон. ресурс]. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Mukomel_IV_Kongress.pdf.

Мухтасилов И.Н. Становление Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) в 1960–1970 годы // Молодой ученый. 2009. № 11. С. 226–228. [Электрон. ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/11/840/>.

Оценка численности постоянного населения на 1 января 2018г. и в среднем за 2017 г. Федеральной службы государственной статистики РФ [Электрон. ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/Popul2018.xls.

Рейтинг социально-экономического положения регионов — 2018. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html>.

Стась И.Н. Урбанизация Ханты-Мансийского автономного округа в период нефтегазового освоения (1960-е — начало 1990-х гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2014. [Электрон. ресурс]. URL: http://emsu.ru/face/dissert/avtoreferat_stasin.pdf.

Тюрюканова Е.В., Леденева Л.И. Ориентации детей мигрантов на получение высшего образования // Социол. исследования. 2005. № 4. С. 94–100.

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям — 2018. [Электрон. ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce.

A.L. Rocheva, E.A. Varshaver, N.S. Ivanova

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Vernadskogo av., 84, k. 3, Moscow, 119571, Russian Federation
E-mail: anna.rocheva@gmail.com;
varshavere@gmail.com;
nataliya.ivanova.0709@gmail.com

INTEGRATION OF SECOND-GENERATION MIGRANTS FROM TRANSCAUCASIA AND CENTRAL ASIA IN THE TYUMEN REGION: EDUCATIONAL TRAJECTORIES AND EMPLOYMENT

This study examines the integration of second-generation migrants from Central Asia and Transcaucasia (Armenia, Azerbaijan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan) in the Tyumen region, namely their educational and employment trajectories as well as socio-economic characteristics of their parents and the regional context of integration. The paper is based on the analysis of 169 interviews in eight localities of the region. This fieldwork is part of a larger project on second generation migrants in Russia which is conducted with mixed methods (quantitative and qualitative) and is the first all-Russia endeavour to study second generation migrants who are young adults (18–35 years old). The authors use a broad definition of second-generation migrants, including those whose parents moved to Russia and who themselves graduated from a Russian school no matter whether they were born in Russia or moved to Russia as children. The paper discusses the history of settlement of the region in the Soviet period that laid grounds for the region's multiethnic composition and migration flows, which continued after the collapse of the USSR. The transformation of migration patterns from national to international mobility has not led to significant changes in the characteristics of the migrants who have given birth to the second-generation migrants. However, notwithstanding the period of migration, these parents of the second-generation migrants differ in terms of education, qualifications and other socio-economic characteristics as well as migration trends. The educational and employment trends of the second-generation migrants as well as other young people are closely connected with the local and regional context. First, the relatively high wealth of the region due to its leading role in the oil extraction industry, together with the widespread aspirations towards higher education result

Интеграция мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области...

in a large percentage of second-generation migrants who pursue university degrees. Second, the regional labour market centred around the oil industry provides opportunities for the university graduates to be employed not only in the big cities but also in the small towns where they were raised, which leads to their return there.

Key words: second generation migrants, Central Asia, Transcaucasia, Tyumen region, integration, educational trajectories, employment.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-136-145

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

REFERENCES

- Aleksandrov D.A., Baranova V.V., Ivaniushina V.A. (2012). Migrant children and parents in the interaction with the Russian school). *Voprosy obrazovaniia*, (1), 176–199.
- Aleksandrov D.A., Ivaniushina V.A., Kazartseva E.V. (2015). Ethnic composition of the schools and migration status of the schoolchildren. *Voprosy obrazovaniia*, (2), 173–195.
- Baranova V.V. (2012). Language socialization of children of migrants. *Antropologicheskii forum*, (17), 157–172.
- Karpov V.P., Koleva G.Iu., Gavrilova N.Iu., Komgort M.V. (2011). *Western-Siberian oil and gas projects: From the inception to the realization*, Tyumen': TiumNGU.
- Koleva G.Iu. (2007). *The creation of the Western-Siberian oil and gas complex in the practice of economic development of the Western Siberia (1964–1989)*. Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Tomsk. Retrieved from <http://sun.tsu.ru/mminfo/000233735/000233735.pdf>.
- Krasnova L.A., Ked A.P. (2017). Migration in the Tyumen region: Reasons and onfluence on socio-demographic composition of the population. *Naukovedenie*, 9(4). Retrieved from <http://naukovedenie.ru/PDF/31EVN417.pdf>.
- Mukhtasipov I.N. (2009). Development of the Western-Siberian oil and has complex in the 1960s–1970s. *Molodoi uchenyi*, (11), 226–228. Retrieved from <https://moluch.ru/archive/11/840/>.
- Mukomel' V.I. (2012). Peculiarities of the adaptation and integration of the '1.5 generation' migrants. *Proceedings of the IV Russian Sociological Congress «Sociology and society: global challenges and regional development»*. Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov (Moscow). Retrieved from http://www.isras.ru/files/File/publ/Mukomel_IV_Kongress.pdf.
- Stas' I.N. (2014). *Urbanization of the Khanty-Mansiisk autonomous district in the time of oil and gas development (1960–1990)*. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk. Retrieved from http://emsu.ru/face/dissert/avtoreferat_stasin.pdf.
- Tiuriukanova E.V., Ledeneva L.I. (2005). Educational aspirations of the children of migrants. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, (4), 94–100.
- Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N. (2017a). Second-generation migrants in Russia of the age 18–30 years old: Characteristics of the structural integration). *Sotsial'naia politika i sotsiologiia*, (5), 63–72.
- Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N. (2017b). Integration of the second generation migrants aged 18–30 in Moscow: First results of the research project. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, (6), 63–81.

«КОМАНДИРОВКА НА СЕВЕРА» КАК ОПЫТ КОММУНИТАС

Рассматривается практика командировок преподавателей крупных региональных вузов на работу в вузовские филиалы, действовавшие в ХМАО — Югре и ЯНАО в 1990-х — первой половине 2000-х гг. Реконструируется личный опыт преподавателей-«вахтовиков», центральным моментом которого было высвобождение из структуры в коммунитас (в значении В. Тэрнера). Делается вывод, что опыт коммунитас был специфически северным явлением, так как в условиях работы тех же преподавателей в других, не-северных, вузовских филиалах он не проявлялся.

Ключевые слова: филиал вуза, командировка на север, коммунитас, ХМАО—Югра, ЯНАО.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-146-153

Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400150-2.

Предмет и цель исследования

В 1990-е гг. в России был отмечен стремительный рост числа высших учебных заведений и студенческих контингентов, названный «образовательным бумом». Вопреки обыденным представлениям, он наблюдался отнюдь не в центральных городах и регионах. «Образовательный бум» был периферийным явлением, охватившим отдаленные от центра, но экономически благополучные регионы (ХМАО — Югра, ЯНАО, Якутия, Екатеринбургская, Нижегородская и Самарская области) [Аналитический доклад..., 2007, с. 115]. Крупнейшим очагом «образовательного бума» был ХМАО. За 1995–2002 гг. число студентов выросло здесь в семь (!) раз, тогда как в целом по России оно увеличилось вдвое [ХМАО, 2005]. Примечательно, что до начала 1990-х гг. в ХМАО не имелось высших учебных заведений. Открывшиеся накануне нового века три государственных (Нижневартовский госуниверситет, Сургутский госуниверситет, Сургутский пединститут) и три негосударственных вуза не могли обеспечить феноменальный образовательный прорыв. Институциональную основу последнего составили несколько десятков учебно-консультационных пунктов, представительств и филиалов центральных и крупных региональных вузов. К началу 2000-х гг. на ХМАО приходилась половина всех действующих в стране вузовских филиалов [Там же].

«Филиализация» 1990-х гг. во многом развивалась стихийно. Перефразируя известное высказывание того времени — каждый вуз мог создать столько филиалов, сколько ему позволяли собственные ресурсы [Агапов и др., 2015, с. 74]. В конце нулевых федеральный центр постепенно вернул себе контроль над образовательным пространством страны, что выразилось, в частности, в отзыве Минобркомом аккредитации у десятков филиалов. Завершившийся таким образом «филиальный бум» вспоминается сейчас скорее как негативное явление. «Десятки филиалов внешних вузов фактически оккупировали территорию округа, пришли сюда, чтобы заработать деньги, мало заботясь о качестве образования. Они готовят по модным специальностям юристов, экономистов, бухгалтеров на платной основе, никак не реагируя на острую нехватку специалистов в таких отраслях, как жилищно-коммунальное хозяйство, строительство, транспорт, сельское хозяйство округа» [Югра..., 2006, с. 231]. Действительно, в условиях резкого сокращения государственного финансирования высшей школы, филиалы, оказывающие образовательные услуги на коммерческой основе, были призваны обеспечить выживание головного вуза. Однако представлять все «филиальное движение» исключительно как профанацию было бы неверно. Каждый вузовский филиал имел свое лицо, некоторые из них добились несомненных успехов в деле высшего профессионального образования. Роль филиалов в жизни городов ХМАО — Югры и ЯНАО в 1990-х — первой половине 2000-х гг. подробно рассмотрена нами в предыдущей статье [Агапов, 2017]. Необходимо отметить, что функции вузовских филиалов не сводились к одной образовательной деятельности. Фактически они стали контактными зонами и каналами связи между северными городами и «большой землей». В частности — каналами миграции северной молодежи (связка «филиал — головной вуз») [Замятина, 2014]. В результате деятельности филиалов обозначились и другие новые тенденции как в жизни северян, так и в жизни связанных с филиалами жителей

«Командировка на Севера» как опыт коммунитас

«большой земли», возникли новые практики. Одной из них — «командировкам на Севера» преподавателей «головного вуза» и посвящено настоящее исследование.

Цель исследования заключается в антропологической интерпретации личного опыта преподавателей-«вахтовиков», трудившихся в вузовских филиалах на территории ХМАО — Югры и ЯНАО в 1990-х — первой половине 2000-х гг. К концу этого периода вследствие сокращения количества филиалов, с одной стороны, и перехода оставшихся к политике формирования собственных постоянных штатов — с другой, использование «вахтового метода» свелось к минимуму. По-своему уникальный опыт преподавателей-«вахтовиков» так и остался неосмысленным. Редкое исключение представляют собой работы Н.Ю. Замятиной и А.Н. Пилясова [2013] и Е.В. Фоминых [2005–2007], посвященные, однако, в большей степени самим вузовским филиалам как социальным институтам, нежели конкретным связанным с ними культурным практикам. Непосредственно «вахтовую» педагогику рассматривают в своем исследовании О.М. Чикова и Е.В. Фоминых [2008].

Настоящее исследование выполнено на основе собственных воспоминаний (автору довелось поработать преподавателем-«вахтовиком» в нескольких северных городах) и корпуса материалов глубинных интервью бывших преподавателей-«вахтовиков» одного из государственных вузов Западной Сибири (далее — N-ский университет), филиалы которого еще некоторое время назад можно было обнаружить едва ли не в каждом населенном пункте ХМАО — Югры и ЯНАО.

Теоретическая рамка исследования: высвобождение из структуры в коммунитас

Отношение информантов к собственному опыту работы в северных филиалах отличается крайней двойственностью. Рассмотрим два характерных высказывания: 1) *потому что восемь пар в течение двенадцати дней — оно само по себе неправильно. Почему сейчас отказался, я же с 2009 или с 2010 года не езжу. Это для здоровья плохо: не только физического, но и умственного;* 2) *вообще, поездка в филиал составляла в моей жизни достаточно счастливые периоды.* Интересно, что оба высказывания принадлежат одному информанту [3]. В этом и многих других случаях работа «на филиалах» описывается одновременно и как тяжелейший, выматывающий труд и как счастливый период. На наш взгляд, данное противоречие является ключевым для понимания значения «командировок на Севера» в жизни преподавателей-«вахтовиков».

С внешней стороны все выглядит достаточно просто: работа в северных филиалах была экономически выгодна, она оплачивалась выше, чем работа в «головном вузе». *Тот, кто первым ездил в филиалы, смогли на эти деньги купить квартиры, но даже потом стоимость часа была прекрасна, за неделю работы [в филиале] можно было получить полторы [своей университетской] зарплаты за месяц [7].* Поэтому, несмотря на тяготы непомерной учебной нагрузки и периодическую оторванность от дома, преподаватели стремились к дополнительному трудоустройству «на филиалах». Однако *счастье* заключалось не в высокой заработной плате. «Командировка на Севера» предполагала достаточно радикальную, хотя и временную смену жизненного уклада. Она включала в себя три этапа: 1) поездка в филиал; 2) «жизнь на филиале»; 3) возвращение домой. Прохождение индивидами каждого из этапов можно соотнести с выделенными А. ван Геннепом этапами классического обряда перехода (rites de passage).

Первый и третий этапы были связаны с продолжительным, иногда занимавшим двое суток, путешествием: дорога в филиал соответствовала фазе разделения (separation), на которой происходило открепление личности от социальной структуры и определенных культурных обязательств «дома» (семьи и «головного университета»), возвращение домой — фазе восстановления (reaggregation), когда индивид вновь обретает права и обязанности «структурного» типа, вынуждающие его строить свое поведение в соответствии с обычными нормами и этическими стандартами [Геннеп, 1999, с. 15]. *Когда туда [в филиал] приезжаешь, время течет совсем по-другому. Так же как в отпуске. Приезжаешь — и отключился. То, что там [дома], — оно там. Только в последний день начинаешь осознавать, что ты возвращаешься туда... О той [жизни дома, работе в «головном» вузе] просто не вспоминаешь, потому что она там осталась. А живешь тем, что происходит здесь и сейчас. Как вахта: ты приехал, отстоял, отработал — все, это закончилось, забылось — и поехал дальше. Возвращаешься в обычную жизнь, входишь в колею опять [7].*

Далее фазы разделения и восстановления будут охарактеризованы подробнее, однако в центр внимания мы поместим этап «жизнь на филиале», соответствующий лиминальной фазе обряда перехода. Жизнь преподавателей-«вахтовиков» «на филиале» имела две стороны: внешнюю (коммуникации с администрацией и студентами филиала) и внутреннюю (коммуникации преподавателей «головного вуза» друг с другом). Первая относилась к сфере работы, вто-

рая — к сфере досуга. Во втором случае тесному общению преподавателей друг с другом способствовало то обстоятельство, что «на филиалах» их селили, как правило, в трех-, четырехкомнатных квартирах по 1–2 человека в комнате. Проживая в таких условиях от одной до двух недель, преподаватели-«вахтовики» образовывали особые общности, определяемые, согласно В. Тэрнеру, как коммунитас [Тэрнер, 1983, с. 170].

По мнению В. Тэрнера, существует две модели накладывающихся друг на друга и чередующихся состояний «человеческой взаимосвязанности»: модель общества как структурной, дифференцированной и зачастую иерархической системы и модель общества как неструктурного или рудиментарно структурного и сравнительно недифференцированного *comitatus* [Turner, 1974, p. 83]. Жизнь преподавателя как штатного сотрудника «головного университета» соответствует в большей степени первой модели, жизнь преподавателя-«вахтовика», как будет показано далее, включает в себя значительный компонент опыта коммунитас, своеобразного «хэппенинга», «когда каждая личность переживает во всей полноте существование другой» [Тэрнер, 1983, с. 206]. Как отмечал В. Тэрнер, «в *rites de passage* люди высвобождаются из структуры в коммунитас лишь затем, чтобы вернуться к структуре оживленными опытом и переживаниями коммунитас» [Turner, 1974, p. 166]. Именно этот опыт высвобождения из структуры в коммунитас и позволял информантам приходиться к заключениям в духе *вообще, поездка в филиал составляла в моей жизни достаточно счастливые периоды* [3].

Рекрутинг преподавателей-«вахтовиков»

Преподавательский штат филиалов комплектовался из сотрудников «головного вуза». Последний, как правило, открывал сразу несколько, иногда более десятка, филиалов. Его преподаватели дополнительно к своей основной работе трудоустраивались в филиалы и работали там «вахтовым методом». *Вот были созданы филиалы, но филиал вроде бы формально требует штатных преподавателей. Каким образом выкручивались? Чаще всего, конечно, записывали в штатное расписание кого-то из приезжих преподавателей, опять же делали там 0,5 ставки, 0,2 ставки и так далее* [4].

Назвать общее количество преподавателей-«вахтовиков» крайне сложно, так как официальные данные отсутствуют, а сами информанты затрудняются в оценках. В любом случае это было массовое явление. Как сказал один из наших информантов, *во все северные филиалы должно было колесить постоянно не менее сотни человек* [3]. Речь при этом идет о филиальной сети только одного вуза. Учитывая приведенные выше данные о количестве вузовских филиалов в ХМАО — Югре, можно допустить, что на пике «филиального бума» число преподавателей-«вахтовиков» было значительно выше.

Все вузовские представительства и филиалы являлись структурными подразделениями базового вуза. Во многих вузах были созданы управления по работе с филиалами во главе с проректором. Мотив «выживания» был понятен всем участникам «филиального движения». *У университета тогда, вот в начале 2000-х годов, развитие филиальной сети было одним из приоритетных направлений. Почему? В те годы бюджетная поддержка вузов была сами знаете какая, ну а что? Правительство как в 90-е годы сказало? “Идите и зарабатывайте, крутитесь как хотите”. Вот вам палка как про гаишника. Примерно так и было (смеется). Ну мы пошли* [1].

Неудивительно, что спрос на работу в филиалах у преподавателей был неизменно высоким. *В те годы особенно тяжело было. Да, потому что за три-четыре дня можно было [получить] такую же зарплату, которую получаешь за месяц работы. Некоторые очень рвались. Просто рвались. Некоторые же просто окучивали там вообще все. От Шадринска до Салехарда там. Если бы был на Новой Земле, и там бы работали* [2]. В этой ситуации доступ профессорско-преподавательского состава к работе «на Северах» часто рассматривался как форма материального поощрения. И наоборот: наказывая своего подчиненного, руководитель структурного подразделения «головного» вуза мог не дать согласия на его командировку. Наконец, для получения работы в наиболее отдаленных и соответственно выплачивающих наиболее высокую зарплату филиалах («северный коэффициент») зачастую требовалось использование неформальных связей. *Поездка в эти учреждения северные это была привилегия некая, которая не для всех была* [2].

Управления «головных» вузов по работе с филиалами уже на начальном этапе «филиального движения» осознали необходимость тщательного отбора представителей профессорско-преподавательского состава для командирования «на Севера». Помимо сугубо профессиональных компетенций от кандидата требовались навыки коммуникации с коллегами, студента-

ми и администрацией филиала. Обычных для «дома» соответствующих навыков часто было недостаточно. *Конечно, нужно чтобы человек был уживчивым, не скандалистом ни в коем случае. И опять же там ведь другие условия. То есть когда ты знаешь человека здесь, все равно заранее не понятно, каким он будет там... Нужно чтобы человек мог себя контролировать [5]. У меня товарищ, который отвечает за уренгойский филиал, она там ищет кого-нибудь того же. Ну это, с другой стороны, и понятно. Послать нужно нормального человека, знакомого, да... Потому что там такое рассказывают, что там вытворял народ [2].*

Для тех преподавателей, кто не выдерживал трудностей жизни и работы «на филиалах», путь туда закрывался. Напротив, те, кто смог зарекомендовать себя с лучшей стороны, закреплялись за определенными филиалами и часто получали дополнительные предложения подработки «на Северах». *Многие подразделения [головного вуза] не справлялись... По моему опыту, я никому не навязывался — действительно звонили эти кураторы, предлагали, поскольку не могли закрыть какие-то дисциплины, филиал оказывался в сложном положении. И я думаю, командировок сто у меня было, и я думаю, что они все были предложены мне. Я действительно ни у кого ничего не просил, не предлагал [3].*

Путь «на филиал» и обратно

Управление по работе с филиалами N-ского университета предлагало преподавателям «завербоваться» на работу «на филиалах». За каждым филиалом в управлении был закреплен свой куратор. У него «завербовавшиеся» преподаватели получали расписание своих занятий и командировочные удостоверения. Расписание занятий в «головном вузе» для преподавателей-«вахтовиков» составлялось таким образом, чтобы одну неделю они могли трудиться по основному месту работы, а другую — «на филиалах» (система «числитель/знаменатель»). Однако, стремясь за одну поездку посетить несколько филиалов, в действительности преподаватели-«вахтовики» часто уезжали на две и даже три недели, перенося свои занятия в N-ском университете на другое время и/или подменяясь с коллегами. Работа в филиалах на Крайнем Севере, вследствие ограниченного количества вариантов их посещения и высокой стоимости проезда, всегда предполагала длительный вояж. *У меня было несколько вариантов [выстраивания маршрута], когда ехали в два филиала: например, Сургут и Ноябрьск. А северные города, на Ямале, там только N-ск — филиал, филиал, филиал — N-ск. [7]. Часто для работы в отдаленных филиалах использовались праздничные дни. В Уренгой мы ездили на эти, январские праздники, да. Потому что это был период, когда преподаватель вот эти четырнадцать дней, ну, там, две недели, зарабатывал деньги на филиале, да, то есть можно было уехать без проблем. То есть в декабре подписывал командировку, и, там, с третьего января ты уже летал куда-нибудь и работал; вот, в частности, у меня всегда была традиция, что я третьего января всегда ездила в Уренгой [7].*

Проезд преподавателей «на филиал» и обратно оплачивался за счет филиала, однако билеты преподаватели должны были приобретать самостоятельно. Нормальной практикой была путевая кооперация, когда преподаватели-«вахтовики» объединялись в небольшие группы для совместного путешествия. Не последним резонансом такого объединения были соображения безопасности, особенно если часть пути предстояло проделать железнодорожным транспортом. *В девятые это была, конечно, экзотическая поездка. Народ разный, во-первых. Туда еще на работу ехали нефтяники трезвые, а обратно ехали это что-то такое. И, там, дебош и драки всякие разные, тут еще билет не достанешь в купе... мне-то хорошо, потому что ночь поспал и приехал в Пыть-Ях, а кто-то дальше; не знаю, как они ездили; ну, в общем, старались как-нибудь вместе поехать [2].* Кооперация была полезна и в случаях авиаперелета, так как из-за погодных условий стыковочные рейсы в отдаленных северных городах часто задерживались, и люди вынужденно проводили в аэропортах иногда целые сутки. Кооперация обеспечивала взаимопомощь и психологический комфорт.

Нередко на работу в филиал ехали целые семьи профессорско-преподавательского состава «головного» вуза: родители и дети, супруги. При этом их сроки работы и места командировок не совпадали, вследствие чего такие преподавательские семьи бывали разлучены неделями, а иногда и месяцами. В этих условиях порою возникали запоминающиеся романтические ситуации. *Мы с женой тогда почти не виделись. Буквально месяцами не виделись. Она вернулась [домой] — я уехал, я вернулся — она уехала. Молодые были, ни от какой подработки не отказывались. Был случай, что я ехал на филиал, а она как раз с этого же филиала домой. И мы списались эсэмэсками по сотовому. Специально, когда на филиалах стали работать, купили телефоны, да.*

Списались и с водителями договорились. Когда наши автобусы встретились, они остановились. Мы выскочили, поговорили немножко, обратно заскочили и дальше поехали [8].

Поскольку в работу «на филиалах» были вовлечены десятки преподавателей, путевая кооперация часто возникала спонтанно. Важным ее элементом было веселье. *На поезде Нижневарттовск — Москва по мере его перемещения набирались люди из Нижневарттовского филиала, из Сургутского, из Пыть-яхского, и происходила большая пьянка с гитарами, песнями. Не знаю, правда, откуда гитары брались... Видимо, там, у проводниц предусмотрено на таких рейсах. В общем-то было весело [3].* По существу, коммунитас возникали уже по дороге «на Севера» как предвкушение предстоящей жизни «на филиале», равно и по дороге домой — как воспоминание и своего рода прощание с филиальной «вольницей». Сам дух дороги, полной приключений, способствовал превращению попутчиков в лиминальное сообщество.

Работа и досуг «на филиале»

Организаторы «филиального движения», равно как и директора отдельных филиалов, прекрасно понимали ограниченность, если не сказать противоестественность, вахтового метода обучения. *В вахтовом методе, тоже сразу нужно будет оговариваться, есть плюсы, потому что это даже, по большому счету, метод погружения, но есть, конечно, и огромное количество минусов. Сами понимаете, если, допустим, не разбить на два семестра этот курс и в первом сразу все прочитать и тут же сразу принять зачет, то понятно, что к концу года даже никто не вспомнит, что там было, поэтому с вахтовым методом нужно было как-то обращаться очень деликатно [4].* Вместе с тем в имевшихся условиях у вахтового метода обучения не было альтернативы. Если для студентов это был «метод погружения» сродни интенсивному изучению иностранного языка, то для профессорско-преподавательского состава это была потогонная система.

Работа преподавателя в северных филиалах была чрезвычайно тяжелой, связанной с профессиональной и психологической «перегрузкой». О.М. Чикова и Е.В. Фоминых определяют ее как экстремальную педагогическую деятельность [2008, с. 72]. Контракт преподавателя-«вахтовика» предусматривал интенсивное вычитывание лекционных курсов, проведение семинарских занятий в течение одной-двух недель и прием зачетов/экзаменов. Восемь пар в день считались по филиальным меркам нормальной учебной нагрузкой. Выходных дней для преподавателей-«вахтовиков» не предусматривалось. *Преподаватели работали с восьми утра до полдесятого вечера. Эта нагрузка была для них большая, но, неделю отработав, они получали нормально, потому что весь день они с «дневниками» занимались. Допустим, три пары у одной группы, три пары у другой. Каждый преподаватель читал несколько дисциплин, которые могли перекликаться. Поэтому было очень удобно и для преподавателей. Неделю отпахал, он получал прилично. Потому что начисления им были с учетом «северных» [6].* Поэтому, несмотря на непомерную учебную нагрузку и продолжительную оторванность от дома, преподаватели стремились к дополнительному трудоустройству «на филиалах». Таким образом, следует иметь в виду, что подавляющую часть жизни преподавателя «на филиале» занимала напряженная работа.

Обычно утром преподавателей-«вахтовиков» привозили с «филиальной» квартиры на «филиал», где они трудились в течение всего дня с одним часовым перерывом на обед, а вечером доставляли обратно на квартиру. Вечера были временем досуга. Нередко по вечерам администрация и студенты филиала приглашали преподавателей на различные внеучебные мероприятия (концертные, культурно-развлекательные, спортивные). Следует заметить, что в малых северных городах вузовские филиалы нередко брали на себя функции организации культурного досуга городской — не только филиальной — молодежи. *Филиал стал центр почти всего, особенно если руководитель филиала не хотел только поставить, ну, там, галочку... Естественно, большой, огромный просто уклон на внеучебную работу, очень, поощрять все, что хотелось студентам, например, ну, тот же КВН... Поощрять внеучебку — это было очень важно, потому что потянулись отовсюду ребяташки и школьники... Действительно, весь город собирали, весь, музеи, художников, рукодельников всяких разных, и, естественно, под эгидой филиала [4].* Более распространенной практикой (все-таки КВН проводился не каждый день) были ужины, которые студенты устраивали для своих преподавателей в кафе, ресторане или клубе. Наконец, преподаватели получали подарки от студентов: *Рыбу дарили. Еще какую-то снедь. Так и говорили, мол, поужинаете у себя. Конечно, в пакете всегда еще какой-нибудь алкоголь был... Кто-то потом с собой увозил, а кто-то делился со всеми. Между прочим, не всем дарили [8].*

Однако основным местом досуга для преподавателей-«вахтовиков» была их «филиальная» квартира. По вечерам ее общая кухня-столовая превращалась в центр коммунитас. Важно за-

«Командировка на Севера» как опыт коммунитас

метить, что филиал не был местом встречи исключительно представителей «большой земли» и «северян». Здесь представители первой группы часто впервые встречались друг с другом, знакомились, устанавливали приятельские связи. *Мы знакомимся... Мы же вот здесь* [в «головном университете»], *мы друг друга не знаем, потому что распределены по всем факультетам, по разным корпусам, а там-то мы съезжались, и там, и биологи, и математики, и экономисты, и юристы. Информатики там всякие разные, вот там мы и знакомимся* [2]. *В Сургуте была общая комната питания, и там все в одной чаше. Причем не только преподаватели нашего университета, там и омичи приезжали и до сих пор приезжают. Все пятнадцать лет друг друга знают. В Сургуте после всех пар собирались: телевизор, общение, шутки-прибаутки. Все делается: кто что купил, у кого на даче что выросло. Как обычно* [7]. *Собирались просто-напросто компании большие, и это общение было более обширным, что ли, тесным* [3].

Ни один корпоративный праздник на «большой земле» не мог дать индивиду то переживание чувства общности, которое возникало в ходе совместных вечеров «на Северах». Разумеется, случались и конфликты, но общее стремление к позитивному взаимодействию, как правило, нивелировало их. Если в силу личностных особенностей или разных бытовых привычек индивиды решительно не сходились друг с другом, они старались в следующий раз не оказываться вместе на одной «вахте». С другой стороны, если в управлении по работе с филиалами «головного» вуза знали о конфликтных отношениях преподавателей, часто сложившихся еще в «дофилиальную» эпоху, таких преподавателей не только не отправляли на одну «вахту», но и *разводили по филиалам* [4], т.е. принимали на работу в разные филиалы.

Важной чертой сферы досуга было временное упразднение статусных границ, особенно заметное в тех ситуациях, когда «на филиале» оказывались вместе представители разных ступеней университетской иерархии. В лиминальной стадии индивидуальность утверждается в противовес должностному статусу. Часто средством коммуникативного сближения выступает алкоголь. *Ну вот когда бы я, например, с FF [университетским управленцем] побухал бы? В Уренгое — каждый вечер, только водку. Это нормально состояние, обсуждаем все проблемы. Вот такое общение, а если кто-то еще готовит, идет за водкой, кто-то обморозил нос — мы все переживаем... А здесь* [в «головном» университете] *мы встречаемся — привет-привет. Там чуть ли не родным становишься* [3]. Другой стороной характерного для этоса лиминальности символического поведения был флирт. *Не очень интересно, когда одни мужики или ты попадаешь к одним бабам, а вот когда пятьдесят на пятьдесят — это интереснее. По пьянке уже мутишь с кем-нибудь, это автоматически — не то что ты своей жене изменяешь, но просто так получается, ситуативно* [3]. За флиртом могли следовать сексуальные отношения. *Были случаи, даже не молодежь, а люди далеко за... Там же была мужско-женская квартира. Соблазны были разные. У всех свои принципы. В общем, не без этого* [7]. При этом все участники коммунитас осознавали его временный и исключительный характер. *О той [жизни дома, работе в «головном вузе»] просто не вспоминаешь, потому что она там осталась. А живешь тем, что происходит здесь и сейчас* [7]. Естественно, что по возвращении на «большую землю» все статусные границы восстанавливались, филиальные романы редко получали продолжение. Примечательно, что ни у кого из наших информантов не нашлось фотографий застолий на «филиальных» квартирах. Практика фотографирования была для них совершенно нормальной, если речь шла о дружеских встречах или кафедральных посиделках на «большой земле», однако фотографироваться на «филиальных» вечеринках было не принято. *Да этого и не поняли бы как-то даже. Взрослые же люди все. Зачем? В аудиториях, с директором филиала, ну, там, для сайта или что у них тогда там было, конечно. Но на квартире — нет. Совершенно ни к чему* [3].

Заключение: северный фон коммунитас

Возникает закономерный вопрос: в какой мере появление коммунитас в данном случае связано с Севером? Не является ли оно естественным элементом «командировочной жизни» вне зависимости от того, где оказываются командированные? Мы имеем возможность сравнить восприятие информантами их опыта работы и досуга «на Северах» с их же восприятием собственного опыта работы и досуга «на Юге». Дело в том, что N-ский университет располагал филиальными сетями как на Крайнем Севере, так и в Южной Сибири. Все информанты периодически работали также в «южных» филиалах N-ского университета. Хотя порядок работы и досуга в «южных» филиалах был тем же, что и «на Северах», опыт высвобождения из структуры в коммунитас переживался «на Юге» в силу ряда причин менее интенсивно или не фиксировался вовсе.

Во-первых, командировки на Юг не были связаны с высоким заработком. Час работы в южном филиале оплачивался так же, как час работы в «головном вузе». Командированный в «юж-

ный» филиал преподаватель не чувствовал себя «добытчиком». Во-вторых, в отличие от продолжительного и во многом непредсказуемого путешествия «на Севера», поездка на Юг была совершенно тривиальным предприятием — несколько часов на междугороднем автобусе или на собственной машине. Если поездка «на Севера» воспринималась как визит в другую страну, то поездка на Юг больше походила на посещение дачного участка. Иначе говоря, обряд перехода в последнем случае был выражен заметно слабее.

Наконец, примечательно, что отмечаемое информантами смещение норм и этических стандартов во время жизни «на филиале» связывается ими исключительно с северным опытом. *Здесь [дома] у нас еще играет роль все-таки репутация еще, еще имеет значение и имела. А так приехал, уехал. Вот ты приехал, отработал неделю, и всё — на следующий год ты приезжаешь только, а в следующий раз и там уже новые люди, начальство, почти все новое ... Как бы люди ведут себя в этих поездках немножко не так, как дома, например, да [2].* В рассказах о работе и досуге «на Юге» подобные высказывания не звучат, тогда как все «северные» рассказы строятся на констатации принципиального отличия «там» от «здесь». Таким образом Север, точнее, его образ является для информантов, как сказали бы Люк Болтански и Лоран Тевено, особым миром оправдания, со своей собственной логикой обоснования поведения, несводимой к логике других миров [2013, с. 252–260].

Список информантов:

1. А.К., муж., 1968 г.р., директор филиала в 2002–2012 на юге Тюменской области.
2. М.А., муж., 1964 г.р., преподаватель-«вахтовик».
3. Г.В., муж., 1973 г.р., преподаватель-«вахтовик».
4. Е.Ф., жен., 1960 г.р., директор филиала в ХМАО в 1996–2005 гг.
5. С.П., жен., 1952 г.р., замдиректора филиала в ЯНАО в 1998–2003 гг.
6. С.Ш., муж., 1960 г.р., замдиректора филиала в ХМАО в 1998–2002 гг., директор филиала на юге Тюменской области в 2011–2017 гг.
7. С.Д., жен., 1975 г.р., преподаватель-«вахтовик».
8. Ю.Н., муж., 1976 г.р., преподаватель-«вахтовик».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агапов М.Г. Центр почти всего: Филиал вуза в малом северном городе (на примере ХМАО и ЯНАО) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 152–160.
- Агапов М.Г., Адаев В.Н., Ганопольский М.Г., Ключева В.П., Лискевич Н.А., Поплавский Р.О. Постколониальность Сибири: Региональный синдром // Философские науки. 2015. № 8. С. 66–79.
- Аналитический доклад по высшему образованию в Российской Федерации / Под ред. М.В. Ларионовой, Т.А. Мешковой. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2007. 317 с.
- Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.
- Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
- Замятина Н.Д. Социальная лесотундра: Географическая подвижность как элемент семейных траекторий жителей северных городов (на примере Норильска и Дудинки) // Неприкосновенный запас. 2014. № 5. С. 189–208.
- Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Принцип Анны Карениной: Условия успешной диверсификации монопрофильных городов // Отеч. записки. 2013. № 3. С. 284–297.
- Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
- Фоминых Е.В. Феномен филиала вуза в постсоветской России // Вестник ТюмГУ. Социально-экономические и правовые исследования. 2005. № 3. С. 236–239.
- Фоминых Е.В. Филиал вуза в образовательной инфраструктуре // Вестник ТюмГУ. Социально-экономические и правовые исследования. 2006. № 6. С. 137–140.
- Фоминых Е.В. Модель управления процессом развития сети филиалов вуза (на примере Тюменской области) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 41. С. 189–195.
- ХМАО // Социальный атлас российских регионов. Независимый институт социальной политики — 2005 [Электрон. ресурс]. URL: http://www.socpol.ru/atlas/portraits/hant_ao.shtml.
- Чикова О.М., Фоминых Е.В. Диагностика профессионального «выгорания» преподавателей базового вуза, работающих в филиалах северных городов // Сиб. психол. журнал. 2008. № 27. С. 72–76.
- Югра — взгляд в будущее: Обзор социально-экономического развития ХМАО — Югра. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2006. 384 с.
- Turner V. The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. N. Y., 1974. 223 p.

«ASSIGNMENT TRIPS TO THE NORTH» AS AN EXPERIENCE OF «COMMUNITAS»

The specific practice of assignment trips by teachers from large regional higher institutions to work in affiliated outposts operating in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug in the 1990s to the first half of the 2000s is investigated. Under the conditions of the «educational boom», expressed, in particular, in the large-scale «branching» of small northern cities, when almost all of them established networks of affiliated outposts, the «rotation-based» work of the faculty members became a mass phenomenon. «Assignment trip to the North» involved a rather radical, albeit temporary, change of lifestyle. It included three stages: 1) trip to the outpost; 2) «life on the outpost»; 3) return home. The passage by individuals through each of the stages can be correlated with the stages of the classic rite of passage highlighted by A. van Gennep (*rites de passage*). The first and third stages were associated with a long journey: the trip to the outpost corresponded to the separation phase (*separation*), during which the individual was detached from the social structure and certain cultural obligations of the «home» (family and «head university»), returning home — the recovery phase (*reaggregation*), when individuals regain the rights and obligations of a «structural» type, forcing them to structure their behaviour in accordance with usual norms and ethical standards. On the basis of in-depth interviews of rotational teachers, their personal work and leisure experience «at the outposts» is reconstructed, the central point of which was the experience of being releasing from normative behaviour into *communitas* (in the meaning of V. Turner), which is expressed, in particular, in the temporary shift of norms and ethical standards. It is concluded that the experience of *communitas* was a specifically northern phenomenon, since it did not manifest itself under the conditions of the work of the same rotational teachers in other, not northern, affiliated outposts. In other words, the North represents in this case a special world of justification (in the meaning of L. Boltanski and L. Thevenot), with its own logic of substantiation of behaviour that cannot be reduced to the logic of other worlds.

Key words: affiliated branch, Assignment trip in the North, *communitas*, Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-146-153

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

REFERENCES

- Agapov M.G. (2017) The centre of almost everything»: An affiliated university branch in a small northern town (on the example of Khanty-Mansi and Yamalo-Nenets Autonomous okrugs). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4), 152–160. (Rus).
- Agapov M.G., Adaev V.N., Ganopol'skii M.G., Kliueva V.P., Liskevich N.A., Poplavskii R.O. (2015). Post-colonial Siberia: Regional syndrome. *Filosofskie nauki*, (8), 66–79. (Rus).
- Boltanski L., Thevenot L. (2013). *On Justification: The Economies of Worth*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (Rus).
- Chikova O.M., Fominykh E.V. (2008). The diagnosing of professional «burning out» of main higher institution lectures, working at northern subsidiaries. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*, (27), 72–76. (Rus).
- Fominykh E.V. (2005). Phenomenon of the higher school branches in Russia. *Vestnik TiumGU. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniia*, (3), 236–239. (Rus).
- Fominykh E.V. (2006). The higher school branches in the educational infrastructure. *Vestnik TiumGU. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniia*, (6), 137–140. (Rus).
- Fominykh E.V. (2007). Model of managing the development of a university branch network (by the example of the Tyumen region). *Izvestiia RGPU im. A.I. Gertsena*, (41), 189–195. (Rus).
- Gennep A. van. (1999). *The rites of passage. Systematic study of ritual ceremonies*, Moscow: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN. (Rus).
- Larionovoi M.V., Meshkovoii T.A. (Eds.). (2007). *Analytical report on the Russian higher education*, Moscow: Izdat. dom GU-VShE. (Rus).
- Turner V. (1974). *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*, N. Y.
- Turner V. (1983). *Symbol and ritual*, Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka». (Rus).
- Zamiatina N.Iu. (2014). Social Forest-Tundra: Geographical Mobility as an Element of the Family Trajectories of the Northern Urban Population. *Neprikosnovennyi zapas*, (5), 189–208. (Rus).
- Zamiatina N.Iu., Piliasov A.N. (2013). The Anna Karenina principle: To diversify monocities. *Otechestvennye zapiski*, (3), 284–297. (Rus).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде одного файла Word, озаглавленного по фамилии автора, а также дополнительных файлов с иллюстрациями.

Рукопись должна включать:

а) сведения об авторе (авторах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи (строчными буквами; не используйте заглавные буквы для всего названия);

в) аннотацию, в которой необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы, на русском языке **объемом не более 500 знаков**;

г) ключевые слова;

д) основной текст работы (рекомендуется выделять цель работы; методику или методологию проведения исследований, если присутствует определенная новизна или оригинальность; результаты работы; основные выводы);

е) библиографический список;

ж) при наличии иллюстраций — иллюстрации и подрисуночные подписи на русском и **английском** языках, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями). Иллюстрации высылаются в графических файлах, желательно в векторном формате, в одном слое, с разрешением более 300 dpi;

з) при наличии таблиц — таблицы, представленные без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовки на русском и **английском** языках. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается;

и) список сокращений.

В конце рукописи авторы представляют на английском языке (резюме — на русском и английском языках):

— фамилии, имена авторов;

— место работы авторов (данные об аффилировании авторов author affiliation);

— адрес организации (улица, № дома, город, почтовый индекс);

— e-mail авторов;

— заглавие статьи;

— резюме — **summary (2000–2500 знаков с пробелами)**, с более подробным, чем в аннотации, изложением проблематики, методики, результатов исследования;

— ключевые слова.

Кроме того, в конце рукописи должен быть представлен список литературы («References») в романском алфавите (латинице) в хорошем качестве, с тем чтобы эти ссылки могли быть учтены при цитировании публикаций авторов и журналов. Для этого нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/rics/va>. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для списка «References») редакция отклоняет статью.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС), редколлегия журнала. Между автором (авторами) и гл. редактором журнала «Вестник археологии...» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список, транслитерацию) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 4–5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л.

4. Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей, неадекватным переводом на английский язык не рассматриваются.

5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

6. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

7. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), фотографии, а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т. д.).

В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисуночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

8. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

9. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d** и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.** Кроме того, следует указать doi (при наличии соответствующих данных).

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы нужно придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Агапов М.Г. «Яптик-сити»: В поисках идентичности северного села // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 181–191. doi: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191.

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 4–11. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Квашин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Чукунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

(Необходимо указывать фамилии и инициалы всех авторов монографии; не использовать *и др.* или *et al.*)

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правом берегу р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787. doi: 10.1016/j.crpv.2014.06.004.

10. Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан (с указанием — перед подписью — фамилии, имени и отчества полностью) каждым из авторов.

Плата за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС)

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68.

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru>

E-mail: vestnik.ijos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия
ГАМО — Государственный архив Магаданской области
ГАТ — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ГАТюМО — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДВО РАН — Дальневосточное отделение РАН
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИИА УрО РАН — Институт истории и археологии УрО РАН
ИИАЭ ДВО РАН — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИЯЛИ КФАН СССР — Институт языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
МАЭ СГУ — Музей археологии и этнографии Сыктывкарского государственного университета им. П. Сорокина
- НА — научный архив
НЦ — Научный центр
ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СНРПМ — Специальная научно-реставрационная производственная мастерская
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СЭ — Советская этнография
УИВ — Уральский исторический вестник
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ФИЦ — Федеральный исследовательский центр
ХМАО — Югра — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
ЭО — Этнографическое обозрение
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Сетевое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 1 (44)

2019

Главный редактор
доктор исторических наук А.Н. Багашев

Редактор
Верстка
Художник
Перевод на английский
и редактирование

Е.М. Зах
М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
С.А. Иларионова
Thomas A. Beavitt

*Точка зрения авторов публикуемых материалов не всегда отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статьи журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна*

Подписано в печать 28.03.2019. Уч.-изд. л. 18,1. Объем 19 Mb.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86, тел. (3452) 406-360

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Размещение журнала: <http://www.ipdn.ru>

ISSN 977-2071-0437-05

9 772071 043705

Приспособления для освещения, г. Тара, XVII-XIX вв.:
светцы, щипчики для свечей (железо), корытце-поставец (дерево)

Стеклянная колба на керосиновую лампу из культурного слоя XIX в. г. Тары